

Галина Черная Андрей Олегович Белянин Каникулы оборотней

Профессиональный оборотень – 2

Текст предоставлен издательством «Армада» <http://www.litres.ru>
«Профессиональный оборотень: Профессиональный оборотень. Каникулы оборотней.
Хроники оборотней»: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0088-1

Аннотация

Совершенно невероятная история приключилась одним холодным январским вечером с юной жительницей российского городка N Алиной Сафиной. Так бы и текла ее жизнь привычным чередом: институт, дом, родители, молодежные тусовки, — если бы она умудрилась вовремя свернуть с той злополучной улочки, где и напал на нее кровожадный монстр. Пах! Бах! Меткий выстрел! Мерзкое чудовище убито, и, казалось бы, героиня наша спасена. Но вся беда в том, что монстр успел поцарапать девушку, и теперь ей грозит постепенное обращение в Зверя.

На какие только жертвы не пойдет хорошенькая девушка, чтобы сохранить свежесть и красоту юного личика. Вот и Алина, не раздумывая, принимает предложение своих необычных избавителей: сероглазого командора и... говорящего кота. И вот она полноправный член бесстрашного спецотряда из будущего, в погоне за монстрами весело кочующего по временным параллелям.

**Андрей Белянин, Галина Черная
Каникулы оборотней**

Глава 1

«— Дорогу, дорогу! Немедленно пропустите! Попрошу не путаться под ногами! Вы меня задерживаете! — неестественно громким голосом вопила я.

Какой-то интеллигентный хлюпик в защитной маске, специальном медицинском комбинезоне и резиновых бахилах (на мне был такой же костюмчик) поспешно отскочил в сторону. Два человека, одетых аналогично, попытались загородить мне дорогу. Тут же подоспело еще несколько — охрана у них не дремлет...

— Сейчас же освободите проход! Вы просто не ведаете, что творите! Любое промедление смерти подобно!!! Произойдет мировой катаклизм, мор, чума, землетрясения и вообще все, что угодно, если я немедленно не кастрирую этого сексуального монстра. — Я потрясла клеткой с обалдевшим котом у них перед носом. — А посему либо вы сию же минуту пропустите меня куда следует, либо я снимаю с себя ответственность за все последствия, — замогильным голосом заключила я, пробивая себе локтями путь между опешившими охранниками и лаборантами.

— Чего-чего-чего-о?! — донесся из клетки хриплый от удивления голос Профессора. Судя по тону, он еще не в силах был до конца поверить в услышанное.

— У вас есть пропуск? Вообще-то посторонним сюда нельзя, — заметил один из упакованных сотрудников.

— Я иду по сверхважному делу — кастрировать своего кота! Какой, к чертям собачьим, пропуск? Тем более если это лаборатория „Клон-Смерш корпорейшн“, то есть организация, отвечающая за Национальную Безопасность Планеты, вы сами должны понимать, данная проблема относится именно к вашему ведомству. Оставлять этому коту возможность творить беспредел и дальше — прямая угроза безопасности всего Содружества, — патристичным тоном отчеканила я, не сводя с моего оппонента глаз, просто лучившихся неподкупной честностью. Охранник даже отвел взгляд и, похоже, заколебался.

— Что за ерунда? Неужели он так опасен... Ну, проходите. Может, наши сотрудники и смогут вам чем-то помочь. — Парень подмигнул своим товарищам, дескать, девочка, похоже, больна на голову, но из разряда безобидных дурочек.

Пришлось зарыть свою гордость поглубже и стерпеть. Не пройдет и часа, как этот хам будет плакать и посыпать голову пеплом, ибо...

Я уже завернула за угол и быстрым шагом направлялась к заветной лаборатории, когда кот наконец-то созрел.

— Не-е-ет! Пощадите! Отберите меня у этой сумасшедшей! — надсадно вопил он, вцепившись лапами в прутья клетки для переноски кошек и трясая их изо всех сил. — Она действительно сделает это ради нашей конечной цели! Я законопослушный гражданин и патриот своей страны! Меня нельзя кастрировать. Я свободный кот! Спасите меня!! Спасите!!!»

...Фу! Как этот маленький эгоист меня достал!

Я отложила в сторону авторучку и с наслаждением выгнула спину... Но что поделаешь, мы — в одной команде, и никуда от этого не деться. Наш кот считает себя уникальным, видите ли, потому, что умеет говорить, действительно удостоен профессорского звания, преподавал в университете и является мозговым центром нашей команды (хотя он один так считает. Это тешит его большое самолюбие, поэтому я ему не возражаю, когда он называет себя научным консультантом и генератором идей). А в целом он, конечно, умница, обаятельный толстун с обалденной серо-белой шерстью и неподкупным взглядом.

Еще у нас есть Алекс Орлов, сероглазый красавец-мужчина и настоящий профессионал своего дела. Алекс наш командор. Его отличительная особенность — он полон загадок (говорящий кот в сравнении с ним не представляет из себя ничего таинственного). О командоре даже я мало что знаю, хотя у нас с ним отношения более чем товарищеские. Но это уже личное, любовь-морковь между агентами на Базе не поощряется, но... Простите, отвлеклась на наболевшее. Короче, оба они работают в нашей конторе куда дольше меня.

А я, младший лейтенант, агент Алина Сафина, попала в команду случайно: меня поцарапал монстр, и вместе с охотниками на монстра — моими будущими напарниками —

мы искали вакцину, которая помогла бы мне снова стать человеком. Все закончилось успешно, а меня официально приняли на Базу. Все трое мы — спецотряд по борьбе с монстрами и оборотнями настоящего, прошлого и будущего. А наша База, где мы живем в перерывах между операциями и получаем паек, задания, жалованье и очередные звания, находится в будущем — в мире агента Алекса и агента 013 (или Профессора, Непобедимого Воителя, Стального Котя, Железного Нерва — это как вам больше нравится). Она существует обособленно, находится не в какой-то конкретной стране и даже не на Земле, а на границе между мирами. Конкретней выразиться не могу — служебная тайна! Отмечу лишь, что База действительно находится вне времени и пространства, но возникла она в будущем.

Сейчас я нахожусь в своей комнате. Алекс с котом, живущие за стенкой, режутся в «дурачка». (Алекс, в отличие от меня, не пошел на поводу у Профессора, который раньше признавал только шахматы, обыгрывая меня как котенка.) А я от нечего делать — мы только сегодня вернулись из Швейцарии с последнего задания с условным названием «Дело о паре прыгающих черепов» — снова села за хроники. После того как первая книга о буднях нашего маленького спецотряда, изданная в моем мире, получила положительные отзывы читателей, а гонорар за нее позволил приобрести скромному автору некоторую недвижимость — я легко сообразила, что могу совмещать два дела сразу. Вторую часть хроник я начала с эпизода, сразу раскрывающего характер трудовых будней нашей команды. Тогда мы с котом проникли в секретную лабораторию одной мощнейшей организации, где втайне велись работы над созданием биооружия, использование которого в будущем должно было иметь необратимые последствия для всего человечества. Операция прошла успешно, нужную пробирку я стырила, агент 013 благополучно избежал «страшной участи», а Алекс выловил нас через окно, зависнув на вертолете. При этом Профессор от шока пару раз терял сознание — пришлось откачивать взбалтыванием, а после еще несколько дней он приходил в себя, отпаиваясь валерьянкой.

Однако до ужина осталось всего полчаса, пора предупредить моих ребят, что-то они заигрались. Странно, но на кота это не похоже. С его страстной любовью к еде он никогда не забывает, что в столовую надо заявляться хотя бы минут на сорок раньше положенного времени, иначе может не хватить его любимых блинчиков с абрикосовым вареньем. Синелицкий удавленник, который у нас готовит лучшие блюда и стоит на раздаче, или попросту обленился, или тут сыграли свою роль те два мешка муки, которые он продал с кухни хоббитам через черный ход.

Только я направилась к двери, как она отворилась и в комнату заскочил серый клубок, перекувырнулся через голову и оказался всего лишь агентом 013! За пару секунд я успела повернуть в голове несколько других куда более страшных версий: у нас на Базе всякие встречаются... За ним вошел через силу улыбающийся Алекс, оба в шутовских колпаках с бубенчиками. Тот, что был на коте, красно-черный, мне сразу понравился, и я решила: обязательно его оприходую.

— Поздравляем! — заорал Пушок, и впервые его ухмыляющаяся физиономия не вызвала у меня раздражения. Хотя его необычное поведение настораживало.

— С чем, интересно? — мило улыбаясь, поинтересовалась я. По моим прикидкам в ближайшие дни праздников не ожидалось. Меня, похоже, разыгрывали, о чем можно было судить и по мрачной физиономии командора, который сразу же стянул с себя колпак.

— Как это с чем? — опешил кот, но через секунду его морда вновь озарилась. — Действительно, откуда ты могла знать...

— Конечно, я тут меньше полугода...

— Но с другой стороны, ты на Базе уже почти полгода, а не знаешь, — укоризненно добавил Мурзик, шуточно погрозив мне лапой. — Ну что же ты стоишь, веселись, радуйся! Ведь сегодня день Забавы и Кривлянья, самый популярный праздник нашего времени!!!

В подтверждение своих слов или от избытка чувств агент 013 позволил себе даже пару раз подпрыгнуть на месте. Алекс за его спиной одарил меня выразительным взглядом и с

печальным взором покрутил пальцем у виска, кивнув на кота. Тот, похоже, действительно ошалел. Кувыркающегося и пританцовывающего Профессора увидишь не каждый день. Я лично удостоилась этого в первый раз, поэтому несколько удивилась. Мягко говоря...

— Слушайте, где вы такие шикарные головные уборы раздобыли? — Я постаралась отвлечься от вида блаженно мурлыкающего кота, с совершенно идиотским выражением на физиономии теребящего бубенчики колпака. — Что с ним? — шепотом осведомилась я, быстро отведя Алекса в сторону. — Не те витамины съел? Праздник какой-то выдумал еще.

— Он страшно перенервничал во время последней операции с черепами. Может быть, ты зря так реалистично с этим... ну... кастрированием, — ответил командор. — Главное, сейчас ему не прекословить, а после ужина под каким-нибудь предлогом отведем его к доктору.

Так мы и поступили, хотя кот сразу заподозрил неладное и страшно брыкался. Однако отужинал, как обычно, с отменным аппетитом. Врач, по специальности педиатр (хирург от кота отказался), подтвердил версию Алекса и посоветовал лишний раз Профессора не волновать, но играть с ним почаще и хоть разок сводить в зоопарк.

— Где мы тут зоопарк достанем? — возмутилась я.

— А вы вокруг посмотрите, — съязвил доктор.

— На вас, что ли?!

Я хотела взбелениться, но доктор спокойно продолжал:

— Ребенку... тьфу ты, больному надо развеяться, отдохнуть как следует. Активный отдых и новые впечатления — вот лучшее лекарство, — заключил он и выпроводил нас за дверь.

— Что будем делать? У нас на Базе всех развлечений — телевизор да спортзал. А если он так и не оправится к началу следующей операции? — расстроилась я.

Кот в это время сосредоточенно тряс головой, громко звеня бубенчиками, и при этом придерживал колпак лапами, дабы не слетел. Угу, похоже, этот чудесный головной убор не скоро мне достанется... Добровольно Профессор с ним расставаться не захочет, а отбирать последнюю игрушку у больного — великий грех.

Бедненький котик... Кто же теперь, нацепив очки на нос, будет знакомить нас на общем сборе в библиотеке с материалами нашего следующего задания (обычно хорошо проштудированными нами с Алексом накануне)? Кто мастерски сочинит нам легенды, примерно в том же ключе, что и немая гейша или ортодоксальный еврей с пейсами и пистолетом под уличным фонарем в маленьком российском городке?..

Профессор демонстративно выкинул свой, когда-то любимый, ночной колпак. Спал, не снимая шутовской, крепко зажав в лапе новенькую хлопушку. В целом за вечер он взорвал их штук сорок, продолжая праздновать собственного изобретения праздник — день Забавы и Кривлянья! Похоже, этот праздник действительно существовал в его больном воображении.

Последующие два дня мы робко надеялись, что болезнь отступит, а до начала очередной операции оставалось всего ничего...

— Тирлим бом-бом, тирлим бом-бом, — поневоле повторяла я за агентом 013, который как оголтелый носился по комнате, развешивая по углам елочные шарик. Он уже третий день безостановочно отмечал свой «веселый» праздник. — Фу! Совсем зарапортовалась. — Мне так и не удалось прижечь недовольным взглядом кота, который откровенно мешал нам работать. — Так, на чем мы остановились? Ах да, значит, Ирландия. Место размытое, жители неопознанные, век неопределенный...

— Да ведь это и не совсем реальность. Хотя сказочное и реальное там вполне мирно уживаются, и представители обоих миров вредничают по отношению друг к другу не более, чем позволяет доброе соседство. На границе измерений люди и волшебные существа вынужденно соприкасаются — уж очень все зыбко. В результате, веками сосуществуя рядом, жители одного мира могут значительно влиять на события, происходящие в другом.

Речь Алекса прервал мирный храп Профессора, который, устав праздновать, уснул

прямо под елкой (он уверял, что день Забавы без елки не отмечается, явно с чем-то другим перепутал). Осторожно перенес его на кровать, мы продолжили детальное ознакомление с делом.

— Значит, мы можем встретиться с феями, лепрехунами, красными колпаками и волшебными коняшками, выскакивающими из озер... — заинтересовалась я. Давно мечтала увидеть хоть одно из этих существ.

— Вполне вероятно, но не гарантированно. Может, нам действительно придется с ними пообщаться как со свидетелями, не больше. А может оказаться, что этот Ворон не имеет абсолютно никакого отношения к волшебной стране.

Суть же дела состояла в том, что в долине Шаннона близ деревеньки Мачибадб и окрестных хуторков появился какой-то мистический Ворон, несущий проклятие. Это могли быть и банальные предрассудки, ибо в этих краях (как и во всей Ирландии) к воронам всегда относились с предубеждением. У нас той же чести удостаивались разве что черные кошки. На воронов смотрели как на предвестников несчастья, что несомненно раздражало черных птиц, которые порой были бы рады лишний раз прикормиться у кого-нибудь на заднем дворе. Ан нет, нужно держать колдовскую марку, статус окутанного зловещим ореолом грозного представителя незримого мира, питающегося исключительно свежей человечинкой на поле брани после очередного эпохального побоища между племенем богини Дану с народом Болыг!

Да, нелегко приходилось воронам в Ирландии. Поэтому, может быть, не случайно один из представителей этого пернатого племени решил как следует потрепать нервы окрестным жителям. Из-за чего мы и едем сейчас в эту дивную страну.

В общем, этот черный гад взял обыкновение издеваться над людьми, играя на их суеверии. Подлетает к окошку дома и, высмотрев жильцов (чем больше, тем лучше), начинает тихонько покашливать, но только так, разумеется, чтобы все слышали. Или залетит в окно, с комфортом устроится на подушке хозяйки и задумчиво так начнет каркать... Как будто бы сам с собой, но опять же при людях, чтобы было кому оценить. Плачущие дети, бледный муж, хватающийся за оглоблю, хозяйка в длительном обмороке — веселят его страшно. И конечно же всегда успевает вылететь в окно, прежде чем кто-нибудь успеет дать ему под зад.

А бывает, что, выждав момент, когда жены провожают мужей на дежурную войну, вылетает на дорогу и принимается издевательски кружить над «обреченными». Ну и ближе к вечеру навещает дома уехавших, посидев попеременно у каждого из них на постели, конечно, в присутствии помрачневших родственников. Скажите, лично вам бы это добавило радости?

Но больше всего он любит устраиваться на заборчике с северо-востока от дома. Помнится, при таком положении просто обязаны умереть все представители обреченного семейства, их родственники по обеим линиям, домашние животные и даже овинные мыши.

Все это можно было бы принять за невинные развлечения заскучавшей птицы, если бы страшные приметы не сбывались. У нас на Базе пришли к выводу, что стечением обстоятельств это не назовешь, слишком уж часты совпадения. И скотина дохнет, и люди умирают, и вообще никто еще не избежал страшной участи. К тому же Ворон неуловим! Многие видели, как он при первом же шухере буквально таял в тумане, как ежик. Напуганные пострадавшие считают, что эту напасть наслали на них боги в наказание непонятно за что, но им, богам, виднее... Обращались даже к друидам, чтобы выяснить причины напасти, и те уверенно подтвердили версию местных жителей, после того как провели в дубовой роще торжественный ритуал по опросу богов. Барды всю слагали песни про зловещего вестника гнева высших сил. Везде, где стояли столбы, заборы или деревья, висели листки с «фотороботом» виновника трагедий в полный рост и в профиль. Боясь лишний раз прогневить богов, отчаявшиеся люди, однако, были уверены, что все закончится после поимки Ворона. Якобы его следует примерно наказать (читай — уничтожить!). Народ решился рискнуть. Может, это и не боги, а просто черная магия и Ворон действует сам от

себя? В Ирландии никто не сомневается, что любая птица воронова племени обладает достаточной мощью.

— Ну и история, сплошные темные пятна... Почему это поручают нам? Ведь в Ирландии, как я слышала, работает Темный Патрик, один из наших заслуженных агентов.

— Он уже на пенсии, старик сильно сдал за последние годы. Ему, наверное, уже за девяносто, не меньше, — поморщившись, ответил Алекс.

— Понятненько... Дело интригующее, интересно будет его распутать, — задумчиво пробормотала я. — А что будем делать с котом?

Действительно, задачка была не из легких. По идее, сегодня вечером нам следовало бы отправляться в путь, а Профессор все еще пребывал в состоянии блаженного идиотизма. Алекс только пожал плечами и задумался, а я, воспользовавшись тем, что кот дрыхнет без задних ног, решила примерить его колпак, потихоньку стащив его и развернувшись к зеркалу.

— Оставим здесь. Пусть поправляется. Грех было бы тащить беднягу с собой, — решил наконец командор, пристально глядя в мою сторону. Надеюсь, он откровенно любовался мной. Да это и неудивительно — колпак мне действительно страшно идет! Не буду возвращать колпак Мурзику, он уже наигрался. Пора отучать кота от чувства собственности, оно в нем и так слишком развито.

— Тирлим бом-бом, тирлим бом-бом! Клянусь своим дурацким лбом, что ни в какую Ирландию мы сегодня не поедem, — радостно сообщила я, кривляясь перед зеркалом.

— Гуигнгм, — многозначительно хмыкнул Алекс, от ступора у него не нашлось других слов.

А я испытывала небывалое чувство светящейся эйфории — так безмятежно и радостно вдруг стало на душе. Кот проснулся, разинул пасть, потянулся и удивленно уставился на меня, мгновенно оборвав зевок.

— Что случилось? — самым серьезным тоном обратился он к Алексу. — Пора бы уже брать новое задание и садиться за его изучение, некогда тут веселиться.

Он спрыгнул с кровати, деловито направившись к двери. И такой чинный вид был у этого зануды, что я, не удержавшись, прыснула со смеху. Профессор, как обычно, сразу же оскорбился. Значит, выздоровел. Тогда где же фанфары?!

— Слушай, Алина, сними-ка этот колпак, — почему-то вдруг посерьезнев, велел мне командор.

— Зачем? Давай лучше станцуем джигу! Надо потренироваться, иначе в Ирландии живо раскроют, что мы не местные.

Я показала ему язык и пустилась в пляс по комнате, громко напевая какой-то совершенно неподходящий мотивчик.

— Эх, жалко, волынки нет... Агент 013 нам бы запросто балладу «Смерть и опухоль О'Брайна» сбацал, — посокрушавшись, решила я, хотя с чего вдруг — непонятно.

— Сними его сейчас же! — еще строже велел Алекс, направляясь ко мне с самым серьезным намерением отобрать мой чудесный шутовской колпачок.

— Нет уж, дудки, даже не проси! Ну и смешной же ты сейчас! Прямо Бармалей на выданье... — Я покатила со смеху. Но Алекс не отставал, пришлось натянуть колпак на уши, крепко держа его обеими руками, и пятиться к выходу. Профессор с ненормальным «Мяу-а-ай!» взвился вверх. Возможно, он зазевался и я нечаянно наступила ему на хвост. Или не нечаянно... Короче, его возмущенный вид развеселил меня до невозможности.

— Алина, ты понимаешь, что это за колпак? Он лишает разума всякого, кто его надевает! — на полном серьезе воскликнул Алекс. Что-то в его взгляде говорило, что надо бы ему поверить, но мне снова стало смешно.

— Брось, ей это не грозит. Как можно лишиться того, чего никогда не было, — сердито бросил кот, продолжая усиленно дуть на пострадавший хвост. — Сними колпак, придурочная! Рехнешься ведь...

— Ага, так я вам и поверила!

— Чем дольше ты его носишь, тем сильнее туманится твой мозг, ты перестаешь адекватно воспринимать окружающую действительность. Колпак забирает все большую власть над тобой, твоим сознанием и подчиняет тебя себе с потрохами. Я понимаю, сейчас все выглядит очень весело, но это только первый этап... потом пойдет ломка.

— Ох и бред... Что ты несешь, а? У тебя совсем с головой плохо? — хохоча, осведомилась я.

— С головой хорошо, без головы плохо, — резонно заметил Алекс. — Видишь, тебе все труднее добровольно расстаться с ним.

— А я и не хочу! Ты все это нарочно говоришь, только чтобы им завладеть.

— Но ты же видела, как он действовал на агента 013!

— Никак не действовал! Котик проносил его три дня, и ничего такого с ним не случилось.

— Сравнила! Он кот все-таки, причем уникальный! Хотя и его не мешает проверить перед отъездом, чтобы убедиться, точно ли он в порядке.

— Напарник, ты действительно думаешь, что он волшебный? — тихо ужаснулся кот, указывая на колпак, который все еще, несмотря на все споры, восседал на моей голове.

Нет уж, так легко я с ним не расстанусь, ведь кроме всего прочего его золотые бубенчики так чудно звенят. Вот черт, а ведь все это здорово напоминает небезызвестную беготню с Кольцом. «Власть Шутовского Колпака!» — звучит до смешного глупо. Но не успела я освоить эту мысль, как командор коварно прыгнул на меня, схватил поперек туловища, прижал руки и сорвал мой головной убор.

— Ты что, обалдел? — рассерженно воскликнула я. — Верни сейчас же. Хотя... — тут словно что-то щелкнуло в моем мозгу, — можешь оставить себе. И прекрати обнимать меня на людях! В смысле на котах! Тьфу, в смысле... Займемся мы наконец сегодня делом или нет? Мне уже кажется, что вашими темпами нам никогда не добраться до этой Ирландии!

Агент 013 посмотрел на меня слегка округлившимися глазами.

— До какой еще Ирландии? — удивленно спросил он, и под нашими насмешливыми взглядами окончательно засмутился. — Надо же какую вещь мне всучили в обычном магазине приколов!

Феномен этого колпака (хотя лично я отрицала, что этот феномен вообще существует) пока остался нераскрытым. За отсутствием времени мы не могли сейчас слетать с проверкой в Дрезден конца восемнадцатого века, где, по словам ребят, они и купили колпаки в одном маленьком магазинчике карнавальных костюмов. Тот, что достался Алексу, оказался вполне безобидным, но мне его мерить все равно не дали. Ах, как горько, когда даже в родной команде тебе не доверяют... Пришлось сдать колпак кота в лабораторию.

Пока Профессор знакомился с материалами дела, мы с командором, не теряя времени, отправились за костюмами. Конечно, перед этим обсудили легенды с агентом 013, просто для формальности, чтобы не ущемлять кошачье самолюбие, хотя он еще и не успел вникнуть в суть всего дела. Пушок милостиво утвердил всю программу, что позволило нам с Алексом облегченно перевести дух. Если бы наш умник заартачился, мы бы просто нарушили график. Кот любит неторопливость и основательность, что в армейском режиме Базы недопустимая роскошь.

Поэтому легенда предельно простая. Будем изображать из себя супружескую пару (мы с Алексом, разумеется), Мурзику отводится скромная роль нашего домашнего кота. Этот пункт вызвал у агента 013 легкое недовольство, чего избежать, наверное, было просто невозможно, так уж сильно развито его самомнение. Меня нарядили в крестьянское платье коричневых тонов с широким цветным поясом, сверху толстый вязаный свитер и жилет, а на плечи тяжелая шаль с яркой каймой. Командор красовался в грубых штанах, растоптанных сапогах, домотканой рубаше и стареньком кителе ирландской республиканской армии. Хвостатому герою достался платок на шею, стираный, в клеточку... Медальоны-«переводчики» были у всех, кроме кота — его уровень, как полиглота и специалиста по языкам, вызывал зависть всей Базы.

Алекса зовут Дэниел Мэдден, а меня соответственно Молли Мэдден — просто до примитива. Котика, как обычно, Пушок — он скоро повесится в знак протеста! (К сведению тех, кто захочет взбесить Профессора: назовите его разочек Пушком. Именно поэтому я к нему иначе и не обращаюсь...)

Узнав, что на окраине терроризируемого села сдается внаем домик и клочок земли, шеф разрешил нам воспользоваться случаем. Мы должны были явиться перед сельчанами (и представителями «незримого мира») бедными фермерами, переехавшими из какой-нибудь самой отдаленной провинции, чтобы о нас нельзя было навести справок. Мой «муж» вернулся с военной службы простым солдатом, и на его маленькое наследство, доставшееся от безвременно умершего отца, плюс мое приданое (тоже небольшое) мы и смогли арендовать участок земли.

Перед отправлением я еще успела забежать к нашему начальнику, по личному делу. Он у нас гном, из бывших уголовников, любит шутку и всегда норовит на прощание ободряюще похлопать меня по спине — и тут уж, стало быть, не его вина, что он не дотягивается. Надо было поклянчить насчет отпуска, который мы, безусловно, заслужили. Хотя Алекс с котом так не думали (ох уж мне эта армейская школа!), но я о них позаботилась. И, как обычно, получила отказ — видите ли, года еще не прошло. А жаль, но отступить я все равно не собираюсь и по возвращении пошлю к шефу Алекса с Профессором, и пусть хоть пляшут перед ним, но без положительного ответа не являются. Но самое ужасное, что после нашего отправления Шутовской Колпак каким-то образом вырвался на свободу и начал свое триумфальное шествие по Базе...

* * *

Перенесаясь через пространство (немножко нервирующий процесс, скажу я вам), мы очутились в пелене густого плотного тумана, и только сильно постаравшись, можно было разглядеть зеленую траву или мох в окружности двух метров. Вполне могло случиться, что нас занесло и выбросило где-нибудь посреди болота — так оно, впрочем, и оказалось. Я могла бы порадоваться своей сообразительности, но после пятиминутного пребывания на хлипкой кочке мое лицо выжало лишь тоскливую улыбку.

— И что будем делать? — поинтересовалась я у командора, начиная впадать в панику.

— Почему мы вообще попали в болото? — в тон завопил котик, обхватив всеми четырьмя лапами мою ногу.

Я попыталась высвободиться и столкнуть толстуна с моей кочки — под его тушей островок явно начинал подтапливаться. Алексу повезло больше — у него была кочка на одного, причем большая и высокая. А так как наш продмешок висел у него на плече, то ему незачем было торопиться с обдумыванием этой, похоже, безвыходной ситуации. Мурзику очень хотелось жить, поэтому он держался стойко и ногу мою не выпускал, еще крепче вцепившись в нее своими цепкими коготками.

— «Переходник» забарахлил. Мы не учли, что это не просто пространственно-временной переход, которые мы совершаем обычно. Согласись, нам требовалось попадание в полусказочный мир, а его ведь даже нет на карте.

— Мне кажется, что давно пора отсюда выбраться, друзья мои, — решительно произнес наконец-то взявший себя в лапы кот и, укоризненно посмотрев на меня, добавил: — Девочка моя, не могла бы ты стоять спокойно или, по крайней мере, так сильно не дрыгать ногой? Если, конечно, у тебя не судороги, а то ведь я могу и упасть...

Вот маленький эгоист! Пришлось, стиснув зубы, промолчать — не могла же я сказать, что именно этого и добиваюсь. Время тянулось досадно медленно... С грустью наблюдая за тем, как моя кочка неотвратимо уходит в булькающую топь, я заметила:

— Как тихо кругом.

— Действительно, подозрительная какая-то тишина, — откликнулся мой любимый с соседней кочки, прислушиваясь к оглушительному кваканью лягушек.

— Прыгай отсюда! — не выдержав, приказала я коту. — Из-за твоей тяжести мы проваливаемся.

— Куда прыгать? — справедливо возмутился агент 013, с тоской оглядывая безбрежную, насколько хватало глаз, топь. Туман все не рассеивался, и мы словно плавали в киселе.

— Вон к Алексу давай!

— Я не допрыгну, — взмолился кот. — И вообще, я профессор, а не жаба какая-нибудь по кочкам прыгать!

— У тебя нет выбора, — мрачно изрекла я, жалея, что сама не могу перескочить на командорскую кочку — слишком далеко. — Прыгай, иначе я отправлю тебя до места назначения хорошим пинком.

Но Алекс, тоже будучи собственником, забеспокоился за суверенность своей кочки.

— Алина, ну зачем так грубо? — упрекнул он меня, перебивая шум, поднятый болотными лягушками. — Пусть агент 013 остается у тебя — он действительно так далеко не прыгнет.

— А я могу кинуть его тебе — ты поймашь, если тебе так дорога его неброская шкура! — сердито прикрикнула я, пытаюсь отодрать кота. Но он так вцепился мне в ногу, словно это была его последняя недвижимость, к тому же толстяк слишком тяжел.

Как раз в этот момент вода забурлила, и клочок суши под нашими ногами накрыло с головой. Жаба, все это время сидевшая со мной рядом, с интересом прислушиваясь к нашей перепалке, насмешливо квакнула, погружаясь в родной омут. Мы с котом плюхнулись в мутную жижу, хватаясь друг за друга! Пусик пытался залезть мне на голову, а я — использовать его в качестве надувного матраса, но все это лишь приближало наш общий конец.

— Спасите, помогите, пропадаем!

Кричать было бесполезно, все равно никто не откликнется. Алекс удосужился протянуть нам толстую ветку (оказывается, за его спиной росло дерево, которое мы не разглядели в тумане). Ветка стукала нас с Мурзиком по голове, отчего наше настроение, как вы понимаете, не улучшалось. А руки у обоих были заняты — ведь мы по-прежнему крепко держались друг за друга. Законный вопрос: почему мы до сих пор не утонули? Похоже, дело было в том, что под ногами у меня оказалась твердая почва. Вода едва доходила до пояса...

— Эй, хватит там сидеть, или простуды не боитесь? — наконец поинтересовался Алекс. Голос его слышался не с той стороны, где находилась его родная кочка, а чуточку левее. — Вылезайте скорей, идите сюда, мы, оказывается, застряли у самого берега.

Я пошла на голос, прижимая к груди насквозь промокшего и громко чихающего котика. У него был такой несчастный вид, что во мне поневоле проснулись совесть и сострадание. Боже, как только я могла быть с ним такой резкой и злой?! Однако, как и следовало ожидать, кот оказался таким тяжелым, что остаток пути до берега мне пришлось тащить его волоком за хвост. Кажется, утопающих спасают как-то иначе... не знаю, у меня мало опыта. Короче, наш боевой друг большую часть пути пропахал носом под водой.

Я честно попыталась как-то исправить положение. Положив обмякшее маленькое тело на берег, я сделала Мурзику искусственное дыхание. Через платок, разумеется, что я, дура, с котом целоваться?! Но агент 013 не открывал глаз... Что делать, что делать? Командор ревниво предложил броситьдохлого кота и отправляться на задание. Но я не отступала, чувствуя глубокую вину перед добрым Профессором, ведь самые последние слова в жизни, которые он слышал от меня, были словами упрека. Я продолжала вдыхать в ротик Пусика воздух, надеясь, что его чахлые легкие наконец-то зафункционируют, как вдруг почувствовала, что платка больше нет... Этот озабоченный хитрец украдкой сорвал его, подцепив коготком!

— Кхе, кхе, спасибо за помощь, дорогуша. Я ведь почти захлебнулся, ей-богу! Вовек не забуду твоей доброты. — Он торжественно встал, пожал мне руку и слегка поклонился, после чего деловито велел Алексу свериться с компасом. От такой наглости я чуть не

окосяла, и если кот остался жив, то исключительно благодаря чуду!

Минут через десять мы уже были в пути. Топать в мокрой насквозь юбке — удовольствие ниже среднего, но переодеться не во что. Что я терплю, кто бы знал... Преодолев густые заросли вереска, а потом небольшую рощицу с редкими деревьями карликового типа, мы поднялись на зеленый холм. А там, обойдя кругом маленькое полузасохшее озерцо, вышли прямо к графскому замку, где нам следовало нотариально оформить аренду участка. Какой дурак будет в такую рань принимать у нас арендную плату? А ведь потом надо еще отправляться в деревню, что в миле отсюда (это по разведанным нашей Базы, а им особо доверять не приходится).

Грязные, мокрые, подавленные (кроме Алекса, разумеется!), мы направились к перекидному мосту и только было собрались ступить на его шаткие доски, как дорогу нам перегородил небольшой дряхлый человечек. Сухонький такой дедок, с седыми усами и меланхоличным взглядом, вдобавок косившим куда-то в сторону.

— Приветствую вас, добрые люди! Надеюсь, путь ваш прошел благополучно, — сказал он, глядя на подол моего платья, с которого все еще капала вода.

— Наш путь разве что не был усеян противотанковыми минами, но все остальное было, — язвительно буркнула я, с подозрением оглядывая этого странного типа.

— И мы приветствуем тебя, Темный Патрик! Как там сейчас в горах Доннегола, надеюсь, все хорошо? — неожиданно шагнул вперед Алекс, радостно похлопав старичка по спине.

— Спасибо, друг! Слава богу, пока все спокойно, — отозвался наш собеседник, внимательно кося на орла, пролетающего в небе. И, торжественно поздоровавшись с котиком, добавил: — Я вас уже третий день здесь поджидаю, мой скромный дом к вашим услугам.

— Эй, я не поняла, а что, мы никаких бумаг у графа оформлять уже не будем?

— Господин уехал к родственникам в Уэльс, вернется завтра, если ничто не задержит его в дороге. Так что лучше пока поживите у меня. Законы гостеприимства у нас в Ирландии священные!

— Действительно, это лучший вариант, — тут же поддержал дедушку бережливый кот. — На операцию нам, как обычно, дали три дня, стоит ли входить в расходы, оплачивая месячную аренду земли, которая нам абсолютно не нужна? Другое дело, если бы у нас был хотя бы месяц быстренько засеять и собрать урожай, а потом продать...

Наивный Профессор, похоже, не ведал про целый трудовой сезон между этапами засеять и собрать. Либо так же наивно надеялся, что пахать на участке будем мы с Алексом...

— Все равно непонятно, зачем столько переть до его Доннегольских гор? Нам же потом каждый день бегать туда и обратно. Ведь место действия все-таки деревенька Мачибадб, а она вон, за замком белеется, — справедливо заметила я.

— Это недалеко, вон они за тем холмом мои горы, — махнул рукой Темный Патрик. Взгляд его, как обычно, косил совершенно в другую сторону, похоже, он заметил ковыляющую куропатку.

— Послушайте, так вы, кажется, на пенсии? Чего ж дома-то не сидится? — недоверчиво осведомилась я, опережая протесты командора. Видимо, он хотел, как лучше, но, получив локтем в живот, живо уgomонился.

— Я не могу оставаться безучастным, когда Ирландия в опасности! — с пафосом воскликнул старичок и, опираясь на посох, заковылял по дороге. Пенсионер дунул совсем не в ту сторону, куда указывал вначале. На секунду во мне зародилось подозрение, что он о нас просто забыл... Мы трое настороженно переглянулись.

— Дедушка, а мы правильно идем? — спросила я, глядя на необозримые торфяные пустоши, раскинувшиеся прямо по курсу. Не было даже намека на то, что по этому направлению можно обнаружить горы.

— Ты права, Алина, — согласился Алекс, осторожно поворачивая старика на сто

восемьдесят градусов. Блеск! Этот пень, похоже даже не заметив смены курса, продолжал послушно ковылять вперед.

И часа через два мы действительно оказались у гор. Я устала ругаться — ведь пилить пришлось по всяким буеракам, включая лес, населенный дикими барсуками. Толстые такие и наглые-е-е... Лежит себе какой-нибудь поперек тропинки, а наступишь ему на хвост — сразу норовит тяпнуть за ногу! Кот из опасений за сохранность своего «бесценного» меха перебрался на плечо командору, где благополучно и заснул.

Хижина Темного Патрика оказалась довольно просторной и удобной. Весь день пролетел как-то очень быстро: я отмывалась в деревянной бадье с теплой водой, а мои агенты выясняли у хозяина общую обстановку. Обед, ужин, короткая прогулка по окрестностям — усталость навалилась незаметно и исподтишка. Наверное, поэтому уже часов в девять мы расположились, где кому придется, и тут же провалились в сон. Посреди ночи будто от толчка я приподнялась на своем рваном соломенном матрасе и мутным взглядом уставилась в угол комнаты. Весело потрескивали торфяные брикеты, а у очага уютно расположились разнокалиберные фигуры.

Одной из них был наш кот, а другой... ну, явно не престарелый Патрик и даже не командор. Он мирно спал рядышком со мной у стены (поскольку щели там были большие, я уложила туда Алекса, чтобы мне поменьше дуло. Спина у моего любимого агента широкая и вполне подходит для ширмы).

Так вот, тихо переговариваясь с котом, у очага сидело существо непонятного происхождения с бычьими рогами — довольно крупное, с сильной мускулистой спиной, хвостом и козлиными ногами. «Стоит ли выдавать себя или продолжать притворяться, что сплю? — подумала я. — Может, как раз сейчас наш Профессор совершает выгодную сделку с рогатым, и не стоит ему мешать?» Но любопытство пересилило благие намерения. Пригладив волосы и поправив ночнушку, я встала и направилась к ним.

— Добрый вечер, господа. Надеюсь, не помешала? — учтиво произнесла я, обращаясь преимущественно к незнакомцу и нечаянно наступая агенту 013 на хвост.

Не знаю, с чего кот так взвыл, но гость приветливо обернулся. Несмотря на его улыбку, я в шоке осела на пол там, где стояла, дрожащие ноги отказывались мне служить.

— Кто это?

— Знакомься, Алиночка, это Пак, — с трудом овладев собой, пробурчал наш Профессор. — Узнав, что мы приехали, он зашел познакомиться.

— Ага, премного наслышан о вас от моего приятеля Патрика. Правда, старикан сильно сдал в последнее время, не то что пятьдесят лет назад. Как весело мы, бывало, проводили с ним время, гоняясь за дикими козами по здешним горам, — вспомнило существо, прищелкнув языком. В глазах его мелькнуло мечтательное выражение, а после ностальгического вздоха он посмотрел на меня таким специфично-оценивающим взглядом, словно на ту дикую козу...

Не сводя взгляда с его волосатой груди, я промямлила:

— Простите, но мне казалось, что... э-э... Пак выглядит несколько иначе, если вообще существует. — Последнюю фразу я сказала себе под нос, но он расслышал. Хотя чего тут удивительного, при таких-то крупных ушах...

— А как я должен был выглядеть, скажите на милость? — ни капли не обиделся рогатый дух лесов и полей.

— Ну, мифология приводит несколько описаний вашей внешности, да и ваш род занятий иногда изменчив, — спокойно заметила я. — Самый колоритный образ у Шекспира или еще в «Питере Пэне».

— Не может быть, я слишком скромен по жизни, чтобы моя персона оказалась так популярна в творческих кругах, да еще и вызывала столь противоречивые толки. Однако интерес со стороны такой милой и общительной особы всегда... — застенчивым тоном произнес хитрый развратник. В этот момент его рука с длинными тонкими пальцами ползком пробиравалась по полу, направляясь к моей коленке. Подумав, в целях профилактики

я стукнула по ней сапогом Алекса, валявшимся неподалеку.

— О-оу-у! Понял, понял! — поспешил заверить меня Пак, изо всех сил дуя на пальцы. Действительно, в дальнейшем наша беседа больше не прерывалась подобными недоразумениями. Пока котик где-то бегал (он познакомил нас и сразу куда-то исчез), полуночный гость рассказал мне о прелестях здешней природы и населяющих эту местность существах. На мой взгляд, многие из них представляли собой просто жуть болотную, по счастью, нам так и не довелось с ними встретиться.

К тому времени, когда торф в очаге догорел, мы с лесным духом общались как самые близкие приятели. Пак благополучно прикончил большую часть припасенного хозяином портера, неосмотрительно оставленного в бутылках вдоль стены. Я, разумеется, от спиртного отказалась, потому как при исполнении. Зато щедро поделилась с Паком охотничьими колбасками из моего пайка, что сделало нас друзьями буквально не разлей вода. Уходя, козлоногий гость, чуть пошатываясь на своих копытах, напомнил:

— Послушай, завтра день летнего солнцестояния. Ну, примерно такой же важности праздник, как для людей день святого Патрика. И у нас, так называемых мифических существ, будет своя праздничная вечеринка. В полночь мы традиционно собираемся в моей башне. Прошу обязательно быть! И вас, и ваших товарищей. Патрик вряд ли придет. В последние годы он избегает шумных посиделок. Предпочитает оставаться дома, потягивая спиртное, бедняга сильно к нему пристрастился.

В голосе Пака было столько укоризны, словно бы он сам только что не поглощал портер без передыху два часа кряду. Правда, без видимых последствий для организма. Но разве Пак не должен уметь пить как никто другой?

— Обязательно, — уверила я моего нового знакомого, выпроваживая его за дверь.

— Дорогу вам подскажет любой прохожий, надо только спросить Башню Пака. Так я жду, — добавил мой рогатый приятель и, отгоняя хвостом комаров, скрылся в ночи.

Кот так и не объявился. Остаток ночи я проспала, видя во сне, что все мы наконец получили заслуженный отпуск и махнули на Дикий Запад. Пусик повязал голову узкой лентой, ткнул за ухо орлиное перо и сделал непроницаемо гордую физиономию. Ну типичный индейский вождь из племени ситроэнов или мыловаров! Я даже умилилась, надеюсь, что сон вещий. Просто все эти монстры, демоны, призраки, упыри, с которыми нам приходится иметь дело, уже так достали — хоть увольняйся. Не знаю, как только мои товарищи ухитрились здесь столько проработать (не уточняла сколько, но года три-четыре — не меньше).

Утром я проснулась от приятных запахов. Алекс тут же это заметил, хотя я по привычке продолжала притворяться, что сплю.

— Вставай, вставай, соня, — посоветовал он мне, переворачивая что-то шкварчащее на сковородке. — Я уже успел сходить на речку — здесь недалеко, за утесом, — и наловил к завтраку форели. Ее тут буквально завались, речка просто кишит рыбой! Прямо сама в руки прыгает.

— А-а-а-хоу! — зевнула я, потянулась и начала подниматься. — А где агент 013? Ты его видел?

— Спит еще, — кивнул Алекс на кота. Тот беспробудно дрых, свернувшись трогательным клубочком у моей лежанки. Странно, что я его не заметила сразу. Попробовала пихнуть ногой — не отзывается, наверное, шляется где-нибудь всю ночь, вот и не выспался. Сам виноват. Я пихнула его вторично, не дай бог, завтрак проспится... не простит же потом.

Вообще-то агент 013 испытывал ко мне нежные чувства еще с момента моего появления в команде. И я ворчу только для виду, потому что на самом деле очень люблю нашего котика, хотя, конечно, несколько иной любовью. Увы, даже после третьего пинка кот не встал... Его проблемы!

Наскоро приведя себя в порядок, я присоединилась к аппетитно жующему Алексу и за столом рассказала ему о визите Пака и о его приглашении. А тут и Темный Патрик вернулся,

который с утра пораньше ходил в свою личную друидскую рощицу совершать традиционные ритуалы. Как выяснилось, Патрик подрабатывал местным друидом.

— Работа непыльная, да и прокормиться помогает. Пенсионеру в самый раз. Если кому что надо выпросить у богов, несут мне подарки. Вон торфа гору натащали — на всю зиму хватит, — сообщил он, стаскивая башмаки у порога.

И действительно, у входной двери образовался настоящий завал из торфяных брикетов, но, видимо, старичок пробирался сквозь них, как опытный шахтер Донбасса. Патрик подошел к столу и близоруким взглядом уставился на тарелки. В следующий момент мне показалось, что ветхая крыша наконец выполнила свою давнюю угрозу и рухнула нам на головы. Старичок буквально взвился к потолку и завопил так, что я от испуга попыталась юркнуть под стол — неужели дед с припадками оказался?..

— Форель! Священная форель! Вы поджарили ее и... и съели!!! Проклятие небес на мою голову! В моем доме! — выл он, выкатывая глаза и вырывая остатки волос из подмышек.

— Агент Патрик, что с вами? Объясните толком, в чем дело? — Командор попытался усадить неистовствующего хозяина за стол. — Выпейте воды, успокойтесь и расскажите все по порядку.

Но старик вдруг бурно зарыдал и, покорно плюхнувшись на скамью, уронил голову на стол. Несмотря на все утешения Алекса, он продолжал всхлипывать и хлюпать носом, по-прежнему ничего не объясняя. Я выбралась из-под стола и жалостливо уставилась на несчастного. Может, у него любимый бурундучок поутру откинулся или двоюродная кошка сдохла?

— Вы... вы знаете, то есть хотя бы слышали когда-нибудь... про священную белую форель? — торжественно начал старец, наконец взяв себя в руки. В его глазах застыла обреченность, а по щекам текли слезы.

— Сказку читали, вашу же, ирландскую, — неуверенно припомнила я. — Вроде так и называется — «Белая форель».

Дедок кивнул и потребовал пересказать вкратце, в чем там суть. Когда я закончила, Патрик в отчаянии снова было собрался зарыдать и рвать волосы на ногах, но потом передумал. Вместо этого он взял с моей тарелки рыбий скелет... Форелька, кстати, была очень вкусной — пальчики оближешь. Ну, это и неудивительно — Алекс всегда неплохо готовил... Но старик этого не знал и молча потряс костистыми останками у меня перед носом.

— Неужели это была она самая? — округлила я глаза. Орлов за его спиной уже делал мне знаки не признаваться ни в чем. — То есть та самая, Белая Форель?

— Да! Да, о несчастные! И она священна! Была священна... А теперь горе моему дому! Ведь вы так безжалостно поджарили ее и съели! — вновь решил поубиваться Темный Патрик.

— А что, нам надо было любоваться на нее, что ли? — виновато буркнул Алекс. — У вас река буквально кишит рыбой, которая умирает от старости, а вы предпочитаете верить сказкам. Как мы могли отличить святую от обыкновенной грешницы? На вкус они одинаковые...

К этому времени кот уже втихаря проснулся и, не обращая внимания на нашу перепалку, догрызал хвостик жареной рыбы. Боясь, что у Патрика случится инфаркт, я шепнула Профессору поторопиться с завтраком.

Спустя десять минут после происшедшего мы шли всей компанией к нашей деревеньке Мачибадб. Темный Патрик сначала и видеть нас не хотел, а потом вдруг сам вызвался проводить. Что бы там ни было, он понимал, как щедро местные жители отблагодарят того, кто приведет им избавителей от Ворона. Возраст и шаткое здоровье тут не помеха, энергичный старик был в курсе всех событий и везде успевал урвать свое.

— Там сейчас вдовы готовятся к торжественному шествию к графскому замку, молить господина, чтобы спас от напасти. Бедным людям обратиться за помощью больше не к кому.

Верят, что только бог или граф могут спасти их от злого проклятия, — объяснял нам по дороге наш провожатый.

— Да, народ вскипел до крышки, — мрачно вздохнул кот. — Но мне почему-то кажется, что их господин сейчас сам сидит, заперев все окна и двери, чтобы Ворон, пролетая мимо, ненароком не навестил и его.

Агент 013 сегодня явно был не в духе.

— Кстати, если не секрет, что ты делал сегодня ночью? — особо не церемонясь, осведомилась я.

Но он только раздраженно смахнул с уха назойливую бабочку. Странно, будь он в обычном состоянии, наверняка попытался бы поймать ее для коллекции.

— Я спал, — отрезал кот тоном, не располагающим к дальнейшим расспросам.

По дороге нам попался молодежавый горбун, ростом чуть ли мне не по пояс, в соломенной шляпе с павлиньим пером. А на горбу он нес корзину с такими же шляпами. Это насторожило и навело на мысль, а не занимается ли он кроме плетения шляп еще и отловом павлинов с последующим выдергиванием у них хвостовых перьев. И где только он их находит? Ведь эти птицы, надо думать, большая редкость на болотах Ирландии. Если, конечно, он не охотится на них тайком на территории родного Лондонского королевского птичника.

— Здравствуй, Лисий Хвост, добрый тебе путь, — приветствовал горбуна Темный Патрик. — Кудадвигаешься?

— Как обычно по средам — на рынок в Тьюам.

— Это маленький городок, вон за этими горами, — повернувшись, пояснил наш проводник. — Основной торговый центр в округе. Место сбыта, так сказать, народного кустарного творчества.

Лисий Хвост, мигом поняв, что мы не местные, тут же попытался сбавить нам часть товара:

— Не хотите ли приобрести, господа, на память о Доннеголе и старинной деревне Мачибадб, эти великолепные соломенные шляпы? Эксклюзивные модели! Осталось всего пятьсот штук. Пятнадцать медяков шляпа. Великолепные образчики! Сам себя без ножа режу...

— В другой раз! — решительно прервала я горбуна, отбирая у кота один из «великолепных образчиков», который тот с удовольствием примерял. Лисий Хвост разочарованно вздохнул, впихивая шляпу обратно в корзину.

— Не встречали по дороге разбитную Клаудию Эхерлоу? — решив сменить тему, поинтересовался он с надеждой во взоре. — Она тоже обещалась сегодня пойти на рынок.

— Нет! — дружно рявкнули мы с Алексом. Черт ее знает, кто такая Клаудия Эхерлоу и чем знаменита?! Нам пока вообще ни одна девушка не попадалась, а для особо разбитных я всегда успею подобрать палку.

Поняв, что нам не удастся втохать шляпу, Лисий Хвост совсем понурил голову и, поправив горб, потопал дальше.

Мы продолжили свой путь, но не прошли и полусотни шагов, как из-за поворота вынырнула новая фигура. Сильно припадая на ногу, наперерез нам шла высокая светловолосая девушка. При ближайшем рассмотрении она оказалась очень симпатичной и была бы просто милашкой, если бы не бельмо на глазу. Приятно улыбнувшись нечищеными зубами (Алекс, несмотря на обычное хладнокровие, даже слегка вздрогнул), она радостно защебетала:

— Я иду на рынок в Тьюам! Нынче там распродажа постельного белья. Это твои друзья, Темный Патрик? Очень, очень рада вас видеть, слышали, наверное, какая беда на нас свалилась? Все живут в страхе из-за этого Ворона. Ну, мы договорились с Лисым Хвостом, что пойдем вместе, пока мама не узнала... Но он куда-то запропастился, вы случайно не видели? Тогда я с вами пойду...

— Ну уж нет! — уперлась я, быстренько выложив, что видели, где и когда именно.

Клаудия вытаращила глаза, аж подпрыгнула на месте от радости и рысью припустила в указанном направлении.

Темный Патрик, глядя ей вслед, умильно смахнул несуществующую слезинку:

— Как трогательно! Милые дети, просто зависть берет, глядя на их счастье. Я был бы очень рад оказаться на их месте, чтобы получать пособие по инвалидности. Живи себе спокойненько, не обливаясь потом ради куска хлеба. Можно посвятить кучу времени изучению древних манускриптов или вышиванию трилистников кельтским крестиком.

— Ага, или вязать шарфы размером со взлетно-посадочную полосу! — заметила я замечтавшемуся друиду-самоучке.

Наконец-то мы вышли к деревне. Нашему взору открылись маленькие, ухоженные на вид домики с соломенными крышами, плетеными заборчиками и огородиками, где неизменно выращивался традиционный картофель. Ставни на многих окошках были закрыты.

— Самый действенный способ борьбы с Вороном, — пояснил Темный Патрик. — Не всегда срабатывает, но все же. По крайней мере, хоть отчасти люди отгородились от проклятия.

— А можно еще всю округу заставить пугалами и пулеметными вышками по периметру, — сухо заметил агент 013, поглаживая усы. Сегодня он был, против обыкновения, молчалив, наверное, какие-то думы одолевали его профессорскую голову. — Ворон навещает также и близлежащие хутора. Насколько мне известно, деревни в Ирландии встречаются не так уж часто, для этой страны характерны компактные фермерские хозяйства.

— Да, ты прав, мой хвостатый друг, — благосклонно кивнул старец, искоса глянув на кота. К Мурзику он относился несколько предвзято, ведь раньше ему не приходилось служить проводником у говорящих и трезвомыслящих котов. И правда, как бы я ни язвила и ни подтрунивала над Профессором, главного у него не отнимешь. Да, мой Мурзик, если слегка перефразировать классика: «Ум у тебя государственный, кабы не кот, министром бы был!»

Все чаще встречающиеся прохожие кивали Патрику и, хмуро поглядывая на нас, недоверчиво качали головами. Если кто излишне любопытствовал, наш старик врал, будто мы его дальние родственники — только что поженились и приехали к нему в гости в надежде на подарок. Когда надежды не оправдались, решили остаться у него погостить хотя бы на две недели, чтобы объесть его на все деньги, затраченные на дорогу. По-моему, можно было обойтись и без столь пикантных подробностей, но старичок, похоже, упивался, описывая в деталях наши еврейские замашки. Старого Патрика, как выяснилось, знала вся деревня, а так как в Ирландии семьи многодетные, получалось, что деревня не такая уж и маленькая. Патрик вошел во вкус, и его рассказ обрастал красочными подробностями с каждым новым встречным.

В конце концов оказалось, что я его потерянная дочь, украденная бродячими циркачами в раннем детстве. Теперь вот выросла и отыскала отца, чтобы вытрясти из него те деньги, что он был обязан потратить на меня за все эти годы, но сэкономил благодаря циркачам. А Алекс — мой муж-акробат, приехал, чтобы послужить, благодаря своим габаритам, веским аргументом в деле вытягивания из папаши денег.

Что после этого должны были думать о нас люди? Мы быстренько увели Темного (во всех смыслах) Патрика в сторону и популярно просветили, что с ним сделает кот-профессор, если он и дальше будет портить нам репутацию. Старичок разобиделся и надолго заткнулся, что наконец-то позволило нам с командором и агентом 013 посоветоваться.

Свернув с дороги, чтобы не смущать прохожих видом разглагольствующего Пушка, мы задумались об этом проклятом Вороне. Тот действительно был большим паскудником со своими похабными пророчествами. Особых внешних отличий от обычных воронов (в лице, по крайней мере) у него не было. Тот же изогнутый клюв, бархатистые черные перья, ну, может быть, чуть более наглые зенки...

— Сейчас с помощью этого скользкого типа, — кот смерил уничижающим взглядом нашего провинившегося пенсионера, — попытаемся выяснить хоть что-то у людей, они его знают — значит, разговорятся. Может, всплывут какие-то дельные факты.

— А ночью, если мы действительно попадем к Паку, надо будет навести справки о нашем Вороне среди гостей. Жители волшебного мира наверняка должны знать его — это их ведомство, — логично вывел Алекс и, похлопав меня по плечу, добавил: — Алина, молодец, что добила приглашения. Проникновение в среду мифических существ поможет нам сдвинуться с мертвой точки.

Я зарделась от похвалы, хотя особой заслуги тут не было, это я понимала, что не помешало мне в очередной раз выказать свое превосходство над моими товарищами.

— Вот именно. Я ночь не спала, обрабатывая рогатого гостя, и внесла существенный вклад в общее дело. Вполне может оказаться, что сегодня ночью (благодаря мне) мы узнаем о враге все и нейтрализуем мерзавца. Если, конечно, будем действовать тонко, на что способен не каждый.

Кот фыркнул, прервав мои излияния:

— Посмотрим, милочка. Пока что еще со вчерашнего дня практически наше дело не сдвинулось с места ни на йоту.

Сложив руки на груди, я демонстративно отвернулась. Этот кот слишком много на себя берет. С чего он взял, что может разговаривать со мной в таком тоне? Хоть он и полковник — все равно остается всего лишь толстым кошаром! Пусть образованнее, пусть крупнее обычного кота, но это только от хорошей жизни.

— Ладно, ребята, хватит обижаться. В конце концов, мы знаем друг друга не один день, — примирительно заметил Алекс, понимающе подмигивая мне и обмениваясь заговорщическим взглядом с котом. Надувшись, я повернулась к старику, тот напряженно вглядывался в даль, сложив ладони наподобие окуляров. Сначала я подумала, что он кривляется, но, проследив за его взглядом, заметила вдалеке над дорогой кружащую в воздухе черную точку. Мои агенты тоже смотрели в небо.

— Ворон! Ворон летит! О, небеса, за что нам это проклятие?! Достал уже! — отчаянно вопили деревенские жители, пробегая мимо нас и кидаясь закрывать ставни на окнах. Черная точка стремительно приближалась.

— А зачем они прячутся? Ворон что, и на людей нападает? — удивилась я.

— При случае! — уклончиво выкрикнул старый Патрик, рыбкой нырнув в кусты. Оттуда он стал махать нам руками, страшно выкатывая глаза и проводя ладонью по шее, типа, оставаться на открытом месте смертельно опасно. Пришлось лезть в кусты, чисто из опасений за рассудок бедного пенсионера, и успокаивать несчастного.

— Дедушка, в вашем возрасте вредно так волноваться, — безрезультатно попытался воззвать к его разуму Алекс. — Вам и так жить... не так чтоб долго...

— А может, это и не тот Ворон вовсе... — сощурилась я. Птица все еще кружила на приличном расстоянии, к тому же колючие кусты шиповника в грязной канаве не лучшее место для наблюдения.

— Других тут давно уже нет. Птицы боятся этого Ворона, это его территория, больше ни один из чернокрылых демонов сюда и носа сунуть не посмеет, — убежденно ответил старик, распластавшись на земле и забрасывая себя с головой сухими листьями и мусором.

— Не понимаю, он что — не просто проклятия насылает? — шепотом поинтересовалась я, наклоняясь к горке листьев, где предположительно скрывалась голова Патрика.

— Увы, дочь моя! Похоже, ему стало скучно просто пророчествовать — он свои пророчества еще и исполнять вздумал! Нападает без предупреждения и действует по принципу «одного убью — пятерых покалечу!».

— Наверное, детство было тяжелое, там и надо искать причины его маниакального поведения. Может быть, злые мальчишки разорили родительское гнездо и оборвали птенцу первые перья. Это потрясение со временем и сформировало в нем устойчивую ненависть ко

всему человеческому роду, — вывел кот, не упускавший возможности поучать.

— Тихо, он спускается! — цыкнул на нас командор. — Да-а, довольно крупненький экземпляр.

Ворон по-хозяйски расхаживал по опустевшей улице. Лучший обзор был у кота, но ему нельзя было позволить раскрыться раньше времени. Агент 013 еле успел юркнуть в кусты — хорошо, я ему помогла, с силой дернув к себе за задние лапы. Птица резко развернулась нашу сторону. Мы затаились. Ворон обвел прищуренным взглядом кусты, печально вздохнул, резко взмахнул двухметровыми крыльями и улетел. Я недоуменно взглянула на Орлова — в чем же смысл визита?

Минут через пять люди начали выходить из домов, а мы, выкопав Темного Патрика из листьев, пошли к Шамасу-а-Снейду, деревенскому пастуху. Парень жил на окраине деревушки со своей старой матерью, которая приходилась родной сестрой нашему друиду, а Шамас соответственно племянником. Цель похода — неопределенная, дедок уверял, что только там мы узнаем правду. Какую правду? С чего? зачем? почему? — одни вопросы...

Это жилище явно было самым бедным в деревне. Покосившийся домик с проплешинами на крыше — чахлая белая коровенка хозяев добралась-таки до соломы, торчащей из дырявой кровли. Нас встретил худой долговязый парень с растрепанными волосами, в вязаном свитере и безрукавке с вышитым орнаментом, штанишки неновые и традиционные, полосатые чулки с деревянными башмаками.

— Здорово, дядя! — прогремел он неожиданным для его хлипкого тела басом и вопрошающе уставился на нас.

— Это мои друзья, Шамсик. А ты иди, отвори ставни и позови мать, дело есть, — велел ему старичок, кивая нам, чтобы входили.

— Мог бы хоть с девушкой познакомиться, — проворчал Шамас и, ковыряя в носу, прошел мимо нас открывать окна.

Внутреннее убранство дома было еще скромнее, чем снаружи. Все в деревянно-холщово-соломенном стиле. Очаг, стол посередине, лавка и пара табуреток. У перегородки лежанка, за ней — другая. Оттуда вышла пожилая женщина, бедно, но опрятно одетая, приветливо улыбнулась и пригласила нас к столу выпить молока. Патрик намекнул, что мы нуждаемся в информации. Нет проблем — больше часа нас грузили пестрым рассказом о местном пернатом кровопийце и божьем наказании — Черном Вороне. Котик хмуро смотрел в сторону, делая вид, что он просто кот. К своему блюдецку в углу на полу он даже не притронулся. Его слабый желудок не переваривал молока с детства. Чем я, грешным делом, и пользовалась пару раз, когда очень требовалось отвязаться от хвостатого зазнайки...

Местные жители действительно сегодня поутру собирались устроить шествие к замку графа, но вовремя сообразили, что смысла в этом мало. Судя по всему, на здешних людей появление Ворона производит примерно то же впечатление, что на нас оголенный электрокабель рядом с обугленным телом охотника за цветным ломом.

Обращение к служителям культа тоже не дало результатов. Ни один священник не хочет приезжать в деревушку, зная, что Ворон частенько сюда наведывается. Местный пастырь скончался от разрыва сердца при первом же появлении пернатого предсказателя, тем самым послужив живым (а теперь уже мертвым) доказательством того, что приметы все-таки сбываются.¹ Слух разнесся по всей округе с молниеносной скоростью, и теперь жители деревеньки Мачибадб венчались и отпевали покойников в церкви соседнего хутора, километрах в двухстах от родного прихода.

Здесь было над чем поразмыслить, хотя какую-то особенную «правду», я, признаться, не разглядела. Попрошавшись с доброй женщиной, мы поблагодарили ее за хлеб-соль (точнее, за парное молоко).

¹ Как известно, появление в деревне черной каркающей (или безмолвствующей) птицы означает скоропостижную смерть католического священника. Почему именно католического? Наверное, потому, что в Ирландии их большинство.

— Спасибо Резвушке, кормилица наша. — Хозяйка обняла тощую коровенку непонятно какой масти, настолько флегматичную, что разве одному богу было известно, за что она получила такое имя. Она не сводила глаз с крыши, уже облысевшей за тот час, что мы провели в доме.

— Вспомнить страшно, как однажды мы чуть не потеряли нашу красавицу...

С красавицы упал очередной клочок шерсти и выпала пара зубов, для которых солома оказалась слишком твердой, а ее хозяйка, видимо, собиралась рассказать нам эту историю в подробностях.

— Э-э... нет, сестра, в другой раз как-нибудь, обязательно, на досуге, — уперся старик, подталкивая меня в спину, поскольку у меня на лице читалось живейшее любопытство. — Мы спешим!

— Куда?

— Этот бред она пересказывает уже в сотый раз! — яростно переключился Патрик на командора.

— Ну и что? Я ведь еще не слышала, — как дура, надулась я. Кот меня поддержал, заступившись (по крайней мере, вначале мне так показалось).

— Оставьте ее! — тихо, но твердо сказал он, так чтобы сестра Патрика его не услышала. Он все-таки косил под нормального, то есть не говорящего, кота. — Если ей любопытно, пусть останется, догонит по дороге. У нас с напарником нет времени задерживаться здесь дольше необходимого. Надеюсь, рассказ о Резвушке имеет хоть какое-то касательство к Ворону. До встречи, Алина! И смотри, осторожнее, когда будешь одна переходить через болото.

Я возмущенно раскрыла рот, но кот с Алексом были уже за воротами. Предатели! Ну я их проучу, они у меня попляшут! А Алекс?! От него-то я меньше всего ожидала такого поворота спиной. И это после всего, что между нами было, есть и еще будет?! Пошел на поводу у этого толстого самоучки, бесхребетник!

Я с улыбкой повернулась к хозяйке. Та, мгновенно настроившись на публику, начала:

— Да, это случилось чуть больше года или чуть меньше месяца назад. Шамсик мой как обычно на рассвете погнал нашу дорогую Резвушечку вместе с еще двумя соседскими коровами и одним старым козлом высоко в горы. Я велела Шамсику по дороге нарвать укропа к супу, но этот обалдуй, вместо того чтобы слушать мать, нарвал совсем других трав, какие они с этим козлом, усевшись под деревом, и скурили.

— С каким козлом? — Я представила себе сидящего под деревом бородатого козла с трубкой во рту и пасущихся неподалеку трех коров.

— Да с братцем моим, этим старым хрычом Патриком! Все время сбивает с пути истинного бедного Шамсика. А сынок-то мой и сам умом недалек, потому ему много ли надо, чтобы оступиться и перестать слушать мать, которая ему все время твердит: не кури на работе! Только начнет и враз разучивается считать до трех, а в этот момент одну корову у него кто-то и увел. Их-то всего три оставалось! Ведь говорила: «Ходить тебе снова битым, сынок». И слова мои каждый раз сбываются! Ни разу еще не было, чтобы не сбылись...

«Надо думать», — ответила я про себя, а вслух заметила, устав от предисловий:

— Так вашу Резвушку и стырили, как я понимаю...

— Да, доченька! Украли нашу кормилицу, пропала она, а эти двое, вернувшись, наплели мне историю, что утащили ее зеленые человечки, спустившиеся с неба на глиняной тарелке.

— Неужто даже не фаянсовой? — ошеломленно выпучила я глаза, пожалев про себя, что сейчас не хлупаю по болоту со своими агентами, а стою и слушаю всю эту белиберду.

— Палками я погнала этих олухов, и старого и молодого, из дома, чтобы без нашей коровушки не возвращались, — эмоционально продолжала женщина. — Тогда я их, к своей радости, долго не видела. Шамсик жил у Патрика, помогал старому дурню в его языческих обрядах в дубовой роще. Люди мне передавали, что парень мой совсем загордился, ходит гоголем и именует себя не иначе как будущим друидом, за руку ни с кем не здоровается и от

мяса отказывается, хоть и не было такого, чтобы ему предложили хоть кусочек.

Резвушка глубокомысленно кивала головой, ничего не подтверждая и не опровергая.

— Но не прошло и недели или месяца, как Шамсик, повздорив с беспутным дядей, вернулся домой. Вот и вся история, — закончила сельчанка.

— А при чем тут корова? То есть я хотела спросить, как же она тогда нашлась?

— Так на второй день она сама и вернулась. Как ни странно, даже цыгане на нее не польстились.

На самом деле в этом не было ничего странного. Животное выглядело так, что наверняка являлось прародительницей всех коров, живущих на земле, ни один цыган таким антиквариатом не заинтересуется.

— Наверное, сама сбежала от воров, чтобы вернуться к своим добрым хозяевам. Ах ты моя лапушка!

Скопировав коровье выражение лица, я только-только собралась уходить, как в воротах столкнулась с Шамасом, который, возбужденно дрожа, оповестил нас:

— Там Лисий Хвост рассказывает всем об эльфах. Он их видел! В самом деле видел. Говорит, когда шел на рынок, они с Клаудией попали прямо внутрь Нокграфтонского холма. Ну и дела! Пошли скорей, мам, а то пропустим самое интересное.

— Да где он?

— В харчевне у Дика Эхерлоу! О, забыл о самом главном, эльфы избавили его от горба. Ей-богу, сам видел!

Шамас-а-Снейд смущенно покосился на меня и дунул обратно в ворота. Его мама бросилась следом, схватив меня за руку и волоча за собой:

— Неужели он и впрямь без горба? Станный, наверное, у него теперь вид... Не могу поверить. Это нельзя пропустить, даже если Шамсик соврал. Обожаю слушать про эльфов! Говорят, один наш священник даже написал книгу «Эльфийские хроники». Только папа римский, прознав об этом, лишил его сана. Пришлось ему, махнув рукой на жизнь, без соли съесть все, что написал.

— Можно было и сжечь на худой конец, — пробормотала я, — зачем же портить желудок? Мазохист какой-то...

Мы направились к дальнему дому, во двор которого, похоже, разом протиснулась вся деревня, судя по разломанному забору и висящим на одной петле воротам. В одной-единственной комнате было не продохнуть от столпившегося народа. Когда мы протиснулись вперед (мы обе хорошо умели работать локтями), нашим взглядам открылся стол, за которым сидели Лисий Хвост и Клаудия.

Оба счастливые по уши! Хвост и вправду был без горба. А что изменилось в Клаудии, я не сразу поняла, только потом заметила, что оба глаза у нее нормальные. Бельмо исчезло напрочь! Лисий Хвост, заметив меня, подмигнул и продолжил свой рассказ:

— Так вот, присев на камень как раз у Нокграфтонского холма, у самого его подножия, мы с Клаудией стали подсчитывать будущую прибыль с проданных шляп. Должен заметить, что торговля сейчас так себе, на редкость неудачная...

— Если судить по его словам, у него хорошая торговля была только раз в детстве, когда он продал соседскому мальчишке ржавый рыболовный крючок за медный грош, — шепотом прокомментировала моя провожатая. — Правда, тот мальчишка потом его сильно поколотил, убедившись, что остался в дураках.

— Только мы подвели общий баланс, как слышим, такой вой поднялся, хоть башкой об валун бейся, чтобы как-то отвлечься и не слышать этот душераздирающий ор!

— Так вой или ор? — заметил кто-то из присутствующих.

— Думаю, там было что-то среднее — это и словами-то не передашь, — невозмутимо продолжил бывший горбун. — Мы с Клаудией, зажав уши, бросились было уже бежать. Я еще закричал: «Заткнитесь вы, полоумные придурки!», хоть и не знал, кто это такой шум поднял...

Вдруг видим, стоят в рядочек долговязые белобрысые парни с луками на изготовку и в

нас целят! В тот же момент словно какая-то неведомая сила погнала меня с Клаудией прямо к Нокграфтонскому холму. Да еще эти лучники вслед отпускали шуточки насчет моего горба и кричали, чтобы поторапливался. Потом мы каким-то чудом ни с того ни с сего очутились прямо внутри!

— Внутри чего? — опять спросил кто-то.

— Да внутри холма же! Хотя помнится, что падали мы в сливной колодец. Это продолжалось довольно долго и с запахом таким неприятным... Наконец мы очутились в большом прекрасном зале.

— Ага, и все там было из золота и серебра, а стены усыпаны драгоценными камнями, — подхватила Клаудия. — А что за народ там был расчудесный! Красивые высокие воины в богатых одеждах и с сияющими мечами на перевязи. — Она хмуро покосилась на скромного Хвоста, видимо сравнивая, тот явно не выдерживал конкуренции. — А король-то ихний краше всех, тут же сбежал с трона и подскочил к нам. Правда, глаза его метали молнии, а брови хмурились так уж недобро. «Да как вы посмели! — вскричал он и топнул ногой, отчего все его подданные вокруг затряслись от страха, а уж мы-то с Лисий Хвостом и подавно. — Не слишком ли самоуверенны, смертные, что дерзнули прервать наш концерт?!» «Д-д-да, вы правы, милорд, как скажете, милорд», — залепетал Лисий Хвост, проверяя, не растерял ли он шляпы по дороге. А я уж и слова сказать не могла, просто зуб на зуб не попадал, так испугалась — ведь эльфийский король мог тогда сделать с нами что угодно.

— Ну и как вы выкрутились? — нетерпеливо выкрикнули из толпы.

— Да мы ж им шляпы-то и запродали! Павлиньи перья везде цену имеют, даже у эльфов. Ну а в благодарность за фасон они нас избавили от внешних, так сказать, недостатков. — Лисий Хвост удовлетворенно почесал спину, в очередной раз удостоверившись, что горб не вернулся на место.

«Странные у них, у эльфов, запросы... Про вкус вообще молчу», — заметила я про себя и вдруг, случайно глянув под ноги, увидела Мурзика. Совершенно внаглую, не обращая ни на кого ни малейшего внимания, он с задумчивым выражением на морде что-то конспектировал в крохотную записную книжечку. Знали бы вы, к чему это потом приведет... Поискав глазами Алекса, я обнаружила его у дальней стены, рядом с какой-то предприимчивой девицей, которая, не умолкая, охмуряла моего командора. А тот благосклонно внимал, чему-то довольно улыбаясь. Так, пора его отсюда уводить.

Поспешно попрощавшись с матерью Шамаса и кивнув самому пастушку, я пробилась к Алексу. С суровым видом, молча я взяла его под руку и решительно вытолкала на улицу, пропустив мимо ушей возмущенные выкрики брошенной красавицы.

— Я думала, вы занимаетесь делом!

— Ну-у, рассказ про эльфов очень поучителен...

— За это время вы были обязаны раскопать всю информацию насчет нашего пернатого объекта, а при случае и его самого поймать и повязать в охапку! — все больше распалялась я, так что, когда подоспели Темный Патрик и кот, им тоже досталось — для порядку.

— Нигде мы не шлелись... Прошлись по окраине, проверили топкость болота и вернулись. Просто пожалели тебя, — ответил за всех надутый Профессор, — понятно, что ты, деточка, погибнешь в болоте без нас. В доме никого не было, корова одна у крылечка, и та безмозглая... Мы логично рассудили, что тебя, как обычно, надо искать там, где наблюдается максимальное скопление народа. Ну все, довольно, нечего время терять. Пойдем к самому Ворону.

— О! Так вам удалось все-таки что-то выяснить, хитрюги... — Я была заинтригована заявлением Пушистика и потому, закончив пустые препирательства, резво прыгнула вслед за агентами, периодически забегая вперед и донимая расспросами дедушку. Алекса я будто не замечала. Пусть помучается угрызениями совести, предатель несчастный... Жаль, что он этого не понял, с серьезным видом совещаясь с котом чуть в сторонке.

— Пак, мой добрый приятель, говорил мне, что Ворон живет в ущелье. Там его гнездо

и дуб Судьбы, с которого он обозревает наши земли, — скромно признался Патрик.

— Так они с птичкой знакомы? — удивилась я. Как это мне не пришло в голову сразу же расспросить Пака о цели нашей охоты? Наверное, из-за того, что он полез обниматься...

— Знакомы, конечно, но шапочно. Пак дружит лишь с теми, с кем пьет... Потому и понятия не имеет, зачем Ворон насылает проклятия. Я вас туда провожу, а сам подожду на камушке, у склона горы. Ущелье-то как раз там за лесочком и находится. Это агенты твои настояли, хотя я и был против того, чтобы...

— Не переживай, мы его ненадолго упустили, — подтвердил слова старичка командор, примирительно улыбаясь. Ладно, проехали и забыли. Когда Алекс так улыбается, я не могу на него злиться. — Можно, конечно, было бы сбить его камнем над деревенской площадью, но... ты ведь не любишь радикальных мер? Значит, стоит хотя бы попытаться по-человечески войти с ним в контакт.

— Ага, один шанс из ста, что он не выключит оптимистичному контактеру глаз, а спутникам не настучит по голове в придачу, — серьезно покивала я. — Сейчас-то как будем действовать? Надеюсь, хотя бы палку покрепче по дороге подберем? Один меч на троих — особо не намашешься...

— Надо три палки, — подумав, сообщил кот. — Пусть дед тоже вносит лепту в общее дело...

— Вообще, мысль хорошая. Если скопом навалимся на злодея и, не дав ему опомниться, дружно грянем бить дубиной — справимся уже к вечеру!

Мне так понравилась эта идея, что я уже собиралась заставить Алекса выкорчевать приглянувшееся крепкое молодое деревце у дороги. Хотя, если подумать, махать таким бревном — только пупок надрывать... Зато пернатый враг будет прибит с одного удара. И скорее всего — насмерть!

— Нет, нам надо еще разобраться в причинах и следствиях. Здесь не все так просто, как в Японии с летающими головами. Те охотились ради пропитания, изменить их психику было невозможно. А тут нечто иное, и что именно — пока очень смутно вырисовывается. Попробуем поговорить по душам, а там посмотрим...

— И кто же попытается с ним заговорить, если вообще птица окажется дома? — поинтересовалась я. Вопрос риторический, я сама догадалась, кто именно будет послом.

— Ты, конечно, — хором ответили Алекс и кот.

— А мы подождем тебя у склона. Там есть где укрыться, если Ворон начнет буйствовать, — абсолютно спокойно заявил кот, но нотка удовлетворения, естественно, в голосе проскальзывала. Маленький, хвостатый негодяй! И за что я его люблю?!

Взамен я одарила ненавидящим взглядом командора, но тот даже не покраснел и убежденно сказал:

— Слушай, ну у кого из нас еще так подвешен язык?

Я хотела кивнуть на кота и даже, подняв его за шкурку, ткнуть прямо в лицо Алексу как конкретное вещественное доказательство, но Алекс поспешно продолжил:

— К тому же у тебя большой опыт общения с особо опасными преступниками! Ты производишь на них просто магнетическое воздействие. Жеводанский оборотень, ангьяк, утбурд, упыри, шотландские привидения — вот далеко не полный перечень тех, кто попал под гипноз твоего неотразимого обаяния! Но хватит слов, ближе к делу...

С этими словами он втолкнул меня в расщелину между большими валунами, к которым мы приблизились пару секунд назад. Обернувшись, я не увидела ни одного из моих спутников, наверное, они удрали в безопасное укрытие. Ну что ж, мои преданные друзья, придется вам в очередной раз преподать урок высокого профессионализма. Вперед! Как тонкий психолог, я всегда найду подход к любому, даже самому закоснелому в преступлениях разуму.

На нетвердых от страха ногах я храбро пошла вперед, глядя преимущественно вверх, чтобы Ворон не застал меня врасплох, и в знак мирных намерений помахивая сорванной по дороге веточкой с редкими листиками. Это вряд ли, конечно, защитит меня от стальных

когтей разъяренной птицы, но парламентаров не убивают. По крайней мере, сразу...

Гнетущая тишина резала уши. Такая тишь всегда что-то предвещает. На этот раз она предвещала скорую встречу с Вороном, птицей, овеванной мистикой, зловещими предзнаменованиями и ореолом таинственности. Приметы не обманули... За поворотом я столкнулась с этим кошмаром нос к носу! Ворон сгорбившись сидел на ветке невысокого, давно засохшего среди камней дуба, грозно уставившись на меня. От неожиданности я споткнулась, заскользила по щебню, кое-как удержалась на ногах и дальше, естественно, не пошла. Громадная птица злобно сощурилась, угрожающе распахнула двадцатисантиметровый клюв и... Сухая ветка под Вороном треснула, и тот, округлив глаза, камнем брякнулся вниз, даже не успев взмахнуть крыльями.

— Ай-й-й, болно как, мама-а... Нэ видишь, минэ савсэм плохо?! Зачэм сюда пришла, сымияться будэш, да? — плаксиво выкрикнул Ворон, сидя на хвосте, ножки в стороны. Фиолетовые глаза подозрительно увлажнились. Похоже, птица была на грани нервного срыва. И акцент ее, какой-то явно не местный, не ирландский какой-то... настораживал. Да, не такого птенчика я ожидала тут встретить.

— Вэк. — У меня в голове все перемешалось. — Здравствуйте, господин Ворон. Как поживаете?

— Гаварю же, савсэм плохо! Сама нэ видишь, да?

Ворон кряхтя поднялся с земли, отряхивая перья от пыли. С его физиономии по-прежнему не сходило печальное, прямо-таки убитое выражение.

— Савсэм дадали, глупый люди! Зарэжу всэх кагда-нибудь! — угрожающе каркнул он, едва не плача.

— Н-ну, ну зачем же сразу так кардинально? — пролепетала я, уже жалея, что согласилась на встречу с таким эмоциональным... джигитом?! Ой, е-мое...

— Это я нэ о тебе гаварю, кэр-расавица, — печально констатировал черноклювый субъект. — Ай-й! Что дэлать, что дэлать, нэ знаю! Дамой хачу, в родные горы хачу! Там тэпло, виноград растет, «Киндзмараули» рекой льется. Это вино такой... Нэ заклинаний! Глупый народ тут думает, я колдую, когда гаварю: «Хванчкара», «Саперави», «Аурели». Я нэ колдую, я па сваэй родинэ тоскую! Тоскую весь!

— Так, значит, ты не местный, а мы-то думали, что ирландец, — сочувственно констатировала я, присаживаясь рядом с опечаленной птицей.

Тот сразу приосанился, несколько приободрился и, выпятив грудь, с любопытством уставился на меня.

— Нэт, я грузын! Это далэко отсюда, на югэ, у теплаго моря. Мая любимая Грузыя! Хотя, канэчно, радылся я здэсь.

— Ничего не понимаю. Запуталась вконец. Может, объяснишь толком? — потеряв ориентацию, сбилась я.

— Ай-й, добрыя дэвочка! До тебя еще никого нэ интэрэсовало — чито я, гидэ я?! — Птица растроганно пожала мне руку своим вороновым крылом. — Всэ кидаются врассыпную, когда я пытаюсь пагаварыть с ними о мозэй Грузыи и нэсчастной судьбе бэдного Гиви! Это я — Гиви, — с достоинством представился он. — А они все уже убегают. Вах! Чито за люди, нэ панымаю! У нас в Грузыи люди нэ такой глупый!

— Ну... тут у них менталитет такой, ничего не поделаешь. К тому же ты ворон, и с тобой здесь связано большинство поверий с крайне несчастливый для обывателя концом. Темная, средневековая Европа, понимаешь, и этим все сказано, — авторитетно хмыкнула я. — Так, значит, ты все-таки родился в Ирландии...

— Да, в этих горах! Но савсэм юным птэнцом мэня увэзли отсюда воины на грэческом корабле «Арго». Так на нем было написано — с дэтства я хорошо умел читать, — не без гордости пояснил Гиви. — Слушая их разговоры, я понял, чито в Ирландию они папали, напившись вина и сбывшись с курса. Аплыли эты воины в Колхиду, благословенный край, чито стал минэ второй родыной. Чито за край, вах! Лучше его нэ видел никогда! Да и нэ увижу, уже савсэм мало мнэ жить осталось...

— Неужели?

— Ага, лэт двэсти, нэ больше. Вот и прилэтел умирэть на родынэ предков. Гидэ я родылся, гидэ моя мама и моя папа жили. Потом еще, нэспокойно на Кавказэ сэйчас, стрэляют... Но все равно дамой хачу. Вах!

Еще больше расстроенный воспоминаниями Ворон поднял высоко клюв, полный решимости не прекословить судьбе и не изменять принятому когда-то решению.

— В дэрэвню прилэтаю — всэ разбэгаются, а я вэдь только хачу пагаварить с кэм-ныбудь, плохо одному. Они мэня нэнавидят! Су-э-ве-рий! Савсэм темный народ, — сокрушенно покачал он головой.

— И что, ты никому, извини за вопрос, не выклевывал глаза?

Это надо было выяснить, потому что имевшиеся у нас сведения о неуправляемом черном преследователе с маниякальными привычками, слуге Рока, а может, и самого дьявола, как-то не сочетались у меня в голове с образом мягкого, где-то порывистого, но в целом доброго и несчастного существа, которое я видела сейчас перед собой.

— Я?! Выклевывал глаза?! Какой гадость! Кылянусь, нэт! Я сэбэ шашлык иногда жарю из кролыков. А сырого мяса нэ ем! Зачем так говоришь, я нэ людаэд, генацвале!

— Но в деревне утверждают...

— Ай-й! Вспомныл. Одын раз я в полэ летал, кролика хотел. А тут какой-то джигит на коне куда-то мэдленно ехал, увидел мэня, закрычал и коня начал подстегивать. Как можно так животное обижать?! Тот его и скинул в кусты. А гэлупый джигит вскочил на ноги и, закрывая рукой глаз, дамой пабэжал. Нэ оглядываясь бэжал, мэня ругал... За что? Навэрно, сам глаз паврэдыл, — пожав плечами, спокойно заключил Гиви. — Слушай, дэвушка красивая, а как тэбя зовут?

— Алина, — ответила я, убирая руку, которую Гиви уже начал потихоньку поглаживать. Потом вкратце поведала ему о нашем спецотряде и миссии, которую мы здесь выполняем. В процессе рассказа мне постоянно приходилось пересаживаться от него подальше, чтобы остудить пыл и призвать к вниманию. В конце концов он перестал отвлекаться и, поразмыслив, решил, что очень тронут нашими благими намерениями, рассыпался в благодарностях, уверил в том, что искренне желает посодействовать, а потому с радостью сделает все, что от него потребуется.

— Мне тут надо посоветаться с моими товарищами, пойдем, я тебя познакомлю.

— Я сразу понял, что ты нэ мэстная! Ни одна дэвушка здэсь дэжэ близко к маему ущелью нэ падхадила, а гаварить с бедным Гиви точно бы нэ стала, — сделал признание Ворон.

Я поднялась и, разгладив подол платья, пошла к выходу из ущелья, где так мило провела время с необычным собеседником. Ворон летел чуть впереди, то и дело оглядываясь и рассказывая анекдоты о кавказцах. Похоже, он окончательно воспрянул духом. Честно говоря, просто не терпится увидеть лица Мурзика и командора, когда они поймут, что я с нашим объектом уже состою в самых приятельских отношениях. А Патрик, темная душонка, вообще в обморок упадет. Он же сын своего времени, хоть и бывший агент нашей Базы.

Мои предвкушения оправдались только наполовину: Темный Патрик, увидев Ворона, тут же потерял сознание, но перед этим из предосторожности спрятался за валуном, а мои напарники с довольными улыбками на наглых лицах вышли нам навстречу.

— Алиночка, деточка, познакомь нас, пожалуйста, с твоим новым другом, — елеиным голосом промурлыкал Профессор.

— Вах! Кот разговарывает! — Вытаращила глаза говорящая птица.

— Так же, как и ты, — поспешила я заметить, зная, что Пушистик разобидится в дым. — Это Алекс и агент 013, мои добрые товарищи. — Я смерила обоих недобрым взглядом. — Это Гиви, именно его мы так старательно разыскивали. Гиви, а вон там за большим валуном лежит Темный Патрик, весьма достойный старик, правда немного трус, скандалист и скряга.

Ворон сердечно поздоровался с котом и Алексом, после чего я вкратце передала

агентам поистине необычайную историю жизни этой птицы. Командор задумался.

— Тут только один выход. Тебе, Гиви, надо срочно улетать домой, в Грузию. Здешние люди никогда к тебе не привыкнут, а пророчества будут исполняться как миленькие. Стоит тебе только вылететь на прогулку, и каждый, кто повстречает тебя на пути, сочтет это за дурное предзнаменование. К тому же сельчан нервирует отсутствие священника (который не появится, пока ты здесь), и это тоже очень сильно способствует их вынужденной агрессии. Сейчас они особенно подвержены действию заклятий, потому что сами в них и верят. Боюсь, люди все так же будут продолжать умирать.

— Гиви, ты же не желаешь зла местным жителям?

— Вах! Нэт канэшно!

— Я понимаю, ты не особо с ними ладишь, да и они тебя, прямо скажем, терпеть не могут, но это лишь еще один повод срочно переезжать отсюда. В этом я полностью согласна с агентом Алексом. И двести лет, поверь мне, немалый срок для жизни, — стараясь быть убедительной, поддержала я.

— Но нэ для Ворона! — с горьким пафосом заметила птица. Гиви обидчиво вскинул клюв, по-видимому решив, что мы его не понимаем и даже не пытаемся понять. — Нэ могу я покинуть родину прэдков — я умирать сюда прылэтэл!

— Осел пернатый, нашел время упрямиться, — буркнул себе под нос кот.

За что я ему предупреждающе отдала хвост.

— Мр-мяу-ау! — Мурзик был возмущен сверх меры и демонстративно пересел к Алексу, одарив меня уничижающим взглядом.

— Но ведь ты обещал нам содействие! — прижала я надутого Ворона, но тот изобразил глухоту, взмыл в небо и улетел.

— Это ты во всем виновата, — заключил кот. Обычный для него вывод. — Надо вести себя потактичнее, тем более при исполнении. Ты ужасно плохо воспитана, деточка. Наступать мне на хвост! Этого еще никто никогда себе не позволял, кроме тебя. Ладно бы погладила по спине, почесала за ухом. Мало ли еще какой знак можно дать, если чувствуешь, что беседа идет не туда... А так у меня уже весь хвост в синяках, куда это годится?

— Ладно, агент 013, она все поняла. Надо решать, что делать дальше. Пока мы не поймаем этого Ворона (ликвидировать его уже нельзя) и не депортируем из страны, наша операция будет считаться незаконченной.

— К тому же еще нужны серьезные гарантии, что он сюда не вернется. Крылья ему обрезать, что ли? — всерьез задумался Пушок, за что снова схлопотал, на этот раз щелчком по носу.

— О, прости, я нечаянно, — мило улыбнувшись, отреагировала я на его истошный вопль.

— Да хватит вам дурачиться, мешаете думать.

— Ой, мыслитель нашелся. Много ли надумал, Сенека?

— Вообще-то я мозговой центр команды!

— Ах да, профессорская голова с опилками!

— Слушайте, заткнитесь вы оба, а?

— Чего-чего?! — Мы с котом одновременно развернулись к Алексу. В тот момент мы все трое были готовы броситься друг на друга. Достаточно было кому-нибудь пошевелить мизинцем, чтобы воспринять это как сигнал к общей драке. Просто так, для душевной разрядки. Очень помогает, кстати...

Но тут раздался вой отчаяния — из-за валуна высунулась растрепанная голова нашего пенсионера, вечного источника недоразумений. Вскоре он показался в полный рост, вскочил на камушек и начал приплясывать. Поначалу мне, грешным делом, подумалось, что старичок окончательно обезумел.

— Проклятие на ваши головы! Вы обречены, несчастные! — Он дико вращал белками и тыкал в нас свободной рукой. В другой, повторяю, были белки. Обычные, рыженькие. Обе, само собой, страшно напуганы. Ну, естественно, не каждый день их так мотают, держа за

хвосты. Когда только, интересно, старик успел их отловить? И где?

— Отпустите белок, дедуля, и объясните нам все толком, — справедливо заметила я, устав смотреть на мучения бедных зверьков. Хотя... пожалуй, кота я была бы рада видеть на их месте. Но, боюсь, подобный груз оказался бы не под силу немощному старику.

— Ворон наложил на вас заклятие! Разве вы не слышали его тарабарщину?

— Он говорил на нормальном русском, тьфу ты, на ирландском языке! Просто вы вряд ли могли хорошо расслышать его из-за вашего валуна.

— И слушать не хочу! — Старик трясся как в лихорадке, продолжая крутить белками. — И не приведи боги когда-нибудь услышать, как Ворон что-то шепчет мне, как он нашептывал сейчас вам. Я сразу уши заткнул!

— И как таких ограниченных типов берут в агенты Базы? — Даже кот искренне недоумевал.

— Патрик, давайте мы поможем вам дойти до дома, — предложил сердобольный командор.

— Нет! Нет! Не подходите ко мне, вы, проклятые богами! Если я буду разговаривать с вами и дальше, я обречен! Я уже обречен! — Он потряс перед ликом небес поднятыми руками, как бы досадуя на то, что решение высших сил не оспоришь.

«Проклятие твоих мелких богов нас вряд ли остановит», — заметила я про себя, проклиная устойчивую суеверность средневекового человека. Мы уже хотели идти своей дорогой — начинало темнеть, ужинать пора, — а словоохотливый старичок никак не мог остановиться.

— Вы, глупцы, не верующие в очевидное, внимайте гласу моему! Не ходите в деревню, ибо на вас печать проклятия и вы обречете людей на муки!

Это слышать было уже обидно. Кот даже собирался пнуть дедушку, мы с трудом его удержали. В отместку я показала Патрику язык:

— Больно надо. Мы туда и не собирались! Нас сегодня у Пака ждут.

Это его сразу успокоило, он вдруг разулыбался, отпустил белок и собирался как ни в чем не бывало увязаться с нами на вечеринку. У него, оказывается, есть защитные амулеты, потому лично его проклятие не затронет и он спокойно может разговаривать даже с такими мечеными, как мы. Этот хитромордый пенсионер дико меня раздражал! И на сей раз вся команда была со мной солидарна, что, как вы понимаете, почти нонсенс.

Не сговариваясь, мы повернулись к Темному Патрику спиной и двинулись вниз, в долину, откуда пришли. Тот поначалу пытался сделать вид, что ничего не произошло, и вприпрыжку бежал за нами, радостно бормоча какие-то бородатые анекдоты, чтобы нас развеселить. Но поняв, что мы и всерьез не собираемся с ним разговаривать, вынужден был подавленно отступить и вскоре остался далеко позади. Ничего, до хижины как-нибудь доберется, мы ему не няньки...

— Кстати, а кто из нас троих следит за курсом? — поинтересовалась я, когда мы уже протопали порядочное расстояние. — Мы правильно идем?

— Подожди, а разве ты не знаешь, где Башня Пака? — резко остановившись, хмуро поинтересовался Алекс — он был усталый, поэтому злой.

— Понятия не имею.

— Он тебе что, не сказал?

— Мы думали, ты знаешь, куда идешь, — подсадовал порядком запыленный кот, тот еще подпевала.

— Пак мне сказал: «Спросите любого прохожего!» Я думала, вы уже успели у этого предательского Патрика спросить. Он-то уж наверняка знает. Эх вы, ничего доверить нельзя! — Нарочитое презрение в моем голосе было слишком явным, чтобы от возмущения у Профессора не засверкали в темноте глаза и не сжались мягкие кулачки. Я этого не видела, но знала — его легко завести...

Вот уже битых полчаса мы топали через вересковую пустошь, иногда пробиваясь через кусты, иногда прыгая по камушкам, что не прибавляло ни сил, ни настроения. Прохожих, как

вы понимаете, ночью, да еще в таком безлюдном месте при всем желании не встретишь. В конце концов мы заблудились и молились только об одном — чтобы наши непутевые ноги не завели нас в болото. Вчерашних впечатлений хватило по гроб жизни...

Мы надеялись выйти обратно к деревне, но, увы, надежда увядала вместе с закатившимся солнышком, а ночная сырость неприятно холодила шею. Однако в тот самый момент, когда на усатых физиономиях Алекса и Профессора уже читалось отчаяние, перед нами словно из-под земли возник маленький человечек. Упакован в зеленый камзол с пуговками, короткие штаны, гольфики полосатые, как у футболистов, да еще ботинки с пряжками. На голове красная треуголка, обшитая галуном и надетая задом наперед. Возраст неопределенный, лицо сморщенное и хитрое, почти как у того скарредного пенсионера, которого мы оставили (надеюсь, что навсегда) около часа назад. Не удивляйтесь, что все так детально рассмотрела, — светила полная луна, а я всегда могла похвастать «острым глазом»...

— Что, друзья мои, не хотите ли отведать лучшего в Ирландии пивка?

При этих словах в его маленьких ручонках появился огромный медный чан. Странный тип... Ни здрасте, ни до свидания, выпрыгнул непонятно откуда, пиво предлагает, рекламная распродажа, что ли? Кот недоуменно вытаращил глаза, а у командора челюсть отвисла так, что мне пришлось ее захлопнуть, резко ударив молодца в подбородок.

— Не благодари! — опередила я, лучезарно улыбаясь под его яростным взглядом. — Комар бы залетел, тут на болотах до фи́га малярийных комаров, чтоб ты знал.

Человечек что-то сердито пробубнил себе под нос, с силой притопнув ножкой, после чего чан в его руках заменился бочонком «Килкенни», а пряжка с ботинка отлетела в мою сторону. Всего лишь посеребренная пластмасса?! Это я заметила, вежливо передавая пряжку разгневанному хозяину. Вежливо, потому что, кем бы ни оказался этот тип, он был нам сейчас нужен до зарезу.

— Нет, спасибо, мы не пьем, как-нибудь в другой раз, — ответил за всех Профессор.

Догадавшись, что перед нами существо из волшебного мира, агент 013 спокойно мог дать волю языку. Это не потому, что кот такой умный, просто тут и младенец бы сообразил. Кто еще в средневековой Ирландии мог нацепить на ботинки пластмассовые пряжки? А Мурзику и так слишком часто приходится молчать, особенно когда мы находимся в обществе чужих людей. А долгое молчание, как известно, для него смерти подобно.

— Я и мои товарищи попросили бы вас только подсказать нам, как отсюда побыстрее пройти к дому Пака.

— Вы хотите сказать — к Башне Пака? — змеиным голосом уточнил незнакомец, ибо кто он такой, мы еще не знали. (Разумеется, не узнав этого, я не закончу книгу, поэтому читатели, которых этот человечек в какой-то мере заинтересовал, надеюсь, будут удовлетворены.)

— Да, именно туда. Хотя, по-моему, здесь в окрестностях нет никаких башен! — только сейчас сообразив, опомнился наш умник. — Эй, я к кому обращаюсь?!

Мы с Алексом чудом успели оторваться друг от друга, потому что, пользуясь темнотой и тем, что кот ведет светские беседы, внаглую целовались. Надо сказать, что агент 013 меня еще иногда ревнует, поэтому мы с Алексом обычно ведем себя пристойно. Но тут не удержались... К счастью, кот ничего не заметил или не подал виду.

— А может, это Исчезающая Башня? Ну, как у Муркока, например, — любезно подбросила я идею агенту 013. Тот «Повелителей мечей» не читал, но общую концепцию уловил.

— Ну, конечно, зыбкая реальность. Понятненько, это многое объясняет, — с умным видом заключил он, вновь поворачиваясь к уже уставшему ждать коротышке. А тот все не уходил, и явно не из желания помочь, это уж по лицу видно, такой фотографии в коллекции Ламброзо как раз и не хватало.

— Так что скажете, друзья мои? Я предложил вам пивка на дорожку. Это еще никому не повредило. К тому же, чтоб вы знали, такова местная традиция! Вы уже на подходе к

Башне Пака, а я здесь стою специально и согласно ритуалу угощаю сбившихся с дороги путников. Это волшебное пиво, и, только выпив его, вы, смертные, узрите перед собой Башню Пака! А иначе никак... Хи-хи-хи!

Пока человечек гаденько хихикал, я успела шепнуть Алексу на ухо вопрос: «Как будем выкручиваться?» Дело тут явно не чисто, поскольку просто так задарма никто вас среди ночи на пустыре, да еще специально поджидая, не будет угощать «Килкенни». И вообще, таких типов надо кидать в кусты головой вперед, пока чего не устроили...

— Давайте попытаемся просто нащупать башню. Если верить этой красной треуголке, она не так далеко от нас. Пойдем посмотрим, а если наткнемся, то...

— Ты это всерьез?! Лично я таранить башню головой не собираюсь. Наверняка для начала вдаримся лбом об стенку, а кому мы нужны в гостях с сотрясением мозга...

Котик полностью со мной согласился, поскольку он-то гарантированно нащупал бы стену лбом. У него голова всегда впереди, а идти с вытянутыми лапами, как лунатик, ему профессорская гордость не позволит.

Но с другой стороны, нам действительно очень хотелось поскорее попасть в тепло и чего-нибудь поесть. Выхода не было... Мы, больше не раздумывая, отобрали у карлика пиво, яростно вопящего что-то о том, что его бесценный напиток пить надо по капле, и, поскольку одноразовых стаканчиков он нам не предложил, отхлебнули прямо из бочонка. Кот тоже налакался от души, еле оторвали буквально за уши... Можно было и не так сурово, но мне только дай повод — давно мечтала оттащить кота за уши! Бочонок с остатками пива мы честно вернули хозяину.

— Не люблю темные сорта! — категорично заявила я человечку (едва увидев полупустой бочонок, тот страшно расстроился). — Хоть ты и маленький лепрехун, но большой лгунишка. Это было обычное пиво.

— Оу-у-у! Кто мне теперь за него заплатит?! Здесь же почти ничего не осталось! Но вы сами заключили со мной сделку... Выпив это пиво, вы отдали мне свои души в служение на целых семь лет! Хи-хи-хи! — Он снова воспрянул духом.

— Чего этот милый лепрехунчик там бормочет? — наивно улыбаясь, поинтересовалась я у моих агентов. Те пожали плечами.

— Я не лепрехун! Я... О, я даже сам боюсь произносить свое имя! Особенно ночью, в темноте, когда так светит луна и пылают звезды, — доверительно сообщил нам карлик. Как хорошо, что он перестал жаловаться на оскудевший запас выпивки и настроение у него вроде улучшилось. В самом деле, чем больше я на него глядела, тем больше он мне нравился. Я бы даже выполнила сейчас любую его просьбу, конечно, если бы ему пришло в голову что-нибудь у меня попросить. Такой он душка!

— Алина, да ты, похоже, уже пьяная... А этот урод надул нас, как птенчиков, поэтому я сейчас сделаю с ним то, что ты мысленно хотела, но из тактических соображений не высказала, — решил командор.

— Что, закинешь в вересковые кусты? — удивилась я. Человечек настороженно прислушивался к нашему разговору.

— Точно! Головой вперед, пока он чего не устроил...

Но не успел он повернуться к моему милому лепрехунчику, дабы выполнить угрозу, я почувствовала, что мне это совсем не нравится. Нельзя издеваться над такими чудесными существами, ведь в природе они большая редкость! И тут этот трогательный коротыш, резво прыгнув в сторону, громким и каким-то замогильным голосом приказал:

— Алина, слуга и раба моя! Повелеваю тебе как твой полноправный господин, не дай ему меня тронуть! Хватай его, души, щипай, грызи, бей! Вперед, мой верный слуга!

А почему бы и нет?! Эта мысль стукнулась в мою голову, когда я уже висела у ошарашенного командора на шее и примеривалась зубами к его сонной артерии. Алекс с большим трудом пытался меня от себя отодрать, кот помогал ему изо всех сил, вцепившись в мою ногу когтями. Этот хвостатый тип, похоже, разом вспомнил все унижения, что испытал из-за меня, и решил отыграться за все.

— Ай! Больно ведь, ты, маленький балбес, нельзя ли потише?! Это же игра! Я шучу! — Кое-как стряхнув кота, я нежно укусила Алекса за мочку уха, ласково прошептала: — Ну зачем же так яростно сопротивляться, дурачок? Я всего лишь хотела тебя нестандартно приласкать.

Видимо, Алекс впал в кому от таких перепадов. Я выпустила его шею, похлопала по плечу и мило улыбнулась застывшему в изумлении Профессору.

— Это пиво, наверное, слишком крепкое... Хорошая шутка была, правда? Чего же вы не смеетесь? И тип этот делся куда-то... — Я огляделась по сторонам. С трудом пришедшие в себя агенты тоже начали озираться. Коротышки нигде не было, хотя это и не удивительно. На его месте я бы тоже поскорее улизнула, пока мы о нем не вспомнили...

— Уф! — с трудом отдышался кот. — Девочка моя, нельзя так пугать серьезного, заслуженного ученого... Я уж испугался, что напиток и впрямь заколдованный.

— А что, такое возможно? И я, как дура, отдала бы себя в добровольное рабство аферисту-маломерку?!

— Нет, конечно, — успокоил командор, — заклятие действует только на местных. И то лишь потому, что они сами в это верят...

И вдруг перед нашими глазами прямо из воздуха материализовалась каменная башня, слабенько мерцающая в темноте тусклым фосфоресцирующим светом. Зеленоватый оттенок камня казался мистическим, значит, карлик все-таки не обманул. Действительно, ну не душка ли? Окна башни светились изнутри, там мелькали какие-то тени.

— Ура, прибыли! — счастливо воскликнули мы и, подбежав к обозначавшейся внизу башни деревянной двери, требовательно забарабанили в нее кулаками. Оттуда доносились шум, хохот и разные простенькие мелодии, исполненные на волынке.

— Нас, кажется, не слышат, — подсадовала я, скептически наблюдая, как кот уже активно роет подкоп под дверь. А наш толстячок здорово проголодался. Как, впрочем, и я... Искренне восхищаясь его трудолюбием, все же предпочла дать полосатику возможность работать одному. Помните, с каким энтузиазмом он копал ямы на Севере?

— Ну что там у тебя? Каменная кладка? — уперев руки в бока, недовольно поинтересовалась я минут десять спустя.

— Я... я, между прочим, тут из сил выбиваюсь! Нет чтоб помочь...

— Да ладно, не ссорьтесь. Я просто ее вышибу, и делу конец.

Как всегда очень даже своевременное предложение командора было принято на ура! Особенно Мурзиком, который успел взмокнуть как мышь... Но тут дверь резко распахнулась и перед нашими глазами предстал моложавый козел с самой услужливой улыбкой на морде. Он стоял на задних копытах, нервно прищипывая, и радушно нас приветствовал:

— Добро пожаловать, ме-э, уважаемые Алекс, Алина и очень глубокоуважаемый агент 013. — Козел низко поклонился, заискивающе заглянув коту в глаза. Профессор тут же приосанился и начал разглаживать усы, выпитив пушистую белую грудку. Вечно ему незаслуженные почести от разных козлов перепадают, аж завидно... — Прошу вас, мэ-э-э, дорогие гости, проходите!

— Подозрительная физиономия у этого рогатого. Ни за что бы нас не пустил, если бы ты не пригрозил взломать их дверь, — доверительно поделилась я с Алексом, благодарно пожав ему руку.

— Вообще-то я блефовал, дверь у них слона с разбега выдержит! — невнятно пробормотал он, но мне уже было не интересно.

Козел за нашими спинами деловито побрызгал из баллончика с освежителем воздуха по всей прихожей. Сразу стало ясно, откуда исходит этот удушливо-сильный запах плесени. После чего удовлетворенно повел носом и указал копытцем вперед...

Мы поднялись по винтовой лестнице и вошли в ярко освещенный зал, где всюду веселилась целая куча самых разнородных существ — полноправных граждан так называемого «незримого мира». Из тех, кого я как-то могла угадать, выделялись несколько эльфов, бригада гномов, три лепрехуна, пара оборотней (медведь и волк), одна старуха с

синей кожей и один маленький клюйкрончик. Не удивляйтесь моей осведомленности, перед операцией мы успели в срочном порядке ознакомиться с иллюстрированной энциклопедией мифических существ. Это обычная подготовка к заданию, и волшебных обитателей Ирландии я еще как-то помнила. И даже могла поклясться, что при нашем появлении в толпе поспешно скрылась до боли знакомая красная треуголка. Из той же толпы к нам навстречу, с кружкой в руках, вышел уже окосевший Пак.

— Эт-то мои друзья! — объявил он уставившимся на нас с любопытством гостям. — Здорово, ребята! Как же я рад, как рад, как рад... право! Вы таки с-смогли урвать время и посетить меня в моем скромном обиталище в этот общий для всех нас п-праздник! А что у нас сегодня? День Летнего Солнцестояния или уже Ночь Летнего Солнцезакатывания? — Он многозначительно подмигнул, и все дружно захохотали. — А может, Ночь Полного Луновыкатывания?

Хохотал уже весь зал, причем пара гномов от услужливого смеха старательно каталась по полу. Пользуясь случаем, их слегка потоптали эльфийские подменыши, гнусные типы, надо признать... Я потом одного сбросила с лестницы, он мне юбку задирает два раза. Надеюсь, летел далеко и ударился соответственно.

Алекс радовался жизни в окружении трех сильфид, нагло воспользовавшись моим минутным отсутствием. А кот, выгораживая его, сбивчиво врал, что бедные девушки обеспокоены положением в турнирной таблице чемпионата мира по шахматам сборной Ирландии по гольфу.

— И в чем, интересно, мой Алекс собирается им помочь? Не помню, чтобы он хоть раз был в каком-нибудь судейском составе, даже по дворовому бобслею! Я внятно говорю?!

Услышав эти мои слова, сказанные нарочито ОЧЕНЬ громким голосом, три ветреные сильфиды тут же улетучились. А я подошла к Алексу с самым «искренним» сочувствием на лице:

— Бедненький, прозябаешь в одиночестве? Стоит мне отлучиться на праведную месть, как ты жестоко скучаешь с девочками...

— Это исключительно в целях получения информации! — честно вытянулся командор.

— Угу, я так и подумала... Сходи-ка поиграй в города-реки с котом. Он тоже сегодня что-то никак не подыщет себе компанию.

Агент 013 одиноко бродил по залу, прислушиваясь к разговорам гостей. Вскоре его пушистая тушка затерялась среди ног, лап и копыт. Он явно кого-то искал, и лишь много дней спустя мне удалось раскрыть эту тайну. Плевать на Ворона! Коту была нужна информация о настоящем, практическом колдовстве, он лелеял самые невероятные планы...

Я забыла сказать, что зал занимал площадь в квадратный километр, как-то ухитряясь уместиться в башне. Стены тут были явно безразмерными — они сужались и расширялись, в зависимости от количества народу. Когда мы только вошли, зал был значительно меньше, но гости прибывали быстро...

Трое уткоголовых созданий не выше среднего роста играли на волынках, вернее сказать не играли, а драли легкие. Потом к ним присоединились двое козлоногих парней в беретиках, один со свирелью, другой — со скрипкой. Квнтет получился отменный, но не для человеческих ушей, хотя деваться было некуда (по крайней мере до тех пор, пока не поедем и не спросим дороги).

На счастье, ужин уже накрыли, и все, кроме глотающих слюнки музыкантов, бросились рассаживаться. Длинные дубовые столы были расставлены у противоположных стен комнаты, так что в центре оставалась приличного размера площадка для танцев. Стол ломился от угощения, незатейливого, но аппетитного. Здесь были запеченные целиком кролики, пороссячи головы с тушеной капустой, бараньи ноги под красным соусом, украшенные зеленью и черносливом, огромный мясной пудинг. За него я как раз и собиралась приняться в первую очередь, но тут заметила, что Мурзик обреченно уставился на еду, даже и не думая к ней притрагиваться. Факт почти невероятный! Это задело мое любопытство, так что я даже забыла о голоде.

— Ты что, заболел, агент 013? Не теряй времени, а то ничего не достанется! Эй, это уже ни на что не похоже, — возмутилась я, пытаюсь вызвать кота на откровенность.

— Книжки надо было читать...

У меня пропал аппетит. Алекс тоже отложил вилку, невольно прислушиваясь к нашему разговору.

— Ешь, ешь, деточка, если хочешь наестся сухими листьями и травой, — угрюмо посоветовал мне Профессор. — Это же еда фейри, как только ты к ней притронешься, твой пудинг превратится в горстку листьев.

— Не может быть! Это же только в сказках так. Сам погляди, они все едят, — ахнула я, с отвращением отворачиваясь, чтобы не видеть поганных чавкающих морд. Да, ужин друзей и родственников Пака — зрелище не для слабонервных...

— Да ведь за этим столом простых смертных, кроме нас, и нету! — удивляясь моей непроходимой тупости, простонал кот. При этом бедняжка не мог отвести тоскливого взгляда от лежащей прямо перед ним огромной бараньей ноги, размером больше самого Мурзика. Уверена, что кот легко бы ее одолел, да еще попросил бы добавки.

— Чтобы узнать наверняка, надо попробовать, — мужественно решил Алекс, бесцеремонно принимаясь за угощение. Мы с котом не сводили с него глаз — помрет или нет?!

Тем временем Алекс, расправившись с аппетитными свиными ребрышками, принялся за тушеную говядину, наложив себе полную тарелку. Похоже, он так увлекся ужином, еще и не забывая прихлебывать портер из большой кружки, что вся окружающая действительность полностью перестала его интересовать.

— Может, она у него в желудке в сухую траву превращается? — скорбно предположил кот, цепляясь за соломинку, из чистого упрямства и самолюбия не желая сдавать своих позиций.

— Ага, сейчас его стошнит свежим сеном! Зачем было людей с толку сбивать? — раздраженно выпалила я, успевая отхватить последний кусок пудинга буквально из-под носа тянувшегося к нему лепрехуна. У бедняги ручонки оказались короче, в этом и заключалось несчастье всей его жизни.

Пушок плюнул на последние сомнения и тоже набросился на еду и блюдечко с портером. Через полчаса, когда мы уже однозначно насытились, а на столах остались лишь груды костей — остатки былой роскоши, — наш кот вытер лапой усы, так деликатнейше, как умел только он, и, поглядывая на танцующих, важно заметил:

— Танцевать после такой плотной еды по меньшей мере кощунственно по отношению к организму!

— Кого это ты там выглядываешь? — не без любопытства спросила я, зорко проследив за его взглядом.

— А вон того типа в красном колпаке! То есть, я хотел сказать, в треуголке, который угостил нас пивом и указал дорогу. Больше не шути так, деточка! — наставительно добавил он, смерив меня недоверчивым взглядом.

Я восприняла это как комплимент, вспомнив свою выходку, где я притворилась зомбированным прихлебателем нечистого. А ведь именно за него мы однозначно приняли нашего красноколпачника, но, увы, ошиблись. Как мне рассказала сидящая справа ведьма... но об этом чуть позже.

Красная треуголка исчезла под столом, следом в воздухе на мгновение появилась ручонка, ухватила с тарелки хвост селедки и утянула ее за собой.

— Ладно уж, не будем его трогать. Пока...

Сегодня я почему-то чувствовала себя очень доброй. Хотя, наверное, тут сыграл свою роль сытный ужин у Пака. Агент 013 как-то сказал мне довольно прочувствованным тоном: «Редкой ты доброты девушка, Алина! — А когда я зарделась от похвалы, добавил: — Настолько редко она в тебе проявляется, что ее практически никто не видел».

Конечно, я ему потом отомстила. В смысле, коту. Но это уже, как говорится, другая

история, а сейчас мои партнеры меня попросту не слушали, за ноги вытаскивая из-под стола упирающегося и вопящего карлика.

— Хотите знать, куда улетел Ворон?! Отпустите меня, проклятые оглоеды, и я вам все скажу! — голосил он. Все присутствующие в зале с любопытством стали придвигаться поближе, наострив уши или то, что там у некоторых было вместо ушей. Только не спрашивайте, что именно. Как вспомню, так вздрогну...

— Визжит, как поросенок в самом соку! — радостно поддержал пьяный Пак, тыкая локтем соседа-тролля. А зря, только ушиб руку и обиженно отодвинулся. — Кидайте его на стол, тут и допросим!

Но, встретившись с мрачным взглядом жертвы, тут же виновато заткнулся.

— С-слушай, а с чего нас ва-аще интересует этот Ворон? — запинаясь, спросил Алекс у кота. Вот вам налицо результат выпитого за весь вечер.

Все, пора брать инициативу в свои руки.

— Мальчики, вы его задушите! — сказала я, сдирая агрессивного Профессора с груди коротышки, который, явно играя на публику, уморительно закатывал глаза и, вываливая длинный фиолетовый язык, громко хрипел. Кот вцепился в него когтями, и отодрать его было очень трудно.

Ко всему прочему, он еще и возмущался (поражаюсь порой его наглости):

— Нильзя, деточка! Не женское это дело — баротца са всякой апасной нечистью. Предоставь это мужчинам... ик!

Кое-как мне удалось оттащить его за шкуру, хотя Алекс активно помогал другу, удерживая кота за лапы или пытаясь прикрыть его спиной. Правда, этим он еще сильнее прижимал карлика к полу — в этот момент краснотреуголку наверняка привиделись родной огонь и медные котлы в аду!

К тому времени как я отволокла своих агентов в уголок для разборок, о нас давно все забыли. Спасшийся карлик жаловался в другом углу единственному слушателю — абсолютно тупому и с бессмысленным выражением на физиономии горному великану. Остальные, кто еще не лежал в пьяном забытии под столами, пустились в угарную джигу: ведьмы с лепрехунами, тролли с эльфами, гномы... сами с собой! Козлоногий парень так искусно управлялся со скрипкой, что дал бы сто очков вперед своему знаменитому земляку и коллеге маэстро Рафтери.

— Придите в себя! На кого вы похожи! — рычала я, старательно нахлестывая по щекам моих горе-товарищей. Командор осоловело сползал по стенке, а кот причитал в сторонку: «Она меня не любит!» Причем с таким надрывом и слезами в голосе, что мне захотелось узнать, кто эта особа, которая так не любит нашего Пушистика! Разве его можно не любить? Нет, в таком непотребном виде, конечно, можно...

— Наверняка вам что-то подмешали в выпивку! — осенило меня, потому что такими я ребят никогда не видела. В отличие от Алекса и кота, я от портера отказалась — это же темное пиво! Мои опасения подтвердились: к нам решительно направлялась ханжеского вида девица в длинном блестящем платье с двумя рогатыми здоровяками за спиной.

— Вот они, негодяи, покусившиеся на Бег'ую Фог'ель! — Девица указала на нас мраморным пальчиком. У нее были рыбы глаза, вывернутые губы и серебристые, как щучья чешуя, волосы. Платье тоже белого цвета и такого вида, как будто его долго замачивали с отбеливающим порошком и надели, даже не удосужившись выжать. Ей-богу, с рукавов и подола капала вода.

Я смерила ее презрительным взглядом:

— Похоже, вы только что из речки. Ну и как там, в родных глубинах? Вечная драчка за червячка?

— Вы г'убиянка, говог'ите сейчас с самой Бег'ой Фог'елью!

— Хм, а Темный Патрик врал, будто бы мы именно вас и съели, — поморщилась я, пытаясь поддержать за ворот упорно падающего Алекса. Котик уже спал, обняв меня за ногу. Рогатые амбалы, судя по снулым ромам, были настроены весьма пассивно. Это вселяло

некоторую надежду...

— Так в чем, собственно, суть проблемы? — невинно спросила я у пылающей гневом девицы. Оказывается, рыбы, хоть и в человеческом обличье, вполне могут пылать гневом. Может быть, удастся ее отвлечь, в книжках такой маневр частенько срабатывал...

— О чем мне говог'ить с тобой, холопка! Ты съег'а моих подданных!

— Чего сразу обзывать-то?! — обиделась я. Но в спор не вступила, потому что находилась не в том положении. Амбалы по-прежнему изображали готовность действовать, несмотря на явную склонность к полусонному бодрствованию. — А за подданных, если хотите, прошу прощения! Правда, форельки были вкусные, грех жаловаться, — последнюю фразу я, само собой, произнесла в сторону.

— Даже я еле успела уд'гать от этого кг'овавого убийцы. — Она гневно указывала на храпящего командора. Хорошо устроился, так же как и кот, а мне одной за всех отдуваться. Ведь рыбу-то ели втроем! Но шишки, как всегда, на меня, маленькую, хрупкую, беззащитную, скромную девушку.

Подошел Пак с перекосившимся от любопытства и неимоверного количества выпитого лицом. А с ним две утколищые образины и оборотень-медведь с абсолютно тупой рожей.

— Что такое, сестрица? Новое покушение?! Да ты пользуешься успехом! Кстати, у тебя пальчик зажил, после того как на прошлой неделе тот солдат хотел тебя поджарить? Хе-хе-хе! Говорят, он переворачивал твою тушку ножом, да еще тыкал в бок вилкой, пока ты не исполнила три его желания? А последнее было таки-и-и-м неприличным...

Белая Форель едва не потеряла сознание от подобной бестактности. Ее бледные губки задрожали, и она наконец разразилась визгливым возмущением.

Пока они препирались с Паком, оказавшимся весьма язвительным собеседником, я попыталась вытащить моих товарищей из кольца любопытствующих гостей. Не тут-то было... У Алекса вес килограммов восемьдесят, для меня из разряда неподъемных! Вес кота, конечно, из «подъемных, но с большим трудом»... К тому же он продолжал мирно храпеть, намертво вцепившись в мою ногу, а когда я пыталась его отодрать, он выкрикивал что-то нечленораздельное во сне и его коготки впивались мне в кожу еще глубже... Наверняка некропному эгоисту снился кошмар, как я вчера пыталась его спихнуть с той же ноги в болото!

— Эй вы, болваны еловые! Я тоже спать хочу, но в отличие от вас понимаю, что сейчас не время и не место! — в который раз безрезультатно взывала я, но они меня не слышали, досматривая уже десятый сон на двоих.

Меж тем перепалка Пака и Белой Форели, оказавшейся весьма склочной девицей, достигла своего апогея. Когда глава всех фейри назвал ее селедкой в рассоле, что, видимо, было страшнейшим оскорблением, Форель, не выдержав такого сравнения, дала знак действовать своим рогатым бугаям-охранникам. Пак весьма изящным движением отступил в сторонку, освобождая проход скучающим гостям. Присутствующие привычно разделились на две команды, и завязалась потасовка! Ребята из незримого мира ловко чистили друг другу морды — в ход пошли не только когтистые лапы, но и табуретки, скамейки, занавески, кое-какая посуда потяжелее и кое-какие гости помельче.

Меня еще больше потянуло в сон. Увы, однообразная и не содержащая никакого смысла потасовка ничего, кроме сна, навеять и не может. Но для завсегдатаев вечеринки драка являлась традиционным и незыблемым элементом праздничной атмосферы. Общими стараниями половина присутствующих минут через десять уже валялась вперемешку. Среди кучи тел я увидела мирно отдыхающего краснотреуголкина с огромным фонарем под глазом.

Как оказалось, это действительно был лепрехун, но с большими отклонениями в голове, вообразивший себя едва ли не самим Сатаной. Для чего и запасся несколькими бочонками «Килкенни», решив, что это и есть чудодейственный магический напиток, с помощью которого можно подчинить своей воле кого угодно. На деле он сам весьма пристрастился к этому напитку (для его хрупкого тела он играл роль крепчайшего ирландского виски!) и впал от него в полную зависимость. Почему и расстроился так, когда

мы почти ничего не оставили ему от целого бочонка любимого пива... Хотя именно так поступали с ним почти все «подпавшие под его чары» путники. А Профессор еще врал о каком-то иммунитете к местной магии...

В общем, устав на них всех любоваться, устроившись поудобней на полу, используя в качестве подушки живот Алекса, а в качестве пуфика для ног — кота, я незаметно задремала...

— Горе! О горе мне! Проклятые ведьмы утащили весь мой торф! Что я буду делать нынешней зимой? Околею от холода, несчастный я старик!

Громоподобный рев причитаний мог разбудить и великана, к коим я себя не отношу, кота — тем более, об Алексе еще можно поразмыслить, но и он проснулся, не выдержав истошных воплей старого Патрика.

Оказалось, что мы спали у самого порога его дома. На том самом месте, где еще вчера высилась целая гора торфа. Долгогорящая плата ушлому дедушке от его благодарных соседей за «магические» обряды исчезла...

— Проснулись наконец! Я взываю к небесам все утро! Небось хорошо вчера погуляли?! — с нескрываемой завистью в голосе начал старик. Его самого Пак давно не приглашал на свои вечеринки — исключительно из заботы о здоровье престарелого друга!

— Об этом мне мало что известно, потому что кроме смутных воспоминаний ничего не имею, — расстроено констатировал себе под нос кот и уставился на меня с надеждой, что я осветлю темные пятна его памяти.

Я, естественно, даже не собиралась.

— Ну а будить-то зачем?

— Вы — агенты? Мы с вами одной Базе служим? Помогать товарищу, попавшему в беду, есть священная обязанность любого...

— И что вы от нас хотите? Чтобы мы помогли вам вернуть ваш торф? — хмуро поинтересовался командор, умываясь водой из бочки, стоявшей во дворе.

— Конечно! Неужели вы откажете в помощи немощему старику, — с притворным энтузиазмом занудил Патрик, тут же приняв прежний тон, — заслуженному агенту, героическому борцу, почетному пенсионеру... Это же ваш наипервейший долг, дети мои!

— Наш наипервейший долг, дедушка, избавить округу от страшного Ворона, — резонно поправила я. — Вы, кажется, вначале тоже что-то говорили насчет: «Я не могу быть в стороне, когда Ирландия в опасности!»

— Кхе, кхе, — смущенно закашлялся он. — Ну, мы еще вернемся к этой теме... Заходите-ка в дом, завтрак на столе. Я уж думал, что вы не вернетесь, а потому с легкой душой приступил к уничтожению ваших дорожных припасов.

В это утро мы позавтракали тем, что осталось от наших сухих пайков — старик хорошо потрудился, даром что хилый на вид. Хорошо, что он не мой дедушка, еды на его прокорм не напасешься, а в дом престарелых с таким аппетитом не возьмут... Кот почти ничего не ел, мучаясь похмельным синдромом. Мы с Алексом чувствовали себя получше, поэтому, не смущаясь, съели и кошачью долю. Профессор, глядя на нас, буквально слезами обливался, глубоко укоренившийся инстинкт обжорства был выше его сил...

— Поскольку продукты закончились, дело нужно непременно закрывать сегодня, — заключил к концу трапезы Алекс. — Я-то выдержу без еды двое-трое суток, но мучить тебя и агента 013 не имею права. Помнится, во Вьетнаме...

— Конечно, конечно, мы все хорошо помним те жестокие годы, — притворно вздохнув, поддержала я. — Злые вьетконговцы, тухлая вода, малярия, дизентерия, авитаминоз и цинга! У тебя еще зубы выпадали...

— Хватит паясничать, — обиделся Алекс. — Мы потеряли компас и заблудились в джунглях. В общем-то я легко отделался, а вот агента 013 потом откачивали...

— Неужели он протянул три часа без еды?! Не может быть, это же подвиг!

Кот смерил меня угрюмым взглядом, его усы гневно топорщились, и в воздухе запахло

скандальчиком. Хвала небесам, врожденная интеллигентность, как всегда, одержала верх. Профессор сделал дыхательные упражнения и безотлагательно ушел в нирвану, не бросив в мой адрес ни одной возмущенной реплики. У Мурзика всегда есть чему поучиться...

Прошло уже минут двадцать, как мы сидели за пустым столом (я быстренько сунула посуду под стол, дабы не тратить время на мытье) и мучительно размышляли. Нам до зарезу нужен был план действий. Во-первых, как спровадить Ворона за пределы ирландской границы, причем на добровольных началах. Во-вторых, отвязаться от нудного Патрика, а это можно было сделать, только вернув ему топливо на зиму. В-третьих, если как-то по-тихому повернуть первое, то как бы удрать, избежав второго?

Пока еще никто ни до чего не додумался. Судя по напряженной тишине, витающей над столом, наши головы были пусты, как гнезда дроздов осенью. Темный Патрик ушел проверять капканы в лесу: он еще занимался торговлей пушниной. Правда, сейчас был не сезон, но это, как вы понимаете, деятельного старика не останавливало.

— А что, если... нет, это не подойдет, — отказался еще от одной недовысказанной идеи кот. — Хотя, может быть... нет! Минуточку, минуточку, а если... о нет! Тьфу, тогда я не знаю!

— Думай! Кто у нас профессорская голова с ушками?! — наградила я очередным советом кота.

— Есть мысль! — задумчиво определился командор.

— Ну наконец-то, давай выкладывай, — деловито скомандовала я.

Хорошо, что Алекс уже привык к моему менторскому тону и не обижался.

— Значит, так, ребята. В первую очередь нужно определить слабое место у нашего объекта и тогда ударить утроенными усилиями.

— Ближе к телу! — посоветовала я, взяв на себя добровольную роль председателя собрания.

— Мне кажется, это тоска по родной Грузии! По всему тому, что может напомнить о заснеженных горах, кахетинских винах, стихи Галактиона Табидзе, песню о бедной Сулико, или что он там любил больше всего? В общем, располагаемся где-нибудь в чистом поле, ставим мангал, жарим шашлыки из баранины, короче устраиваем тут маленькую Грузию! Помяните мое слово — он не удержится от соблазна. Ведь шашлык из крольчатины, которым он перебивается, по его же словам, лишь жалкий суррогат оригинала — то есть настоящего кавказского шашлыка из молодого барашка.

— Не пойдет, — категорично отmel идею кот. — Ворон отлично нас знает и не прилетит.

— А мы переоденемся!

— В грузинов?!

— Не обязательно, можно переодеться в ведьм, — внесла свою лепту я. — Имеют право три старушки устроить себе пикник на обочине? А костюмы «одолжить» у тех самых, что свистнули дедушкин торф. Убьем двух зайцев сразу! Патрик наверняка должен знать, где они живут. Так и так с этим делом придется разобраться, иначе он нас загрызет, что мы не помогли «немощному старику».

— Хм, а на траве расставим птичьи силки, — включился Профессор, самый крупный специалист по браконьерству.

— Или накинем сверху сетку, когда Ворон примется за мясо. А чтобы он без опасений опустился на землю, как только увидим его, отойдем подальше, вроде как за дровами, — заключил Алекс. После чего украдкой пожал мне руку под столом, чтобы агент 013 не видел.

Тут в дом зашел наш доморощенный друид, то бишь Темный Патрик. Быстро окинув нас взглядом с таким нехорошим прищуром и отметив про себя, что мы сидим сидим за столом и пока еще никуда не собираемся, он сделал опечаленное лицо и снова затянул свою волынку.

— Я бедный, несчастный старик, агент вашей Базы с многолетним стажем. Исключительно с помощью собственных мозгов распутавший множество сложнейших дел,

служа на благо Ирландии и всех добрых людей на земле, не дожидаясь почестей и благодарности! Советник королей, бескорыстный друг простого народа, живой персонаж сказок и легенд... вынужден просить помощи у какого-то неумелого молодняка? И даже настаивать на ней! Хотя лично мне кажется, что с моим-то здоровьем и моими заслугами я и так имею на это право!

— Вы, дедуля, о ведьмах? Могли бы и покороче, выслушивать каждого просителя по два раза особо времени нет! У нас таких просителей по дюжине в день отсеивается. Скажите спасибо, что вообще приняли к рассмотрению вашу просьбу! — сделав ударение на последнем предложении, насупилась я. Нет, ну наглеет старик на глазах! И главное, перевоспитываться не хочет ни в какую...

Кот зашикал на меня и задвигал бровями, призывая заткнуться. Интеллигентному Пусику тяжело было слушать грубость, пусть и аргументированную. Но я продолжала напирать, прижимая дедушку к двери.

— Так, живо, где эти ведьмы живут? Пока мы не передумали отправляться за вашим торфом. Нам еще свое дело разгребать. Что молчим? Глухие в общественном транспорте не ездят! — грозно гаркнула я в пыльное ухо несчастного пенсионера.

Алекс вовремя оттащил меня в сторону. Кот ему бойко помогал, вцепившись в мой подол на бурлацкий манер... Не пойму, в чем я не права, всего лишь пытаюсь выбить нужные нам сведения.

Темный Патрик, истошно вопивший «под пытками», как он потом это называл, впоследствии жаловался каждому встречному барсуку в лесу на «жестокую и бесстыдную девчонку». Вскоре, однако, барсуки, собравшись, как следует поколотили старого зануду. Но не за жалобы, которые они по неграмотности плохо понимали, а за капканы, которые старик расставлял на белочек в надежде разжиться пушниной. Белочки на деревьях буквально давились со смеху, глядя, как дед ставит на них капканы по куширям. А попадали туда, как вы понимаете, самые разные представители наивного лесного братства, и чаще всего именно барсуки. Носились по лесу взад-вперед, не глядя под ноги. И вот результат — их месть назрела...

На деле Патрик уgomонился, едва Алекс сказал, что его фамилия не Баскервиль и ему совсем неохота рисковать жизнью на болотах. Поразмыслив, старик сказал, что возьмется проводить нас до места в обход. Но только если ему обещают оградить его от нападков этой бешеной девицы. Алекс с котом, разумеется, обещали, последний даже погрозил мне исподтишка пухленьким кулачком. Но я запомнила слова Патрика о «бешеной девице»...

Шли молча. Алекс чуть впереди Патрика, на лице старикашки было выражение, будто бы он задумал очередную подлость. Алекс улыбался собственным мыслям, и я сильно подозревала, что думает он обо мне.

Котик отчего-то хмурился, время от времени нервно подергивая ушами и хвостом. Встретившись с моим улыбчивым взглядом, он даже не подумал улыбнуться в ответ, а только едко заметил:

— Пригладь волосы, девочка, ты растрепана, как ирландская цыганка.

— Это что, эталон?

— Сама сравни, вон, кстати, и оригинал, — кивнул он куда-то вбок, ускоряя шаг.

Оглянувшись, я увидела спешащую ко мне настоящую ирландскую цыганку. Именно ко мне, потому что мои спутники ее явно не интересовали. Не знаю, чем местные цыганки отличаются от венгерских, болгарских и других цыган, но эта была неуловимо ирландская. Кольца, серьги, бусы, юбки, тряпки в несметном количестве, неопределенный возраст и хитрый прищур черных глаз. Не успела я оглянуться, как она цепко схватила меня за руку, слащавым голосом зачистив:

— Послушай меня, доченька! Истину тебе говорю, всю правду расскажу, дай погадаю, а ты мне потом ручку позолотишь, — утвердительно произнесла она, с силой вывернув мою ладонь.

— Эй, чего надо?!

Как я ни вырывалась, тетка делала свое привычное дело.

— Красивой будешь, чем черт не шутит, — уверенно произнесла она. Я обиделась и еще активнее стала выдергивать руку, но не тут-то было. — Два короля тебя любят — один марьяжный, другой... полосатый какой-то... — удивленно протянула она.

Столкнувшись с чем-то необъяснимым, цыганка на миг потеряла бдительность, и я успела выдернуть руку:

— Мать у него такая, что тут удивительного? Нормальные коты частенько бывают серо-белыми в полосочку, к вашему сведению! — и вприпрыжку побежала догонять своих агентов и их престарелого проводника.

— А ручку позолотить, красавица?

Ага, уже и красавица, а ведь только что у меня был лишь шанс стать ею. Мымра черная! Мои товарищи шли как ни в чем не бывало, разве что ускорили шаг, бросив меня на растерзание. Ну, это они в своем амплуа...

— Алина, нам надо поторапливаться. Уважаемый агент Патрик сказал, что в это время дня ведьм обычно не бывает дома — они ходят тырить продукты в ближайшей деревеньке. Если успеем, покидаем торф в мешки (мы взяли с собой пять безразмерных мешков) и одолжим из их гардероба подходящие лохмотья для наших конспиративных одеяний.

Старичок при этом кивал с самым глубокомысленным видом, только шея хрустела. Кстати, если он рассчитывает, что хоть один мешок попру на себе я, то ошибается как никогда в жизни! Я ведь «бешеная девица», так? А значит, на чужого дядю корячиться не собираюсь...

Мы обогнули широкой дугой стойбище цыган, дабы не отвлекать их от дела — многие были заняты перековыванием и перекрашиванием украденных лошадей. Над фургонами на двух длинных жердях красовалась огромная вывеска: «Здесь вы сможете купить себе скакуна по самым дешевым ценам во всей Ирландии! Спрашивайте каталог. Каждому нашему клиенту — БЕСПЛАТНО замечательную красную ленточку, которую вы сможете повязать вашей лошади на уши». Ага, или повеситься на ней, после того как приглядитесь к купленной вами кобыле повнимательнее. Глаза слепые, зубы выпали, одна нога короче другой сантиметров этак на десять. И возврату, разумеется, не подлежит...

Углубившись в лес, довольно скоро увидели полуразвалившуюся хижину, возвышавшуюся на первой же полянке. Последние двести шагов мы прошли без Патрика, который вдруг заюлил и заявил, что ведьмы его, к сожалению, очень хорошо знают и из-за каких-то личных мелких недоразумений ему сейчас попадаться им на глаза ни за что нельзя. Зная сволочный характер престарелого Патрика, нечего было удивляться, что ведьмы имеют на него зуб, и наверняка немалых размеров. Дедок спрятался за самый большой дуб и затаился как кролик.

А нам троим ничего больше не оставалось, как идти вперед. Уже в непосредственной близости от обиталища ведьм мы попытались определить — дома ли хозяева, вернее, хозяйки? Оригинальное строение, сляпанное из гнилых досок последней стадии трухлявости и покрытое почерневшим сырым тростником. Сомнительно, что здесь кто-то вообще обитал за последние сто пятьдесят лет.

Но, вытянув шею, я увидела с одной стороны дома сохнувшие на веревке простыни и наволочки болотного цвета. Наверняка их годами стирали в том же лесном болоте, которое мы благополучно обогнули. С другой стороны возвышалась солидная горка похищенного торфа.

— Кажется, дома никого. Если бы кто-то был, мы бы увидели — через такие-то щели в стене! Там только мебель и химическое оборудование, колдуют потихоньку, — деловито заметил кот, славившийся своей осторожностью, — но все равно хотелось бы знать наверняка.

— А давай, агент 013, мы тебя пошлем в разведку. В случае чего притворишься диким лесным котом, камышовым. Главное, делай первобытное лицо, так чтоб интеллект сразу не угадывался, и ори дурным голосом.

— Окрас у меня не тот, — авторитетно отбрыкнулся серо-белый эстет, настороженно ожидая новых каверз. Он слишком хорошо меня знал, бедняга, а потому старался быть убедительным. — Нет, правда не получится. Они же серые, тигровой масти с рыжеватым оттенком. И потом, как ни верти, два высших образования и шесть иностранных языков так легко не скроешь...

— Обычно у тебя получается, — сухо заметила я. Мне не нравился поучительный тон хвостатого всезнайки с его вечным чувством превосходства.

Командор напряженно вглядывался в бинокль, сказки типа «берем только то, что в ходу в данное время» давно канули в Лету. Может быть, выглядывал Ворона, может, просто любовался дальними пейзажами.

Эх, где-то теперь Гиви, источник наших скитаний и душевного беспокойства?! Не видела его со вчерашнего дня, а такое ощущение, что все это было в полночном бреде много лет назад... и к тому же не со мной.

Алекс отчего-то смотрел в бинокль уменьшающей стороной.

— Больно унылое зрелище являет собой эта хижина, хочется быть отсюда подальше, — литературно пояснил он, поймав мой недоумевающий взгляд.

— Хорошо, что Патрика сейчас нет рядом, если бы он увидел свой торф под грязным бельем, с ним бы случился нервный припадок. А куда мне три психа сразу?

— Кажется, действительно никого, — не слушая меня, заключил Алекс, наконец-то удосужившись перевернуть бинокль и навести резкость. — Ну что, двигаем? Ты, Алина, сразу в дом за платьями, можешь захватить еще пару котлов и несколько тиглей. Отдадим гоблинам в лабораторию — им вечно не хватает.

Надо сказать, что с тех пор как гоблины спасли меня от последствий укуса Лощеной Спины, мы с Алексом частенько делаем презенты их лаборатории. Лично мне «горбоносые горбуны», как они сами себя называют, весьма симпатичны, но кот вредничает, поэтому мы все тащим тайком. Карлики, быстро сообразив, что из нашей благодарности можно извлечь выгоду, теперь вручают нам пространные списки с предварительными заказами.

— А мы с котом тем временем быстренько покидаем торф в мешки, его не так много. Благо ведьмы нам очень помогли, спалив больше половины, — подытожил командор. — Готовы к марш-броску? Три... два... один... Вперед!

Мы ломанулись через кусты и застряли, а кот их попросту обогнул, прибежав первым. Я, расцарапанная чем-то очень похожим на колючий шиповник, на сплошных нервах, осторожно влетела в дом. Настоящее ведьминское логово, даже немножко озноб пробрал. Над каменным очагом висел котел, на столе тигли, колбы и разные горшочки. В одних разноцветные порошки, в других петушиные гребешки, в третьих утиные лапки, а в одном вообще сушеные лягушки. Огромная жаба сидела как раз рядом с этим горшочком и с печалью во взоре глядела на меня, задумчиво вздувая и раздувая горло. Я одарила жабу сострадательным взглядом и пошла дальше.

Под потолком хижины висели пучки трав идохлые летучие мыши, а в котле варился какой-то специфический супчик — запах едва не заставил мой желудок выпрыгнуть. На поверхность то и дело всплывали разбухшие мухи, зелень петрушки, морковка, печень трески (а может, амбарной крысы, я бы их все равно не отличила), лягушачье сердце (опять же не решусь утверждать), ну и тому подобная гадость. Я походя деловито помешала отвар и добавила дровишек.

В дальнем углу нашелся запыленный шкаф. В нем на гвоздиках висело несколько платьев с обтрепанными подолами. Преобладающие цвета были серый, зеленый и черный. Три длинных плаща с капюшонами — вот их-то я и взяла, проигнорировав даже чудесные остроконечные колпаки с блестками. Не хотелось так уж сильно гневить ведьм — если бы у меня стибрили такой колпак, я бы всех в округе на уши поставила! Хотя после того случая на Базе я немножко побаиваюсь колпаков...

Перебросив плащи через руку, я похватила со стола несколько тиглей поновее разных размеров, сунула все в мешок и дунула к выходу. И тут только заметила черную

желтоглазую кошку, сидящую у порога и не сводящую с меня пристального взгляда.

— Киса-киса-киса! Ути-пуси, моя миленькая кошечка, — заумилялась я, однако презрительный взгляд маленького существа резко оборвал мои дальнейшие изъявления симпатии.

— Алина, быстрее, ты что там копаешься? — донесся до меня возмущенный голос Профессора, вслед за которым не преминул явиться и его обладатель. Я не успела ничего ответить, как кот остолбенело застыл у порога, уставившись на черную красотку. Та при появлении агента 013 мгновенно потупила глазки. С пухлой морды нашего задаваки тут же спало выражение недовольства, сменившись тупым кобелиным восхищением. Моему возмущению не было предела! В любой момент могли вернуться ведьмы, но я, переполненная несправедливой ревностью, об этом уже не думала. Ах ты, кошачья душонка, жирный изменник!

— Чего застряли? Уходим скорее! — В дверь сунулся командор с огромным мешком за плечами и, схватив меня за руку, потащил за собой, крикнув поганому Мурзику: — Агент 013, поторапливайся! На любовь времени нет.

Но тот уже не слушал. Все с тем же зачарованным выражением на усатой морде он медленно шел к этой драной кошке, хрипло дыша от страсти. Я чуть шею не вывернула, Алекс практически волок меня на себе, вспотев под двойной ношей. А этот паршивый ловелас кошачьего происхождения, возбужденно подергивая хвостом, уже что-то нашептывал на ухо своей новой знакомой, и та внимала ему с благосклонной ухмылкой.

— Слушай, может, перестанешь заниматься глупостями и пойдешь сама?

Я призывала все проклятия неба на голову предательского кота. Хоть бы ведьмы вернулись и оттрепали паршивца как следует! Еще больше бы я обрадовалась, если бы для их колдовских мазей до зарезу потребовалось кошачье сало. Уж тогда они его ни за что не отпустят. И только когда столь жирный индивид ляжет на сковороду — я буду отомщена! Я перестала выкручивать шею, потому что на то, что происходило позади, смотреть было просто невыносимо. Посудите сами: агент 013 и его новоявленная подружка мирно болтали! Это была последняя грань предательства, нет слов, одни поруганные чувства...

— Возмутительно! — пробурчала я себе под нос.

— Ты о чем?

— Да о том толстом отступнике!

— Агент 013 профессионал и наверняка остановился выведать какую-нибудь секретную информацию. В случае чего он успеет удрать от ведьм. Не переживай за него, малыш...

Обожаю, когда он меня так называет (хотя по тексту книги это впервые), поэтому раздражение от его показной тупости тут же улетучилось. Он говорит это таким мягким нежным голосом, что я просто таю... И главное, всегда успевает в нужный момент, предупреждая оплеуху, которой я давно собиралась его наградить. Для верности Алекс еще притянул меня к себе и поцеловал. Кое-как оторвавшись друг от друга, мы поспешили дальше.

— Не может быть! Они, наверное, повезли мой торф продавать на рынок, бесовки! — Патрик был вне себя, увидев жалкие крохи от своего торфа. Вообще-то там, у хижины этого добра оставалось вдвое больше, просто командору напрягаться не хотелось. Во-первых, со старого скандалиста и одного мешка достаточно, а во-вторых, ведьмам тоже надо что-то оставить... Как ни верти, но костюмчики мы у них позаимствовали. А пенсионеру все равно еще больше натакают благодарные клиенты... Просто старика сейчас жаба душила — как же, ведь это его личные торфяные брикетки, а кто-то посмел на них так нагло позариться.

Немножко странно, что все так гладко прошло. Ощущение смутной тревоги никак меня не покидало, и правильно... Когда уже выходили из леса, нас догнал серо-белый предатель, с которым из-за моего страшного жизненного невезения мне приходилось работать в одной команде. Глядя на сытую морду и целую шкурку, я с сожалением отметила, что подлеца не подвергли заслуженным пыткам.

— Хозяйки вернулись! Вас ищут! Полундра! — запыхавшись, известил кот, пулей пролетая мимо.

И действительно, из-за деревьев вынырнули три фигуры в темно-коричневых платьях и кривых черных колпаках. Судя по кошмарным рожам, тетки сильно на взводе, если, конечно, они не каждый день с такими физиономиями ходили...

— Мы так и будем стоять столбом, пока не побьют? — на всякий случай уточнила я.

— Я драться с женщинами не могу, воспитание не позволяет. Обворовывать еще куда ни шло... — невнятно буркнул командор, прыгая в густой орешник и увлекая меня за собой. Патрика уже и след простыл — он сам о себе позаботился.

В тот же момент ведьмы смерчем пронеслись мимо, слава богу, не заметив нас. Еще долго по всему лесу разносились вопли проклятия, а может, и заклятия? У меня даже мурашки по спине пробежали, но я почесала между лопатками, и все прошло.

— Ой, что будет, если они все-таки сцапают нашего котика! — на секундочку погоревала я. — Хотя ляжки у него мускулистые (если, конечно, это не жир) — должен удрать...

— П-пора бежать! Они сейчас в-вернутся, да как начнут ша-шарить по кустам, догонят и... все! На ли-личном опыте п-проверял. Потом неделю спина чесалась, — раздался из кустов акации дрожащий голос нашего пенсионера.

Мы с Алексом, только начав целоваться, вынужденно обернулись в его сторону. На лице командора было написано, что он когда-нибудь убьет оторвавшего нас от святого дела Патрика. Мне тоже на мгновение представилось, как мои пальцы сомкнутся на шее этого зануды... Но дед прав, здесь оставаться опасно. Мурзик выберется сам, его проблемы...

В любом случае, нужно было сначала закинуть домой нашему ирландскому пенсионеру его торф, а потом отправляться в деревню за молодым барашком. По словам Патрика, у него есть знакомый пастух, который этих барашков за сущие гроши продает. И я вдруг вспомнила пастуха Шамсика, у которого почему-то постоянно теряются его парнокопытные подопечные. Темный Патрик тут же подтвердил мои подозрения:

— Мой племянник, Шамас...

Предприимчивый дядюшка! Наверняка большую часть выручки забирает себе, если не всю, судя по слишком уж простоватому виду племянника.

Благополучно избежав встречи с разъяренными ведьмами, мы в конце концов добрались до хижины старика. Навстречу нам вальяжно вышел живой и невредимый агент 013. И как только ему все время удается выпутываться без тяжких телесных повреждений? Я бы с его любовью к экстриму давно инвалидность схлопотала. Но мне все равно было очень приятно видеть нашего родного толстячка в добром здравии, поэтому, наплевав на его независимый характер и мужскую гордость, я схватила котика под мышки и крепко прижала к сердцу:

— Ты живой, бурдючок, я так рада! И даже в белочку не превращенный!

Алекс поджал губы, а Профессор, к моему удивлению, и не подумал рассердиться, хотя я уже заранее приготовилась выслушать град упреков. Вместо этого он поудобнее расположился у меня на руках и, мурлыкая, торжествующе поглядывал на Алекса. Не поняла-а... Наглец тут же без предупреждения был сброшен на землю, буду я еще эту тушу таскать! Разлегся, да в нем весу двадцать пять кило...

Отряхнув руки, я повернулась к Патрику, деловито прячущему торф под крыльцо, прикрывая его сверху досками.

— Может, пора трогаться? Хорошо бы сегодня закончить это дело. Устала я с вами, прямо сейчас бы отпуск взяла.

Алекс с сочувствием посмотрел на меня, даже смахнул пару слезинок.

Опять паясничает, сил моих больше нет с ними возиться. Кто бы вообще таких напарников выдержал, а сколько у меня еще мучений впереди? Лучше сразу в горную речку броситься к этой стервозной Белой Форели на покусание.

Кот вдруг начал нести что-то оправдательное по поводу черной кошечки, но я не

слушала.

— Не грусти, все получится, — с печальным видом утешил Алекс, тайком пожимая мне руку, когда мы развернулись по направлению к ущелью. Похоже, все это время мы только и делаем, что зря топчемся на и без того порядком потоптанной бедной ирландской земле.

— Да вот об отставке подумываю, — холодно заявила я. Командор чуть не споткнулся от таких слов, а кот явно хватил столбняк. С трудом удержавшись от того, чтобы не сказать сразу, что это шутка, я повелительно добавила: — Если только некоторые из здесь присутствующих не выбьют нам отпуск сразу же после окончания операции. Старания в расчет не принимаются, только чистый результат!

Судя по физиономиям агентов, они намотали себе мои слова на усы и навек запечатали в сердце. Потом Мурзик отвел Алекса в сторонку, возмущенно шепча:

— Что эта девчонка вообще о себе думает?!

— Успокойся, агент 013, на деле она очень скромная и милая девушка.

— Завидую твоей наивности, друг, мне она ни разу не дала повода заподозрить, что в ее душе осталось хоть что-то светлое... — убежденно изрек кот. За что тут же схлопотал пинка, не сопровождавшегося с моей стороны абсолютно никакими угрызениями совести.

— О, извините, Профессор, я споткнулась, — с искренней улыбкой сообщила я всем присутствующим.

— Ну и что ты теперь скажешь?! — разъяренно выпалил толстун, обращаясь исключительно к командору. Мне не досталось даже крошечного уничижительного взгляда, это задевало...

Скорей бы уж действительно домой, на Базу, как-то скучно тут. Если сегодня этот подлый Ворон окажется сыт и не клонет на наш шашлык — я его голыми руками поймаю и все перья повыдергиваю! После этого он наверняка дернет подальше от Ирландии, хотя на загипсованных крыльях далеко не улетишь...

За этими сладостными фантазиями я не заметила, как мы пришли на знакомую полянку. Пока я пребывала в раздумьях, Алекс перенесся с помощью «переходника» на рынок в ближайший городок и уже через минуту стоял рядом с нами с упаковкой бараньего филе. Склочный пенсионер страшно ругался, настаивая на том, что, дескать, мы уже договорились купить барашка у Шамаса, и требовал неустойку.

— А мне было бы жалко резать живого барашка! — даже обрадовалась я.

— А кот не жалко?! — зачем-то влез Профессор.

— Вот и я о том же подумал: зачем без нужды убивать животное? — поддержал меня командор. Не обращая внимания на безутешного Патрика, мы огляделись в поисках наиболее подходящего для пикника места.

В мешке Алекса были плащи вещей сестричек, сеть для Ворона и шашлычница с шампурами, найденными у дедули в хижине. Пока выбирали, куда сесть, я кое о чем вспомнила...

— А как ты спасся от ведьм, агент 013?

Тот глянул на меня искоса, не задала ли я ему этот вопрос исключительно в язвительных целях. Но я нежно погладила котика по спине, и он, благодушно замурлыкав, наконец-то раскрыл ротик:

— Я нарезал такие большие круги и так страшно запутал следы, что ведьмы совсем выдохлись и отстали. Когда я обернулся в последний раз, то увидел, что одна без сил пылится на земле, а две другие, высунув язык и часто дыша, повисли на деревьях, чтобы не упасть. Представляю, какая одышка их мучает. Хи-хи-хи!

Агент 013 довольно задрал хвост, явно гордясь своим неджентльменским поступком. А я отметила, что этот хвостатый лицемер очень даже умеет строить пакости другим, хотя меня за то же самое отчитывал без зазрения совести.

К этому времени Алекс уже ставил шашлычницу, и котик пустился ему помогать. Чтобы не работать, я сделала вид, будто любуюсь красотами природы. Поле действительно

было красивое, все в каких-то лазоревых цветочках, а по краям аккуратные кустики вереска. Но главное, сверху обзор хороший, и Ворон должен заметить нас издалека. Хотя... не исключено, что у него сегодня выходной или погода нелетная. Тогда мы можем жарить шашлык хоть целые сутки напролет, но так и не дожидаться нашей птички.

Пока напарники хлопотали, я достала из мешка плащ среднего размера и надела прямо поверх платья — пришлось почти впору. Но моим агентам не так повезло — самый большой из ведьминских плащей выглядел на командоре как мини-юбка. А самый маленький был настолько велик нашему Мурзику, что теперь-то он наконец чувствовал себя как кот в мешке. Ничего не видел вокруг и не мог ступить ни шагу, так и топтался на одном месте, тихо ругаясь себе в усы.

— Тут у меня уже есть готовый маринад, — деловито сообщил Алекс, вытаскивая из-за пазухи горшочек, пару луковиц и нож. — Достал там же, где и баранину. Алина, порежь, пожалуйста, лук, а мы с агентом 013...

— Нет, нет, нет! Терпеть не могу резать лук, у меня от него слезы. И вообще, готовка — это не мое!

— Ишь ты кака-а-ая, — недовольно протянул кот, с трудом откидывая с глаз огромный капюшон, дабы смерить меня осуждающим взглядом. Как маленький домашний тиран, он считал, что приготовление пищи — прямая и священная обязанность любой женщины! Ее крест по жизни. И каждая представительница слабого пола должна уметь и любить надрываться у плиты.

И после этого говорят, откуда берется феминизм?!

— Милая, тогда не сочти за труд, набери веток для костра. Я и сам тут как-нибудь управлюсь, — великодушно заключил суперагент, принимаясь резать мясо. Кот демонстративно кинулся ему помогать.

— Это не женское дело — дрова таскать, — попыталась поканючить я, но приказ есть приказ... Для внутреннего удовлетворения упрекнула Алекса, что он-де не догадался прихватить торфа, который тащил всю дорогу от дома вещей сестер. Командор пожал плечами и пояснил, что собирался, но Темный Патрик заломил за свои грошовые торфяные брикеты такую цену, что легче собрать по лесу сухие веточки, чем вы, дескать, леди, незамедлительно сейчас и займетесь.

Еще командует, экономист... Ну, за что такого можно любить?! Тьфу, пропасть! Ну не за что абсолютно, а ведь люблю же! Агент 013 с ухмыляющимся видом кивал головой. Но, встретив мой взгляд, кот вовремя принял печально-благообразный вид и сочувственно заметил:

— Ты, как всегда, права, Алиночка, абсолютно права, но такова наша служба...

Сосредоточенно собирая по кустам сухие веточки, я привычно ругала этих черствых мужчин, еще раз придя к мысли, что меня здесь не понимают. Жалея себя, я уже подумывала, а не всплакнуть ли, как вдруг из-за кустов выскочило несколько деревенских мужиков с вилами и топорами. Мне их лица показались знакомыми, наверное, видела вчера в деревеньке Мачибадб. Самый здоровый шагнул вперед, вытянув перед собой составленный из зеленых веток крест.

— В чем дело, товарищи?! — ничего не поняла я, и все вокруг разом загалдели:

— Это она!!!

— Да, это я, ну и что?

— Точно она! Та ведьма, которая вчера разговаривала с Вороном, про нее еще друид наш говорил!

— Убью я этого Патрика когда-нибудь...

— Слыхали?! Вот тут-то она свой истинный нрав и показала. Наверняка палку для метлы ищет, на шабаш лететь пора. У, ворона! — погрозил один, но, встретившись с моим испепеляющим взглядом, заткнулся, схватившись за горло, словно языком подавился.

— Смотрите, что она с Диком сделала! Окружай ведьму, ребята!

— А она точно ведьма?

— Это кто там сомневается? Ворон сам сказал ей: «Сапера-а-а-ви!», может, еще и «Кинд-зма-ра-ул-л-л-и!» добавил, а она не упала тут же мертвой на землю. Значит — привыкшая.

— Так вот кто его на нас насылал?! Да еще с котом ходит, разговоры разговаривает, истинная ведьма!

Что-то они про Алекса забыли, может, напомнить? А, потом скажу, когда назреет момент для очередного эффектного появления супергероя...

— Разберемся с ней — и от Ворона избавимся! Не посмеет он без ее указок крылья распускать, разом прекратит на нас заклятиями сыпать.

— Точно, правильно! Смотри, как глазищи у ней засверкали. Признает поди вину-то!

— Ничего я не признаю! — надулась я. — Что вам от меня надо, мужичье?! Шли бы вы... подальше отсюда, иначе кликну кое-кого, мало не покажется!

Я, конечно, имела в виду Алекса и кота, но специально не конкретизируя, чтобы не раскрывать козыри раньше времени. А зря... Орать надо было сразу! И громко-громко...

В один миг мне сунули тряпку в рот, набросили на голову мешок и обмотали руки-ноги веревками.

И как в такой ситуации мне удалось сохранить чуть ли не моржовое спокойствие? Наверное, от удивления... Теперь ведь небось и на костер потащат. Меня же, в сущности, еще ни разу не жгли... Вот деревенщина безграмотная! Ну ничего не знают об агентах по борьбе с монстрами, не ведают, что в борьбе за их же благо погибаю! Можно сказать, повторяю трагическую судьбу бедняжки Жанны д'Арк. Интересно, а меня потом тоже объявят святой? Вот кот обзавидуется...

— Уф, получилось! Не успела она-таки своего Ворона свистнуть.

— Ага, повезло, а то бы... У-у-у!

— Мм-гм-мгммм!!! Мнгмммммм?! — решила проявиться я.

— Ишь ты, еще дергается да ругается, вот стерва!

— Потащили ее, мужики! Ох и тяжелая... Так ведь и надорваться недолго.

— Хм-нм-нымн!!! — праведно возмутилась я, пятьдесят килограммов не вес! Никогда жиртрестом не была, слабаки!

— А, пусть сама идет!

— Угу, развяжем ей только ноги. Небось не убежит!

Что-то подобное уже было... Ага, Россия, девятнадцатый век. Я изображала пленную таджичку, и для убедительности образа некоторое время мне пришлось походить на веревочке. Стыдно, горько, но есть такое слово — НАДО...

Однако тут ситуация диаметрально противоположная. Неужели эти психи не заметили моих агентов, пока тут облаву устраивали? Или не понимают, какую кузькину мать им потом командор устроит? Да и Профессор, кстати, тоже тот еще специалист по партизанской войне...

В мешке было темно и душно, вдобавок абсолютно нечем заняться — даже полюбоваться на местные достопримечательности не получалось. Я (конечно же из вредности) демонстративно отказалась идти на своих двоих! А потом еще и помахала ногами во все стороны, лихо кому-то врезав. В результате деревенские жители за счастье приняли тот момент, когда я снова была накрепко связана.

Теперь сельским инквизиторам пришлось с горем пополам тащить меня на руках все время пути, пеняя на то, какая им ведьма попалась тяжелая. Ну ничего, зато узнают, что охота на ведьм — это не развлечение типа рыбалки или коллекционирования бабочек! Дилетанты...

Поскорее бы меня хватились, что ли?! Пусть только попробуют не появиться, я им потом до старости в страшных снах являться буду! Знаю, кот, виновато мурлыкая, начнет тереться у ног, а Алекс принесет большой букет роз в знак полного раскаяния... Но если они опять будут с корнями и землей, я не знаю, что с ним сделаю! А потом еще, смущаясь, признается, что тайком своровал их из оранжереи, пока гномы-садоводы не засекали. Ну о

каких чувствах после этого может идти речь?!

Есть что-то хочется... Надеюсь, мои агентшкн, когда наконец соберутся меня спасать, не забудут захватить с собой свежезажаренного шашлычка.

Гомон похитителей, несколько приутихший, вдруг резко усилился, видимо, мы прибыли. Ну наконец-то, а то у меня руки-ноги затекли.

— Спасибо, что покатали, — вежливо поблагодарила я. Меня поспешно поставили на ноги, сняли с головы мешок, а тряпку я и сама выплюнула. Люди вздрогнули, наверное побаивались, что стоит мне развязать рот, как я свистну своего верного Ворона, и тогда всем хана...

Мы находились рядом с каким-то хутором, по всему видать, совсем недалеко от Мачибадб, место казалось знакомым. Тут же, на пустыре, толпился народ с факелами, и человек десять уже поспешно вкапывали здоровенный столб, а другие, пыхтя, таскали дрова для костра. Если это все-таки не народное гулянье и не какой-нибудь неизвестный мне ирландский праздник, то эти люди наверняка собрались сжигать ведьму. То есть, видимо, меня. Полный бред...

Меня усадили на камушек, оставив наблюдать за приготовлениями, и я снова заскучала. Люди старались обходить меня кругами, поэтому я немножко удивилась, увидев, что рядышком мнется какой-то невысокий мужичок. Боже мой, да ведь это тот самый лепрехун в красной треуголке, наш давний (со вчерашнего вечера) знакомец.

— Ну что, молодая леди, как ваши дела? — издевательски начал коротыш. — Вижу, собрались прогреть косточки на костре?!

— А не боишься, что я тебя использую для растопки? — Жаль, руки связаны, а то бы он тут безнаказанно не прикалывался. — Если не собираешься помочь мне бежать, то катись колбаской!

Яснее ясного было, что не собирается. Вон рожица какая пакостно-хитрая...

— Хе-хе, ну вот и справедливое возмездие! И дня не прошло, но теперь оно близко-о-о... Небось думали, что я забуду все издевательства, причиненные тобой и твоими дружками на вечеринке у Пака?!

Глаза его на миг вспыхнули от ярости, а на губах зазмеилась гнусная ухмылка. Он удовлетворенно потирал потные ручки.

— Слушай, уйди от греха, крысеныш.

Но коротышка не внял моему совету, а, наоборот, раскрыл пасть, потчужа меня очередными изъявлениями своей глубочайшей ненависти. Пришлось обратиться к народу:

— Эй, люди, уберите от меня этого красноколпачника! Мало мне вашего костра, хочется перед смертью о душе подумать, а этот плюгавенький меня нарочно от высокого отвлекает.

Среди деревенских жителей было много женщин и детей, бросались в глаза старики с трясущимися конечностями, инвалиды труда (их всех тащили под руки, никто не хотел остаться дома и пропустить бесплатное развлечение). И хоть бы один повернулся в мою сторону! Нет, вру, повернулись две бабки, особо продвинутые...

— Глядите-ка, черную ведьму ее Господин, не к ночи будь помянут, мучает! Похоже, уже заговариваться начала.

— И дергается в судорогах, ох, грехи ее тяжкие...

— Смотрите, смотрите, сейчас пена изо рта пойдет. Вот жуть-то!

— Тьфу на вас, дуры безграмотные, — с досадой буркнула я. Люди не отрывались от своих занятий, одни укладывали хворост, другие шумно обсуждали, почему так долго не идет священник, без которого ведь не начнешь церемонию.

— Никто не станет тебе помогать...

— Изыди, противный! — Я гордо отвернулась от карлика.

— Отчего же, позволь сначала досказать. Вернее, я еще не начал...

— Еще не начал, а уже достал!

— Не начал рассказа о том, как тщательно я готовил свою жестокую месть! Кстати, не

кричи на крестьян зря — они меня не видят. Хе-хе, моя сила слишком велика, а потому я могу...

— Они не видят тебя из-за твоего роста, карапуз. Хочешь поэкспериментировать — влезь на табуретку, сразу кто-нибудь да заметит. Только выбери самую высокую и... подпрыгивай!

— Молчи, несчастная!

— Сам заткнись, клоп в сапогах!

— Да знаешь ли ты, кому обязана тем, что связана по рукам и ногам? Тем, что не пройдет и получаса, как тебя поведут на костер?!

— Конечно, знаю — моим агентам, которые вечно спасают меня в самый последний момент, копуши несчастные.

— Хватит портить мою замечательную речь, которую я составлял на протяжении всего дня!

— Ой, молчу, молчу, — снисходительно фыркнула я.

Коротышка приосанился, выпятил свою узкую грудь и торжественно произнес:

— Мне! Это я навел на тебя этих деревенских простофиль, наслав заклятие на самого Темного Патрика. После этого он живо понесся в деревню, рассказав все о тебе и твоей дружбе с Черным Вороном. А дружков твоих ты здесь не увидишь! Они придут слишком поздно, и пусть твоя смерть принесет им больше мучений, чем своя собственная. Ха-ха-ха! — старательно зловещим голосом произнес он, воздев кулачки к небу.

— Ну, прямо удивил, — презрительно отметила я. — Тьфу, и ничего больше твое откровение для меня не значит! Я думала, хоть что-то интересное сообщишь. А так мне по-прежнему скучно... Вали давай, не наводи тоску своим жалким видом, а то мне стыдно становится, что я в этом году так ни копейки и не пожертвовала в Фонд Помощи Душевнобольным Лепрехунам.

Негодяй страшно обиделся, затопал ножками, вопя, чтобы я прекратила называть его лепрехуном! Дескать, это страшно выводит его из себя, расшатывая и без того некрепкие нервы. На меня напал невольный смех... Тут он сразу начал хвататься за сердце, хрипя, что это я его довела, а я лишь молча слушала его вопли, благожелательно подхихикивая. В конце концов бедолага взвыл и, рассыпав сноп искр, с громким хлопком растворился в воздухе. На земле подле моих ног осталась лежать лишь его огромная красная треуголка, оброненная карликом в суматохе. Н-да, не надо было ему так себя накручивать...

Сделав отчаянное усилие, я пододвинула треуголку носком ботинка поближе к себе. Просто хотелось поиграться — сейчас спрячу ее под ноги, а когда малышок вернется, не отдам! «Обокрали! — отчаянно заверещит он. — Лишили имущества! Отняли последнюю радость!» Ну-ка, еще одно усилие... Какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что эта треуголка действительно была самым ценным его достоянием.

Наконец мне удалось придвинуть головной убор вплотную к себе и, подтолкнув его правой ногой, поймать на носок левой. В тот же миг в ушах у меня раздался резкий стеклянный звон, громки-и-ий... Я ошарашенно посмотрела по сторонам — не стоит ли кто рядом с кучей оконного стекла, колотя по нему молотком со всей дури? Вроде нет, ничего похожего. Я опустила глаза вниз. О боги! Ног не было, и вообще — ни ведьминского плаща, ни моего земного порядком запылившегося длинного платья, ни стоптанных башмаков — только серый камень и веревки деревенского плетения. Выше тоже ничего. Прошу прощения за косноязычие, до этого момента мне никогда не приходилось видеть себя невидимой! Идиотская фраза, но иначе не скажешь... Я — невидимка! Обалдеть можно... А с чего это? Ха, опять волшебная шляпа?! Уже вторая волшебная шляпа за последнюю неделю, надо же.

Я активно принялась распутывать веревки, пока никто не хватился выяснять — куда так резко делась ведьма? Благо что я с обеда ничего не ела и похудела страшно: узлы отвисли, и свобода далась мне без особого труда. Шляпа, естественно, брякнулась, и на меня вновь обратили внимание. Но пока самые умные соображали, как им быть, а самые храбрые подбирали палки — я резво цапнула треуголку с земли, быстро надев ее на голову, и вновь

стала невидимой.

Люди на пустыре подняли крик! Вскоре к ним присоединился и зычный голос католического священника, за секунду до этого явившего народу свою долгожданную персону. Я решила особо никуда не спешить и проверить маскировку. Вроде действует безотказно, значит, можно спокойно потусоваться в гуще толпы и досмотреть представление в свое удовольствие. Все равно придется ждать своих героев, то бишь моих горе-спасателей, а то они с горя-то без меня весь шашлык съедят...

Эх, на кого же с такими коллегами остается полагаться, как не на себя, сердешную? Хорошо, что шляпа волшебная подвернулась, а то бы гореть мне... Даже представлять не хочется, только сейчас пришло осознание всей жути происходящего, ведь меня и вправду могли... или еще могут сжечь! Если бы не мстительный коротыш с израненной нервной системой... Обязательно надо поблагодарить при случае и полную треуголку чупа-чупсов насыпать! Хотя, с другой стороны, если б не он, меня вообще бы не тронули. Ни за что не буду шляпу отдавать! Коллекционная вещь и моя по праву! Осталось написать практическое руководство: как совершать подрывные действия в качестве иностранного шпиона, бесплатно затариваться в супермаркетах, благополучно скрываться от призывной комиссии и т. д.

Короче, мне было весело стоять и наблюдать за общим переполохом. Как же я расстроила народ своим весьма своевременным (лично для меня!) бегством... Честное слово, если бы знала, как они отреагируют, десять раз передумала бы.

Все как один ринулись взапуски по пустырю! Вопли и проклятия плотно нависли над грешной землей...

— Видать, нечистый тут неподалеку крутится, вот и утащил свою верную приспешницу!

— Бежать надобно, братцы, пока он до нас не добрался!

— Разбирай помост, все равно ночью его к чертям растащат на дрова!

— Не смей, дети мои! Эту чертову ведьму скоро найдут, далеко убежать она не успела, а святое дело надо доводить до конца!

Не буду врать, нашелся пяток соискателей, которые не побоялись начать обшаривать близрастущие кусты. Но довольно быстро вернулись, как-то ненатурально почесываясь и жалуясь на «озверевших барсуков». Бред сивой кобылы! Однако парням поверили, и вскоре кое-кто из наиболее ушлых уже тащил под шумок по домам приготовленные для костра бревна.

Меня по-прежнему скрывала шляпа, поэтому я могла спокойненько получать удовольствие от этой веселухи — хоть какое-то вознаграждение за все перенесенные неудобства. Я так смеялась, что едва не выдала свое местонахождение. А потом вдруг заметила, как сельчане дергаются, слыша смех из ниоткуда, и тогда уже отвела душу...

Понапугав кое-кого до икоты, я подустала и призадумалась — что все-таки делать, когда заявится хозяин треуголки? По идее, он уже давно должен был прибежать с безумным видом и высунутым языком. Нет, отдать я ж ни в какую не отдам, но и драться из-за шляпы с мелким скупердям особого желания нет. Значит, пора сматываться, мне тут решительно больше нечего делать.

Именно в этот момент он и вернулся, испортив все настроение. Некоторое время карлик возбужденно озирался по сторонам и, наконец, увидел меня — ему невидимость не помеха! В два прыжка коротышка очутился рядом со мной и яростно завопил:

— Так вот где я ее забыл! Проклятый склероз, проклятые нервы, проклятая девчонка! Отдавай сейчас же мою треуголку!

— Фигу тебе, однозначно! — Я и не собиралась. В конце концов, от шляпы сейчас зависела моя жизнь, а потому я высунула язык, издеваясь над коротышкой. Но тут, к моему удивлению, он так сиганул без разбега на полтора метра от земли... Я и ахнуть не успела, как он уже сорвал с меня свою шляпу! Рекордсмен, чтоб его! Бубка-недоросток, торжествующе гэкнув, юркнул в кусты и был таков.

— Вот же она, ведьма!

— Точно, держи ее, чертовку!

Ну вот, я опять в центре внимания... И чего ж эта дутая популярность так не греет? Но прежде чем меня взяли в оборот, в медленно опускающихся сумерках черным пятном мелькнула грозная птица...

— Смотрите, смотрите, Ворон! Ворон летит прямо сюда! Спасайся кто мо-же-е-ет!

— Эй, наконец-то, да! Я тебя уже целый час визидэ сматрю. Нигдэ нэт! Э, ты гидэ пропадала? — Горбоносый Гиви спланировал прямо к моим ногам.

— Вэк... долгая история, — подумав, сказала я. Похоже, что наша идея с шашлыком все-таки имела реальные шансы. Прилетел же он сюда, издав предчувствуя запах жареного мяса? Хотя в моем случае это было бы скорее паленое...

— Кырыло паврэдил, мэдлэнно лэтаю, э... — виновато произнес он. — Успэл, харашо, да?

Народ, до этого в испуге разбежавшийся по кустам, под руководством священника несколько ободрился. Нас начали ненавязчиво так окружать, вроде бы не специально и пряча булыжники за спиной...

— Алина! Мы здесь, держись!

Я обернулась в сторону до боли родного голоса, сердце сразу защемило от радости. Там, в толпе агрессивно настроенных мужиков, храбро проталкивались два моих спасителя — человек и кот! Любимый мужчина и пушистый зануда! Как же я их люблю... Обоих! Но по-разному...

Сельчане смотрели на меня подозрительно-неласково, я их, похоже, уже достала своими исчезновениями, а тут еще и птичка родная появилась, что, как вы понимаете, не могло прибавить настроения моим добрым карателям.

Ворон, выйдя вперед, сжал крылья в кулаки и принял боевую стойку. Но народ, как известно, терпел долго, а сейчас подвернулся шанс ценой многочисленных жертв (в чем люди не сомневались) избавиться от проклятий мистической птицы. Навсегда!

Алекс и агент 013 имели ощутимое преимущество, хоть и не численное, но все же. Оба профессионала успешно распахивали неискушенных в единоборствах крестьян. Конечно, где бедные ирландцы могли обучиться непобедимому искусству боя, разработанному в будущем специально для суперодаренных котов! В принципе, все искусство заключалось в том, что агент 013 с боевым кличем: «Мя-у-ау-я-я!» начинал пыжиться и надуваться до тех пор, пока близстоящий враг, не выдержав психологического прессинга, не бросался наутек. Вид Профессора, вступившего на тропу войны, был страшен! Счастливые избежавшие трепки крестьяне со слезами на глазах благодарили судьбу за то, что «кот-убийца» не успел применить зубы и когти.

Командор плашмя рубил мечом, время от времени крепко прикладывая то одного, то другого хуторянина. Нехотя, с упреками и угрозами, люди вынужденно расступались. Кажется, трагедия традиционно перерастала в фарс.

Хотя единственный опасный момент все-таки был... Я как раз кляла своих агентов за «нерасторопность», когда какой-то особенно оборзевший тип с нечесаной бородой кинул в меня горящую палку! С трех шагов не попал, но вспыльчивый Ворон тут же использовал свою главную фишку. Резко взмыв в воздух, он громко и торжественно, как будто читая заклинания, оповестил:

— «Саперави» на тэбя! «Аурели!» «Киндзмараули» всэх вас!

— О боже! Я, кажется, ослеп! — мгновенно заверещал грубиян, упав на землю и закрывая глаза руками.

— И мне что-то с сердцем плохо-о... — поддержал односельчанина седобородый хрыч на костылях и с нервным тиком.

— А у меня ноги отказали! — заорал другой дед, улепетывая со всех ног с места событий.

Надо сказать, их примеру последовали все прочие, невзирая на возраст, пол и

социальный статус. «Заклинания» действовали безотказно! Люди вопили, кричали, стонали с такой безысходностью и страхом в голосе, словно стали непосредственными участниками апокалипсиса.

— Что стоишь столбом, сейчас они опомнятся! Уходим быстро, любимая... — проорал мне в ухо Алекс. Мы схватились за руки и бросились за серо-белым клубком — кот, как всегда, впереди. Его торжествующий хвост, качаясь в разные стороны, указывал нам правильный курс. Мы улепетывали в сторону леса.

— Там же барсуки! — только и успела ахнуть я, когда он ломанулся в самую чащу.

— Жиду вас в условленном мѣстѣ! — крикнул вслед Ворон. — Удачи, генацвале!

Я обернулась через плечо — добрая птица уже взмыла ввысь.

Мы приостановились, погони вроде нет. В просветах между деревьями можно было видеть понемногу приходящих в себя людей. Потоптавшись на месте и посмотрев в сторону леса, они постепенно сваливали домой, прекрасно понимая, что ловить здесь уже нечего. И только в сумерках на пустыре кто-то при свете одного факела окончательно растаскивал остатки бревен. Что ж, не судьба вам сегодня сжечь на них скромную ведьму из будущего...

— Извини, что задержались. Кот в болото провалился, за шкурку еле выволок. Пошли, нас ждут.

— А ты знаешь дорогу? — не поверила я.

— Приблизительно... — честно признал командор.

Кот сидел у наших ног и мыл лапой загривок, ворча себе под нос:

— Грязными руками меня хватать, невежи... Микробов не оберешься после вас. Никаких положительных эмоций, одни беспокойства.

— Вы знаете, что это барсучий лес, — прошептала я Алексу, дрожащими пальцами хватая его за рукав.

— Да, Темный Патрик говорил. А к чему ты это ведешь, уже второй раз про барсуков каких-то... И что это у тебя с глазами?

С моими глазами все было в порядке, просто я пыталась дать ему знак, изо всех сил таращась и кося взгляд, при этом боясь пошевелиться. Я хотела, я надеялась, но чего ждать от мужчин?! Разве они успеют разглядеть, понять, заметить, перед... перед тем как начнется. Но командор все-таки сообразил и посмотрел в нужном направлении. Метрах в пяти от нас мрачно стояло штук двадцать крупных, агрессивно настроенных барсуков. Их ряды множились, и все смотрели на нас недобрыми глазами.

— Простите, если потревожили ваш сон, уважаемые барсуки! Нам нужно всего лишь пересечь ваш лес. Шуметь мы не будем, быстренько пробежим на цыпочках. Мы с вами одной крови — вы и мы! Кстати, доброй охоты всем вам, барсукам, — речитативом выдала я, прячась за любимого и шепча ему в ухо: — Бежим, пока не поздно!

— Зачем? Милые пушистые зверюшки...

— Ага, видел бы ты их в деле! Об этих драчунах по всей Ирландии легенды ходят. По логике, нас именно для их нейтрализации нужно было бы сюда посылать. Ворон по сравнению с этими разбойниками — неоперившийся воробышек!

Кот вздыбил шерсть. Орлов задумчиво признал, что поздно (барсуки уже нас окружили, а мы даже не успели заметить когда), и потянулся за мечом. Тут из толпы вышел самый крупный барсук и, медленно встав перед нами, сурово сложил лапы на груди:

— Моя твоя говорить — это мой лес! Но твоя не понимать. Твоя снова нарушать границ!

— Твоя моя еще не говорить! — попыталась возразить я.

Барсук сверкнул маленькими злыми глазками в мою сторону:

— Каждый самка повторять не могу! Много раз говорить уже. Твой народ не понимать совсем. Мой язык уже отсыхать...

Его торжественная мордочка была залита лунным светом, а остальные барсуки по-прежнему молча, с беспристрастными выражениями глядели на нас — все это производило довольно жуткое впечатление. То, что предводитель барсуков разговаривал, меня уже не

удивляло. Привыкла, знаете ли...

Эх, ну когда же отпуск, надоело все. Этот барсук манерой речи и надутой важностью напоминал типичного Чингачгука. Может, нам на каникулы в Америку махнуть, а? Привезу ему потом в качестве сувенира головной убор ирокезов из орлиных перьев...

Эта мысль заставила меня подавить смешок. Ночь, луна, стоим слушаем вождя барсуков, смешно ведь. Дома, в моем родном городке рассказать кому — засмеют...

— Нет, ну не могу же я еще и с барсуками драться?! стыдно как-то, — усмехнулся Алекс, с жалостью глядя на барсучьего предводителя, который, семена кривыми ножками, пошел к своим.

— Хм, старый Патрик не раз распинался эпохальными плачами по поводу того, как они ему морду чистили! — с гордым видом знатока припомнила я.

— Но нас трое!

— Они пришли нас бить, а не считать! — вдвойне удачно вернула я.

Профессора вынужденная задержка привела в естественное раздражение.

— Почтеннейшие вы наши, а не пора ли вам разойтись по своим норам и баиньки? Для митингов протеста, так сказать, поздновато уже, — не слишком вежливо начал кот. — Вы нас задерживаете, добрые мои, а это чревато... Я, между прочим, с утра не ел! Правду говорят, что барсучий жир очень полезен для желудка?!

Ответом на его слова было гробовое молчание блеска барсучьих глаз, все внимательно слушали своего вожака, не отвлекаясь буквально ни на секундочку.

— Ну что вы там, наконец, решили? — не выдержала и я.

Главный барсук замолк и, размеренным шагом вернувшись к нам, торжественно произнес:

— Вы уходить. Мы решить давать вам последний шанс. Так вы нас доставать!

И барсук махнул лапой за спину, видимо указывая нам направление.

— Премного благодарны, — с издевкой в голосе пробурчал Мурзик и, задрвав хвост, двинулся мимо барсучьего собрания.

— Они — пусть уходить, а ты — стоять!

— Вэк?! — хором не поняли мы все.

— Толстый зверек быть заложник! — четко прояснил свою позицию вожак.

Кот обалдел... Он нервно захихикал, подмигивая нам с Алексом, словно приглашая разделить его веселье.

— Вообще-то времени мало... — неуверенно насупился командор. — Надо срочно заканчивать операцию и возвращаться на Базу. Может быть, действительно имеет смысл оставить на время агента 013? Отправим Ворона и...

— Что-о?! — едва не срываясь на фальцет, взвыл побледневший Профессор. — Бросить меня здесь на растерзание этим необразованным психам! Меня — спецарента, лингвиста, филолога, мозговой центр команды, единственного в мире кота с двумя университетскими образованиями...

— Не волнуйся, напарник, мы заберем тебя на обратном пути, — преувеличенно честно закивала я.

— И ты, Брут?!

— Эй, обзывать-то зачем? Между прочим, не я это предложила...

— Хорошо, могу остаться я, — великодушно выпрямился Алекс.

— Нет, других не надо. Хотеть толстого! — уперлись барсуки.

Прощально прижав к сердцу все еще не верящего в происходящее Мурзика, я горестно пустила слезу и, подцепив Алекса под локоток, двинулась в путь. Главное было не оборачиваться...

Торопливо пробираясь через чащу, мы спешили на встречу с Вороном, нам и вправду пора домой. Дело близится к концу, командор бегло рассказал, что, после того как я ушла в лес, они с котом быстро наладили шашлычное производство. Почему-то будучи уверенными, что дров от меня не дожидаться, а сама я наверняка сажу где-нибудь на пеньке и дуюсь на

беспросветный мужской эгоизм, они обошлись без моей помощи и разожгли огонь, собрав валявшиеся рядом ветки. Нет, ну не последние ли они сволочи после этого?! Послать беззащитную девушку в дремучий лес, когда дрова, оказывается, валялись рядом!

В общем, Ворон клюнул, словно наивный птенчик, как только в воздухе начал распространяться аромат жареного барашка. Силки были уже расставлены, и мои агенты, громко переговорив между собой насчет нехватки дров, пошли в разные стороны, следя краем глаза за птицей. Чернокрылый объект, не заставляя себя долго ждать, спланировал вниз к вожделенному шашлычку и мгновенно угодил в петлю, то бишь в специальный силоч из суперпрочной практически невидимой веревки, разработанной на нашей Базе в лаборатории гоблинов. Конечно же при виде радостных физиономий ребят, спешащих к месту событий, он сразу понял, во что попал.

— Ярости его не было предела! Ворон так бушевал, что я, признаться, поначалу даже испугался за его разум. У них там, на Кавказе, вообще кровь горячая... — говорил Алекс. — Но Профессор прочитал ему десятиминутную лекцию об истинных ценностях мировой культуры, народных традициях и этике взаимоотношений всех разумных существ. А ты сама знаешь, сколь проникновенно он умеет это делать.

Перед моим внутренним взором сразу же возник образ серого Пушистика, с умным видом поправляющего очки на коротком носу. Как тебе там у барсуков, наш героический напарник?..

— Короче, он так промыл нашему строптивцу мозги, что тот был готов хоть сию минуту безоговорочно выполнить все наши требования. Ворон осознал свои заблуждения и вел себя очень прилично. Мы почти готовы были отправить его в Грузию, как вдруг все началось снова... Он опять впал в буйное состояние и неожиданно стал горстями сыпать себе на голову пепел из костра. Наконец сквозь рыдания, проклиная себя последними словами, признался: «Вах, пэрэдатель я! Вашу дэвочку хватать стали, на кастер потащили! Я вступиться хотэл, вам сказать, а тут — шашлык... Как пахнэт, как пахнэт, ва-а-а-ах! Савсэм галаву патэрял, дэвушку забыл... Спасать ее надо, э?! Палэтим, да!»

Разумеется, Алекс с котом бросили все, даже шашлык, на произвол судьбы, дабы вернуть меня, бедняжку... Ворон летел впереди, указывая дорогу, а напарники мчались на всех парах (как вам каламбур?). Так получилось, что успели вовремя, в последний момент. Впрочем, как и всегда...

— Мы договорились после твоего освобождения встретиться у Темного Патрика. Перед отъездом в любом случае надо забрать пакет с сушеной рыбой, оставленный там агентом 013, треска еще из чукотских запасов. (Как я кота ни убеждал, он ни за что не расстанется с пищевыми продуктами!)

Я подивилась, что Алекс еще тратил время на уговоры, ведь все мы хорошо знаем, какой Мурзик — как бы это помягче выразиться — хозяйственный кот! Лично я в лицо называла его скупердяем...

Особых препятствий по дороге больше не встретилось, кроме разве что группы «ночных» сорок. Странные птички, никогда не думала, что они делятся на дневных и ночных... Так вот, пернатые дуры, дико треща, принялись летать вокруг, старательно пытаясь вырвать у Алекса фонарик. Не клюнуть, не сбить крыльями, а именно вырвать! Командор разъяснил, что стоящий электрический фонарь вполне сходит за блестящий предмет, к которым эти птицы всегда равнодушны, вне зависимости от эпохи и места обитания. В общем, отбившись от сорок, мы наконец-таки добрались до Патриковой хижины. Нам навстречу из темноты вынырнул Гиви, похоже, уже давно, верный слову, поджидавший нас неподалеку. Прежде всего он бросился ко мне, убедиться, что я в порядке.

— Я понял, все понял! Тут от минэ нэсчастье одно... Гиви зидэсь нэ мэсто, какой я был дурак! Сэрдцэ лучше знает — минэ все врэмя тянуло дамой! Родина ма-а-ая, Грузи-я-я! Песни Сулико-о, лаваш и малако-о... Зачем я тэбя нэ сэлушал?

— Ну, слава богу, наконец-то дозрел, — от души порадовалась я и, повернувшись к любимому, добавила: — Видишь, как посторонние ценят мое весомое мнение? А вы с котом

еще спорите... Вот уеду от тебя в Грузию!

— Ва-а-ах, правда?! — распахнул клювик Ворон.

— Шутка глупая, — ревниво буркнул Алекс и вежливо постучал в дверь хижины. В ответ, как и предполагалось, — тишь болотная...

— Эй, он же дрыхнет наверняка, — вмешалась я, пнув дверь так, что косяки затрещали.

— Кто там шляется среди ночи? Покоя нет усталому старику! Кхе-кхе-кхе! — сердито закашляли в доме.

— Фиг тебе, а не извинения, предательский пенсионер! — рывкнула я, в ярости пытаюсь оторвать дверную ручку. — Из-за кого мы всю ночь по болотам хлюпаем? По чьему наущению меня чуть не сожгли, а?! Чихать, что его заколдовали, мне-то от этого не легче! Спит он тут себе мирненько, старый клязник!

Когда Алекс с трудом оттащил меня в сторону, лохматый, позевывающий спросонья дедок уже стоял на пороге.

— Неужели уже уходите? — со всепрощающей улыбкой поинтересовался он и наконец заметил Ворона. Держу пари, если бы не птица проклятия — мы бы слушали его ругань вплоть до самого утра...

— Да, зашли попрощаться, — уважительно ответил командор, горячо пожимая руку слегка растерявшемуся Патрику.

Теперь, когда старичок осознал, что это действительно расставание навсегда, он даже слегка опечалился.

— Э-э, все, значит, уходите? Ну да... вы — молодежь... и Ворон с вами, — забормотал он, опустив голову. — Признаться, скучно нам без него будет... Привыкли мы к нему, не знаю, сроднились, наверное, даже. Как же мы теперь будем жить без ежедневной угрозы вечного проклятия?

— Ничего, дедуля, ради такого дела всегда найдется другой Ворон. Надеюсь, что популяция этих птиц у вас еще не вымерла на корню, — заметила я, успокаивающе похлопывая старика по сгорбленной спине. Мне стало его жалко... Станный он, конечно, с одного на другое перескакивает, причем абсолютно неожиданно. Еще вчера боялся нашей птички как чумы, а сегодня уже прощается с Гиви как с близким родственником. Совсем больной, наверное...

Расчувствовавшийся Ворон тоже попытался на прощание обнять старого маразматика, но тот испуганно попятился, торопливо пожимая нам с Алексом руки. К Гиви в силу суеверий он все-таки не решился приблизиться, чем сильно расстроил добрую птичку, которая конечно же все понимала.

Пенсионер вызвался проводить нас до дорожной развилки, пояснив, что на перекрестках любая магия усиливается, значит, и «переходник» наш будет действовать четче. А то забарахлит в самый неподходящий момент, как в тот раз, когда мы высадились прямо на болоте.

Хотя Темный Патрик и состоял агентом нашей Базы многие годы, он все же оставался жителем полуволшебной страны, где науку успешно заменяли магия и волшебство. Поэтому старик не мог поверить (сколько ему не талдычили!) в то, что такая опытная организация, занимающаяся поимкой и уничтожением монстров, нейтрализацией заклятий и проклятий, обходится без магии — основы всех основ.

Только-только начинало светать, и на дорогу перед нами вышли три овцы и две коровы, возглавляемые радостно улыбавшимся пастухом Шамсиком. Но когда он увидел черного Гиви, улыбка сошла с его лица... Парень задрожал и поспешно спрятался за Резвушкой, из-за ее брюха прерывистым голосом пожелав нам доброго пути.

Когда мы уже стояли на распутье, обмениваясь последними прощальными рукопожатиями, из-за деревьев выплыла еще одна очень знакомая фигура, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся самим Паком. На руках у него, словно спасенная принцесса, вальяжно потягивался наш кот! Вы, конечно, думали, что мы про него забыли? Вовсе нет! Просто... иногда нам с Алексом хочется побыть и наедине. Хотя по-настоящему наедине все

равно не получается...

— Доброго всем утра, друзья из другого мира! — Улыбающийся Пак приветливо помахал нам Профессором. — А я иду себе по лесу, шишки собираю, вдруг слышу шум — а это дикие барсуки спорят до хрипоты, как поступить с «толстым зверьком»...

— Я не толстый зверек! Я — единственный в мире...

— Одни хотели из него чучело набить, другие продать в Королевский зоопарк, — невозмутимо продолжал свободолюбивый дух Ирландии, совершенно игнорируя отчаянные попытки котика вырваться на волю. — Но я решил, что вам он нужнее, рывкнул на них как следует — и вот мы здесь!

— Огромное спасибо за Мурзика! — душевно поблагодарила я, поймав агента 013 за уши, дабы подтянуть к себе. Пак продолжал милую болтовню, не удосуживаясь разжать руки.

Кот вылупил глаза и тихо взвыл:

— Спаси-и-ите, он меня... тискает!

— Говорят, вас вчера приняли за ведьму? — не обращая на него внимания, продолжал Пак. — Вот балбесы! Народ в этой местности никогда не отличался умом и сообразительностью. Люди вообще мнят о себе слишком много и думают, что им все можно. А вы тут Ворона провожаете?

— Прощайте, генацвале! Гиви нэ забудэт вас. — Черная птица решительно прервала все наши разговоры. — Пара мнэ, лэтэтэ пара. Еслы будитэ в горах Кавказа — заходитэ! Самый лучший барашек для вас зарэжу!

Он сердечно обнял каждого, включая даже старого Патрика (хотя тот и дернулся), взмыл в небо, помахал нам оттуда крылом и вскоре пропал на горизонте. Мы знали, что он действительно полетел в родную Грузию, по которой так истосковался. Бедная птичка, столько перенести ради долгой дороги домой...

Надеюсь, он не передумает и не собьется с курса? Но в любом случае на Базе уже сейчас отслеживается траектория его полета. И как только мы прибудем, нам сообщат точные координаты местонахождения Ворона на последний момент.

Профессор, вырвавшись наконец из дружеских лап Пака, быстренько спрятался за командора и носу не высовывал. Нет, он нам, разумеется, все припомнит в свой час, но не теперь...

Поблагодарив от души нашего старика (все-таки он предоставил нам кров и был честным провожатым, иногда, кое-где...), мы пожелали удачи рогатому Паку, я бы с ним еще поболтала, да некогда. Алекс, пересчитав членов команды, включил «переходник», отправляя нас на Базу. Расчувствовавшийся Патрик успел-таки всучить мне на прощание одну из своих драных беличьих шкурок... Прощай, сумбурная Ирландия!

Когда мы очутились в родном фойе и увидели, что творится вокруг, у меня мелькнула кошунственная мысль — лучше бы мы остались в Зеленой стране навсегда.

Глава 2

— Что случилось?! Война, мор, вторжение инопланетян или эпидемия какая? — воскликнула я, оглядывая общую разруху и хватая Алекса за рукав.

На полу валялись опрокинутые стулья, горы фантиков, куриные косточки, пакеты из-под попкорна, использованные хлопушки, обильно обсыпанные сверху огромной массой разноцветного конфетти! Все это можно было принять за «вчера здесь был праздник», если бы мимо не проносились дико хохочущие хоббиты с безумными глазами. Едва не сбив пораженного Профессора, из-за угла выбежал гном, радостно припрыгивая и волоча по полу собрата, цепко держа его за кустистую бороду. Похоже, что того это вполне устраивало, потому что он не злился и не вырывался, а лишь тихо хихикал. Куда-то проскакал на одной лапе, поджав под себя остальные, грифон Рудик, не обратив на меня (нонсенс!) никакого

внимания. Оставалось только удивляться, как это у него так ловко получается держать равновесие, как будто парень прошел хорошую цирковую школу. Шею он обмотал новогодней мишурой, а в зубах зажал штук шесть бенгальских огней, три погасли...

— Ого-го, похоже, мы как раз к праздничку, — озадаченно хмыкнул себе под нос Алекс. — Интересно бы знать, к какому?

— День сурка в дурдоме, — сурово кивнул Мурзик.

Пожав плечами, мы решительно двинулись вперед, действуя согласно штатным указаниям: сдача реквизита и костюмов обратно в костюмерную, душ, переодевание в форму, написание и сдача рапорта. Что случилось на Базе, мы пока так и не поняли, в административном крыле — относительный покой и тишина, там даже не знали, что творится в противоположном.

— Наверное, хоббиты очередную гулянку устроили. У этих малоросликов каждый день у кого-нибудь день рождения, ничего странного, вон сколько их развелось, — вывел свою точку зрения попавшийся нам навстречу Стив, когда я возбужденно поделилась с ним увиденным.

Сдавать с ребятами рапорт я не пошла. Если шеф спросит обо мне, пусть скажут, что во время последней операции я получила множество ранений и сейчас лежу в лазарете, истекая кровью, отданной во имя общего дела. Не хочу начальству глаза мозолить, и так перед отъездом здорово его достала, выключившая отпуск, теперь в этом направлении предстояло поработать Алексу и коту.

Я успела сбегать в лабораторию к гоблинам, занесла ворованные у ведьм тигли. Сердечно поблагодарив, они деловито предоставили следующий список необходимого. Потом дожидалась возвращения моих агентов, собирая пазл с изображением Гимли, моего самого любимого героя из «Властелина Колец». Вероятно, моя слабость к нему объяснялась тем, что геройский гном был как две капли воды похож на нашего шефа.

Когда дверь распахнулась и в проеме обнаружились снулые рожи моих товарищей, все стало понятно без слов — у них тоже ничего не вышло. Я грозно сузила глаза:

— Сказала же, хоть пляшите перед ним, но не возвращайтесь без...

— Да я уж и вприсядку, и «яблочко», и «гопак» сплясал... — поспешно затараторил кот, виновато прижав уши. Потом притих, нахмурился и, сложив лапы на груди, строго осведомился: — Это еще что такое? Вы до чего меня довели?! Я, Профессор, полковник, стою навытяжку перед какой-то наглой девчонкой и... оправдываюсь! Ты, деточка, между прочим, куда ниже меня по званию, а следовательно...

— Какой ты нудный, Пусик, — грустно вздохнула я, незаметно снимая тапочку. — И чего это я так тебя люблю? Ну-ка, иди ко мне, маленький и пушистый, ближе, ближе...

— Ладно, давайте не будем ссориться, — примирительно произнес Алекс, добродушно обезоруживая меня до начала боевых действий. Интересно, чего это он такой довольный, по какому такому праву? Настроение у меня было такое, что с радостью разбила бы об чью-то присутствующую здесь голову вазу с засохшими люпинами, которые этот улыбчивый подарил мне еще месяц назад. Интеллигентные мужчины дарят цветы с периодичностью хотя бы раз в неделю.

Ладно, время было обеденное, поэтому мы с Мурзиком, не колеблясь, отложили все разборки на потом. В столовку опаздывать нельзя, это у нас на Базе железное правило. Мимо пронесся хоббит со злополучным колпаком на голове. Лицо у него было полубезумное от счастья. Хм, ну это многое объясняет! «День рождения», ага, как же...

За обедом мне в голову пришла идея. Конечно, шеф может счесть меня истеричкой, но сейчас его мнение меня не волновало. Главная мысль в голове была: «Хочу в отпуск!» Да и моим агентам отпуск не помешает. Это им только кажется, что они не устали. Вон у бедного Пушочка даже усы поседели после этой муторной операции в Ирландии. Интересно, что там подделывает наш Патрик? Наверное, совершает очередной друидический обряд в роще или расставляет новую партию капканов на белочек. Милый старичок, просто душка. Теперь, как ни странно, о нем вспоминалось только с теплотой в сердце. Надеюсь, и с Гиви все в порядке

и он благополучно долетел до родных гор.

— О чем задумалась? — нежно поинтересовался Алекс, кивая на мою порцию уже остывших макарон по-флотски. — Ты даже не притронулась к еде.

— А зря, обед сегодня ничего, — сытым голосом изрек кот, тщательно вытирая ротик салфеткой и переходя к компоту. — Неприятно, но сбалансированно и калорийно.

Я смотрела на Алекса, и в глазах у меня собирались слезы (нет, не думайте, что он так плохо выглядел — это я так настраиваюсь).

— Что случилось? — встревожился командор.

— Ничего. Но если что-то пойдет не так, знай, что я на это решилась прежде всего ради нас, любимый. — С этими словами я вскочила из-за стола и, едва не споткнувшись о пробегавшего мимо хоббита, бросилась из столовой.

Теперь было ясно, что творится с некоторыми представителями нашей такой разношерстной, но в общем-то дружной семьи обитателей Базы. Мой волшебный колпак не затерялся (все волшебные вещи схожи в одном — не в их привычке пропадать надолго) и ведет сейчас очень даже активную подрывную деятельность среди наивной братии гномов и хоббитов.

На выходе из столовой мне вновь попался бесцельно слоняющийся Стив — у этого биоробота, как и у нас сейчас, был трехдневный отдых после очередной завершенной операции. Держа руки в карманах, он насвистывал что-то веселенькое себе под нос и был где-то далеко отсюда, судя по задумчивым глазам и блуждающей улыбке. Но, как оказалось, слонялся он отнюдь не бесцельно, а, наоборот, очень даже целенаправленно поджидая меня.

— Э-э, привет, Лина! Я хотел тебя поздравить. — Он вытащил руку из кармана, протягивая мне очень миленькое сердечко, собранное из крошечных алюминиевых роз. Это его хобби, Стив делает розы из космического лома, что у него крайне неплохо получается. Бутоны так красиво ложились по ободку, что я даже ахнула и на секунду забыла, по какому важному делу спешу.

— Ох, Стивчик... Даже не знаю что сказать, — восхищенно выдохнула я. — Спасибо!

— Ну, я подумал, ведь завтра день святого Валентина... Но зачем ждать? С нашей службой человечеству нельзя что-либо планировать, надо пользоваться случаем. Вот, заранее приготовил для тебя, — обрадовался этот детина и с надеждой добавил: — Может быть, сегодня поужинаем за одним столиком?

— Ой, прости... но ничего не получится. Мне очень жаль, правда... Вернее, если все получится, меня сегодня вечером на Базе уже не будет.

— О?!

— Да, увы. Слушай, ты тут не видел случайно хоббита в шутовском колпаке? У него такой ошалелый вид и глаза, вытаращенные от недосыпа, а колпак красно-черный с бубенчиками.

— Да, разумеется, только что пробегал. За ним целая толпа хоббитов гналась, потому я и обратил внимание. Но почему...

— Потом. В какую сторону?

— Туда, — обреченно махнул рукой Стив и тяжело вздохнул.

«Извини, парень, не судьба... Холостым походишь, — подумала я, срываясь в галоп. — Что делать, у каждого своя планида. Ты еще встретишь шикарную девицу-биоробота в стиле Памелы Андерсон и сразу почувствуешь весеннее дыхание истинной любви».

И чего все мужики на эту телку повелись? У нее же грудь силиконовая... Тьфу, это не по теме, прошу прощения.

Вот я, например, люблю Алекса, этого самодовольного эгоиста, но он даже не вспомнит о дне святого Валентина. Хотя, с другой стороны, он наверняка вообще ничего не знает об этом празднике и его традициях. Да у нас вся страна жила в неведении, и только последние пять-шесть лет шевелиться начали. Это я так его оправдываю... Но когда-нибудь их с котом совесть замучает, потому что я сейчас возьму и сама им обоим что-нибудь да подарю.

Пробегаю мимо киоска с сувенирами (на Базе продают мелочовку всех времен и измерений), я резко притормозила и, посомневавшись, купила коту красную бархатную подушечку-сердечко, обшитую белыми кружавчиками. Командору достанется компьютерный диск из серии «Тематические иллюстрации» с индейцем на обложке, знаю, он эту серию собирает, но именно такого у него нет. На валентинки не очень похоже, но они обрадуются (не очень-то часто я балую их подарками), а это главное.

Через минуту я уже была в хоббиточьем квартале — так эту часть Базы у нас все называют. Огромный зал под прозрачным пластиковым куполом с эффектом бегущих облаков, все пространство занимают стилизованные под старину благоустроенные хоббиточьи норы. Крики и безумный хохот не умолкали ни на минуту, можно подумать, что знаменитая «вечеринка Бильбо» тянется до сих пор.

Толпы шумных хоббитов шныряли туда-сюда, не обращая на меня никакого внимания. А ведь я их проверенный друг! Однако того единственного, нужного мне типа на данный момент даже на горизонте не просматривалось. Кто знает, может, сидит у себя в норке и чай попивает? Главное, отобрать у него колпак... Хотя вполне вероятно, колпака здесь уже нет. Его у хоббитов давно могли забрать хоть те же гоблины или гномы. Ищи его теперь в не менее обширном и запутанном гномьем квартале — там вообще в пещерных лабиринтах рыскать пришлось бы.

И тут из ближайшей норы высунулась счастливая до ушей физиономия, на голове которой кособоко сидел мой вожаемый волшебный колпачок.

— Эй, ты не видела тут моего друга Боббера? — радостно поинтересовался у меня зараженный колпаком — по его сияющему лицу было видно, что он уже давненько находится под его тлетворным влиянием.

— Не видела я никакого Боббера, а вот у тебя есть кое-что, что мне нужно. Эй, не спеши удирать, сперва верни мне мою прелесть! — И не успел заподозривший неладное хоббит юркнуть обратно к себе в нору, дабы запереться на шесть замков, как я одной рукой схватила его за воротник, а другой быстро сорвала с головы вожаемую шляпу.

— Не благодари. Натура у меня такая — жить самопожертвованием, на этот раз вот приняла на себя «колпачное проклятие», — бормотала я себе под нос, не слушая вопли ограбленного и улепетывая со всех ног. На бегу, оглянувшись через плечо, я увидела, что обиженный хоббит организовал погоню, которая, впрочем, очень скоро отстала. Отчасти из-за того, что ноги у них были значительно короче, чем у меня, а отчасти оттого, что, потеряв колпак, хоббиты тут же забыли о том, какую огромную ценность он собой представлял. Боже, и существа с такими сорочьими мозгами держали в своих пальчиках судьбу всего Средиземья?!

Когда я влетела в кабинет шефа, на лице у меня читалось такое смешение чувств и эмоций, что тот так и замер, раскрыв рот, у кадки с бегонией с огромной лейкой в руках.

— Э... Оу! Наверное, я рад вас видеть, Алиночка... Но мне говорили, что вы серьезно пострадали во время последней операции и даже не можете ходить.

— Что вы, какие пустяки! Нет, ранения были, конечно, серьезные. Но разве может боевой спецгент валяться в постели, когда Родина в любой момент может его хватиться.

— Хм, может, у нас точно может, — согласно закивал гном.

— И вот что по этому поводу я вам принесла! Вы должны это сейчас же примерить. Даже не возражайте — будет просто отпад! — сюсюкающим и одновременно повелительным тоном выдала я, подсакивая к нему с колпаком.

— Что с вами, агент Сафина? Ваше неадекватное поведение... — неуверенно-строгим голосом начал шеф, отступая к стене.

— Ой, ну наденьте же, это от меня вам небольшой презент, кажется, у вас день рождения через полгода! Так что я вовремя. Специально для вас выбирала. Как увидела, сразу осенило: как же это пойдет нашему шефу! — Я почти приперла его к стенке.

— Хорошо-хорошо, давайте сюда ваш головной убор. Спасибо за заботу. Но мне все-таки кажется, что вам следует вернуться к себе, прилечь и отдохнуть. И прошу вас, не

вставайте как можно дольше, — отечески посоветовал гном. Потом неторопливо принял из моих рук колпак и осторожно опустил себе на голову. — О-о-о-о! Чудесный кабинетик! Как это я не замечал раньше? А какой дивный запах у этих цветов на подоконнике! Что за цвет, форма лепестков, разрез листиков... Интересно, как они называются?

Сра-бо-та-ло-о! Я достала из-за пазухи наше заявление об отпуске (то самое, что гном так категорично отверг еще утром) и с милейшей улыбкой протянула начальству вместе с шариковой ручкой.

— Вы абсолютно правы, шеф! Сегодня и мне все кажется таким чудесным, мир — поет! Но на сердце станет еще радостней и приятней, если вы напишете на этой бумажке, вот тут, снизу, своей ручкой: «Возражений не имею» и подпишетесь вот тут, правее.

— А что это, если не секрет? — подмигивая мне и глупо улыбаясь, допытывался гном. — Что это я тут такое подписываю, моя милая шалуныя?! Надеюсь, не приказ о собственном увольнении... Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха, — старательно поддержала я. — Вы мой любимый начальник, вам врать не могу. Это разрешение на короткий отпуск для нашей усталой команды.

— А вам же рано еще... в отпуск... хи-хи, — продолжал умиляться шеф, послушно подписывая все как надо.

— Спасибо, мерси, сенкью, данке шен! Вы просто душка! Жаль, нет времени на оформление приказа о повышении жалованья всем сотрудникам Базы. — В порыве чувств я расцеловала блаженно светящегося гнома в обе щеки и выскочила за дверь.

— Благодарю за подарок! — крикнул он мне вслед. — Сидит просто идеально, и бубенчики так чудесно звенят.

Вот здорово, но это только начало. Времени терять нельзя. Я нашла моих агентов, меланхолично резавшихся в своей комнате в шахматы, и сообщила им потрясающую новость.

— Что, сейчас?!

— Да, и как можно скорее. Может быть, добровольно он колпак не снимет, но какой-нибудь доброхотец всегда найдется.

— Но, может, тогда не стоит...

— Вы что, издеваетесь? Все законно, я никого не обманывала! Вот заявление за подписью шефа, можно отправляться в любую сторону света. Поехали в Америку, к индейцам, а? — заканючила я. — Восемнадцатый век, индейцев еще не загнали в резервации. Поэтому у них еще хорошее настроение и вполне миролюбивый нрав. Ну, мы не будем, конечно, соваться к особо воинствующим, а то какой отдых... Возьмем «переводчики», оденемся, раскрасимся соответственно и явимся к ним как братья по перу... Тьфу ты, по перьям, то есть как их братья-индейцы, я хотела сказать.

— Мр-м, но почему именно индейцы? — нервно поинтересовался кот, он вечно ждет от меня подвоха.

— Первозданная природа, чистый воздух, натуральные продукты, неиспорченные цивилизацией люди, что еще нужно для полноценного отпуска? Разобьем вигвамчик где-нибудь на берегу озера, — с жаром выдохнула я — нарисованные в воображении картины казались на тот момент единственно правильными. — Ты только представь, агент 013, как величественно ты будешь смотреться с раскрашенной красно-синим мордочкой и орлиным пером за ухом. Настоящий вождь делаваров у костра на совете племени!

Кот на минуту задумался, сдвинув бровки, зримо представляя себе эту сцену. Глаза у него загорелись, но, как оказалось, по другой причине:

— Ладно, вы тут пока собирайтесь, голубки. А я пойду в бухгалтерию, оформлю приказ и получу отпускные. — Эта часть процедуры была самой приятной для Мурзика.

В бухгалтерии кота глубоко уважали, он был единственный, кому не могли сказать: «В кассе денег нет, зайдите через недельку». Кто-кто, а Профессор все до копеечки получит здесь и сейчас.

— Хочу, чтобы были водопады, горные озера, лес, скалы и бизонов побольше — все

вместе! — возбужденно говорила я Алексу, пока мы бежали в костюмерную.

— Ну, тогда это, вероятно, Великие озера. Между Онтарио и горами Аппалачи самое подходящее местечко, сколько я помню географию.

— А какие там племена обитали, случайно не знаешь?

— Кажется, ирокезы... Нет, конечно, еще какие-то были, черт их знает, но ирокезы точно, — уверенно кивнул Алекс. Я умилилась в душе его начитанности и глубоким знаниям.

Пока нам подбирали одежды индейцев (я еще для Мурзика выпросила ленточку с пером), мы с Алексом как следует загорели в солярии. А когда вернулись к себе в полном облачении детей дикой природы, встретивший нас кот удивленно застыл, а вечное недовольство на его усатой морде сменилось искренним восхищением.

— Алиночка, ты как будто сошла с картины Сароямы. У него там есть такая же девушка-индианка, красивая...

— Да? А я думала, он рисовал одну похабщину. Не знала я, агент 013, что у тебя такие разносторонние интересы. — Я смерила смутившегося кота насмешливым взглядом.

Хотя, по совести говоря, мы с Алексом действительно выглядели как заправские индейцы — в кожаном прикиде с бахромушками, поясками, расшитых мокасинах и украшениях из перьев на голове. У меня было еще и обалденное платье с узорчиками, а у командора волчьи зубы на шнурочке и классический винчестер. В довершение дотошный Пусик настоял, чтобы мы разрисовали лица по схеме: «Хай, я только что убил врага, удачно поохотился на оленя, а теперь не мешало бы, чтобы пошел дождик».

Кот одобрил место, которое мы выбрали, сказав, что климат там для его чувствительного организма очень подходящий, солнце в лесу не жаркое, и в речке много рыбы. Я повязала ему на голову ленточку с пером, несмотря на то что он притворно ворчал, и погладила по спине. Профессор едва не размурлыкался, но Алекс, нажав на «переходник», в мгновение ока перенес нас всех в Америку восемнадцатого века.

* * *

— Интересно, как нас встретят братья-индейцы? У меня тушь не потекла? А краска у меня на лице не размазалась? — волновалась я.

Но все это, конечно, мелочи... Мечта, можно сказать, осуществилась! Еще утром мы и предположить не могли, что уже вечером разобьем бивак на лесистом западном склоне Аппалачей у живописного берега реки. Неподалеку стоял небольшой поселок ирокезов, туда мы и направлялись.

— Если я сейчас же кого-нибудь не поцелую, то просто лопну от переполняющего грудь счастья! — окончательно решила я, попытавшись обнять и прижать к сердцу кота. Но он конечно же возмущенно вырвался, призывая меня немедленно уgomониться. Но мы-то знаем, что он умел улыбаться гораздо естественнее какого-нибудь Чеширского Кота! Хотя и гораздо реже, чаще напуская на себя строгий вид, — манера, приобретенная им еще в бытность преподавания студентам основ правоведения.

Перед поездкой Алексу нарастили и покрасили волосы — теперь у него были длинные черные космы, зачесанные назад. А я свои заплела в две косички — косички мне всегда шли.

Мы брели по утоптанной лесной дорожке, прямо к поселку, как вдруг перед нами прыгнули с деревьев двое индейцев.

— Хонг па? — спросил один, что означало: «Кто идет?»

— Всем привет, мальчики! — громко поздоровалась я, кокетливо теребя на груди медальон-«переводчик». Индейцы, похоже, слегка опешили, что мгновенно отобразилось легкой бледностью на их беспристрастных скуластых лицах.

— Тише ты, мужчина должен говорить первым, — шикнул на меня Алекс. — Приветствую вас, братья. Да хранит вас великий Маниту...

— Фу, ты что, ориентируешься на скучные голливудские вестерны?! — возмутилась

я. — Разве нельзя просто по-человечески разговаривать...

— Если ты не прекратишь ругаться и выступать, они не будут уважать меня, потому что я слушаю женщину. А это, как понимаешь, чревато для всех нас, и отдыха здесь может не получиться... по меньшей мере.

— Откуда вы и зачем явились на землю ирокезов? — громко и с некоторой угрозой в голосе поинтересовался один.

— Мы ваши братья — из племени сиу, пришли с востока. Бледнолицые волки сожгли наши вигвамы и уничтожили всех бизонов.

— Ты несешь бред, — выдохнула я, покрутив пальцем у виска. — Скажи еще, что они сломали твою трубку мира...

— А это моя скво. Она немножко не в себе, потому что бледнолицые отобрали у нее пять пар новеньких мокасин и глиняный горшочек с прахом матери. Ей не удалось вернуть их обратно. Мои братья поняли бы, что это для нее значит, если бы видели, как она оскальпировала одного торговца из миссии только за то, что тот всучил ей плохо изданную Библию и не хотел возвращать деньги.

Индейцы понимающе закивали, сочувственно глядя на Алекса. Убила бы на месте! Мой любимый всегда найдет способ выставить меня дурой. Ну я тебе это припомню, мерзкий койот, говоря на местном наречии.

— Как зовут нашего брата, чтобы мы могли доложить о нем вождю?

Фу, сколько церемоний... Еще с вождем любезничай, подарки ему дари, прежде чем тебе разрешат мирненько установить вигвамчик и завалиться спать. И хорошо, если разрешат, а не предложат в течение суток покинуть территорию. Спрашивается, зачем мы потащились к ирокезам? Это кот настоял. Без официального разрешения местных жителей он пикника не мыслит. С другой стороны, в обществе индейцев будет наверняка веселей.

— Меня зовут Лос Бандитос, что значит Добрый и Честный Гражданин Своей Страны. Мою скво — Черная Галка, что значит Вечно Растрепанная, еще с нами кот.

Индейцы смерили взглядом кота, который высокомерно молчал.

— Хау, Лос Бандитос! Зоркий Медведь ждет тебя.

Поселок оказался ничего себе — приятный, туда-сюда со свистом и улюлюканьем носились дети, по всей видимости игравшие в индейцев. Взрослые занимались насущными делами. Три женщины, растянув на земле свежую оленью шкуру, старательно скребли ее, мужчины чинили каноэ, на таких охотятся на бобров, если я тут хоть что-то понимаю. Сам поселок был окружен лесом, за которым поднимались горы, вблизи протекала довольно широкая речка с очень симпатичным песчаным пляжиком. В нескольких милях ниже по течению, как мы потом узнали, был городок бледнолицых, с которыми индейцы ирокезы вполне мирно сосуществовали и даже вели мелкую торговлю. Жилища ирокезов ничем друг от друга не отличались, только вигвам вождя был украшен пучком висящих над входом орлиных перьев, раскрашенных в красный и синий цвета.

— Мир тебе, брат сиу! — приветствовал Алекса пожилой толстый вождь, близоруко щурившийся маленькие глазки. По бокам его стояли вооруженные копьями телохранители, как и водится с ничего не выражавшими лицами. А меня, значит, приветствовать не полагалось? Похоже, тут мужчины совсем зазнались...

— Хау, великий вождь ирокезов Зоркий Медведь! — бодро откликнулся командор. И рассказал всю историю обо мне снова, болтун несчастный.

— А как зовут твоего ручного зверька? — с любопытством поинтересовался вождь, указывая на задремавшего Профессора.

В одно мгновение кот проснулся и возмущенно заявил (похоже, спросонья он еще плохо соображал):

— Я вам не ручной зверек! А образованнейший и, не побоюсь этого слова, самый умный, талантливый и интеллигентный представитель своего рода. Так уж вышло, что я уникальный кот, хотя некоторые считают меня нескромным. — Он бросил грозный взгляд в мою сторону, пришлось согласно покивать, изображая полную покорность. — Не моя вина,

что я в мудрости превзошел подавляющее большинство представителей человечества. Слушайте меня, краснокожие братья, — у нас отпуск! Если бы вы знали, насколько перегружен наш рабочий день, полный смертельного риска, вы бы согласились, что мы трое как никто имеем право на полноценный отдых. Мне надоело играть безмолвные роли, хотя именно с этим связаны все наши операции. Дайте хоть сейчас, во время отпуска, побыть самим собой, не изображая из себя кого-то, кем я не являюсь!

Это он уже перегнул. В большинстве случаев Пушку приходилось играть «обыкновенного кота», и все. Это мы с Алексом корячились, посещая солярий и раскрашивая лица. Но что возьмешь с маленького эгоиста? Индейцы уже окружили нас и распахнули рты, глядя на гордо подбоченившегося Профессора. Несмотря на их легендарную беспристрастность, того и гляди, схватят нас как соучастников и привяжут к пыточному столбу, чтобы изгнать злых духов. Хорошенькое начало у долгожданного отпуска...

Но мой любимый, как всегда, спас положение:

— Это просвещенный кот, на него снизошла мудрость, ниспосланная самим Великим Духом Маниту. Я сам был тому свидетелем тридцать лун назад. — Скрестив руки на груди, он уважительно склонился перед агентом 013. Хвостатый задавака слушал задрав нос, как будто так и надо.

— Как же зовут кота, избранного Великим Духом? — почтительно поинтересовался вождь, все кругом зашептались. Это была родная стезя для агента 013.

— У меня много имен: Непобедимый Воитель, Стальной Коготь, Полосатый Освободитель, Великий Охотник, Скала Мудрости и Древо Познания.

Последнее имя я еще не слышала, похоже, он его только что сочинил.

— Хау! Тогда мы будем звать нашего брата — «ЧтоЗаНапастьНаНашиГоловыСвалилась». Что означает Маленький, но Очень Мудрый и Очень Храбрый Зверек! А теперь выкурим трубку мира в знак того, что вы наши друзья и мы ваши братья.

— Мои друзья — ваши друзья, а ваши враги — мои враги, — весомо подтвердил командор.

Я поразмыслила немного, в чью пользу расклад. Это что ж, теперь мы вроде как должны сражаться со всеми врагами племени? Хорош отпуск... Но кот меня быстро успокоил, шепнув, что это чисто символический обряд, просто дань традиции. И вождь даже не почешется, если нас выкрадут воинствующие индейцы прерий или подстрелят проклятые бледнолицые. Также и нам не надо особо мучиться и жестоко мстить, если с вождя ненароком снимут скальп проезжающие мимо миссионеры или арестуют за укрывательство доходов законопослушные шерифы.

Большую индейскую трубку передавали по кругу, каждый должен был сделать шесть затяжек, да еще после этого повторить тот бред насчет ваших и наших врагов. Для меня было сделано исключение... Нет, меня не освободили от этой «почетной» процедуры, а, наоборот, оказали честь — выкурить трубку вместе с мужчинами. От этой гадости я дико закашлялась и, раздраженно поблагодарив, отправилась устанавливать вигвам. Спасибо друзья-индейцы помогли, сами закрепили шесты и покрыли все это дело циновками и большими кусками коры, я бы одна не справилась. Так что обкурившиеся Алекс с котом пришли на все готовенькое. Попреки по этому поводу я решила оставить на потом, благо времени полно.

— Сюрприз! — воскликнула я, доставая из сумки подарки. — Сегодня четырнадцатое февраля. Вернее, на Базе, здесь-то значительно теплее. А значит, наступил...

— ...День святого Валентина, — сделал вид, что обрадовался, кот, с кислой мордой косясь на сердечко-подушечку в моих руках. — Это мне? Хм! С кружавчиками, так сказать...

Похоже, он не понимал, издеваюсь я над ним или делаю подарок от чистого сердца.

— Используй как диванную подушку. Хоть спи на ней, хоть ноги вытирай — очень практично. — В душе я удовлетворенно крякнула и, повернувшись к Алексу, вручила ему

компакт-диск. Он искренне обрадовался, хотя такой подарок в лесах близ Великих озер не имел никакого смысла.

Внутри вигвама было чисто и уютно. Спали на оленьих шкурах, щедро одолженных нам добрыми ирокезами. Ужин был предоставлен ими же, без разносолов, но очень вкусно. Милые люди, почти родственники...

Едва продрав глаза утром, я без особого труда догадалась, что кот и Алекс проснулись раньше меня, просто потому что в вигваме я была одна. Сквозь щели пробивалось щекочущее солнце. Сладко потянувшись и зевнув, я подумала, что не так плохо все начинается. А впереди нас ждет еще много дней неторопливого отдыха в этом благодатном краю. Откинув оленью шкуру, я вышла из вигвама и принялась причесываться, озирая окрестности. Вокруг кипела жизнь. Женщины занимались своими делами, старики вели многозначительные беседы, дети играли в охотников, а большинство мужчин наверняка на охоте и присутствовало. Судя по немалому количеству бобровых шкурок, которые сушились на шестах, охотиться было на кого. Пойти погулять, что ли? Утро свежее, настроение отличное, тем более что мне все приветливо улыбались как ближайшему другу Мудрого Зверька.

Наскоро умывшись из глиняного кувшина, стоявшего у вигвама, я поискала взглядом Алекса с котом. Они могли, конечно, быть на охоте или в гостях у вождя, постучаться к которому я все же не решилась.

Но если они обо мне забыли, это еще не значит, что я буду за ними бегать высунув язык, как дрессированная лайка. По поселку разносился вкусный запах жареного мяса, приправленного выменными у бледнолицых специями. Если я постою рядом с той теткой у костра, меня тоже накормят, но это неинтересно.

Я пошла по тропинке меж деревьев прогулочным шагом. Настроение уже пропало, но что поделаешь, видно, судьба у меня такая — вечно терпеть пренебрежительное отношение ко мне этих живых примеров мужского эгоцентризма. Пересекла рощу и вышла в самую живописную долину, которую только доводилось видеть человеку, мне так кажется. Довольно близко отсюда скала с небольшим водопадом и речка на равнине, медленно и величественно протекающая. Деревья, росшие по холмам вокруг, были и лиственные и хвойные, березы вперемежку с соснами. Вдалеке блестела гладь озер и рек, последние, извиваясь, уходили далеко за горизонт.

— Алина, спускайся сюда!

Поскользнувшись от неожиданности, я съехала по усыпанному щебенкой склону каньона. Алекс бросился ко мне на помощь, не позволив шмякнуться лбом о большие валуны на финише. В результате мы какое-то расстояние прокатились в обнимку — скат был очень крутой, но, сумев затормозить и подняться на ноги, остаток пути Алекс донес меня на руках. Для этого, конечно, мне пришлось разыграть классическую сцену с обмороком. В конце концов, он положил меня на теплый песочек в двух шагах от воды.

— Любимая, очнись! Хватит притворяться.

До моего прихода Алекс, похоже, жарил «докторскую» колбасу, приятный запах настойчиво напоминал моему желудку, что с утра его еще ничем не потчевали.

— С чего ты взял, что я притворяюсь? — обидчиво поинтересовалась я, резко усаживаясь и отталкивая его руки.

— Прости. Но ты так долго не шла, я же оставлял тебе записку! — заметил он, снимая с шампура обжаренные кусочки колбасы.

— Какую записку?

— Обыкновенную, авторучкой на бумаге. Вообще-то я положил ее рядом с тобой. «Милая, как проснешься, иди прямо к реке. Жду тебя на берегу. Люблю, целую, твой Алекс». Наверное, между шкурами затерялась.

— Запросто... — вынужденно признала я.

— А это тебе, — сказал Алекс, надевая мне на шею перламутровое ожерелье. Я удивленно вытаращилась на красивые, очень красивые ракушки, восхищенно перебирая их

пальцами.

— Эта штука у индейцев называется вампум. В общем, мой подарок на день святого Валентина. Немного запоздало, но все же лучше, чем никогда.

— О! Какая прелесть!

— Сочетание ракушек всегда имеет свое значение, — разглагольствовал зардевшийся Алекс — ему было приятно, что он своим подарком попал в самую цель, глубоко задев мою тщеславную девичью душу. — А это ожерелье говорит о своей обладательнице, что она «Самая Прекрасная Девушка на Свете».

— Правда? И при этом называется — вампум?! Чудно как-то... На слух звучит почти как «вантуз», но выглядит привлекательнее. Спасибо, любимый! — воскликнула я, кидаясь ему на грудь с благодарным поцелуем. В результате мы оба упали в воду, теплую и ласковую. Конечно, Алекс только сделал вид, что не удержался на ногах. Мы продолжали жарко целоваться, но...

— Кхе-кхе, простите, что отвлекаю, тут минуту назад должны были проплыть бобры. Целый косяк, вы не видели... хотя бы случайно? — Это был агент 013, с крайне суровым видом стоявший на носу каноэ, в непромокаемых кожаных штанах и с дымящейся трубкой в зубах. В лодке также сидело трое гребцов-индейцев, с непроницаемыми лицами глядевшие на нас в ожидании ответа. Такая же физиономия была теперь и у кота — высокомерно-непроницаемая, хоть застрелись...

— Вэк! Это ты, Пусик, а мы тут... э-э... рыбу ловили. Неплохое утро для рыбалки, правда? А ты что, на охоту собрался? — растерянно начала я.

— Бобровые шкурки дорого ценятся бледнолицыми. К тому же я обещал моим братьям-ирокезам, что познакомлю их с новыми, специально разработанными мной прогрессивными гуманными способами отлова бобров, — отчеканил Профессор. — Приятно было увидеться. Хорошего улова. Вперед, мои краснокожие братья!

И не успела я полюбопытствовать у котика, что это за новый способ, как индейцы дружно взмахнули веслами и бесшумно отчалили. Честно говоря, я и обычный-то способ охоты на несчастных бобров не знаю, ну разве что... ведь не удочками их ловят... кажется.

Мы с Алексом молчаливо съели всю колбасу с пресными маисовыми лепешками и, искупавшись еще разок, но уже без прежнего настроения, вернулись в поселок. У каждого перед глазами стояла укоризненная мордочка кота...

...Три утра подряд мы с возлюбленным завтракали на берегу, романтика закончилась вместе с колбасой, прихваченной с Базы. Кот в основном проводил время с вождем или старейшинами. И ни на минуту не расставался со своей искусно вырезанной индейской трубкой, которую ему торжественно подарили на совете племени. С ними агент 013, или, вернее, теперь Мудрый Маленький Зверек, обсуждал жизненно важные вопросы типа: «Возможно ли в принципе мирное сосуществование с этими подлыми койотами мингами и неблагодарными собаками делаварами, с которыми племя Зоркого Медведя враждовало уже Маниту знает сколько весен?» А кроме того: «Вводить или не вводить денежное обращение, а может, оставить традиционный бартерный обмен?» Больше всех на этих собраниях говорил кот, также его можно было увидеть раздающим советы во многих местах. Особенно где не просят...

Как-то я встретила его на маисовом поле, где ЧтоЗаНапасть учил озадаченных индейцев правильно выращивать маис без пестицидов. Но не всегда у него это гладко проходило: например, с той злополучной охоты на бобров Профессор вернулся грязный и злой, так и не добыв ни одной бобровой шкурки и поклявшись впредь близко не вмешиваться в жизнь водоплавающих. Якобы необразованные бобры, незаметно подкравшись, общими усилиями опрокинули их каноэ, пока агент 013 с подопечными поджидали добычу совсем с другой стороны.

Командор разок-другой сходил на охоту, подстрелил лисицу, причем из лука, одолженного братьями-индейцами (ружей я у них даже не видела). Это меня огорчило...

Нет, не отсутствие огнестрельного оружия, естественно, а бедное животное, несчастная жертва подлого убийцы, как сгоряча я назвала Алекса, когда тот кинулся ко мне хвастаться добычей. Алекс дулся на меня до вечера, но вечером, сообразив наконец, что был неправ, целый час катал меня на спине.

Я завела приятельские отношения с несколькими почтенными женщинами из поселка. Некоторые из них входили в Совет Матерей, участвуя в управлении племенем. Вот этим ирокезы импонировали мне: по сравнению с остальными индейскими народами они были единственным племенем, где мужчины к женщинам относились как к равным, ведь больше ни у кого из аборигенов Северной Америки не было Совета Матерей.

Иногда вечерами Храбрый Москит, веснушчатый паренек лет двадцати, очень умный и дружелюбный, рассказывал ребятишкам, рассевшимся вокруг костра, разные сказки и предания индейцев Великих озер. Всякий раз у костра в это время ошивался какой-то белый мужчина средних лет с пышными усами и бородой, торопливо стенографируя услышанное. Когда он опаздывал, бедному Москиту приходилось все пересказывать с самого начала, к тому же бледнолицый заставлял парня говорить помедленнее и повторять предложения по два раза, отчего эти вечерние посиделки у костра стали терять популярность. Но только не для дотошного писаки, который, держа парня одной рукой за шкуру, чтобы тот не улепетнул, другой неутомимо строчил в своей тетради.

Однажды, глядя на страдания парня, я не выдержала:

— Эй, этнограф, или кто вы там! Что же вы так эксплуатируете бедного индейца? Вы бы хоть платили для приличия...

— Я бедный учитель, у меня ни цента в кармане. А тебе-то, вообще, какое дело, глупая индейская скво? — сверкнул глазами этот неблагодарный тип.

— За глупую скво вы ответите отдельно... Но важно не это. Признайтесь, вы случайно не собираетесь это опубликовать? — мило улыбаясь, поинтересовалась я. Пока он собирался с ответом, я вырвала у него тетрадку, демонстративно пролистав, — интеллектуальный эксплуататор индейцев даже не успел возмутиться. Само собой, он собирался это печатать, естественно прибрав к рукам весь гонорар.

— Да здесь уже практически законченная повесть! — с нарочитым удивлением воскликнула я. — Хотя что тут странного — у Храброго Москита всегда была очень правильная литературная речь. Молодец парень, если издадим эту вещь, ты и я, как твой литературный агент, очень даже неплохо заработаем. Да еще возможные переиздания... мгм...

Храбрый Москит бросил на меня недоверчивый взгляд, подумал и закивал с радостью во взоре. Однако бородатый нахал начал буянить и сделал несколько попыток отобрать у меня рукопись, но был отражен храбрыми индейцами.

— Верните мне мою тетрадь, невежественные ирокезы! — взвыл «этнограф». Я демонически захохотала, краснокожие поддержали меня согласным воем.

Тут кто-то снизу подергал меня за платье. Опустив глаза, я встретила с укоризненным взглядом Мурзика.

— Ну что тебе, агент 013? Говори скорей, о мой хвостатый брат.

Кот молча потащил меня в сторону, ничего не объясняя. Нервно оглядываясь, я видела, что Храбрый Москит с толпой счастливых ребятишек взял писаку в окружение. Наскоки расвирепевшего бледнолицего искренне их всех веселили.

— Успокойся, Алиночка, и приглядишься к этому джентльмену повнимательнее. Неужели так ничего и не замечаешь? — с улыбкой поинтересовался кот.

Ничего необычного в небритом типе я не увидела, кроме того, что тот уже зеленый от злости.

— Посмотри, у него на шее висит такой же медальон-«переводчик», что и у нас. Это ребята с одной из параллельных организаций, литературно-искусствоведческой направленности, отправили мистера Лонгфелло в прошлое.

— Того самого?!

— Вот именно!

— Но зачем?!

— Элементарно, деточка, чтобы помочь написать эпохальное произведение или подправить уже готовое. Какое именно, догадаться нетрудно — конечно же «Песнь о Гайавате»!

— Хм, а мне эта вещь никогда не нравилась, — старательно повредничала я, хоть и была крайне удивлена, но на великого Лонгфелло смотрела теперь с восхищением, как на необычную зверюшку в зоопарке.

— Неужели ты хочешь отнять у мира «Песнь о Гайавате»? Несмотря на твой личный скептицизм, все же это пленительное воплощение высокой гармонии и красоты! — пафосно объявил котик, страдальчески закатив глаза. После чего вновь напустил на себя высокомерный вид, гордо демонстрируя любимую трубку.

В этот момент разбушевавшийся поэт все-таки сладил с бедным Москитом и детьми, сумел вырваться и бросился на меня.

— Ладно, ладно, забирайте свои записи, — сказала я скорее коту, чем американцу, без сопротивления швыряя в последнего его тетрадь. Лонгфелло немножко опешил, но поймал.

— Это действительно его, — пояснила я индейцам, указывая на классика и виновато пожимая плечами. — Не можем же мы безоглядно менять историю, отнимая у человека будущий шедевр англоязычной литературы...

Бородатый поспешно засобирался, ворча что-то насчет ненормальных индейцев и социально опасного типа, косясь при этом, естественно, на меня. Через пару минут он резво покинул поселок.

Профессор проводил его взглядом и, вынув трубку из рта, миролюбиво заметил:

— Одно мучение с этими писателями. Ребята мне рассказывали, сколько у них хлопот было с Пушкиным, который упорно отказывался отправляться под Полтаву... В принципе справедливо, ему под пулями ходить не улыбается, да и нет надобности, он же поэт, а не историк. А вот с Валентиновым было наоборот, это мой знакомый из Харькова. Дабы не шла в ущерб исторической точности литература, ему, наоборот, нужных персонажей прямо в рабочий кабинет доставляли. Бедного Спартака раз шесть мотали туда-сюда по времени, восстание чуть не сорвалось, пока наконец автор не сдал свой роман в набор. Ему каждый раз требовалось уточнить какие-то важные детали...

— Неужели любой писатель может воспользоваться таким способом добычи материала? — удивилась я.

— Нет конечно. Не у каждого такие связи, да и не каждому это нужно. — Профессор заговорщически подмигнул. — Ведь все зависит от того, чего именно ты добиваешься в литературе.

В общем, так прошло-пролетело несколько дней. Мы уже всю освоились среди индейцев: вместе ели, рыбачили, я даже научилась более или менее сносно готовить медвежатину, а Алекс научил меня кататься на лошади. Пока наконец в один прекрасный день вся эта идиллия разом не закончилась. Нет, в поселок не прискакали бледнолицые колонизаторы (хотя наши гостеприимные хозяева с искренним изумлением замечали, что милые англичане их не достают уже почти две недели), и «дружелюбные» делавары не вырыли топор войны, а вместо этого мирно обрабатывали свое кукурузное, то есть, я хотела сказать, маисовое, поле, и мы со всем племенем не заболели страшным гриппом, на горе индейцам завезенным европейскими поселенцами.

Нет, это было нечто значительно более страшное... В округе снова появился призрак Долговязого Шерифа, Джозла Гвурдстома (так звали его при жизни). Ужасающее привидение местного шерифа, который добросовестно исполнял свою должность лет десять назад. Тогда же он и погиб во время очередного патрулирования вверенной ему местности. Поговаривали, что это дело рук банды Койота Скулзома, все члены которой и сами плохо кончили. Хотя, признаться, именно в этом деле их вина доказана не была...

Шериф Гвурдстом был популярен среди законопослушных жителей штата, далеко

распространилась его слава ярого борца с преступностью, за что представители последней его так же яро ненавидели. Но добрый шериф никого не боялся, поэтому и не скрывал своего благородного стремления отловить всех бандитов округа и посадить их в добротную федеральную тюрьму. А зря...

Но гибель его не осталась неотомщенной — все бандиты из шайки Койота Скулзома разом отравились некачественными мухоморами и попали в больницу. Нет, это не было делом рук призрака Шерифа, восставшего из могилы, чтобы жестоко отомстить за свою смерть. Просто мухоморы плохим парням пришлось есть с голодухи, когда отряд федеральных войск загнал их в местные болота, преследуя за ограбление почтового дилижанса, так и не довезшего до адресатов двадцать сотен поздравительных открыток к Рождеству.

Сам шериф после смерти разительно переменялся. Теперь это уже не был добрый и великодушный парень Джоэл Долговязый — призрак являл собой просто воплощение мирового Зла! Именно так считали случайные путники, встречавшие призрака ночью на лесной дороге. Сохранившие рассудок очевидцы рассказывали, что этот долговязый всадник, как две капли воды похожий на прежнего шерифа, преследовал их верхом и плевался огнем едва ли не на полмили! Знакомые шерифа с удивлением отмечали, что при жизни он был куда более скромн и вовсе не падох до дешевых спецэффектов...

Такова предыстория вкратце. А началось все с того, что в деревню рано утром прибежал сын вождя племени ирокезов — молодой воин Оленьи Ноги. Многие наивно полагали, что он прозван так за быстроту и легкость бега, но на самом деле лишь за повышенную волосатость ног. Но это к сути дела не относится... Юноша, задыхаясь, упал на землю и, лишь когда его облили водой, рассказал о встрече со страшным всадником-призраком.

— Братья, Человек Со Звездой, глазами, как молнии, и голосом, как раскаты грома, вернулся на нашу землю! Оленьи Ноги сам видел его!

Тихий ропот прошел среди индейцев.

— Неужели Маниту и Великий Белый Отец отвратили от нас свои взоры?

— Увы, братья... Оленьи Ноги вчера отправился ставить капканы, едва солнце коснулось верхушек деревьев. Он спустился на дно каньона и перешел по мелководью Серебристую реку, потом он вошел в лес со стороны, где садится солнце. Оленьи Ноги знал, что там появляется гризли, но он не боялся его. Ведь Оленьи Ноги великий траппер, у него есть даже знак на груди — Три Пера!

— О боже, какое-какое у него заболевание?! — не сдержавшись, воскликнула я, невольно отодвигаясь подальше. Командор сделал вид, что «не слушает слов женщины», а кот одарил сердитым взглядом, красноречиво говорящим, что еще одна глупая фраза с моей стороны, и он за себя не отвечает...

Между тем индеец распахнул рубашку и с гордостью показал вытатуированные на груди три орлиных пера. Видно, он не впервой бахвалился этой татуировкой, потому что ирокезы раздраженно напомнили, что сто раз уже это видели и не фигу отвлекаться! Рассказывай давай...

Оленьи Ноги знал много лисьих нор у подножия Гонимого Облака (чудные названия все-таки здесь дают горам). Он хотел там поохотиться, боги судили иначе... Удача отвернулась от охотника, лис дома не оказалось, а жалких кроликов Оленьи Ноги за дичь не считает. Это не добыча для великого траппера!

Да еще какой-то жалкий скунс целый день преследовал его, нос у индейца очень чуткий, принявшись, он понял, что это знамение. И не ошибся... Потому что очень скоро перед ним явился призрак бледнолицего. Когда солнце закатилось за вершину Гонимого Облака, Оленьи Ноги нашел хорошую сухую пещеру, чтобы провести там ночь. Он развел костер, поужинал кроликом и лег спать. Но сон его был краток... В отличие от слушателей, смею добавить, что многие уже откровенно зевали. Я тоже прикорнула на плече у Алекса, не обращая внимания на недовольные взгляды кота, — уж больно длинно и скучно рассказывал

очевидец. Проснувшись, я поняла, что ничего интересного, в принципе, не пропустила, словоохотливый траппер еще и не собирался заканчивать.

— ...А звезда на его груди горела даже ярче глаз, — вещал он трагичным полусшепотом, хотя и пытался скрыть волнение, как это делает любой уважающий себя индеец. — «Именем закона, я должен задержать тебя, ирокез, за нелегальную охоту в здешних краях! Есть у тебя лицензия?» — замогильным голосом Злого Духа крикнул он мне в самое ухо. — С этого момента Оленьи Ноги стал плохо слышать, но он думает, что легко отделался. Он мог отправиться в Страну Вечной Охоты, не сходя с места, когда призрак попытался надеть ему на руки железные браслеты. Но Дух Великого Маниту помог благородному ирокезу избежать позорного плена. В сердце Оленьих Ног вернулась отвага, и он гневно крикнул: «Прочь, призрак бледнолицего койота! Именами духов предков заклинаю тебя, получай и отвяжись от честного индейца». Оленьи Ноги отдал ему золотой браслет, украшенный кусочками горного хрусталя, который выменял прошлой весной у сыновей племени наваха.

«Дача взятки должностному лицу при исполнении!» — страшным голосом, как весенняя гроза, загрохотало привидение, и огонь из его глаз полыхнул еще сильнее, так что Оленьи Ноги испугался, что он сожжет его одежду. А эту кожаную рубашку он шил себе ровно шесть лун и надел только вчера. И тут запахло чем-то очень знакомым — сзади стоял сунс...

«Дурной зверь!» — крикнул Оленьи Ноги и, зажимая нос, бросился бежать из пещеры, называя последними индейскими ругательствами «поганого сунса». Так он ловко обхитрил Злого Духа, призрака Человека Со Звездой и отвлек его внимание золотом. Больше он его не видел. Оленьи Ноги бежал сюда не останавливаясь, но свой браслет все-таки забрал. Теперь он сказал все. Хуг!

Индеец встал и сдержанно, с достоинством поклонился аудитории. Раздались редкие хлопки (честно признаться, это я дурачилась).

— Плохие вести, — глубокомысленно изрек вождь Зоркий Медведь. Щуря свои маленькие глазки, он обвел собравшихся взглядом, причем особо многозначительно глянул на моих агентов. — Брат Оленьи Ноги врет не чаще любого порядочного индейца. Но его речи внушают мало радости. Призрак Долговязого Шерифа вернулся после нескольких лет покоя, а это грозит бедами всему племени. Мы хорошо помним, как с его приходом коровы перестали давать молоко, женщины не могли рожать детей, а мужчины теряли мужскую силу (вообще, второе следует из третьего). Не все, а лишь те, кто встречался с духом бледнолицего...

Кот потерял лапкой леггинсы Алекса, таинственно кося в сторону вигвама вождя. Меня, как всегда, в расчет не принимали. И, как всегда, напрасно... Никуда им от меня не деться, и ни с чем они без меня не справятся! Пока слушатели безрезультатно прятались от говорливого индейца, который вдруг вспомнил новые подробности, наш отряд собрался у главы племени.

— Брат Алекс, и ты, агент 013, и ты — юная скво, новый сотрудник Базы. Вождь ирокезов Зоркий Медведь обращается к вам в великом горе. Он не забыл их помощи, когда в прошлый раз они спасли северных сиу от оборотня — Горного Льва, убивавшего мирных индейцев. Зоркий Медведь и все ирокезы знают, что у них большой долг перед вами. Мы хотели отблагодарить вас гостеприимством, мы были рады принять вас.

— Откуда он знает ваши имена?! Мы же ехали на дикую природу, инкогнито, а тут получается... — Я вскочила на ноги и с пылающим взглядом обратилась к этим двум коварным обманщикам: — Так вы что, были тут раньше?! О-о-о, меня еще никто никогда так не унижал! А я-то, дура, наивно считала вас самыми близкими мне существами на свете. Кроме мамы с папой, разумеется...

Кот смущенно отвел глаза, делая вид, что уж он-то здесь абсолютно ни при чем.

— Прости, Алина. Мы, наверное, очень виноваты перед тобой, — честно признался Алекс, нежно взяв меня за руку. — Но ты почти ничего не знаешь об индейцах, а очертя

голову бросаться неизвестно куда... Поверь, весь отпуск пошел бы насмарку! Вот мы и попросили наших краснокожих братьев устроить тебе первую встречу с ними как можно более интригующе. Чтобы остались действительно незабываемые воспоминания об этом месте и этих людях — а это и вправду лучший уголок на земле. Кот даже хотел, чтобы нас «захватили» в плен, угрожали смертью и хотя бы на пару часов привязали к столбу смерти, причем ирокезы должны были изображать обезумевших от жажды крови дикарей.

— Полжизни мечтала... — с тихим ужасом выдохнула я. — И как вам такое в башку стукнуло?

— Это должно было стать настоящим приключением для тебя, — виновато продолжал мой герой. — Бой барабанов, ножи и томагавки, леденящие душу вопли, непередаваемый местный колорит... Перед казнью, например, для нас должен был сплясать шаман, весь раскрашенный и разодетый в перья. Но я отговорил агента 013, сказав, что это слишком...

— Да твой кот — садист! Я сейчас сама его оскальпирую, а потом еще и спляшу от всей души!

Я замахнулась на хвостатого доброддея, но тот успел отпрыгнуть в дальний угол и глядел на меня круглыми глазами. Ни капли раскаяния в них не было... Я бросилась на него, но Алекс успел поймать меня в прыжке и, как я ни пыталась вывернуться, обзывая его и Профессора последними ругательствами, выученными у гномов на Базе, держал меня крепко.

— Алина, успокойся! Мы с агентом 013 всего лишь хотели, как лучше. Неужели тебе не греет душу, что только ради тебя эти люди несколько дней уже ходят в парадных перьях? Конечно, мы собирались рассказать тебе всю правду... Ну, пусть не сразу, пусть на следующий же день. Просто... потом как-то забылось.

— Ах, забылось! И вы, значит, не подумали, что я тоже право имею...

— Алина, пожалуйста, успокойтесь. Ваши друзья и коллеги сделали это исключительно из глубокого расположения к вам.

Я, раскрыв рот, пораженно уставилась на вождя, не веря своим ушам. В его разговорной манере вдруг не осталось ничего от традиционной речи индейца. Тому, что он знает мое имя, удивляться уже не приходилось...

— К тому же я очень много слышал о вашем профессионализме и о ваших неоценимых рабочих качествах. Я знаю, например, что вы умеете вызвать доверие и расположить к себе любое самое закоренелое в злодействах чудовище.

— Глупости, — топнула я ногой, — мне надоело слушать этот бред!

— Неужели болотная лихорадка, деточка? Не может быть, чтобы ты вдруг стала настолько скромна, — серьезно обеспокоился агент 013.

— Мои профессиональные качества у меня сомнений не вызывают, а все остальное — ерунда! Индейцы так не разговаривают! — сердито крикнула я, прожигая взглядом невозмутимого вождя, который, оказывается, попросту надо мной издевался все это время.

— А мне надоело коверкать язык и говорить все время от третьего лица, хау!

— Вы что, меня совсем за идиотку принимаете? Я за свою жизнь достаточно начиталась книжек про индейцев, причем большинство из них было написано людьми, близко знавшими с вашей братией. — Я обвиняюще ткнула пальцем в грудь Зоркому Медведю. Вождь хихикнул, как от щекотки... — А американский кинематограф? Ведь у них сами же индейцы и снимались, а уж они-то знают, как разговаривали их предки. И все они говорили размеренно и традиционно, как положено. А не так, как... тьфу!

— Именно поэтому, чтобы порадовать тебя «настоящим» индейским говором, мы и попросили наших друзей ирокезов подыграть в деталях. Хотелось надеяться, что ты умеешь ценить такие вещи. А Зоркий Медведь несколько лет учился в Европе, на «отлично», кстати.

— Реальная жизнь индейцев куда более серая, а где-то и более драматичная, начисто лишенная того романтического флера, что бывает в книгах, — вздохнул Зоркий Медведь. — Рано или поздно, а придется отправляться в резервацию, проклятые колонизаторы приперли нас к стенке. Великий бог бледнолицых заботится только о своих детях... А суровый Маниту

оставляет нам пустоши и болота. Вонючие болота вместо вот этого благодатного края, где жили наши предки, рек и лесов, полных дичи, приносящей нам пропитание и неплохой доход.

Образованный вождь говорил медленно и прочувствованно, так что у меня поневоле защемило сердце и глаза увлажнились. Я бросилась к нему, крепко обняла и начала обливать слезами...

— Бедный, бедный Зоркий Медведь! Несчастные ирокезы, невинные жертвы наглых бледнолицых... У-а-у-у-а-у-у, — подвывала я на груди главы племени. Алекс с Мурзиком еле оттащили меня в сторону, потому что я человек увлекающийся. Но поверьте, мне было так больно и обидно за всю индейскую братию, что мои всхлипы быстро перешли в бурные рыдания с истерикой.

Я энергично трясла обалдевшего вождя, схватив его за плечи, и вопила:

— Не теряй мужества, Зоркий Медведь! Никогда не сдавайся этим жалким койотам! Отстаивай свои суверенные права. Я поведу вас в бой! Мы достанем космическое вооружение, у Стива есть ключи от склада боеприпасов, так что победа нам обеспечена. Мы на века отучим этих янки от чувства собственности по отношению к тому, что им не принадлежит. Мы изменим историю! «Янки, гоу хоум!»

Я успокоилась, только когда Алекс облил меня водой. Профессор, вереща, вертелся рядом, крутой, ага... Приложив холодные подушечки лап к моему лбу, он проверил, не подскочила ли у меня температура. Заботливый какой выискался.

Но все-таки я очень быстро успокоилась, потому как понимала, что с момента просьбы вождя мы уже не на отдыхе, а при исполнении. Не думаю, что мои партнеры откажут индейцам в помощи. В смысле, пусть только попробуют...

— Ладно, ребята, мы беремся за это дело о Долговязом Джоэле. Повторите детали, и поподробнее.

Конечно, немножечко злило то, что отпуск превратился в работу. С горечью вспомнился Эркуль Пуаро, который на каком бы курорте ни появлялся, так там тут же случалось убийство. И расхлебывать очередное преступление века, само собой, приходилось бельгийскому сыщику. Вот и у нас так получилось (неужели это судьба?), что от работы не убежишь даже на каникулах...

Кот достал очки и нацепил их на нос. Вождь потихоньку выскользнул из вигвама, радуясь, что легко отделался.

— Значит так, дорогие коллеги, — с серьезным видом обратился к нам Мурзик. — Что мы имеем? Во-первых, социально опасного призрака в единственном числе. Строг, неподкупен, заиклен на службе, которую нес при жизни. Стремится арестовать всех и каждого (возможно, включая даже коров), поскольку в каждом видит преступника. Ну, тут-то он по-своему прав. Закон на то и есть, чтобы его нарушать. Хе-хе-хе...

Мы с Алексом удивленно уставились на него, кот сердито, чтобы скрыть смущение, добавил, поправляя перо на голове:

— Это не мое личное мнение, я-то как раз вполне законопослушный гражданин. Но если говорить о людях, о преобладающем большинстве... Согласно статистике нет человека, ни разу в жизни не нарушившего закон. Перешел улицу в неположенном месте, бросил окурочку мимо урны, не там припарковал машину, не сдал вовремя книгу в библиотеку, да мало ли... Возможно, в шерифе после смерти чувство долга обострилось до болезненной крайности. Кажется, он и ранее собирался поймать всех бандитов в своем округе. Так что цель его нынешнего возвращения является логическим продолжением дела, которым он занимался при жизни и которое не успел завершить.

— Но к чему такая агрессия, ведь, помнится, Долговязый Джоэл был добрым и мягким человеком, как однозначно утверждают окружающие, — поинтересовалась я, задумчиво наворачивая косичку на палец. Бросив взгляд на Пушка, я отметила, что он не сводит с моей шеи затуманенных глаз. Примеривается, куда укусить, как усну? — Мне кажется, агент 013, — на его имени я сделала ударение, кот мгновенно встрепенулся и принял предельно

деловой вид, — что этот шериф вполне мог совершить при жизни страшное преступление, с чем законопослушная часть его души никак не могла примириться, и он покончил с собой. А после смерти черная сторона его души восторжествовала над светлой. Согласись, сейчас он ведет себя как типичный призрак бывшего преступника, а души самоубийц чаще других не могут обрести покоя. Недаром его смерть окутана тайной.

— И из его-то нынешнего агрессивного поведения ты и заключила, что в прошлом он преступник?! Логика здесь нет или она женская, что чаще всего, прости меня, одно и то же, — хмыкнул командор, недобро глянув на кота — ему не понравилось, как агент 013 на меня смотрел, а мне не понравились слова Алекса — обычно он не такой поганый шовинист.

— Если ты такой умный, то води нас в бой, Охотник За Привидениями, — с убийственной нежностью протянула я.

— Прими мои извинения, но я всего лишь хотел напомнить, — спокойно отозвался Алекс, — что причины возвращения душ умерших на нашу бrenную землю самые разнообразные. Например, невыполненное дело: хотел построить дом, но не успел и, став призраком, загоняет на стройплощадку всех прохожих. Или всю жизнь мечтал побывать на карнавале в Рио — после смерти такие возможности значительно расширяются. Опять же, священный долг перед убийцами, то бишь банальная месть. Некоторые привидения вернулись лишь потому, что были вызваны живыми для каких-то своих целей, чаще всего преступных, — напугать до полусмерти тещу. Наиболее безобидные из призраков те, которые просто не смогли расстаться с родными краями, родным домом. Эти все время шатаются по памятным местам, тоскливо подвывая от неразделенной печали. Беспокойнее других бывают привидения, которые умирали, получая ощутимые увечья, или умершие в результате какой-нибудь экзотической казни. Но даже обычные безголовые призраки, образно выражаясь, довольно нервные, и я их понимаю — долгое пребывание без головы должно сильно раздражать. На нашей с агентом 013 практике, помню, был даже один четвертованный призрак, а проблем и беспокойства от него было во много крат больше, чем от призрака физически полноценного, потому что тот тип мог одновременно безобразничать в шести частях обитаемого им замка.

Кот, кивая Алексу, достал трубку, повертел в лапках и, закуривая, подхватил разговор:

— К сожалению, о шерифе сейчас трудно сказать что-то определенное. Например, зачем он вернулся и где пропадал столько времени? Понятно, что произошло некое событие, которое заставило его вернуться. Кстати, не в первый раз! Призрак шерифа уже появлялся в землях ирокезов, но ушел сам, по неизвестным нам причинам. Как видно, что-то дало успокоение его мятежному духу, но, видно, не навсегда. Для возвращения призрака должна быть очень веская причина.

— Может, в районе резко повысилась преступность, — предположила я, неодобрительно косясь на то, что и Алекс потянулся за трубкой. Тот факт, что курит кот, меня несколько не раздражал. Наоборот, это выглядело оригинально...

— Вот все это нам и предстоит выяснить, — заключил Алекс и, правильно поняв мой взгляд, поспешно сунул трубку обратно. Так-то лучше, а то вдруг еще приохотится, и терпи его всю жизнь, дымящего как паровоз и пахнущего куревом. И вообще, я читала, индейцы смешивают табак с листьями дикорастущих трав, кто их знает, чего они там понапишут? Так и наркоманом недолго заделаться...

— Значит, так, Алина. Мы с котом поскачем сейчас в поселок бледнолицых, тьфу ты, белых переселенцев, — определился командор, когда мы выходили из вигвама вождя. — Надо будет навести справки, порасспросить народ. Не волнуйся, мы переоденемся в ковбойскую одежду... тьфу, в смысле, я переоденусь. Агенту 013 достаточно снять перо, и он легко вызовет на откровенность любую киску.

— А я пойду в ближайший дамский магазин и порасспрашиваю...

— А ты пойдешь в ближайший вигвам — порасспрашиваешь тут, среди индейцев, — продолжал он, не обращая внимания на мой возмущенный писк.

— В горах может быть опасно, деточка, — вступился кот, блаженно почесывая задней

лапой за ухом, наверняка в предвкушении обойти там все салуны. — Только вчера я слышал от Зоркого Медведя, что там орудует банда Фрэнка Грубберта по кличке Бешеный Крот. Мы еще как-нибудь прорвемся, но рисковать тобой было бы неслыханным преступлением!

— Ну уж нет, я не позволю вам распивать виски под прикрытием опроса разных бродяг.

— Как ты могла такое подумать?! Да мы и не собирались! — изобразил праведное негодование наш Пусик. Но я-то его знаю как облупленного — стоит ему оказаться в мужской компании, как, лишенный моей заботливой опеки, он может запросто напиться селедочного рассола и пуститься по кошкам! За Алекса я была спокойна — он, в крайнем случае, только напьется.

— И вообще, какой смысл проводить отпуск на Диком Западе, но при этом не увидеть воочию ковбойский городок и не попасть в горах в бандитскую засаду?! Где тогда ваша обещанная экзотика?

Мы продолжали этот спор уже в нашем вигваме под аккомпанемент моих гневных воплей, с фальшивыми слезами, неискренним смехом и настойчивым канючьим. Алекс молча переодевался в цивильную одежду вестмена, предоставленную вождем. Кто ее носил до этого и почему оставил — выяснять не хотелось. Надеюсь, бедолага сохранил хотя бы скальп...

Моему любимому все было к лицу. Кирпичного цвета рубашка, кожаный жилет, красный шелковый платок на шее, кожаные штаны с бахромой и сапоги с высокими голенищами. На голову нахлобучил широкополую шляпу темно-коричневого цвета, к широкому кожаному поясу с заклепками пристегнул два кольца.

— Я могу вам помочь, если вы вдруг все-таки попадете в переделку в горах, — трое всегда сильнее, чем двое! — Это был мой последний аргумент, к тому же чахлый и неубедительный. Профессор только насмешливо фыркнул в ответ.

Я с надутым видом топала за ними до окраины поселка, где стояли привязанные к деревьям переобъезженные мустанги (в смысле одичавшие, а потом снова прирученные). Зоркий Медведь тоже вышел на проводы, потому что я, не выдержав, наябедничала ему, что меня игнорируют. Вождь был человеком, умеющим выслушивать излияния, привык по должности, а мне как раз нужно было сочувствие. Он подумал, подумал и... неожиданно принял мою сторону:

— Ваши бледнолицые братья, они... тьфу ты, зарапортовался совсем! Видимо, вся проблема в том, что они принимают нас неохотно и к каждому индейцу, который появится в городе, относятся, по меньшей мере, настороженно. А тут — девушка, индейская девушка! Вам все время пришлось бы ее защищать, ограждая от насмешек и чрезмерного внимания пьяных ковбоев. Вы это понимаете и поэтому не хотите брать ее с собой. Но что, если она пойдет с вами как мужчина, да еще и самый знаменитый индейский воин? Тогда никто даже не подумает приставать к ней с глупостями.

— Вряд ли... Алина долго молчать не сможет, выскажется, где не надо, — и крест на всей легенде, — засомневался Алекс.

— Я буду изображать из себя очень-очень-очень молчаливого индейца, если хотите, даже глухонемого! Только возьмите-е-е!

— Убедительнее будет, если ты постарайся говорить с акцентом и грубо, последнее ты умеешь, — задумчиво признал агент 013. Это было равносильно согласию! Значит, меня все-таки берут! В порыве восторга я поочередно расцеловала всех троих. Вождь покраснел, Алекс смутился, а кот обалдел — очевидно! Ну и пусть, зато едем...

Оленьи Ноги, «случайно» оказавшийся рядом, с готовностью предложил мне свой запасной комплект одежды. И уже через пять минут командор подсаживал меня на лошадь, седло которой было покрыто кожей гремучих змей. Вид у меня был буквально с киноафиши — классический Чингачгук! Только маленький... Все из замши, и штаны и куртка, плюс пояс с медными заклепками, томагавк, обоюдоострый нож в расшитых ножнах, а на спине колчан со стрелами и лук. Лицо мне раскрасили пестрее некуда, чтобы полностью скрыть

женские черты. Мокасины, правда, остались мои же, у Оленьих Ног они были на два размера меньше.

— А кто там у вас сейчас знаменитый индейский вождь?

— Виннету, сын Инчучуна.

— Угу, значит, его я и буду изображать... Ой! — кстати вспомнила я. — Но ведь он вроде из племени апачей, разве я не могу быть кем-то из моих братьев-ирокезов?!

— В принципе почему бы и нет? — пожал плечами Зоркий Медведь. — Просто тебе придется обрить голову, чтобы получился такой вот стоячий гребень.

Я вздрогнула и быстренько пошла на попятный. Риск слишком велик, в том смысле, что Алекс от меня наверняка шарaxаться будет...

Под выкрики пожеланий удачи от всего поселения мы тронулись в путь. Кот сидел в специальной корзинке, притороченной к седлу напарника, и курил трубку, заявив, что до места еще далеко, а среди людей он, конечно, будет соблюдать конспирацию. Забыла сказать, что Алекс наскоро обкорнал волосы и смыл краску с лица, чтобы не выбиваться из образа. Теперь он был похож на обросшего дикаря, двадцать лет бомжевавшего по прериям, питаюсь тушканчиками (если, конечно, тушканчики, помещенные в прерии моей фантазией, там выживали) и всякими грызунами помельче. Этими мыслями я тут же поделилась с Алексом. Он что-то буркнул, не оценив юмора, а кот громко захихикал в своей корзинке.

— Ладно, пошутили и забыли. — Я с виноватым видом протянула руку и погладила его ладонь. Возлюбленный оттаял и дал щелбана зарвавшемуся Профессору. Котик искренне обиделся, и оставшуюся часть пути мы выпрашивали у него прощение. Я так старательно кланялась, что едва не свалилась с лошади, хорошо еще, что мне дали самую смирную... из тех, что у них были. К слову, красивую такую, каурую с шелковистой гривой. На свое трудновыговариваемое индейское имя она не откликалась. Поняв, что для нее нет принципиальной разницы, я звала ее Бастардкой Бастардовой. По-моему, это имя ей подходило, лошади ведь не заключают официальных браков.

Мы ехали по узкой каменистой дороге вдоль Гонимого Облака. У здешних гор, судя по их габаритам и высоте, родовое древо состояло из одних холмов, причем тоже не сильно высоких. Перед отъездом нам как следует объяснили направление, так что особо плутать не пришлось. Да и сама дорога, хоть и горная, не изобиловала серпантинами, котик даже спокойно задремал под мерное укачивание.

Спустившись, мы обошли окруженную лесом неглубокую ложину, и вот наши лошади притопали в ковбойский городок под названием Хромая Собака.

Еще издали бросался в глаза стоящий особняком десяток картонного вида домиков, девять из которых были отелями или борделями с салунами на первом этаже, а десятый, самый неказистый, с фанерным фасадом, оказался банком. Штук тридцать частных жилых хижин и барачков были разбросаны в хаотическом беспорядке. На холме в центре городка возвышалась деревянная церковь, к ней вела самая широкая и чистая улица.

В этом городке останавливался весьма разнообразный люд: ковбои, перегоняющие стада отсюда на юг и обратно; скупщики пушнины, торговавшие с нашими ирокезами; золотоискатели, миссионеры. Приезжающие отдохнуть в Хромую Собаку успешно тратили здесь последние кровные доллары и уезжали нагруженные ворохом дешевеньких сувениров. Сюда же спешили воры, мошенники, карточные шулера, бандиты с большой дороги и относительно безвредные бродяги-заблудыги. Как видите, ничего особенного, традиционный контингент любого подобного городка на Диком Западе. Все это сообщили нам индейцы, но те же самые сведения мог получить каждый новопривывший (если только у него были глаза) уже через десять минут пребывания в этом весьма насыщенном жизнью городке.

Мы спешили рядом с салуном «В гостях у гризли». Моя кобылка взбрыкнула задними копытами, весело заржала и сбросила меня в придорожную пыль, благо так удачно, что я отделалась лишь ушибленным копчиком. Алекс помог мне подняться. Кот полусонно зевал из корзины. Увидев, что на нас глазеет народ, я вырвала свою руку у Алекса, только что поставившего меня на ноги, и, схватив его за воротник, притянула к себе, яростно

зашипев в лицо:

— Я же мужчина, не забывай об этом! Не кидайся с услугами всякий раз, как я ушибу мизинец или упаду с лошади, понял?! И не надо меня обнимать, а то в лучшем случае примут за голубых.

— Как скажешь, — с пониманием откликнулся командор, сунул руки в карманы и, насвистывая себе под нос что-то типа «Крошки Долли», поднялся по скрипучим ступенькам крыльца, скрываясь в салуне. Мы с котом молча последовали туда же. Лошадей у нас приняли расторопные мальчишки. К счастью, коновязь была рядом, так что скакуны, взятые у нас под расписку, будут под присмотром, а то слишком много вокруг ошивается подозрительных бездельников.

Теперь я переживала только за то, что мой образ может кого-то не устроить. Если догадаются, что я девушка, у всех возникнет нездоровое любопытство: зачем это индейской девице понадобилось выдавать себя за верховного вождя апачей, что она вообще здесь делает и «не хочет ли юная скво потанцевать с Немым Вилли»?

В салуне было надымлено, но топов не висело. Едва мы вошли, на нас, как водится, обернулось десятка два небритых полукриминальных рож. Один из них противно осклабился, но, увидев у меня на шее многослойное ожерелье из медвежьих клыков, резко погрузстнел. Я ведь надела все ожерелья, которые были в деревне, по принципу чем больше, тем лучше, — и не прогадала. Честно говоря, большую часть их приходилось отбирать с угрозами: индейцы очень ими дорожили, тем более что медведи в горах начали переводиться, а меня уверяли, что уже тройной слой клыков говорит о силе и безбашенности их обладателя.

Мы двинулись к стойке.

— Кукурузную водку заказывать не будем, даже не мечтай! — безапелляционным тоном заявила я, едва Алекс раскрыл рот, чтобы сделать заказ бармену. Кот пристально разглядывал помещение, проверяя пути возможного отступления и старательно маскируясь под безобидное животное.

— Я всего лишь собирался взять нам две чашки кофе и чего-нибудь горячего. Ты не голодная? — шепотом спокойно отозвался Алекс.

Через пару минут мы сидели за столиком, воздавая должное яичнице с ветчиной и прислушиваясь к разговорам в баре: не говорят ли о призраке. Вернее, прислушивались мои ребята, а я, разморенная жарой и сытным обедом, подперла голову рукой, откровенно любуясь командором, который в процессе еды сосредоточенно шевелил ушами. Уши у него, кстати, очень красивой формы. Черты лица вообще идеально правильные, хотя мне почему-то больше нравится его затылок. Но самое трогательное и нежное чувство у меня вызывает только что проснувшийся Алекс с припухшими глазами и растрепанными волосами — ближе и дороже в этот момент для меня просто не существует человека, да и в остальное время теперь, наверное, тоже. А еще у него есть тайна, он мне до сих пор ничего не рассказывал о своих родителях и о том, почему раньше всегда проводил отпуск на Базе. На все расспросы только отнекивается и переводит разговор на другую тему. Таинственный, как Бэтмен, но мне нравится...

— Честь имею представиться, джентльмены! Я — Дикси Гвурдстом, местный шериф. А вы, сдается мне, новички в наших краях?

К нам подошел худой, невысокий мужчина лет тридцати пяти, для шерифа вид у него был какой-то рассеянный.

Командор неторопливо поднял глаза и нарочито медленно произнес:

— Билли Лоутон, ковбой из Техаса, а это мой друг Виннету, вождь апачей.

— О, конечно, сэр, кто же не знает в лицо знаменитого вождя? — сдвинув шляпу на затылок, возбужденно соврал Гвурдстом, вытаращившись, как камбала. Я покраснела и нахмурилась, злясь на себя, что не могу сдерживать эмоции, как это положено невозмутимому индейцу. Но шериф, похоже, мои сведенные брови отнес на свой счет и, нервно заморгав, развернулся обратно к Алексу: — Не буду спрашивать, зачем вы сюда приехали, понимаю,

что это большая тайна. Очень надеюсь, что вы не будете нарушать законов. Ничего личного, это обычная, дежурная фраза. Я так говорю всем, кто впервые заявился в нашу благословенную Хромую Собаку, тишайший уголок, надо сказать, на всем Диком Западе. И мы — его жители — не любим никаких беспорядков, даже от столь знаменитых индейцев и их друзей. Не хочу никого обидеть, но... вы меня понимаете?

Он нервно протер рукавом медную звезду на груди, осторожно косясь на кольты Алекса. Не самый плохой дядька, должна признать... Видимо, мой возлюбленный решил так же:

— Пойдите, шериф. Мы не хотели бы показаться грубыми, сэр. Позвольте угостить вас стаканчиком... э-э... пива?

— Не вижу причин для отказа, джентльмены, только мне лучше виски. — Блюститель порядка охотно уселся с нами и, дождавшись вождя славного племени апачей, заметил: — А к вам тут вроде кот какой-то чужой прибил, я его раньше не видел.

— Он еще в лесу за нами увязался, одичал там совсем, но не прогонять же Пусика, — откликнулась я, ласково приглаживая вставшую от негодования дыбом шерстку агента 013. Командор предупреждающе наступил мне на ногу под столом, и я попыталась исправить положение: — Мой бледнолицый брат должен знать, что Виннету — друг всех обиженных и нуждающихся в помощи. Хуг! Пока мэнэ тогос-эс вэ отока Акапи целая кипа! Великий вождь немножко болен, простудился, охотясь на бобров. Голос совсем, минас терата окира! Виннету все сказал! Хау, хау, хау! — сдалась я, нервно поправляя змеиную повязку на голове.

— О! Вижу, вы благородный человек, мистер Виннету, настоящий джентльмен. Признаться, поначалу... я это... не сразу поверил, что вы... тот самый. Но теперь сомнений нет — вы на самом деле всех спасаете, скоро до древесных жучков дело дойдет, хе-хе-хе... Шутка!

— Вэк? — не сразу поняла я. — Мой бледнолицый друг решил обидеть старого доброго Виннету, верховного вождя славного племени апачей?! Я что, недостаточно на индейца похож... похож... тьфу! Что за подозрения, хау, хау, хуг?!

— Нет-нет, как можно, сэр! Просто не ожидал, что вы такой... маленький и как это, мускульно не развитый для великого воина. Но теперь-то все встало на места... За вас, мои новые друзья! — Шериф опустошал уже второй стакан виски. Икнув и вытирая грязным рукавом набежавшую слезу, он вдруг всхлипнул, печально повесив нос: — Вот сижу я перед вами, простой американский шериф, слуга закона. Это у нас семейное, я не мог выбрать иное поприще, хотя эта работа уже достала! Знаете, мой девиз: «Не тронь меня, я и сам спрячусь...», но проклятые бандиты все время вымещают на мне злобу. Меня били и бьют всем подряд, однажды на меня выкинули рояль со второго этажа борделя! А сколько раз в меня стреляли?! Иногда я думаю, мой отец воротился, чтобы всем им за меня отомстить.

— Что за отец? — сразу насторожился Алекс, то есть Билли Лоутон, ковбой из Техаса.

— А мой папа, знаменитый шериф Джоэл Гвурдстом по прозвищу Долговязый Джоэл, — с гордостью произнес маленький шериф, выпатив узкую грудь.

Кот перестал намывать усы и весь превратился в слух.

— Боюсь, что не в лучшие времена судьба привела вас в Хромую Собаку. Уж очень нехорошие дела здесь затеваются... — шепотом продолжил Дикси, настороженно кося по сторонам. Командор сделал знак, чтобы принесли еще стаканчик.

— Какие такие дела... о мой бледнолицый друг? — с любопытством поинтересовалась я.

— Сами увидите, — протянул шериф, заговорщически подмигивая осоловелыми глазами.

— Мы много слышаны о вашем отце, его до сих пор помнят во всех штатах. Да, таких, как он, выдающихся личностей сейчас не встретишь, народ мельчает, — грубовато подольстился Алекс. — Что ни говори, шериф, а вам очень повезло с предками.

— Спасибо, сэр, — зарделся мистер Гвурдстом, как будто в этом была его личная

заслуга.

— Значит, его призрак действительно вернулся?

— Да, мистер, но об этом — тсс! Я-то знаю, что грядут времена о-го-го какие... Когда отца нашли в одном из наших борделей, в «Золотой пуговке», он был уже мертв, — горько вздохнул безутешный сын. — Разрыв сердца, его погубило его же благородство...

— При чем тут благородство?

— Как всегда, он не смог отказать в помощи нуждающимся девушкам. Он всеми силами старался помочь им заработать, чтобы потом они могли вернуться к честной жизни...

— Да разве он не был убит бандитами во время патрулирования местности?! — ахнул сраженный в самое сердце кот, но, по счастью, шериф не придавал этому значения, спокойненько ответив:

— Увы, на его теле не было следов насилия. Но... это большая тайна! Нельзя же кричать на каждом углу, что борец с беззаконием кончил жизненный путь в постели какой-то... Прошу прощения, джентльмены!

Больше никаких сведений из шерифа мы выбить не смогли. А он, подхватив уже четвертый стакан виски, покачиваясь, встал из-за стола со словами, что не напрасно разбередил себе душу, вспоминая историю своего выдающегося родителя. Эта история напомнила ему одну важную вещь: давно он не наведывался с ревизией в «Золотую пуговку», а сейчас самое для этого время.

— Дела не ждут, друзья. Благодарю за виски. И... все-таки вам было бы лучше посетить какой-нибудь другой городок...

И, пошатываясь, под шутки завсегдатаев салуна он выбрался наконец к выходу.

— Два часа в этом душном, прокуренном помещении — и ничего, никаких сведений, которые помогли бы нам распутать это дело! Только даром отдали два доллара за четыре стакана виски, — сердито высказался кот. Помолчал и, на всякий случай решив, что он страшно проголодался, велел заказать ему селедку, вдруг в этой дыре она имеется? Агент 013 был сильно не в духе, впрочем, как обычно после напрасных трат.

Я-то считала, равно как и Алекс, обменявшийся со мной понимающим взглядом, что два доллара потрачены не зря. В конце концов, мы узнали реальные обстоятельства смерти шерифа, будущего призрака. Теперь-то, по крайней мере, стало ясно, что смерть его не была насильственной, при условии, конечно, что его сын действительно знает правду.

Вспомнив о наших лошадках, я выглянула в окно и сначала ахнула от возмущения, а потом злорадно усмехнулась. Какой-то драного вида ковбой с двумя кольтами за поясом и (поначалу) весьма ехидным выражением на лице пытался содрать с Алексовой лошади подковы. Поясню: Алексу пришлось ее подковать (чтобы полностью сойти за неиндейца), что он и сделал с истинным профессионализмом. За неимением нужных инструментов прибить гвозди он не смог, зато нашлись отвертка и шурупчики, так что подковы были надежно прикручены. Этим и объяснялось длительное и безрезультатное пыхтение мошенника. Весьма приятное глазу...

В моем времени воры так зарабатывали, снимая колеса с машин.

Алекс решил, что надо выйти разобраться, пока прохиндей не скрылся с его седлом и седельной сумкой. Кот пошел следом, как истинный боевой товарищ. А я осталась у окна, чтобы в свое удовольствие полюбоваться динамичным действием, которое вот-вот должно было развернуться перед моими глазами.

— Очень кстати, после обеда всегда хочется зрелищ, — радостно приветствовала я намечающуюся потасовку.

Нет, командор, естественно, начал с вежливой просьбы отвалить от его лошади. Этого отсюда слышно не было, но я-то знаю Алекса, его исключительное дружелюбие. В результате мои агенты тут же были окружены не столь вежливыми оборванцами — их изуверские физиономии не оставляли ребятам никаких шансов. Как правило, такие типы нередко пропускают воскресные проповеди и регулярно забывают жертвовать на ремонт церкви. Напарникам приходилось нелегко, правда, у Пусика было существенное

преимущество — его никто не принимал всерьез, наверное, решили, что толстый кот просто бесится от хорошей жизни. Но ему все же удавалось как-то сдерживать натиск врага — агент 013 зорко следил, чтобы на Алекса набрасывалось не больше троих зараз (следует читать: за один раз! Хотя все равно они были заразами...). Шериф, как и положено при его работе, наверняка держался подальше от места потасовки.

— Как это храбрый индейский вождь сидит и спокойно наблюдает за избиванием своего друга, — задумчиво произнесли у меня за спиной (я так увлеклась сценой драки, что даже не заметила подошедшего).

Резко обернувшись, я встретила взглядом с одноглазым приземистым мужчиной, одетым с некой претензией на хороший вкус. Судя по шрамам на лице, оно было результатом самой некачественной пластической хирургии этого времени.

— Ты на что намекаешь, противный? — нарочито кокетливым тоном поинтересовалась я, откровенно подмигивая и жеманно поводя плечиком.

У одноглазого тут же сошла презрительная ухмылка с губ, он нервно шарахнулся в сторону, видимо переживая за свою невинность. Мужик явно принял меня за голубого индейца, чего в принципе я и добивалась...

— Чего замаялся? Присядь ко мне на колени и побеседуем!

— Это какой-то неправильный индеец, — объявил он на весь зал, отступая еще на шаг.

— Так оно и есть, дурашка, — призывно махнула я рукой, продолжая мило улыбаться. Но тут с улицы раздались победные крики и грязная ругань.

Выглянув в окно, я увидела, что командора скрутили. Это мне совсем не понравилось... Теория о том, что книжные герои такого плана, как мои спец агенты, непобедимы в рукопашной, на этот раз не сработала. Опрокинув стул, я зарычала и выскочила на улицу. Шутки кончились, всем хана, америкосы!

Едва ли не с порога я вскочила на свою Бастардку, которая мирно грызла низкие стропила навеса, и резко рванула поводья, спеша на помощь любимому человеку. Не учла только одного — времени, пока кобылка разожмет свои стальные челюсти... В результате я врезалась в ряды неприятеля на лошади с длинной жердью поперек зубов! Такой дрессировки на Диком Западе еще не видели, как и такого эффекта... Хулиганы разлетелись по сторонам, как пластмассовые солдатики. Алекс, кстати, тоже слегка пострадал, в пылу боя Бастардка своих-чужих не различала. Правда, зафиксировать сей успех я умудрилась, уже взлетая в воздух и ласточкой перелетая к недалекой поилке. Что ж, вот выплуну всю солому и всерьез займусь тренировками по верховой езде...

— Остановитесь, джентльмены! Стойте, вам говорят, и внимайте мне, если у вас еще не атрофировались жалкие остатки давно усохших мозгов, — в полный голос заорал Мурзик, заслоня упавшего друга. — Отпустите этого честного гражданина! Если вы причините ему увечья... э-э... сверх тех, которые уже нанесли, я за себя не отвечаю.

Однако прошло какое-то время, прежде чем бандиты поняли, что проповедь им читает не местный священник, а самый что ни на есть крупный серо-белый кот, принимавший активное участие в потасовке. Нечего и говорить, что последнее собрало толпу зевак. Народ Хромой Собаки перешептывался, перепихивался локтями и не знал, чему верить...

— Говорящий кот, — пробормотал все тот же одноглазый, часто моргая и сглатывая. Бедняга не знал, что эту фразу при агенте 013 употреблять ни в коем случае нельзя.

Об Алексе забыли, я успела, кое-как встав на ноги, подобрать обломок того же стропила и возвыситься над командором, вопя: «Не подходи-и!» Здесь как раз все въехали, что речь толкает кот, и до того обалдели, что даже не стали меня бить.

— В какой-то мере да. Да, я говорящий кот, — обиженно закрутил усы Профессор, хотя в другой ситуации наверняка бы дал волю эмоциям (и лапам!).

— Ты в порядке? — нежно спросила я Алекса, глядя на огромный синяк у него под глазом, разбитые кулаки и многочисленные ссадины.

— В полном, — сухо произнес он, шмыгая окровавленным носом. Я, не стесняясь, при всех расцеловала его в обе щеки, и мой герой виновато улыбнулся.

— Итак, джентльмены, забудем временно о том, что вы пытались своровать наших лошадей, — неумолимо продолжал агент 013, намеренно не замечая отвисших челюстей зрителей. — Но это никому еще не сходило с рук и вам не сойдет! Мы тут не просто так, а по серьезному делу. Хотелось бы расспросить вас, друзья мои, об одном астральном явлении, а точнее, о периодическом появлении призрака Долговязого Шерифа. Слышали о таком?

— Э-э... ну, слышали, конечно, — отважился наконец откликнуться один. Им опять оказался пристававший ко мне в салуне одноглазый приземистый ковбой со шрамами.

— Дело в том, что мы с моими друзьями, с Вилли Тростеном (он указал на Алекса, туманно присвоив ему совершенно другое имя) и знаменитым Виннету, который является названным братом вашего покорного слуги, великого воина Кошара-сиу... Надеюсь, все слышали это имя?

— Что-то знакомое... Вроде слышали... Че за бредятина?! — неоднородно раздалось в толпе.

— Так вот, наша команда, — невозмутимо продолжил кот, — поставила себе цель (как вы знаете, где мистер Виннету, там и благая цель — помощь угнетенным и обиженным) расследовать...

— Если так, пусть он мне даст два доллара на виски, никто сейчас так не нуждается в выпивке, как я! — выкрикнул из толпы неугомонный одноглазый, хрипло засмеявшись, довольный шуткой. Его восторженно поддержали.

— Заткнитесь, джентльмены! И прошу, выслушайте меня серьезно! — Мурзик был само терпение. — Мы обязаны расследовать дело о вашем призраке и добиться, чтобы он навсегда оставил эти края. Вряд ли я ошибусь, если предположу, что Долговязый Шериф не раз «призывал» вас к порядку и для многих это кончилось плачевно... Поэтому в рамках помощи самим себе предлагаю рассказать нам о вышеупомянутом привидении все, что знаете.

Агент 013 вежливо поклонился. Увы, ответом на его пылкую речь была полная тишина.

— Мне повторить?

В ту же минуту толпа разразилась ругательствами, свистом и смехом, чего Профессор никак не ожидал.

— Это чревовещание! Кот не может разговаривать! Нас попытались обвести вокруг пальца, как недоношенных щенков койота, — рассерженно вопили полупьяные янки, топая ногами и сжимая кулаки.

Алекс, преодолевая боль, вспрыгнул на свою лошадь, держа на взводе оба кольца. Я, уже сидя на его коняшке, лицом к хвосту, неумело натягивала индейский лук, а разобиженный кот в два прыжка взлетел к напарнику, с независимым видом усевшись в прикрепленную к седлу корзинку. Не думаю, чтобы мы далеко ушли... Уже приготовившись на собственной шкуре отведать все прелести суда Линча, я с визгом пустила стрелу в одноглазого, не попала и...

В этот момент загрохотал гром среди ясного неба, засвистел ветер и на сцене появился сам призрак Долговязого Шерифа Джоэла Гвурдстома! Он прискакал на крупном черном коне и выглядел бы как самый настоящий шериф (правда, долго не стиравший одежду), если бы не голый череп под широкополой стетсоновской шляпой. На кожаном поясе с заклепками висели две пустые кобуры, полуистлевший желтый кожаный плащ с поднятым воротником облегал длинную худощавую фигуру, а на сапогах болтались ржавые мексиканские шпоры.

— Опять бандитское нападение на приезжих?! Черт вас дери! Менее законопослушных граждан, чем преступные жители Хромой Собаки, я не встречал! — пророкотал призрак замогильно-громовым голосом, выхватывая из кобуры неожиданно новенький, сияющий кольт с длинным стволом.

Все присутствующие, как по команде, бросились врассыпную:

— Спасайтесь, джентльмены! Опять этот маньяк по наши души приперся! Только не стреляйте, вообще озверев!!!

Спустя пару минут призрак (с реакцией у него было туговато, хотя, может, это плохое

зрение, много ли можно увидеть пустыми глазницами?) трижды пальнул в воздух и взял лассо, притороченное к седлу. Черный конь взвился на дыбы, сделал традиционную свечку и припустил за беглецами. Народ сворачивал к церкви, куда, как известно, нечисти входа нет! Шериф этого не знал и неспешно размахивал веревкой над головой, примериваясь словить хоть кого-то.

Кот был в полном восторге!

— Каков типаж, а?! Быстрее за ним! — командовал он. — Нам невероятно повезло, друзья мои. Если мы его догоним и, может быть, войдем в контакт, то быстрее пойдем причины, по которым он восстал из мертвых.

— А мне что-то не хочется с ним контактировать... Еще попадешь под горячую руку лысого эксгибициониста! — Я сползла с крупа Алексовой лошади и поймала повод флегматичной Бастардки. — Как-то не так он мне представлялся... Думала, это эфирное привидение, каких мы встречали в Шотландии, а он, похоже, из плоти, вернее из костей. Вполне материален, гад, а значит, и укусить может...

Но меня, как всегда, никто не слушал. Не очень-то хотелось догонять призрака, но оставаться одной хотелось еще меньше. Вдруг Долговязый Шериф, как только я останусь одна, тут же вынырнет из-за угла и заорет: «Мисс, вы курите в неподобающем месте!» — хотя я не курила, но этот все равно высмотрит нарушение какое-нибудь. «Здесь запрещено ставить лошадей! Уплатите штраф, иначе расстрел, и ваша душа будет навечно проклята не хуже, чем моя».

Да-а, наш призрак, расхаживающий днем так вольготно, как иной его собрат и ночью не походит, производил сильное впечатление. Хотя этот его гром — все-таки весьма дешевый спецэффект! Это я уже высказала вслух, пристроившись рядом с ребятами.

— Конечно, конечно, Алиночка, — охотно поддержал меня кот. — Разве ты не знала хотя бы из романов и фильмов ужасов, что американские призраки всегда отличались от европейских именно своей материальностью? Их кинематограф всегда делал ставку на приоритеты ярких зрелищ! А что может быть эффектнее осязаемого привидения? Смотрите-ка, он все-таки одного заарканил!

И действительно, Шериф ловко набросил петлю на какого-то беднягу, не успевшего скрыться за дверями церкви. Ха, да это же одноглазый! Ну не везет сегодня мужику, никак не везет... Бледный ковбой с душераздирающими криками упал на землю, вцепившись руками в веревку на шее, а призрак дико захохотал и, вспыхнув фиолетовым светом, растворился в воздухе. Это мне совсем не понравилось, что-то во всем этом настораживало...

— Он ведет себя как-то неправильно! Нарочито показушно, что ли, — пробормотала я, морща лоб, чтобы помочь мыслительному процессу. Между задних ног моей кобылы суетливо пробежал какой-то черно-белый пушистый комок.

— Я же сказал тебе, это АМЕРИКАНСКИЙ призрак. Он просто не может иначе, национальная традиция! — подивился моей тупости кот, проследив взглядом за зверьком. Кажется, это был скунс.

— Все равно после смерти должна происходить хоть какая-то переоценка ценностей. Души освобождаются от глупых заблуждений! Вон, спроси Синелицега, после смерти он, например, стал дорожить жизнью, отказавшись уходить в могилу, и к тому же понял, что цыпленок в винном соусе — это все-таки очень вкусно, хотя при жизни не увлекался кулинарией.

— К твоему сведению, милочка, позволь заметить, что...

— Хватит вам спорить! Из церкви никто не решается выйти. Надо помочь человеку, если он, конечно, еще жив, — пресек Алекс наши дальнейшие препирательства. Он опустился на одно колено рядом с пострадавшим от призрачного произвола. Звучит, конечно, глупо, зато верно. Пеньковая веревка исчезла вместе с призраком (хозяйственный малый, реквизит не разбазаривает). Жертва прерывисто дышала и распространяла в радиусе полутора метров винный перегар и запах помойных амброзий. Я почувствовала жалость к

бедняге, видимо зарабатывавшему на жизнь мелкими кражами и убийствами из-за угла, судя по оружию, вывалившемуся из-под одежды.

— Эй, вставайте, правонарушитель! Кажется, шею вы не свернули, поэтому у вас нет никаких прав так привольно валяться поперек пути. Это не ваша личная дорога! — Я пнула его мокасином в бок. Ага, кажется, зашевелился, уже результат.

— Алиночка, это же больной человек! Как ты можешь так обращаться с личностью, которая даже встать не может? — возмутился кот.

— Ага, а он мог ко мне приставать в салуне?!

Алекс, укоризненно покосившись на нас, стал хлопать ковбоя по щекам. Бедолага открыл единственный глаз и, обзрев мутным взглядом мир, кое-как начал подниматься. Встав на ноги, он, пошатываясь, двинулся к салуну, шумно икая и ругая правительство за то, что оно не может защитить честных граждан от насилия и бесправных действий со стороны мертвецов, которых надо заставить соблюдать конституцию.

Из церкви по одному, осторожничая, выходили люди. Судя по их лицам, нас они сейчас боялись ничуть не меньше, чем призрака. Еще бы! Мы-то никуда не побежали и даже подняли того, на кого пал гнев Шерифа. Пусть это будет им наглядным уроком за то, что посмели выступить против нашего отряда. Ну и призраку спасибо, конечно...

Мы не спешили уезжать из городка, не без оснований ожидая, что местные жители кинутся к нам как к отцам-благодетелям с челобитными, умоляя спасти их от нечисти лютой. Люди везде одинаковы и везде боятся привидений.

— Этот скунс... — прервал мои мысли кот.

— Какой скунс?

— Тот самый! Похоже, он здесь оказался не случайно, — уперся Профессор.

— Ты думаешь, исчезновение призрака как-то связано с появлением скунса?

— Скорее всего, да. Вспомни, ведь и Оленьи Ноги о нем упоминал.

Командор выпрямился, стряхнул пыль с рукава и взял инициативу в свои руки:

— Ну так что, будем теперь содействовать расследованию? — громко поинтересовался он у толпы. Люди и не думали расходиться, они о чем-то шумно совещались, настороженно зыркая по сторонам. Появившийся неизвестно откуда сын Долговязого Призрака, местный шериф Дикси Гвурдстом, все так же сохранял нейтралитет. Он явно не хотел, чтобы жители Хромой Собаки объединились против его отца, гены брали свое, да и чувство безопасности тоже. Пока призрак Шерифа навевался в городок, его сын пользовался относительным уважением жителей. Его, конечно, никто не слушал, но и обижать всерьез как-то опасались...

— Ладно, но платить вам мы не будем. — Вышел вперед один из бандитов, напавших на Алекса и оказавшийся помощником шерифа. Как видите, даже на своего помощника Дикси не имел никакого влияния.

— Да и знаем мы, по правде сказать, не так много. Но этот призрак нас уже порядком достал, очень хотелось бы от него поскорее избавиться. Года три назад он только ночью появлялся, а теперь уже и днем никому прохода не дает, — подхватил другой житель городка, более цивилизованного вида.

И даже тот наглец, что пытался свинтить подковы, снял шляпу и поспешил извиниться:

— За лошадь просим прощения, мистер. Мы же не знали, что вы тоже... из законников.

— Погорячились, сэр, признаем, — прочувствованными голосами поддержали остальные.

Интересно, а были бы они такими вежливыми, не появись Долговязый Джоэл?..

— Хуг, мои бледнолицые братья, сегодня мы добрые, — милостиво произнесла я помужски хриплым голосом. Кот решил промолчать, чтобы нас снова не заподозрили в том, что мы всего лишь мошенники-чревоушители.

— Давайте начнем с конкретного описания обстоятельств, при которых здесь появлялся призрак Шерифа, — громко объявил Алекс.

— А-а, ну э-это... — Народ зачесал затылки, и мы с Мурзиком обменялись

мученическими взглядами.

Как же медленно все тут соображают... Или жара на них так действует (июль месяц на дворе), или чего-то боятся.

Но несмотря ни на что, решившись сотрудничать, жители Хромой Собаки очень скоро вспомнили немало поучительных историй из жизни призрака Долговязого Джоэла Гвурдстома. Например, когда он не так давно появился в один из городских борделей с целью освободить оттуда всех девушек и отдать под суд содержащую заведение мамашу Лулу. Когда полуголые красотки с визгом и воплями повыскакивали на улицу, он удовлетворенно, с чувством выполненного долга крикнул и непререкаемым тоном велел основать в «бывшем» борделе приют для ветеранов Бостонского чаепития!

Это было год назад, а снова он объявился в городе на позапрошлой неделе, доводя своим появлением до иступления городского священника — отца Продиджа Мэнсона. Судя по всему, призрак явно считал его своим конкурентом в деле запугивания жителей Хромой Собаки. Никакой другой священник в такую дыру и на такую зарплату ни за что бы не поехал. Но преподобный Мэнсон был настоящим фанатиком (хотя существовали и другие причины, о которых мы узнали потом), а потому рьяно служил Господу в Хромой Собаке уже не первый год, высокомерно игнорируя мнение своей паствы.

Получалось, что отец Мэнсон за последнее время чаще других подвергался злобным нападкам призрака. Впрочем, также Долговязый Шериф пару раз бросался на старуху-молочницу, причины неизвестны, бабулька отделалась испугом. А еще он сорвал кучера с облучка дилижанса, причем на полном ходу, своим знаменитым лассо за то, что тот ехал с большей, чем положено, скоростью. Бедняга «отделался» переломом шейки бедра. Теперь он целый день лежит на кровати и, не закрывая рта, непрерывно честит проклятого призрака! Хотя достается и недостаточно проворным родственникам, в которых он в первые два дня кидался всем, что лежало поблизости. Благо что его положили в чулане, и рядом хватало всякой всячины, пока резерв не иссяк.

Еще призрак как минимум пару раз конфиденциально встречался с танцовщицей из салуна «Хижина дяди Тома» Милашкой Сьюзи. Это было стыдливо доложено кем-то из женщин, видимо по причине лютой ревности...

— О! Это уже кое-что, а где ее сейчас можно найти? — тут же проявил свой живой интерес кот. Правда, произнес он это шепотом, исключительно для меня, чтобы я озвучила его вопрос перед всеми, и, поторапливая, подергал меня за штанину. Я вырвалась и громко спросила:

— А где можно найти бабушку-молочницу?

Агент 013 вытаращил зенки и постучал себя по лбу. Нам ответили, что вчера она продала корову и уехала из города, потому что буренка, с тех пор как объявился призрак, перестала давать молоко.

— Но если вы хотите встретиться с Милашкой Сьюзи, то сейчас она на своей основной работе в борделе мамаша Лулу, а в салуне она танцует по средам и пятницам, — доверительно сообщил помощник шерифа с видом завсегдатая подобных заведений.

— Да, но сначала мы навестим преподобного Мэнсона, это ближе, — определился Алекс, видя, как страстно я хочу отсрочить поход в бордель. За что и заслужил мой самый любящий взгляд! Под некоторое недоумение присутствующих...

На деле я просто не хотела выглядеть мелочной и подозрительной и потому не стала настаивать на том, что с опросом данной свидетельницы справлюсь самостоятельно, а моим целомудренным неиспорченными агентам не стоит ходить в подобные места, где работают такие нехорошие тети.

Священнослужителя мы нашли в церкви, он чинил механическое пианино, которое с успехом заменяло прихожанам орган. Не знала, что в клавишные инструменты того времени закладывались духовные мелодии (как оказалось, в действительности не закладывались).

— Мир вам, джентльмены! Прошу ступить под сень храма божьего. Вы конечно же хотели помолиться и внести посильную лепту в...

— Вообще-то мы хотели бы поговорить с вами о призраке.

— О нет! Как можно даже вспоминать об этом исчадии ада?! Я ни за что...

— Но лепта будет внесена в любом случае! — значимо завершил командор.

Выражение лица священника сразу же переменилось. Вытерев грязной тряпкой испачканные машинным маслом руки и радостно щеря редкие зубы, отец Мэнсон бросился к нам с распростертыми объятиями. Кота он поначалу просто не заметил, а заметив, повел себя, по меньшей мере, странно — вскочил на аналой, испуганно вытаращив глаза, и, указывая дрожащим пальцем на удивленного Профессора, завизжал фальцетом:

— Кошка? Кошка! Кто впустил сюда кошку?! Уберите кошку! — Срывая голос, преподобный Мэнсон начал биться в конвульсиях (или изображать припадок). Мы, как агенты по борьбе со всякими аномальными существами, многого насмотрелись, но сходящего с ума священника видеть не доводилось...

— Во-первых, это не кошка, а кот! — не совсем уверенным голосом вступилась я за агента 013. Тот был так поражен, что даже не успел обидеться. — А во-вторых, как вас там по батюшке, может, позвать доктора? Тут вроде есть один специалист, одновременно цирюльник и кровопускатель.

Ответа я не дождалась, но священник вроде начал успокаиваться, правда, после вмешательства Алекса, который его основательно потряс, схватив поперек туловища и подняв в воздух. Метод действенный, по крайней мере, в отношении меня. Но у меня, как правило, до таких уж истерик дело не доходило...

Десять минут спустя Мэнсон вполне внятно отвечал на наши вопросы.

— Да, дети мои, призрак всегда исчезает в одном направлении. И появляется оттуда же, со стороны горы под названием Гонимое Облако, конечно, когда не испаряется на месте. Это к востоку отсюда, в глуши, где только индейцы живут, да еще банда Фрэнка Грубберта в ущелье орудует, — объяснял он, вытирая глаза платком и беспокойно озираясь на Профессора. Преподобный извинился за свой припадок, уверяя, что страдает аллергией и видеть не может кошек. Почему он их так страшно боится? Наверное, был крысой в прошлой жизни...

Я объяснила ему, что кот наш, он домашний и даже без блох, к тому же редкой породы, и если выгнать его на улицу...

— Так, значит, призрак прячется в индейских горах. Странно, почему ковбои у церкви нам этого не сказали, — задумалась я.

— Потому что мы у них не спрашивали, — логично заключил Алекс, несколько удивленно покосившись на меня. Теперь, когда мы с ним так сблизились, Алекс взял себе за правило искренне удивляться, если я вдруг задаю глупый вопрос. Увы, это происходит не так редко, как мне хотелось бы... Видимо, он слегка преувеличивает коэффициент моего интеллекта.

— А где, интересно, похоронен Долговязый Шериф? У сына как-то неудобно было спрашивать.

— Хороший вопрос, — согласился мой герой, но в этот момент отца Мэнсона прорвало:

— Это просто возмутительный призрак! Целый год он пропадал, но теперь, когда явился вновь, его посещения стали чаще, а он сам намного злее. Раньше если и встречал его кто раз-два в год, то призрак просто стоял на месте и смотрел или проезжал мимо, мигая горящими в темноте глазами. И все! Никого всерьез не трогал, клянусь Господом! А теперь что?! Вон бедный Боб Тигли, извозчик, лежит и неизвестно когда встанет, некоторые мои прихожане навещают его. А еще одного случайного прохожего это порождение Сатаны гнало до самого обрыва, конечно, несчастный сорвался и едва не разбился. А я?! Чем я заслужил гнев привидения?

— Элементарно, вы — единственный служитель церкви, и призраку это не нравится, — предположила я.

В ответ отец Мэнсон как-то странно на меня посмотрел, но, спохватившись, снова

принял скорбный вид.

— Да, вы, наверное, правы, храбрый вождь, — смиренно согласился он. — Я всегда готов молиться за бедные души моих прихожан, но в остальном я бессилен. В наш мир проникает все больше зла, надо положиться на Господа Бога, он наша единственная защита. А нам остается только верить и молиться, молиться и еще раз молиться!

Говоря это, он не спускал встревоженного взгляда с Алекса, который, насвистывая что-то себе под нос, бродил по церкви. Помещеньице небогатое, надо признать, аналой в центре на возвышении, механическое пианино и скамейки с двух сторон от прохода. Под испуганным взглядом отца Мэнсона Алекс подошел к аналою, откинул покрывало, закрывающее его заднюю сторону, и... Взыгравший священник рванулся вперед, заслоня что-то своим телом. Очень странно, но... мне показалось, там была дверца, запертая пудовым висячим замком.

— Очень странно, — повторил мои мысли Алекс и вопросительно уставился на преподобного. Тот уже оправился от шока и принялся истошно вопить, загораживая аналой спиной:

— Святотатство! Кошунство! Как вы смее?! Здесь хранятся церковные реликвии, то есть реквизит!

— Действительно, какие-то золотые божки, и уж явно не христианского происхождения, — удовлетворенно констатировал агент 013, успевший незаметно проскользнуть между ног священника и сунуть нос в щель между дверцей и косяком.

— Вы ошибаетесь, это позолоченные чаши для обряда причастия, — с мольбой, обернувшись ко мне, забормотал отец Мэнсон — похоже, он принял слова кота за мои.

— Это не трудно проверить, — парировала я.

— Да кто вы такие, чтобы тут распоряжаться?! Это дом Господа нашего! Не имеешь права, краснокожий!

— Хау, да вы еще, оказывается, и нацист! Тогда мы, представьте себе, церковные ревизоры, — решила я, засучивая рукава. Не люблю тайн! Когда-нибудь мое любопытство погубит меня, как кошку, но если его не удовлетворить сейчас — я просто лопну...

— У него должен быть ключ, — резонно предположил Пушок, — проверь карманы, девочка моя!

Медный ключ действительно был там. Шумный преподобный не успел осознать мои намерения, а потому не успел сам его достать и проглотить. Хотя в этом случае я бы ему только посочувствовала — ключик имел сантиметров двадцать в длину и весил едва не полкило...

Пока Алекс удерживал за пояс брыкающегося священника, я быстренько открыла замок. Ах, мамочка, это были действительно литые из чистого золота статуэтки индейских богов и родовых духов! Честное слово, я такие видела в иллюстрированном альбоме «Художественно-прикладное творчество индейцев Северной Америки».

— Да-а-а, факт святотатства налицо! Языческие идола в христианском храме, да еще под аналоем. Для чего же вы их здесь прятали, а?

— В нашем городе это самое надежное место для сокрытия ценностей, — хрипло начал преподобный, в его голос вернулась уверенность. — Индейцы, смиренно пожелавшие стать христианами, добровольно принесли свои посильные пожертвования делу церкви. Я крестил многих краснокожих и...

— Вот так сами и принесли?! Пусик,ними лапкой лапшу с ушей, ты ведь поверишь...

— Я храню их как вещественные доказательства того, что души аборигенов блуждали в потемках многие века, пока на их землю не ступили самоотверженные миссионеры вроде меня! — вновь запетушился отец Мэнсон. — Эти языческие тотемы им уже больше не нужны.

— Звучит довольно убедительно, — устало пробормотал Алекс. — И давно они здесь? Почему же вы их до сих пор не обратили в деньги, как и собирались, я полагаю?

— Не вам, примитивным вестменам, дано понять мой путь служения Всевышнему! Вы

и так допустили святотатство. Задавать вопросы священнику — непростительный грех для любого христианина!

— Я — атеист!

— А я — космополит!

— А я тогда вообще мусульманка!

Кот, командор и я по очереди пожали плечами. По счастью, святому отцу было недосуг сверять правильность употребления мужского и женского рода, он поманил нас пальцем и, выудив из-за пазухи кошелек, предложил взятку.

— Кто бы вы ни были — убедительно прошу не рассказывать об этом инциденте в нашем городе! Надеюсь, мы сумеем понять друг друга... Если у нас банк грабят регулярно раз в неделю, то что стоит не имеющим моральных преград бандитам ограбить и церковь! Но это исторические и художественные ценности, они принадлежат всему человечеству! Я уже договорился с парой музеев Европы за неплохие деньги, которые конечно же пойдут бедным и сиротам, — с достоинством заключил священник.

Мы переглянулись. Взгляд Профессора светился ледяным презрением ученого...

— Алиноч... тьфу! Великий Виннету, не одолжит ли мой краснокожий брат свой скальпировальный нож?

— Хау! Пусть Серый и Мудрый Зверек возьмет мой томагавк и вспомнит боевую молодость!

— Хау, хау! — охотно согласился кот. Священник принял позу и наострил уши, но... В этот момент в церковь вошли двое мужчин в форме Конфедерации, с военной выправкой. С лица отца Мэнсона мгновенно сошло все напускное благородство. Один из вошедших, средних лет, с кирпичной челюстью и пышными черными усами, достал из внутреннего кармана какую-то бумажку, прочитал там что-то, поднял глаза и, глядя на нашу разношерстную компанию, поинтересовался:

— Кто из вас преподобный Продижд Мэнсон?

Все мы, включая и кота, быстро указали пальцами на присутствующего священника, лихорадочно скидывающего сутану, под которой оказался костюм охотника за пушниной в комплекте с болотными мокасинами.

— Так я и думал, — удовлетворенно хмыкнул черноусый, обнажая клыки в злорадной усмешке. Именно так, наверное, в свое время саблезубый тигр улыбался доисторическому кролику. Бедненький кролик прижал уши и крепко зажмурился, чтобы не видеть страшных зубов своей смерти. Преподобного Мэнсона подхватили под руки, вновь облачили в сутану и развернули к выходу, он даже и не помышлял о сопротивлении. Предварительно один из уполномоченных быстро покидал в мешок всех божков:

— Прошу прощения, что вы стали свидетелями этой безобразной сцены, джентльмены. Нам только что удалось задержать опасного преступника.

— Ай, как интересно-о-о! — подпрыгивая на одной ножке, заверещала я, но тут же опомнилась: — Хау, мои братья Длинные Ножи! Вождь Виннету хотел бы знать, в чем обвиняют эту лису в овечьей шкуре?

— Точнее не скажешь, сэр! — На радостях черноусый охотно делился информацией. — Этот тип, прикрываясь саном священника, уже несколько лет занимался нелегальной продажей необлагаемого налогом виски. Он обманул несколько индейских племен, охотно давая огненную воду в долг и отбирая у запутавшихся в долгах краснокожих самое ценное — вот это...

Мы понимающе покосились на мешок с золотыми божками.

— Правительство не особенно заботят пьющие индейцы, но мистер Мэнсон принес штату огромные убытки. К тому же на нем висит экспорт левого виски через канадскую границу под видом церковного вина. Мы искали его по притонам и салунам, а он, оказывается, не первый год прячется под личиной святого отца в Хромой Собаке. Если бы не Долговязый Гвудстром...

— Вы решили проверить священника, которого постоянно терроризирует призрак! —

догадалась я.

— Старик и после смерти стоит на страже закона! — уважительно хмыкнул военный и, чуть сощурился, развернулся ко мне. — А вы странно разговариваете, мистер...?

— Виннету! — напомнила я. — Хуг! Хау! Вэк! Бледнолицые братья не вернут сокровища моего народа?

Черноусый печально покачал головой — что ж, я и не особо рассчитывала...

— Век бы вас не видеть, федералы проклятые! Прошу, отдайте мои ноты Милашке Сьюзи, пусть она их бережет, пока я не вернусь, — со слезами на глазах обратился к Алексу закоренелый преступник, когда у него на руках щелкнули наручники. Алекс кивнул и сгреб бумаги с аналая. В сущности, правильно, нам все равно надо навестить эту красотку.

Милашка Сьюзи, похоже, здесь очень популярна. Не знаю почему, но я уже заранее испытывала к ней неприязнь. Вру... отлично знала почему, и меня это ничуть не радовало!

— Да, в поступках нашего призрака есть железная логика. За милую чуёт даже хорошо законспирированного мошенника, — заметил кот, когда мы остались в церкви одни. — Если бы не умершие индейские женщины, я бы посчитал, что от духа Долговязого Шерифа одна польза.

— Ты забыл о сломанном бедре кучера дилижанса, и один человек с обрыва упал, — напомнила я. — А бесплодие у ирокезов, а коровы, от дикого испуга переставшие давать молоко? Конечно, призрак спас нас от буйства толпы, та ситуация могла бы разрешиться куда печальнее... Висели бы сейчас хладными трупами на каком-нибудь дереве!

Меня аж озноб пробил при одной мысли об этом. Мало того что в Ирландии чуть не сожгли, так и в Америке туда же. Хорошо еще не в Салейм поехали...

— Не переживай, никто бы нас не повесил, — успокаивающе возразил Алекс, глядя меня ладонью по волосам, я прикрыла глаза от удовольствия. — Нас скорее бы расстреляли в упор из винчестеров и кольтов, они ведь почти все были вооружены и к тому же пьяны.

Я распахнула ротик, кот тоже...

Командор решил нас больше не пугать и поспешил сменить тему:

— Так, ребята, сейчас около пяти вечера, темнеет тут не раньше девяти. Давайте поговорим с этой девушкой по имени Сьюзен. Раз уж обещали передать ей записи преподобного Мэнсона, то заодно спросим и про призрака. У меня такое чувство, что если мы еще что-то важное узнаем в этом городе, то только от нее, больше не от кого.

— А к чему такая подозрительная спешка, милый?

— Мы добирались сюда около двух часов, дорога назад займет примерно столько же, до темноты нам надо быть у ирокезов. У шайки бандитов Бешеного Крота работа ненормированная. Когда мы ехали утром, то никого не встретили, значит, они отсыпались перед ночной сменой.

— Может быть, разумнее провести ночь здесь, в отеле «В гостях у гризли»? — предложил осторожный Пушок.

— Нет, постараемся все закончить сегодня. Кстати, надо еще узнать, где могила Шерифа, и навестить ее.

— Я согласна! Но мне ужасно хочется увидеть настоящих бандитов Дикого Запада. У нас ведь все-таки еще каникулы... хотя бы формально, да? Поэтому ничего страшного, если мы будем временами совмещать приятное с полезным?! — Умоляющими глазами я смотрела попеременно на обоих агентов. Мурзик в своей манере высокомерно покачал головой и, всем видом показав, что я неисправимая идиотка, задрал хвост и отвернулся. Алекс пожал плечами, что значило, куда он не денется... Как же я его люблю!

Мы вышли на улицу и, спросив у первого встречного, где тут заведение мамы Лулу, через полчаса были на месте. Бордель с названием, которое я здесь упоминать не могу, уж простите мою скромность, находился на втором этаже довольно большого строения. На первом традиционно был салун, вроде бы даже более приличная забегаловка, чем та, где мы завтракали. Фасад был покрашен в густой розовый цвет, на окнах наверху белели ажурные занавесочки с оборками, что придавало общему дизайну вид домика Барби.

Сначала я хотела просто вызвать девушку вниз, не поднимаясь на второй этаж, то бишь в саму обитель греха. Но в салуне не оказалось ни души, кроме скучающего голубоватого бармена, с полусонным видом по двадцатому разу перетирающего стаканы грязной тряпкой. Так ведь и до дыр протрет, со скуки... Просить его позвать Сьюзен не имело смысла, парень был едва ли не до слез расстроен отсутствием клиентов в его салуне. Придется подниматься самим... Итак, где здесь прячется так называемая Милашка?

— Ох! — вздохнул он в ответ на мой вопрос и, глядя на нас с Алексом нежным взглядом, поднял пальчик: — Она там, наверху, мои дорогие.

Разболтанная лестница привела нас в небольшой холл, далее раскрылась дверь в просторную комнату с коврами на полу и маленькими диванчиками, на которых возлежали девицы, чей вид меня буквально шокировал. Я была готова ко многому, поэтому, перед тем как войти, даже попыталась прикрыть ладонью глаза любимому. Он, конечно, тут же отстранил мою руку, демонстрируя мужскую независимость, и зря...

То, что предстало перед нами, должно было навеки отворотить от женщин любого цивилизованного мужчину, если только он не был слеп с рождения или не принадлежал к жителям Хромой Собаки. Эстетическое чувство кота жестоко пострадало, Профессор схватился за сердце и прислонился к стене...

«Девушки» от тридцати до сорока пяти, совершенно необъятных форм, одетые в грязные панталоны с рванными кружевами, с надеждой выпорхнули нам навстречу. Они не знали, что мы тут по другому делу, не по «тому самому», по которому сюда заходят пьяные вдрызг ковбои (в трезвом виде решиться взгромоздиться на «такое» мужчине было просто невозможно).

Командор, хладнокровно сражавшийся с самыми жуткими монстрами, испуганно шарахнулся в сторону от грудастых девиц с размалеванными театральным гримом лицами. Держу пари, толстый слой штукатурки из экономии не снимался неделями, лишь сверху на подпорченные потом или дождем участки регулярно накладывался новый. Высокие прически держались за счет муки и жира, а запах парфюмерии наверняка служил для отпугивания москитов.

Алекс, чуть запинаясь, кратко дал понять, что мы пришли сюда только ради мисс Сьюзен. Девицы, с трудом выпуская «законную добычу» из рук, все же пересилили себя, с высокомерным видом кивнув на сидящую в уголке девушку. Она единственная сохранила полное равнодушие при появлении «клиентов», то есть нас, и лишь мечтательно глядела в потолок. Вынуждена признать, в миловидности ей не откажешь, эдакая белокурая кудряшка с огромными, слегка удивленными глазами. Молоденькая (на фоне других), в чем наверняка и крылся секрет основной части ее успеха.

— Значит, беденького Проди, то есть отца Продиджа Мэнсона, все-таки забрали?! — искренне расстроилась она, бережно принимая у нас ноты, которые преподобный просил передать ей на сохранение. — Говорила же ему, оставь эту черную магию, чертовщина до добра не доведет. Да и Бог от себя добавит, накажет за преступные дела! Но разве мужчины слышат хоть кого-нибудь, кроме самих себя?

— О, тут я вас очень даже понимаю... — Я проггла Алекса укоризненным взглядом, миглом припомнив все и всякое, но... — Стойте, стойте! Какая черная магия?! Это что, помимо нелегального виски, контрабанды и доведенных до нищеты зеленым змием индейцев? Вот вам и католический священник... ну-ка, расскажите поподробнее!

Девушка слегка оторопела и прикусила язычок, отнюдь не желая обсуждать грешную жизнь своего арестованного дружка. Алекс деликатно отпихнул меня в сторону и погладил по плечу отвернувшуюся от нас свидетельницу, демонстративно дававшую понять, чтобы мы наконец оставили ее наедине со своим горем. Сняв шляпу, он начал со слов сочувствия, глубокая искренность в его голосе могла растопить любое сердце. Профессиональный оборотень, чтоб его! А самое обидное, что ведь действительно может узнать от нее что-то по-настоящему важное.

Я вернулась к коту, оставшемуся у дверей, но поняла, что и тут я лишняя. Его уже

окружили ласково сюсюкающие женщины, каждая норовила схватить его на руки, потискать, помять, в крайнем случае, хоть чуточку погладить.

— Ка-а-кой большой пушистый ко-о-тик!

— А посмотрите, какая у него недовольная мордочка... Ой ты уси-пуси! Не бойся, маленький, тебя тут никто не обидит!

— Ах, девочки! Он еще и спинку выгибает, и коготки выпустил, и шипит... Ну просто душка!

Мельком глянув на самого кота, я с удовлетворением отметила, что более обреченной физиономии мне у него еще видеть не доводилось. Он выворачивался из всех сил, стараясь стать «потяжелее» и надсадно мурча до тошноты противным голосом. Хорошо, его еще не начали целовать, а то бы наше «профессорство» окончательно задохнулось в приторных испарениях дешевых духов, которыми все здесь пропиталось насквозь. Ладно, выручу на этот раз...

— Хау! А в салуне, кажется, драка! Ого!.. Кем-то уже выбивают стекла, слышите, слышите?! — восторженно прокричала я. Там внизу действительно что-то звякнуло. Наверное, бармен выронил окончательно затертый стакан, но и этого было достаточно...

Изнывающие от тоски девушки, радуясь хоть какому-то развлечению, тут же снесли дверь и ломанулись на лестницу, боясь пропустить что-то интересное. Профессор, кинув на меня благодарный взгляд, истово перекрестился (атеист!!!), прижав уши, юркнул между кружевными панталонами и был таков. Значит, будет ждать нас снаружи в тихом, скрытном местечке, чтобы не привлекать внимания к своей на самом деле очень привлекательной персоне. В Хромой Собаке такого чистенького, ухоженного и упитанного кота не встретишь, поэтому каждый второй норовил его либо пнуть, либо погладить, а кому подобные перепады нравятся?

— Ошибочка вышла, — признала я, когда разочарованные девицы вернулись назад. Снизу раздавались слабые стоны полузатоптанного бармена. Он жалобно требовал показать ему того противного индейца, что спустил на него целое стадо неуправляемых женщин. Дамочки меж тем рассредоточились по комнате, занявшись игрой в карты и штопаньем чулок. На меня поглядывали несколько подозрительно — неужели догадались, что я... Еще, чего доброго, сочтут конкуренткой! Дабы не стоять как пень, я поинтересовалась у одной, а где мамаша Лулу? Обычно заведующие борделями «мамаша» первыми бросаются на посетителей, мило встречая их и договариваясь об условиях оплаты. Оказалось, что хозяйка является еще и совладелицей городского банка, а сегодня у них проверочный день, приехал какой-то налоговый инспектор и проверяет документацию.

Алекс и Сьюзен все еще сидели на диванчике особняком от других и мило болтали. Еще минуту назад убитая скорбью блондинка сейчас сияла, как лужа в солнечную погоду, улыбаясь и весело щебеча. Наконец командор встал, галантно поклонился, благодарно пожал девушке руку и направился ко мне. Милашка поднялась следом. Я попыталась соорудить самое беззаботное и невинное лицо, хотя сердце полыхало от ревности...

— Ну, ты все выяснил? Тогда поехали, а то опоздаем и пропустим ужин у Зоркого Медведя. Он наверняка жутко беспокоится, что нас так долго нет. — Я настойчиво подталкивала любимого в спину. Милашка Сьюзи, которую мне пришлось практически отпихивать ногой, все не отцеплялась, приглашая нас непременно прийти в четверг на ее выступление в «Хижине дяди Тома», где она покажет новый номер. Дудки, мне ли не знать, какие номера откалывают подобные девицы и чего именно она намерена показать...

Мы быстренько сбежали по ступенькам вниз.

Лежащий бармен, грустно поглядев на меня, послал воздушный поцелуй на прощание и вновь откинулся за стойку. Когда я выволокла любимого из этого вертепа, окошечко наверху распахнулось, и Милашка Сьюзи прокричала, что если Билли ничем не занят завтра в пять часов утра, она будет очень рада встретиться с ним после работы. Я уже почти размахнулась засветить ей томагавком, но вовремя заметила шерифа Дикси Гвурдстома. Он стоял, прислонившись к столбу, подпирающему веранду салуна, из которого мы вышли. У

соседнего столба лежала опрокинутая бочка, из нее затравленно выглядывал агент 013. Пришлось убрать холодное оружие и начать насвистывать «Ах, Одесса, жемчужина у моря...».

Шериф шагнул навстречу, смущенно и заискивающе улыбаясь:

— Джентльмены, как хорошо, что я успел вас застать в нашем тихом законопослушном городке, стало быть, вам здесь понравилось. О бедном отце Мэнсоне слышали? Несчастный, оступившийся человек... Я пытался разубедить федералов, они наверняка ошибочно арестовали нашего доброго священника. И потом, меня не известили заранее! А ведь я здесь представляю власти, я все-таки шериф, правда?

Кот марш-бросками шел за нами, нервно оглядываясь на страшный бордель.

— Конечно, конечно, примите наши искренние соболезнования, — попыталась я отделаться от загородившего нам дорогу Гвурдстома-младшего. — Если хотите, весь мой народ, все апачи от моего лица тоже вам посочувствуют! Лишиться священника для вас — форменная трагедия, потому что получить нового практически нереально.

— Чистая правда, мистер вождь, — закивал шериф, все еще не решаясь перейти к делу. Судя по его озабоченному лицу, он хотел донести до нас нечто очень важное или, по крайней мере, что-то выяснить. — Куда вы сейчас? Неужели уезжаете навсегда?! А горожане говорили, что вы спасете всех нас от призрака! Хоть он и мой отец, но... Как же вы намерены это сделать?

Мы подошли к коновязи и уже стали отвязывать лошадей. Как ни странно, седло было на месте и седельные сумки тоже. Одна даже вроде потяжелела... Хм, значит, теперь местные нас уважают.

— Своими методами, Дикси, своими методами, — успокаивающе отмахнулся Алекс, отчего бедный шериф пришел в еще большее волнение. Его лицо посерело, в глазах была паника.

— Станный какой-то, — шепнула я, пока командор подсаживал агента 013. Котик кивнул, он был того же мнения.

— А, так это ваш кот! — неизвестно с чего обличающе выкрикнул шериф. Усаживаясь, я пару раз подпрыгнула на Бастардке, чем заработала ее укоризненный взгляд, дескать, спина у нее не казенная и она не нанималась возить всяких там и т. д. и т. п. в том же духе...

— Да, мы уже говорили — кот наш. Если чего натворил, то не судите строго — мы его в горах нашли дикого, без образования, — нагло соврала я, прикрывая телом сидящего в корзине агента 013, как будто шериф пытался его у нас отобрать. Кот упал на спину и отпихивался всеми лапами, а потом уперся ими мне в грудь и напрягся изо всех сил, отталкивая меня, чтобы глотнуть воздуха.

— Призрак моего отца защищает город от бандитов!

— Иногда, но в горах их по-прежнему много, — ответил Алекс.

— Но если призрака прогнать, то они все хлынут в город!

— Что ж, судя по всему, преступность у вас и так не убывает.

— Кто вы вообще такие? — с отчаянием в голосе выкрикнул маленький шериф.

— Агенты по борьбе с монстрами и оборотнями, — честно ответила я, уже добрых пять минут настегивая свою лошадь и колотя ее пятками по бокам. Командор с котом уже были впереди. Наконец и моя Бастардка, устав от «щекотки», дико заржав, поднялась на дыбы. Скотина явно работала на публику, я тут же заскользила вниз по лошадиному крупу, лихорадочно цепляясь за поводья и седло. Но лошадь так же внезапно опустилась на все четыре ноги и резко взяла с места в карьер. Мне вслед понеслись восторженные крики одобрения «индейской манеры езды»...

Алекс с агентом 013 быстро оказались позади, провожая меня недоуменными взглядами, кот, кажется, даже крутил лапой у виска. Конечно, он был зол на меня за «попытку расплющивания», думая, что я, как всегда, нарочно измываюсь. Но вскоре что-то, внезапно ударившее в голову моей лошади, так же внезапно ее покинуло, оставив лишь обычный легкий ветерок в черепушке. Бастардка резко остановилась, недоуменно

оглядываясь и вспоминая, что это с ней было. Город остался далеко позади... А меня уже давно терзало любопытство, что же все-таки сообщила интересного моему любимому Милашка Сьюзи? Кроме, конечно, несомненно интересного предложения встретить ее с работы...

— Да, напарники, пора обсудить положение дел на данный момент. Что-нибудь новое удалось выяснить в том... э-э... заведении? — поддержал мои мысли агент 013.

— Девушка рассказала, что могила шерифа Джоэла Гвурдстома находится на берегу Бобровой речки, где мы обычно загораем.

— То есть там, где Алиночка своим купальником вызвала стресс у индейских женщин? — язвительно напомнил кот. Было такое дело... Но я не виновата! Купаться в присутствии Алекса в том же костюме, что и эти «дети природы», мне не позволяло воспитание. А для ирокезов обнаженное тело вызывало куда меньше интереса, чем гавайское бикини. Короче, любоваться на мой «загар» сбегалось все племя...

— Нет, не совсем, гораздо ниже по течению. Как я прикинул, недалеко от того места, где его встретил вчера Оленьи Ноги. Сегодняшней ночью надо будет навестить его могилу.

— А что мы там будем делать? — живо поинтересовалась я. Лошади тихо стучали копытцами по горной дороге, от города не осталось даже запаха, когда мы свернули в лощину с лесистыми склонами.

— Неужели ирокезы ничего об этом не знали? Почему же он похоронен на берегу реки, а не на обычном кладбище? Ведь он умер своей смертью в Хромой Собаке, — уточнил Профессор.

— Согласно его собственному завещанию. А составлял его преподобный отец Мэнсон, в те времена лучший друг шерифа, а это о чем-то говорит, — многозначительно хмыкнул командор. — На его могиле нам следует произвести традиционный обряд, возможно, он заставит призрака уйти навсегда. За неимением специалиста, придется справляться самим.

— О чем вы, о чем?

— О том, что кроме всего прочего мы занимаемся возвращением духов обратно, — раздраженно пояснил Профессор. — Обряд запечатывания могилы — для самых непонятливых.

— А разве духи будут слушаться кота? — удивилась я, к сожалению, вслух. Пушок начал гневно надуваться, испепеляя меня горящим взглядом. — Я хотела сказать, разве тут не требуется высококвалифицированный чародей? Неужели кто попало может велеть духу убраться?!

— В принципе, агент 013 справился с подобной задачей на Чукотке, — вступился за друга Алекс.

— Ой-ой, я не то хотела сказать... Конечно, ты не кто попало. Просто я, оказывается, еще очень многого о нем не знала, — попыталась исправиться я и, протянув руку, примиряюще почесала Профессора за ушком. Теперь он охотно допускает такие «вольности».

— А индейцы, конечно, не знали (хотя могли бы и знать!). — Алекс «оперативно» отвечал на первый вопрос кота. — Тайные похороны тоже были волей покойного. И все это со слов священника, который пользовался в Хромой Собаке большим авторитетом, и все знали его как лучшего друга Джоэла Гвурдстома. Мэнсону надо было зачем-то скрыть его могилу. В городке практически никто не знает, где она находится. Но преподобный как-то проболтался Сьюзи, а она, по большому секрету, мне...

— Ее не пугает призрак?

— Эта девушка вообще единственная в городе, кто не боится страшного духа Долговязого Шерифа. Она говорит, что по-своему он очень мил. Любит появляться рядом с ней (естественно, когда она не на работе), рокошующим басом советуя сменить профессию. Но думаю, что призраку просто приятно лишний раз с ней пообщаться, им наверняка движут какие-то другие причины.

Печальный тон Алекса мне совсем не понравился. Боюсь, что и его слегка зацепило

неотразимое обаяние этой Милашки Сьюзи, чтоб ее... Придется вышибать клин клином...

— Ты прав, любимый, она действительно красotka! — радостно взревела я, одобрительно врезав Алексу кулаком по спине и возбужденно кивая. Агент 013 в преддверии драки вопросительно-затравленно уставился на нас обоих. Но командор лишь нежно убрал мою руку со своей спины. Зуб даю, там уже должен был расплыться огромный синячище, который я ярко представила со всем злорадным удовольствием.

— А что насчет занятий черной магией? — нервно пискнул кот, пытаюсь разрядить ситуацию.

— Она говорила что-то насчет невинного хобби отца Мэнсона, который так уставал на проповедях, что ему простительно было успокаивать нервы, коротая вечера за чтением оккультных брошюрок. По причине сана отдыхать в салуне он не мог, а Папюса изучал якобы ради того, чтобы яснее представлять все козни врага рода человеческого...

— Уголовно ненаказуемо! Читать оккультную литературу — еще не значит заниматься черной магией! — справедливо заметил котик.

— Говорю же, она юлила, убеждая меня, что я ее не так понял, и конкретно про торговлю виски она была не в курсе. Слышала краем уха, что вроде есть какой-то незаконный бизнес, и знала, что добром это не закончится, как любое небогоугодное дело... Хм, ребята, будем сражаться или попытаемся сбежать?!

Вначале я не уловила сути последней фразы командора, пытаюсь разобраться в сложно закрученных отношениях призрака, священника и девушки из борделя. Но когда мою лошадь схватили под уздцы и на меня уставились дула старых винчестеров, стало ясно, что дело нечисто. Впереди стояли люди в пыльной одежде, с полным арсеналом оружия. На изуверских физиономиях — нелюбезные улыбки. В общем, дорогу нам загрозила настоящая шайка бандитов Дикого Запада, встречи с которыми я так волнительно предвкушала два часа назад. А вот теперь желание увидеться с ними как-то растворилось...

— Ого! Кто это к нам пожаловал, джентльмены?! Неужто сам красавчик Виннету с другом-чревоушателем! Ну, заходите в гости! Хотя у нас сегодня и без вас был неплохой улов. — Вперед вышел рыжий тип с настолько загорелой физиономией, что, будь он в другой одежде, его можно было бы принять за крашеного негра. Среди бандитов мелькнул одноглазый тип из Хромой Собаки, и я поняла, что ждали именно нас. Алекс тоже это отметил, тем паче что одноглазый и не думал скрываться за спинами подельников. Даже наоборот, стоял, гордо выпрямившись, поглядывая на нас с видом победителя, и вовсе не был похож на зачумленного пьяницу из салуна. Он отстранил рыжего, который хотел продолжать бахвалиться, и вышел вперед. У меня округлились глаза: неужели это и есть Фрэнк Грубберт по кличке Бешеный Крот?! Ох, не надо было мешать призраку с ним расправиться...

— Шутки кончились, ребята, вот мы и снова встретились. Я вынужден задержать вас у себя на неопределенный срок, пока ваши близкие не заплатят нам выкуп. Надеюсь, у них водятся деньжата? Тогда не делайте глупостей, бросайте оружие и слезайте с лошадей.

Командор тяжело вздохнул, изображая полную покорность судьбе и... незаметно соскочив с лошади, выхватил свой кольт! Стрельба поднялась, хоть уши затыкай... Алекс палил не переставая, бандиты не оставались в долгу, а поскольку все сразу заволокло револьверным дымом, то пострадавших вроде пока не было... Я лихо скатилась по крупу своей кобылы и, прячась за ней, дрожащими руками натягивала лук. Котик, обняв профессорскую голову лапами, нырнул в глубь корзины в поисках белого флага. Пули свистели вокруг, вздымая фонтанчики пыли у наших ног, а от режущего запаха пороха страшно чесался нос.

Я минуты три ладила стрелу на тетиву и, наконец высунувшись из-под Бастардкиного хвоста, торжествующе пустила ее в главаря бандитов! То-то он испугается, когда у него прямо над ухом прожужжит стрела. Я зря себе льстила — все получилось гораздо хуже... Конечно, ирокезы научили меня худо-бедно стрелять из лука, но я считала это простой забавой. Короче, одноглазый получил стрелу в живот, взвыл и согнулся пополам, ругаясь

последними словами! В смысле, последними в этой жизни...

— Да ты «ворошиловский стрелок»! — одобрительно выкрикнул Алекс, целясь по ногам бандитов, он-то не брал себе на душу грех убийства. По крайней мере, не на моих глазах...

А вот я еще ни разу не убивала человека и, застыв от ужаса, смотрела на свою первую жертву, которая вот-вот уже должна была рухнуть на землю в корчах и судорогах. Но почему-то не торопилась... Вместо этого Фрэнк Грубберт выпрямился и богохульственно выдернул стрелу, вонзившуюся ему в кожаный с заклепками пояс. Вздых счастливого облегчения невольно вырвался из моей груди — если бы не дурацкая перестрелка, я бы, наверное, еще и расцеловала мерзавца!

Моя «верная» лошадка, решив, что пора бы и напугаться выстрелов, взвилась на дыбы и дунула неизвестно куда. Конь Алекса резво последовал за ней и скрылся из виду. Теперь нас защищал большой валун, за который меня утянул любимый, когда я, стоя перед бандитами, громко ругалась вслед усакававшей предательнице. Теперь без лошадей деваться было некуда и, когда у Алекса закончились патроны, а у меня стрелы, пришлось сдаваться. Напоследок я вспомнила о коте.

— Агент 013! Он же остался в корзинке, когда твой конь смылся!

— Не беспокойся. Они оба смылись в правильном направлении! — подумав, откликнулся любимый, выходя с поднятыми руками. — А кот позовет на помощь ирокезов Зоркого Медведя.

По идее, сейчас бы самое время для появления призрака, но он почему-то не спешит к нам на выручку. Наверняка занят очередной душеспасительной беседой с Милашкой Сьюзи. Бандиты повязали нас и, особо не церемонясь, прихрамывая (браво, командор!), поволокли куда-то в кусты. Не очень далеко от дороги, на склоне горы обнаружилась замаскированная пещера, меня и Алекса втолкнули внутрь. Где-то в глубине горел остывающий костер, неужели нас собираются зажарить?!

— Они подстрелили несчастного Бредового Пита! — злобно напомнил один, наверняка позаботившийся о том, чтобы в карманах усопшего не осталось чем поживиться даже бактериям. — Давай прикончим их, Крот!

— Успокойся, Вшивый Джонни, за Виннету мы получим большой выкуп! Конечно, индейцы измелъчали, сидят себе как мыши в своих резервациях, уж больно сильно их прищучили. Апачей осталось не так много, а прерии патрулируются федеральными войсками. К тому же великий вождь редко вспоминает о собратях, предпочитая вольное бродяжничество в компании своего бледнолицего друга. Но краснокожие его помнят, другого «освободителя» у них все равно нет. Они заплатят золотом!

— Все равно, не к добру держать в плену индейского вождя. Попомни мое слово, Крот, надо убить его, — мудро изрек самый престарелый бандит, рассматривая дыру от пули в старых джинсах. — Давай пока хотя бы его дружка порешим?!

— Ты хочешь меня взбесить, да?! Жить надоело? Забыл, как меня зовут?! — разом взбеленился вожак. Его лицо пошло красными пятнами, наверное проблемы с полнокровием.

Нас затолкали в самый угол пещеры, сырой и пахнущий мышами. Условия проживания — ниже среднего, зато мы там оказались не одни... Вот так сюрприз! На подстилке из сухих листьев, скрючившись сидел не кто иной, как преподобный Продидж Мэнсон. Рядышком спал один из тех конвоиров, что его забирали. Святой отец встретил нас печальным взглядом, но при бандитах не произнес ни слова.

— Сидите тут, и чтоб ни звука! Будь моя воля, так я бы с удовольствием прострелил ваши тупые головы. С пленниками всегда много хлопот, а пока получишь выкуп — ноги с голодухи протянешь! — Рыжий бандит расхохотался, предупредил, чтобы на ужин мы не рассчитывали, и ушел.

В другой ситуации возможность побыть наедине только порадовала бы, но не сейчас. Я наивно рассчитывала получить от Алекса порцию сочувствия и ласки. Он ограничился утешительным поцелуем в лоб, сказав, что ему наплевать, что о нас подумают, поудобнее

устроил свою голову на моих коленях и уснул. Одна надежда — и та на кота... Глупо, зато в рифму, я даже хихикнула про себя.

Эх, где сейчас мой дорогой Пусик? Небось вылетел из корзинки и бежит в ночи по каменистым ухабам, преодолевая валуны, переходя вброд порожистую речку (это для красного словца, речки у нас по пути не было), спешит оповестить ирокезов, что их бледнолицые братья попали в беду! Надо сказать, что мы с Алексом даже не подумали поприветствовать старину Мэнсона, наверное, слишком устали. Последний тоже вроде бы не горел желанием возобновлять прерванное общение, тем паче что расставались мы при не очень приятных для преподобного обстоятельствах. Хотя, с другой стороны, и встретились не при лучших...

Но мне было скучно, командор спал, федерал-законник тоже, а вот святой отец — нет. Значит, совет не чиста! Об этом и побеседуем...

— Как себя чувствуете, преподобный? Судя по всему, на выходе из города вам также не повезло... Хотя не били, пока волокли сюда? А то видок несколько потрепанный, хотя чему удивляться — в один день сразу и арест, и бандитский плен. А кто за вас заплатит выкуп? Не епархия ведь, то есть... как это у вас там, у католиков, называется?

Мэнсон смотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Ты не индеец, — наконец констатировал он.

— Правда?! Открою тайну: я — кардинал Ришелье!

А чего, спрашивается, скрывать? Мне самой уже надоело притворяться, да, честно говоря, я и не очень профессионально это делала. Играть мужчину, а тем более индейского вождя, надо с большим талантом. В театральном кружке мне таких ролей не подсовывали, так что простительно.

— Странно, что первым догадались только вы и только сейчас. — Вздохнув, я почти решила признаться, что я девушка, но...

— Ты не индеец, парень, — повторил Мэнсон, — ты метис!

— Что-о?! — Такое открытие крыть было нечем.

Внезапно его подозрительный взгляд вновь стал печальным.

— Может, споешь со мной? Я научу тебя новому псалму, — предложил преподобный, тяжело вздыхая. — Я собирался разучить его с прихожанами на очередных воскресных пениях в Хромой Собаке. Но, кажется, теперь не скоро туда вернусь...

— Как-нибудь в другой раз, по-моему, сейчас не стоит раздражать стражу. Вот когда они покрепче уснут, тогда для пущего эффекта грянем «Хавва Нагилу» или «Ерими е ми ноу!». У вас, кстати, какие предпочтения?

— Эх, жаль, призрак мне больше не подчиняется, а то бы помог удрать, — буркнул он себе под нос, уходя от ответа. Хотя постойте, о чем это я?! Да более правильного ответа и быть не может! Так вот кто, оказывается, главный виновник. Про-бол-та-а-а-лся!

— Значит, книжечки оккультные проблему не решили и призрак не желает слушаться, — с приговором в глазах грозно вскинула я подбородок. — Так вот кто заставлял духа Долговязого Шерифа подняться из могилы!

— Нет, сын мой, это не я! То есть... дело не только в этом... Почему я должен отвечать один? — заюлил преподобный, елозя на месте, но было уже поздно.

— Вот оно как! Выходит, чтобы спасти свою шкуру, вы готовы выдать всех своих поделльников?

— Нет! Что за бред? Какую шкуру, каких поделльников? И вообще, что мне может грозить со стороны глупого индейца-метиса?! Ты зря так уж надеешься на своего спящего друга, сейчас он уязвим, как ребенок.

— А я не сплю, — мгновенно откликнулся Алекс, не раскрывая глаз. — С вами уснешь тут... Хотел просто восстановить силы, вскоре они понадобятся.

— Это он!!! Он во всем виноват, экзерсист проклятый! — выкрикнула я, указуя носом на смущенного Мэнсона.

— Слышал, слышал, и не кричи в ухо, пожалуйста... мой краснокожий брат.

— Как скажешь, мой бледнолицый родственничек! — обидчиво буркнула я.

Бандиты, привлеченные шумом, сунулись к нам с револьверами в руках, чинить разборки. Поняв, что это всего лишь «бесноватый индеец», мне велели немедленно заткнуться, если не хочу, чтобы мои бранные останки в ближайшем овраге пошли на прокорм местным койотам и воронью (в зависимости от того, кто первым успеет). Пришлось стерпеть, как терпела порой кошачьи нравоучения. По лицу Алекса было видно, что он тоже с трудом сдерживается, чтобы не мстить за меня сей же час — десяток испорченных алкоголем и другими вредными привычками бандитов для него не преграда. Но он не хотел рисковать, и моей жизнью в том числе...

— Может, вы нам расскажете все, преподобный? — мягко попросил командор. — Облегчите душу, я не верю, что вы такой уж законченный негодяй.

По всей видимости, Мэнсон уже готов был снять с совести тяжкий груз, но тут проснулся его бывший конвоир и стал буяннить. Типа теперь за их сволочную банду возьмется само правительство, как они посмели захватить в плен федерального агента с важным экономическим преступником, и еще они все ответят за гибель его боевого товарища! В ответ бандиты Грубберта проорали, что им плевать, что его товарищ жив и удрал вместе с золотом, а если пленник и взаправду такая шишка, что за ради него пришлют целое войско, тогда его лучше сразу укокошат, не дожидаясь проблем с федералами. Военный сглотнул и примолк, справедливо сочтя, что возразить на железную логику разбойников ему нечего, и, повернувшись на другой бок, снова захрапел.

— А как там бедняжка Сьюзи?! Как она отнеслась к тому, что меня посадят в тюрьму? — трагическим полусшепотом спросил Мэнсон, когда все утихло.

— Она будет вас преданно ждать, хотя бы ей пришлось состариться в борделе мамыши Лулу! — утешила я бывшего священника просто из человеколюбия. Не говорить же ему, как эта девица строила глазки моему Алексу...

— Правда?! Она сама это сказала?! — радовался преподобный, как ребенок, не в силах поверить в такое счастье.

— Конечно, и даже будет метлой отгонять от себя всех клиентов, а вместо канкана исполнять исключительно балетные партии «Жизели» на бис! — еще больше вдохновила я доверчивого Мэнсона. Алекс косился на меня с укором во взоре, пока пожилой мошенник орошал его куртку слезами раскаяния.

Приложив двойные усилия, мы с Алексом наконец отпихнули преподобного на место, отодвинувшись подальше и приготовившись слушать...

— Черт его знает, зачем я ввязался в это дело, — начал свою покаянную речь подуспокоившийся Мэнсон. — С самой юности мы были очень дружны с Джоэлом, семьи наших родителей жили рядом. Вместе ходили в церковную школу, вместе учились стрелять, вместе и покатались по кривой дорожке... Мы с ним сколотили банду и орудовали в этих горах, грабя почтовые дилижансы и безответных путников, включая и индейцев-одиночек, и безоружных миссионеров-доброхотов. Было это лет пятнадцать — двадцать назад, никого из бывших наших товарищей не осталось в живых: работа бандита не предполагает долголетия и смерти в собственной постели. Если, конечно, вовремя не вернуться на праведную стезю...

Не знаю, смогли бы мы с Джоэлом когда-нибудь развязаться с преступной жизнью, если бы не одно очень примечательное событие. Однажды, ограбив целый караван поселенцев, среди которых в основном были женщины и дети, мы праздновали богатую добычу (они везли тысячу долларов на закладку церкви). Сидя на берегу Бобровой речки, мы глушили дешевое виски и горланили непристойности. Наши мертвецки пьяные товарищи уже отключились. Так вот именно тогда, когда Гвурдстом поднимал бутылку с очередным тостом: «Чтобы нам, черт возьми, всегда так везло!» — небо вдруг вспыхнуло ярким сиянием! Мне даже показалось, будто я ослеп, вода в реке пошла крупными волнами, и прямо перед нами возникло призрачное судно, горящее серебристо-белым светом. Это был огромный парусник, а на борту стояли безмолвные фигуры людей. Над ватерлинией сверкали буквы, корабль назывался «Полумесяц». Мы с Джоэлом мгновенно протрезвели, а

дальше произошло такое, от чего было легко потерять рассудок... Призрак в форме капитана раскатистым голосом, да таким, что проникал в самую душу, а может быть, и раздавался прямо у нас в голове, прокричал: «Эй вы там, хорьки сухопутные! Сто морских чертей вам в глотку! Я, кажется, снова не туда заплыл. Где тут выход к морю, дьявол его раздери?!» — «Хрюм-хрюм-м-м... э-э... мэ-э...» — указывая в разные стороны, кое-как ответили мы. «Так я и знал! Все вы, береговые крысы, олухи поголовно, чтоб у вас морским узлом все внутренности скрутило! Эй, болваны, поднять паруса! Полный вперед, семь футов мне под килем! Йо-хо-хо и бутылку рома...»

Через мгновение все пропало, а мы с другом еще добрых полчаса не могли прийти в себя, все так и стояли на коленях, молитвенно сложив руки. Я-то сразу узнал легендарного Генри Гудзона (о нем и его «Полумесяце» ходили легенды!) и понял, что это событие в нашей судьбе отнюдь не случайно.

Наутро мы оба ушли из банды, меня потянуло на духовные книги, Джоэла на юридические. После нескольких лет, потраченных на учебу, и последующей службы в других местах мы встретились в Хромой Собаке, которая тогда только основалась. Правда, вверенные нам территории были гораздо шире.

Но, видно, прошлое так легко не отпускает... Я так и не смог расстаться с дурными привычками, деньги всегда имели надо мной власть. Вскоре я открыл маленький бизнес подальше от места работы, осуществляя продажу подпольного виски. Зачем? Всегда мечтал купить большой дом в Нью-Йорке и мыловаренный завод, потом типографию, фабрику по производству калош, а на свободные средства — основать консерваторию!

«Интересно, когда мы дойдем до призрака?» — думала я, демонстрируя живейший интерес к нескончаемому рассказу преподобного. Тарашила глаза, энергично кивала, а в особо душещипательных местах выжимала пару скудных слезинок и подвывала, так что мистер Мэнсон даже косился на меня в беспокойстве — не припадок ли? Алексу пришлось несколько раз укоризненно на меня цыкнуть, чтобы самому не рассмеяться. Потом мое внимание отвлек огромный мохнатый паук на стене пещеры, прямо над головой бедняги Мэнсона. А вдруг это тарантул? Интересно, через какое время он брякнется на голову рассказчика? Паук катастрофически медленно скользил вниз, словно его мучила последняя стадия старческой подагры и резкие движения лапками были ему категорически противопоказаны... Умру от скуки.

— Года три назад я увлекся оккультизмом — сейчас в Европе многие этим увлекаются, — просто листал книги, брошюры там всякие с картинками. Тогда же со Сьюзи, крошкой моей, познакомился. Она ведь танцует, человек искусства, можно сказать, а я пою и музыку сочиняю. Искусство нас сблизило, и, если бы не сан, я бы для ее кабаре такой репертуар подготовил — закачаешься! А может, и подготовлю, дай только снова очутиться на свободе...

Вскоре мой единственный друг Джоэл умер, встретив свой смертный час в одном из наших борделей. Встав на праведную дорогу, он уже с нее не сворачивал и прямо-таки фанатично боролся с преступной братией. А эта братия не раз пыталась его убить, обиженная на Гвурдстома за то, что бывшее знакомство он в расчет не берет, а только строго следует закону.

В общем, он умер, и я похоронил его на том самом месте, где мы когда-то видели корабль Генри Гудзона. Об этом своем желании он говорил мне не раз. Ведь на том месте мы оба начали жизнь с белого листа. На следующий день после похорон ко мне подошли двое молодчиков, дескать, они все прознали о моей тайной торговле и ждут, что я отстегну им за молчание...

— Все ясно, — понимающе хмыкнул Алекс, а я уже зевала напропалую. Банальный шантаж поставил преподобного перед нелегким выбором: либо платить, либо вновь брать в руки проверенный винчестер, либо... Выходит, он действительно не зря почитывал эти книжечки, пригодилось...

— Я очертил круг на могиле Джоэла и поместил в него разные имена Бога, двадцать

или тридцать, сколько смог припомнить. Руки тряслись, когда я, держа Библию, произносил страшные слова, призывающие духа Шерифа вернуться и быть покорным моей воле! Волей Господа или, скорее, происками дьявола, но у меня все получилось. Увидев его, я испугался, потому что ЭТО уже не было моим другом... нечто чужеродное, противоестественное, что не должно находиться среди живых. Но я не послушался голоса разума, слишком был окрылен своей удачей, своим могуществом. В ту ночь мои недруги, из-за которых я потревожил покой Джоэла, бежали из города.

— А потом появился сын вашего покойного друга и...?

— Как вы догадались?!

— Профессиональные навыки и логические построения, — улыбнулся командор. — Шериф Дикси слишком много и навязчиво говорил о призраке и о вас, преподобный. Его беспокоил наш интерес к судьбе папули, но совершенно не волновал ваш арест. Думаю, федералы вышли на вас не без его участия...

— Мой друг всегда был очень занят, борьба с преступностью не щадит ни сил, ни времени человека. Мать его ребенка умерла при родах, и маленький Дикси часто оставался у меня, я успел сильно к нему привязаться. Потом он освоил профессию отца, ему ничего больше не осталось — семейная традиция... У него не очень получается, но малыш не хочет потерять работу. Старик Джоэл действительно посадил за надежные дубовые стены федеральных тюрем рекордное количество преступников. Дикси никогда его в этом не догонит, но мальчик вырос на моих руках, никто не знает его лучше, я пытался помочь, но... Он вырос трусом, бездарью, неврастеником и... опасным для окружающих маньяком! Отец для Дикси при жизни был предметом для подражания, а теперь он использует его призрак, чтобы держать в страхе всех преступников в округе.

— С другой стороны, это благая цель, — отметил Алекс. — В чем же тогда проявляются его маниакальные наклонности?

— Он заставлял меня вызывать дух отца снова и снова, боялся сам проводить ритуал, ведь дух повиновался только мне. Дикси шантажировал меня, и я знал, что этот парень выдаст мои делишки без всяких душевных переживаний. Да, моя паства тут же линчевала бы своего священника, узнай она о том, что я занимаюсь чернокнижием...

— Но почему тогда призрак Гвурдстома нападал именно на вас, причем чаще, чем на кого бы то ни было? — встала я свой вопрос.

— Это произошло только две недели назад, он появился сам, без моего вызова. Месяцем раньше на могиле Джоэла я совершил обряд, освобождающий его дух от всех обязательств. Я призывал его покинуть землю живых и упокоиться с миром. Призрак явился передо мной, но в ответ на все призывы сказал только одно слово: «Достал!» — и исчез. Некоторое время он не появлялся в округе, и я уже считал, что все кончилось... Но вот он появился снова. Гневный, неумолимый и неуправляемый...

Я облегченно выдохнула, поняв, что рассказ закончен.

— Твои предложения? — прямо спросила я у Алекса. — Полчаса слушали этого старого болтуна, а пришли к тому же, с чего начали. Кто теперь будет возвращать геройского шерифа назад?

— А вы не повторяли ритуал еще раз? — не сдавался Алекс. — Иногда срабатывает только второе или даже третье заклятие возвращения.

— Нет, хотя и собирался. Но, знаете ли, дела, дела, беготня, суматоха... Сейчас-то со временем посвободнее. Вот если бы вырваться отсюда, хотя бы ненадолго, — недовольно покосившись на спящего конвоира, облизнулся Мэнсон, — я бы со всей душой! Обязательно надо провести ритуал еще раз, может, тогда я что и забыл, вот и сработало не до конца?

— Эй! — вдруг вскинулась я. — Тихо! Слышите?! Слышите, это же барабаны стучат!

— Индейцы? — заволновался святой отец.

— Ирокезы, — значимо подтвердил командор. — И ведет их наверняка серо-белый кот с орлиным пером у левого уха!

Бандиты, видимо, тоже все услышали и оценили. Они несколько мгновений

вглядывались в темноту, а потом вдруг резко бросились к нам. И главное, почему-то сразу уставились на Виннету, то есть на меня, да еще такими недобрыми взглядами, словно я в чем-то провинилась...

— Какие проблемы у моих бледнолицых братьев?

Мне не ответили. В пещеру в диком бешенстве вбежал Грубберт, а за ним по пятам престарелый бандит, тот самый, который уговаривал не связываться с индейцами.

— Я же говорил тебе, Крот, отпусти краснокожего!

— Ты говорил, давай убьем индейца, Джо! Так что не лезь на рожон! Но как они могли узнать?! Сдается мне, предатель среди нас!

— О чем ты, дружище?! Какие предатели в нашей банде...

— Это я потом выясню, дай срок! А сейчас — держите оборону, ребята, будем прикрываться их бесценным Виннету.

— Э-э, я так не согласна, то есть не согласен! — Надоело, что меня постоянно ставят в такое положение, когда ничего другого не остается, кроме праведного возмущения. — И потом, вы все за моей спиной не уместитесь!

— Вот ты и держи оборону, Крот, а нам наши скальпы еще дороги! Валим в город, ребята! У меня аллергия на индейские стрелы! — крикнул рыжий, скрываясь в ночи, за ним последовали и остальные. Бандиты всегда трусоваты по природе. Фрэнк Грубберт напрасно орал и топал ногами, показывая, в каком он бешенстве, — его парни удирали без боя. Видимо, слова «массовая индейская угроза» ассоциировались у них с гораздо более яркими впечатлениями, чем индивидуальная неуравновешенность главаря.

— Предатели, сволочи, иуды! Пропадите вы пропадом! Бегите, бегите прямо ирокезам в лапы, они наверняка перекрыли пути — дорога слишком узкая. А нам пора тушить огни и готовиться к встрече.

Одноглазый опрокинул на каменный пол две масляные лампы, затоптал пламя и вылил большую флягу воды в догорающий костер. В левой руке он держал винчестер, в правой кольт — два дула не мигая смотрели на нас.

— Ого, правительство так быстро прислало войска для нашего освобождения? — радостно изумился проснувшийся федерал, слишком хорошо думающий о своем заботливом начальстве.

— Заткнись, ищейка! Иначе схлопочешь пулю, чтобы не мешался, сейчас ты мне меньше всего нужен.

Снаружи уже были слышны крики, топот, выстрелы, воинственные индейские вопли. Мне показалось, что я узнаю флегматичный голос Зоркого Медведя:

— Следы наших братьев ведут в эту пещеру! Будьте осторожны, воины, помните о коварстве бледнолицых. Пусть ваши стрелы сами найдут черное сердце Бешеного Крота!

Грубберт аж затрясся от страха, но отчаяние придало ему силы:

— А ну, поднимайся, краснокожий! Послужи щитом старине Фрэнку! Эй, вы, раскрашенные черти, прежде чем начнете стрелять — взгляните, кто у меня есть!

Он сунул кольт за пояс, резко схватил меня за шиворот и попытался рывком поставить на ноги. Командор, невероятно выгнувшись, изо всех сил ударил его обеими ногами в подбородок. С диким воплем негодяй врезался в стену! Челюсть придется заменить полностью, зубы можно попробовать собрать...

— О нет! Ему же больно, зачем так сильно?! — не удержавшись, воскликнула я. Алекс, не давая бандиту опомниться, навалился на него всем телом и, прижав к полу, выбил из рук винчестер. Я попыталась помочь любимому и рухнула на них обоих сверху! Чем кучней, тем веселей. Только-только успела схлопотать сапогом в бок, укусить чью-то потную руку, плюнуть в ухо одноглазому, нежно улыбнуться Алексу, как раздался выстрел! Несколько секунд я не дышала... Потом кубарем скатилась с Алекса, думая, что он ранен:

— Милый, ты жив?!

— Если не считать твоего укуса... — болезненно поморщился командор. — А вот для нашего знакомца все кончено...

Я, ахнув, уставилась на тело Бешеного Крота, застреленного в упор из своего же собственного кольта. Видимо, он ухитрился его вытащить, но в процессе борьбы нажал на курок не в лучший момент...

— Отличный выстрел! — пробормотал отец Мэнсон. Он хладнокровно вытащил из ножен убитого охотничий нож и стал резать мои веревки.

Спустя пару минут мы все четверо были на свободе. Конвоир взял винчестер, суперагент — кольт, я — бандитский нож, священник вооружился молитвой — больше ему ничего не досталось.

— Быстрее на выход, там ирокезы. Минута промедления может стоить чьей-либо жизни, а ребята Зоркого Медведя для нас и так много сделали. — Алекс подтолкнул Мэнсона к выходу, а меня обнял за плечи. Бывший преподобный, наверное, не раз за этот вечер удивился, глядя на наше обращение друг с другом — явно не совсем нормальное, если речь идет о двух мужчинах с традиционной ориентацией.

С федералами, кстати, придется договариваться, святой отец еще нужен нам самим. На выходе из пещеры мы столкнулись с Профессором. Его серую шкурку я бы и не различила в ночи среди такого переполоха, если бы он не бросился вперед, всеми четырьмя лапами повиснув на моей левой ноге.

— Агент 013! Как же мы по тебе скучали, — едва не всплакнула я, не убирая голову с плеча Алекса — так теплей и комфортней.

— Алиночка! Милая моя, родная, единственная! Ты жива, жива, жива... Привет, напарник, я рад, что ты тоже... не пострадал, — возбужденно тараторил кот, покрывая поцелуями мою штанину. — А я уже и в овраге искал, и за валуном, и в лесу под кустами... разве что только речное дно не исследовал. Жалел вас страшно, но водобоязнь у меня.

Оленьи Ноги я узнала на подходе, он куда-то посылал одну стрелу за другой. Индейцы бегали в темноте, оглашая окрестности леденящими душу воплями. К нашему появлению они основательно накричались вслед последнему молодчику, беспрепятственно улепетывающему в неизвестном направлении. Отца Мэнсона придерживал за сутану федеральный агент, на всякий случай держа ружье на взводе, индейцы — натуры увлекающиеся.

Из темноты вынырнул Зоркий Медведь, раскрывая объятия нам навстречу:

— Вы в порядке, друзья? Агент 013, то есть Очень Мудрый Зверек, так беспокоился за вас. Да и мы, признаться, тоже. Боялись — не успеем. Мудрый Зверек прискакал к нам на твоём коне, Алекс, бледный и перепуганный: когда он видел вас в последний раз, бандиты наступали. Мы тут же выкопали топор войны!

— Благодарю за помощь, вождь! А это преподобный Продидж Мэнсон из Хромой Собаки, он поможет нам с призраком Шерифа, — представил Алекс неожиданно смутившегося священника.

Зоркий Медведь нахмурился:

— Этот белый человек спаивал ирокезов. Он подсовывал им огненную воду сначала даром, а потом за большую плату. Но сообща мы преодолели эту проблему. На совете племени отчитывали слабых индейцев, стыдили, убеждая, что огненная вода погубит их. Кто уже не мог справиться сам, тех пришлось лечить шаману. Этот человек нам принес много бед, разрушенных семей, опустившихся охотников...

— Простите, я был страшным грешником, но с сегодняшнего дня раскаялся и больше не буду!

— Не будет, я вас уверяю, — весомо подтвердил федерал.

Зоркий Медведь смерил священника недоверчивым взглядом и на всякий случай приставил к конвою еще двух индейцев.

Нас повели к лошадям, которых охранял Храбрый Москит. Он радостно улыбнулся, увидев, что все живы. А я от души повизжала, висая на крутой шее моей противной Бастардки. Кобыла шумно фыркала и тыкалась мне под мышку плюшевым храпом. Вот так, всем скопом, мы вернулись в поселок верных индейцев. В операции освобождения

заложников ирокезы не потеряли ни одного воина, разве что кто-то наколол себе ногу, наступив на колесико мексиканской шпоры.

В лагере нас сразу кинулись кормить жареным мясом и маисовыми лепешками, все страшно проголодались и ели так, что за ушами трещало. Суды и разборки было решено отложить до утра, а пока на боковую. Войдя в вигвам, я буквально рухнула с порога на шкуры, не раздеваясь и засыпая уже в момент падения, раскинув наподобие осьминога во все стороны руки и ноги. Коту места хватило — он уснул, свернувшись сбоку от меня клубочком. А вот суперагент, немного помявшись, улегся спать у входа, наверняка порадовавшись, что ночи еще теплые.

Когда утром он разбудил меня нежными поцелуями, я поняла, что агента 013 рядом нет и в ближайшие полчаса он точно не появится.

— Где кот?

— Сказал, что вернется через часок, какое-то там срочное дело, — ревниво бросил Алекс, не отрываясь от моей шеи и плеч.

— Что-то в последнее время он часто стал исчезать, — заметила я, запрокидывая голову и прикрывая глаза от удовольствия. — В Ирландии смылся в первый же вечер, тут уже в который раз. Причем ведь никак эти свои исчезновения не объясняет. Если бы умел врать — сказал бы, что он был на охоте или кошачью траву в лесу искал, радикулит замучил. А так только краснеет да бормочет что-то нечленораздельное себе под нос...

— Любимая, ты могла бы не отвлекаться? — обидчиво заметил Алекс, заглядывая мне в глаза в поисках совести. — У нас и так мало времени.

— Да, времени, как всегда, мало, даже на каникулах, — мурлыкнув, согласилась я.

— Давай уедем куда-нибудь вдвоем.

— А агент 013?

— Что агент 013?

— Как мы ему это объясним?

Я знала, что мы не сможем так сильно обидеть кота. Ни при каких условиях. Командор тоже это понимал. Но сейчас действительно мало времени, и было бы очень глупо его терять в спорах и сомнениях. Да, мрм...

Сегодняшней ночью все слишком устали, поэтому поход на могилу Шерифа и проведение повторного ритуала спокойно перенесли на после ужина. Отца Мэнсона хорошо охраняли, но статус пленного у индейцев своеобразный, так что бывший священник свободно гулял по поселку, живо интересуясь насущными делами ирокезов. А иногда и внося свою лепту по настроению. Помог детям собрать хворост для костра, активно расспрашивал индейских женщин о способах выделки кожи и изготовлении скобяных изделий. Целый час общался с местным шаманом, сухопарым старичком, не расстающимся с длинной курительной трубкой, размыто рассуждая на астральные темы. Зная, что шаманы умеют изгонять духов и привидений, я подумала: а почему же индейцы обратились за помощью к нам?

— Потому что, девочка моя, это «белое» привидение, призрак бледнолицего, — охотно пояснил Профессор. — Индейский шаман не властен над его судьбой. Привидение послушается только белого колдуна или чернокнижника.

— Выходит, преподобного можно классифицировать как чернокнижника? — поразила я. С виду и не скажешь, ведь чернокнижник должен посвятить свою жизнь служению Сатане, творя зло на каждом шагу, а Мэнсон полон земных радостей и даже сам сочиняет церковные гимны. Думаю, его вчерашней исповеди в общих чертах вполне можно верить. Алекс еще с утра успел прояснить коту сложившуюся в его отсутствие ситуацию. Ведь агент 013 рассказ священника пропустил по вполне уважительным причинам.

— Н-нет, я, наверное, не так выразился, чернокнижником быть не обязательно. Но определенная система знаний, сублимирующих квинтэссенцию сведений о мире духов и...

Мы с котом болтали ногами и ждали обеда, целая коровья туша, жарившаяся на вертеле, подрумянивалась буквально на глазах. Еще минут десять — двадцать, и готово.

Командор пропадавал в гостях у вождя, конвоир священника упражнялся в метании томагавка. А на нашу команду все ирокезы смотрели теперь не только с уважением, но и с надеждой. Оказывается, вчера после нашего отбытия умер один пожилой индеец, одинокий охотник. Видимых травм на теле не было, он лишь успел сказать, что на него напал дух Бледнолицего Шерифа с требованием показать охотничью лицензию. Погребальный обряд совершили в тот же день, и племя пребывало в несколько нервном состоянии.

— Даже Алекс при случае может совершить обряд избавления от духа, нас этому учили. Я не могу, я — кот, существо маленькое. Кого-нибудь примерно моих габаритов — запросто, а вот двухметрового мужчину, конечно, не потяну. Но прежде хорошо бы узнать причину беспокойства духа, что возвращает его на землю, несмотря на заговоры святого отца? Если какой-нибудь невыполненный обет, то избавиться от него простеньким ритуалом невозможно.

— Но ведь шаман и не пробовал!

— Ты сама говорила, индейцы не знали, что Джоэл Гвурдстом захоронен на берегу Бобровой речки. Таблички-то там нет, мемориального камня тоже, да и сама могила расположена скорее ближе к Хромой Собаке. — Мурзик блаженно вдыхал аромат жарящейся говядины. — Ну что же это они так долго? А, благодарю вас, брат Резвая Черепаха!

Кот, потирая лапы, вежливо принял кусок филейного мяса на листе лопуха.

— Ну и как мы все-таки намерены спасти всех от призрака Шерифа? — поинтересовалась я, забирая свою порцию. Мой кусок был полит чесночным соусом, специально для меня. Сами ирокезы мясо даже не солили, а я в первый же день отказалась есть преснятину. Впредь еду для «друга Мудрого Зверька» подавали с отдельно приготовленным острым соусом.

После обеда мы пошли к Зоркому Медведю, оказывается, вождь хотел что-то нам сообщить. Кроме Алекса и вождя в вигваме находился еще один человек, Орлиное Перо, вечно сонный, толстый индеец из соседней деревни. Я вопросительно посмотрела на командора, но он только пожал плечами, показывая, что я все узнаю в свое время.

Вождь сразу взял серьезный тон:

— Друзья ирокезов, Орлиное Перо хотел сообщить вам кое-что важное, относящееся к делу Бледнолицего Призрака. Верьте ему до конца — Орлиное Перо очень уважаем среди индейцев, он дружит с Духом Снов.

— Любит поспать, что ли? — брякнула я.

Орлиное Перо, сидевший с самым значительным видом, несколько растерялся, а Зоркий Медведь непонимающе покосился на меня.

— Он видит вещие сны! Молчи, женщина, — раздраженно фыркнул кот, как всегда выставляя меня недалекой идиоткой.

— Так вот... он видел... Ну, он сейчас сам все расскажет. — Вождь кивнул Орлиному Перу. Тот немедленно закатил глаза и, слегка покачиваясь, густым тягучим басом с подвываниями приступил к повествованию:

— Вчера ночью Орлиное Перо видел со-о-н... Очень стра-а-анный и о-очень дли-и-инный со-о-он... Он в одиночку выслеживал Длинного Ко-огтя, а потом вы-ы-ышел на него один на один с го-о-олыми руками, у-у-у... мы долго боролись! Сверкал мой но-о-ож... блистали его гла-а-аза-а... Как я был храбр! Длинный Коготь рычал и пытался откусить Орлиному Перу голову, но я — оу-у-у...

— И кто же победил в конце концов? — нетерпеливо перебила я.

Все посмотрели на меня осуждающими взглядами. Нет, ребяташки, с меня одного священника хватит... Тут в Америке что-то слишком много любителей длинных рассказов, если не взять наконец инициативу в свои руки, так и придется все каникулы слушать чьи-то бесконечные «правдивые» истории.

— Победил Орлиное Перо, — наконец после нелегкой душевной борьбы сдался индеец. Видно, что его так и подмывало привести подробности, но, вопросительно

посмотрев на вождя, он решился говорить по-человечески. — Летом Орлиное Перо еще видел сны, мно-о-ого! Поэтому он начал сначала, сны трудно припоминать, а вспомнив один, вспомнишь и следующий, так дойдешь до нужного. Орлиное Перо видел плохо пахнущего зверька, ваши братья называют его скунсом. Он был огромный, смотрел на Орлиное Перо и хотел что-то сказать ему. Орлиное Перо понял, что это сама Великая Мать Скунсов! Потом появился Бледнолицый Призрак. В глазах его был страх. Он кричал: «Уберите отсюда это гадкое животное! Оно преследует меня, я обречен, я умираю от вони!» Великая Мать медленно повернулась к нему задом, сейчас, сейчас, дайте вспомнить... Да, точно. Она подняла свой пушистый хвост, и... призрак Шерифа умер! Он задохнулся. Потом... потом все, все исчезло. Хуг!

— И что же это означает? — поинтересовался Алекс.

— То, что только скунс может победить духа Шерифа, — важно изрек Орлиное Перо, закатив глаза.

— Полный бред! — констатировала я. — Привидения — существа эфирные, с чего бы им бояться запахов... тоже эфирных... ой!

— А ведь действительно скунс постоянно появляется вслед за призраком, и при виде этого пушистого зверька Шериф исчезает, — напомнил Пушок. — Вспомните рассказ Оленьих Ног, и в городе мы тоже видели скунса. Вероятно, его появление и отпугивает призрака, неизвестно, что бы стало с Оленьими Ногами, не появись вовремя черно-белый зверек, и с тем несчастным пьяницей из Хромой Собаки, которого призрак взял на аркан.

— На самом деле это был Фрэнк Грубберт — Бешеный Крот, и мы зря его спасали, — поправил Алекс. — Однако складывается впечатление, будто скунс играет своеобразную роль петуха, который своим кукареканьем прогоняет нечисть.

— А пуская струю, скунс заставляет отступать духов — своеобразный американский вариант, — внесла свою лепту я, делая вид, что дошла до этого своим умом и самой первой.

— Ну что ж, значит, нам осталось отловить скунса, а лучше десяток, посадить их в мешок и закидать ими призрака, как только он появится, — хмыкнул кот, тишком точа когти о новенькую трубку вождя.

— Хорошо бы, но кто знает, где и в какой момент нам его ждать? — покачал головой командор.

— А может, должен явиться гигантский скунс, как во сне Орлиного Пера? Что толку в маленьком зверьке, размер струи просто несопоставим! Может, сон должен сбыться буквально? — Вытаращив глаза, я посмотрела на ребят, но выражения их лиц говорили, что ничего более нелепого они от меня еще не слышали, хотя слышали немало.

Жаль, но в результате спора ни к чему конкретно мы не пришли. Решили скунсов пока не ловить, пусть бедные вонючки живут спокойно и даже в неведении, что им серьезно грозила такая напасть. Зоркий Медведь с нами полностью согласился, но он, похоже, согласился бы со всем, потому что всю нашу научную дискуссию просто проспал.

Индейцы определяли время по луне. До полуночи оставалось полчаса. С нами собралось идти полдеревни, никак не меньше, хотя духов обычно вызывают в одиночку. Заметно волнующийся Мэнсон не возражал против группы поддержки, но зрители должны будут стоять на значительном отдалении за соснами. Все необходимое для проведения ритуала нашлось. Библия имела у вождя (он умел читать), купил у бродячего торговца и был страшно рад, что пригодилась для большего дела, чем просто интересная книжка на ночь. Днем мои напарники куда-то смотались за дополнительным оборудованием. Мне тоже скучать не пришлось...

После обеда я была занята в мини-спектакле «Как Виннету сидел в плену у бандитов, или Самая волнительная ночь в жизни индейской девушки», представ в роли сказительницы. Всех ирокезов это страшно интересовало, а в отсутствие Алекса и кота утолять всеобщее любопытство, во всех подробностях, довелось мне. Врала напропалую, хвасталась — стыдно вспомнить, зрители были довольны по уши!

Когда наконец подошло время обряда, я уже была настолько возбуждена, что даже с

некоторой враждебностью ожидала от ребят самого высокого результата. Разочарования я просто не перенесу... Зоркий Медведь и его племя не знали, что призрак уже не повинуется Мэнсону, они называли священника Хозяином Бледнолицего Духа и искренне верили, что сегодняшней ночью он вернет привидение в мир духов. Конечно, они не питали к нему симпатии, ведь именно он был косвенной причиной вчерашней гибели невинного индейца, не говоря уж о предыдущих трагедиях. Сколько бед он принес ирокезскому народу своим необдуманным поступком, когда первый раз в жизни вызвал дух Джоэла Гвурдстома. Так что стоит этой ночью не оправдать их надежд, и...

Похоже, и сам Мэнсон все хорошо понимал, потому что в какой-то момент даже попытался юркнуть за сосны и сбежать. Но его маневр был замечен и тут же пресечен бдительным конвоиром, не терявшим надежды после стольких испытаний доставить-таки преступника в федеральную тюрьму. Профессор всю дорогу просвещал меня. На сей раз предметом его лекции стала история экзерсизма.

— Деточка, духи умерших одолевали людей с незапамятных времен. Поэтому людям, хочешь не хочешь, методом проб и ошибок пришлось учиться избавляться от них, а самый верный способ — это вернуть призрака обратно в мир духов, откуда он и пришел. Методов было много, и с течением времени у одного и того же народа они трансформировались, набирались практического опыта, сортировались и оттачивались в деталях. Например, в Скандинавии этот ритуал носил название «ослиная грива» или «возвращение силой». Жрецы и мудрые люди заставляли привидение навсегда скрыться под землей руганью или даже всего лишь усилием воли.

Христианская церковь разработала свой ритуал экзерсизма. В обряд вошли заклинания, молитвы и пение псалмов. Разумеется, исполняли его специально обученные церковные служители. Тогда акцент делался на то, что все призраки — это служители Сатаны, поэтому и в заклинаниях произносили имя нечистого. Это звучало примерно так: «Я проклинаю тебя, Змей-искуситель, и именем твоего создателя, и именем создателя мира, именем Его! Того, кто в силах низвергнуть тебя в ад. Изыди, дьявол! Наполнись ужасом, и да наполнится ужасом армия твоя!» Экзерсист стоял в центре пентаграммы, под защитой святого круга. Ему нужны были Библия, распятие и сосуд со святой водой...

— Ага, плюс нехилые знания в голове, — добавила я.

— Ну, текст незамысловатый, выучить нетрудно, — махнул лапой кот. — Да и сам обряд, в принципе, довольно несложный.

— Угу, несложный, хотел бы я, чтобы кто-нибудь другой оказался на моем месте, — с упреком возразил наш бывший священник (о говорящем коте он уже знал).

Лихорадочно роясь в карманах, отец Мэнсон выудил кусок мела и нервно приступил к рисованию. Могила Шерифа оказалась неприметным бугорком на каменистом берегу горной речушки. Выводить прямые линии на мелкой гальке страшно неудобно, так что Алексу пришлось помогать, потому что у бедняги из-за трясущихся рук выходили закорючки какие-то, а вместо пентаграммы — шестилучевая звезда Давида (я давно подозревала, что он еще и тайный еврей!). Наконец мы оставили преподобного одного, теперь его очередь показать себя. Луна, против обыкновения (в такие-то мистические моменты), была неполная, так... жалкий серп в последней стадии дистрофии. Зато звезд за-ва-лись...

Мэнсон взял себя в руки и твердым голосом начал читать заклинание призыва. С того места, где мы стояли, слышно было не очень и видно так себе — ирокезы загораживали. Наконец призываемый явился...

Чувствовалось, что призрак Шерифа в данный момент находится в очень неплохой физической форме — сиял он ярко, да и габаритов был немаленьких. Привидение сидело на призрачном коне, и что-то не было заметно, будто оно только и думает о том, как бы поскорее обрести вечный покой. Нет, заставить его уйти будет очень сложно, и вряд ли такое дело по зубам бывшему священнику. Дух сложил руки на груди, молча слушая неубедительные призывы преподобного. Время от времени доносились выкрики: «Заклинаю тебя, Джоэл! Уходи! Уходи под землю!»

— А ему это надо? Что он там, под землей, забыл? — неоптимистично бормотала я себе под нос. — Балаган какой-то...

— Смотри! — ахнул кот, указывая лапой вперед.

— Вэк... Неужели Генри Гудзон? Не может быть!

На воде появился серебристо-белый корабль, окруженный романтическим призрачным сиянием, я хотела дернуть к реке, чтобы посмотреть поближе, но Алекс удержал меня, успев обхватить за талию.

— Стой, призрака нашего спугнешь! Нам сейчас нельзя рисковать.

Но, я думаю, в этот момент дух Долговязого Шерифа не обратил бы на меня внимания, даже если бы я начала махать перед его носом руками и пинать по коленке. Призрак Шерифа задрожал на ветру, не сводя глаз с высокой фигуры на борту корабля. Генри Гудзон стоял в центре, окруженный неподвижными безмолвными матросами. Выдержав эффектную паузу, он загрохотал на всю округу:

— Всем молчать, грот-мачту вам в брюхо! Мы опять не туда заплыли, черти нас дери! Эй вы там, две сухопутные задницы, я вас знаю. Хо-хо! Опять взяли неправильный курс?! И что, снова не знаете, где тут выход к морю, разрази вас гром? Тогда я сам выведу вас на чистую воду. Бездельники, чего стоите, поднимайте паруса!

Отец Мэнсон схватился за сердце и рухнул в обморок. Команда заторможенно выполняла приказ. А я почему-то думала о том, что редко кому удастся развернуть морское судно, пусть и небольших габаритов, в узкой каменистой горной речке.

Но тут появился третий призрак! На берегу возникло огромное и на первый взгляд бесформенное привидение. За моей спиной восхищенно ахнул один из застывших в ступоре ирокезов — неудивительно, что им оказался водивший дружбу с Духом Снов толстяк Орлиное Перо.

— Великая Мать Скунсов! Я же говорил вам, говорил!

Бли-и-и-ин, это действительно был гигантский призрачный скунс, как во сне Орлиного Пера. При виде его и так уже доведенный до критического состояния дух Шерифа истерично завопил и начал медленно растворяться в воздухе. Но скунс был полон решимости его добить — повернулся спиной, задрал пушистый хвост (все затаили дыхание) и...

— Нет! Нет, отец, не уходи! Не смей! Ты мне нужен!

Пробежав по спине бесчувственного Мэнсона, местный шериф Дикси Гвурдстом собственной персоной кинулся к призраку отца. И как он только здесь оказался?

— Он нам все сорвет! — сгруппировался командор, собираясь броситься вперед.

— Это лишнее, остаемся на месте, коллега! Думаю, он уже ничего не сможет изменить, — мудро изрек кот, ловя Алекса за ногу. А я, как и все, не сводила глаз с развернувшейся перед нами сцены. Да-а, действие принимало все более и более интригующие обороты. Я смахнула непрошеную слезу, просто-таки сцена из «Гамлета»...

— Увы, Дикси, сын мой, справляйся сам... Мне не позволено остаться, увидимся в ином мире-е-е... Прощай!

И вместе с яркой, практически нейтронной вспышкой света, на мгновение осветившего каждый камешек на берегу, все пропало. Все три призрака! О поистине драматическом событии, разыгранном сейчас перед нашими глазами, напоминали лишь голубые искорки над могилой Долговязого Шерифа. Изрыгающий проклятия Гвурдстом-младший в бешенстве рвал волосы на голове, недвижимое тело Мэнсона все так же валялось рядом на травке. Мы поспешили к ним, надо было как-то привести в чувство священника, да и Библию Зоркий Медведь одолжил с условием, что она вернется в целостности и сохранности. Ого, теперь еще и кровопролитие надо останавливать! Просто сыночек нашел «виновника» и теперь вымещал на нем ярость нереализованных планов, выколачивая сапогами пыль из преподобного. Кстати, тем самым решая и нашу задачу, так как священник начал орать под пинками, поспешно приходя в себя.

Вот примерно это я и называю успешно законченным делом. Успешным в смысле результата, о морально-этических проблемах и судьбах участников особенно рассуждать не

хотелось. Призрак Долговязого Гвурдстома больше не вернется на землю, в этом ни один ирокез не сомневался. Как дальше будет жить его мелочный отпрыск — не наша забота. Так же, впрочем, как и жизненные планы отца Мэнсона на после тюрьмы. Согласна, что благополучная развязка не была следствием наших «профессиональных и безукоризненно отточенных действий», а скорее роль здесь сыграло вмешательство высших сил. Хотя лично я еще ни разу не видела, чтобы случай так удачно подгадал...

Наутро, глядя на мою снулую физиономию и нежелание восторженно щебетать об успехах операции, Алекс с Мурзиком все время крутились рядом, пытаюсь отвлечь меня от грустных мыслей бусинками и земляникой. Бесполезно, я пребывала в состоянии страшного разочарования. В моей душе поселились здоровые сомнения в правильности избранного пути, и 013 наконец не выдержал:

— Ладно, Линочка, понимаю, почему ты злишься... А кстати, тебя не удивило такое неожиданное появление двух дополнительных призраков, да еще в самое подходящее время, в тон ожидаемых пророчеств?

— Если ты о подозрительности размеров, то, по идее, корабль и не должен быть меньше... Хотя, вообще говоря, то, что они сразу появились оба... да, удивило, — протянула я и бросила на кота хмурый взгляд. Кажется, до меня начинало доходить... Но правильное понимание того, что произошло ночью, не предвещало для кота ничего хорошего.

— Вот видишь, какая ты у нас сообразительная, — начал юлить котик, видя, что дело принимает нежелательный оборот, — просто умница! А раз теперь тебе все ясно, ты, конечно, не станешь больше дуться. И я, наверное, пойду...

— Ну не то чтобы до конца... — задумчиво произнесла я, и Васисуалий (это его новое имя) успел почувствовать угрозу в моем голосе. Однако шмыгнуть между ног ирокезов, дабы спастись позорным бегством, на этот раз не успел. Я мгновенно цапнула его за хвост и, крепко зажав под мышкой, сорвав с шеи тяжелые индейские бусы, принялась основательно охаживать по спине! Этот задавака получит свою порцию сейчас, а у Алекса все еще впереди! Хоть сейчас он и предусмотрительно исчез, осторожный наш.

Как они могли?! Как могли снова так пренебрежительно ко мне отнестись, словно я все та же только что укушенная монстром девчонка-дилетант, глядящая на них, «профессионалов» (ой-ой-ой, какие мы храбрые да ушлые!), снизу вверх. Мы столько прошли, столько пережили вместе, а они опять... Вот, значит, как вы ко мне относитесь?!

Сквозь жгучую обиду словно издали донеслись отчаянные вопли кота:

— Я же профессор! Меня нельзя бить, ай, больно же, отпусти! Спасите! Заберите меня у нее! Ма-ма-а-а-а!

На помощь никто не спешил, индейцы лишь неодобрительно косились на вопящего Мурзика. Согласно их обычаям, обнаруживать боль, стонать и выть недостойно мужчины, а тем более Пушистого и Мудрого Зверька. Тем паче что все понимали: это наши личные разборки, а вмешиваться между выясняющими отношения агентами чревато...

Храбрый Москит, глядя, как я стегаю кота, по старой дружбе (как-то я пыталась защитить его авторские права перед маститым Лонгфелло) бросился мне помогать.

— Если Мудрый Зверек тебя обижает, — серьезно предложил он, — Храбрый Москит будет рад тебе помочь.

— Спасибо, дружище, в другой раз. Сейчас ситуация под контролем!

Суровая нитка разорвалась, и ярко-синие бусы разлетелись во все стороны. Плюнув, я отпустила агента 013 и решительным шагом отправилась на поиски Алекса. Профессор пулей дунул в неизвестном направлении...

Индейцы предусмотрительно освобождали мне дорогу. В поселке готовились к празднику. Вытащили все запылившиеся тотемы, разложили с десятков костров, мужчины наносили праздничную раскраску, а женщины готовили что-то очень аппетитное. Похоже, сегодня всем будет весело. Кроме некоторых, особо умных...

Разодетые в перья и разукрашенные индейцы во главе со своим шаманом отплясывали

танец Победы Над Врагом. Командора я увидела за вигвамом вождя, спокойненько обсуждавшего с одним из старейшин, куда пойти охотиться — за реку, в дальний лес или в район пещеры Длинного Когтя. Конечно, не на самого гризли, а на лис и куниц, роющих норы неподалеку, в надежде жить под защитой авторитетного соседа.

— О, Алина, где ты пропадала?

— Убью...

— Господи, да что это с тобой?

— Что со мной — ты сам прекрасно знаешь. Лжец, предатель, перестраховщик! Почему вы скрыли это от меня?! — в упор орала я, пытаюсь взять себя в руки и с ходу не наброситься на подлого любимого с кулаками.

— Прости, мы всего лишь хотели сделать тебе сюрприз, — не стал отнекиваться этот проклятый шовинист, свято уверенный в своей правоте.

— Ах вот, значит, как? Сюрприз?! Еще один после сюрприза с отпуском в «незнакомом месте»?

— Просто хотели посмотреть на твою реакцию, думали, ты обрадуешься! — тонко выкрикнул агент 013, высывая нос из-за спины напарника. И как это он успел доковылять почти одновременно со мной?

— С самого начала мы тщательно следили за всеми приготовлениями, никто не был до конца уверен в результате. Призраки «Полумесяца» и Большой Матери Скунсов были спроецированы с помощью новейшей техники с летательного аппарата-невидимки. В картотеке Базы трудились не покладая рук, пока не нашли фотоснимки Генри Гудзона вместе с командой. Кстати, там же оказалась и запись его голоса — изменив некоторые особо крепкие словечки, мы получили текст, вполне подходящий к данному моменту. Надежды на отца Мэнсона были малы, а никто не имел на Долговязого Шерифа такого влияния, как призрак Гудзона и скунс...

— Шикарно! Вы еще раз доказали высокий профессионализм нашей команды, ничего не пуская на самотек и добившись предельной естественности событий. Все счастливы! Только я, как всегда, осталась в стороне, — надула я губы. Клокочущая ярость внутри утихла, но обида еще колыбалась.

— Извини, любимая, при твоей импульсивности... Ну, хочешь, я при всех покатаю тебя на спине?

— Да ну вас обоих к черту... Ладно, забыли. — Я развернулась и встретилась с полным горькой обиды взглядом кота. В груди разлилась теплая волна удовлетворения. Я-то забуду, но Мурзик будет помнить о-очень долго...

С горя пошла поплакаться к отдыхающей Бастардке и аж вздрогнула от негодования — ее до сих пор не расседлали! Бедная моя, своенравная лошадка, тебе-то за что достается по жизни?! Хотя с таким характером это не вопрос... Расстегивая подпруги и снимая седельные сумки, я едва не уронила их на ногу — тяжелые! С недоумением сунула руку в один из карманов и... вытряхнула на траву толстого индейского божка! О небо, это же из тех самых идолов, что преподобный Мэнсон за бесценок скупал у индейцев! Я вспомнила короткий разговор с черноусым федералом — выходит, он оказался благородным человеком... Надо срочно вернуть статуэтку ирокезам. Зоркий Медведь будет счастлив, а Профессора хватит инфаркт, вот и ладушки!

К вечеру я уже совсем простила моих агентов и даже чувствовала некоторую вину перед котом. Старейшины на радостях вручили нам неплохое вознаграждение — приличный кожаный мешочек с золотым песком, который тут же забрал на хранение агент 013. Он вел все финансовые дела нашей команды, и, надо признать, очень неплохо, благодаря своей скрупулезности и бережливости постоянно наращивая капитал. Мэнсону денежного вознаграждения не полагалось, его наградой была его жизнь. Благодаря удачному завершению операции он сохранил свой скальп в нетронutom виде и завтра же уедет в тюрьму под охраной все того же конвоира.

Дикси Гвурдстом беспрепятственно ускакал домой, задерживать его не имело смысла:

когда в Хромой Собаке узнают о его проделках — он сам сбежит.

Я уже здорово соскучилась по Базе. Как там наше начальство в шутовском колпаке, друг Синелиций, невозмутимый Стив, дорогие сердцу хоббиты?..

Последние два дня вместо отдыха мы выполняли привычную для нас работу по выбиванию сведений из дико вопящих под пытками свидетелей (шучу!). Далее — слежка и наблюдение за объектом (вампиром, призраком, оборотнем и тому подобной нежитью) и как конечная цель — выполнение задания. Иногда приходится применять физическое устранение объекта, но лично я предпочитаю обходиться без крайностей. Разве что речь пойдет о самых закоренелых и неисправимых монстрах, до сознания которых достучаться просто невозможно. А представляете, о скольких чудовищах, способных погубить целые города и даже цивилизации, люди так и не узнали благодаря нашей организации? Будь работа специалистов Базы еще лучше, а технологии совершеннее, о легендарных монстрах даже сказок бы никто не сочинил — все бы писали только о нас!

До конца нашего двухнедельного «отпуска» оставалось еще три дня, скоро придется вернуться на Базу, но сейчас надо было как-то загладить вину перед Пусиком. Все-таки зря я дала волю гневу, сладил черт с младенцем...

Надо котика срочно развлечь, а то из-за его смурного вида я снова начинаю заводиться, потом злиться, выходить из себя и опять срываться на агенте 013! Нет, довольно стрессов — и мне, и ему...

— Кажется, завтра Милашка Сьюзи танцует в «Хижине дяди Тома». Весьма примечательное местечко, не заглянуть ли нам туда, как полагаете? Быть может, вовсе не судьба бедного негра, а именно название салуна натолкнуло Бичер-Стоу так назвать свою книгу.

— Ну, историю она придумала сама, а о существовании салуна могла слышать в детстве от бабушки. Мысль неплохая, я не против пойти на представление, — кивнул Алекс и вопросительно посмотрел на Профессора.

Кот буркнул что-то себе под нос, но это что-то было утвердительным, я знала, что он не удержится. На рассвете мы заснули как убитые, честно отпраздновав «изгнание призрака» — с плясками, подарками, угощением и прыжками через костер. А спустя пару часов мои напарники отправились на рыбалку. Охота была отменена — отдал концы от старости местный старожил гризли, то бишь Длинный Коготь, кто-то из ирокезов обнаружил его тело недалеко от поселка. Скорбели все — патриарх гризли был все время под боком, никто не помнил, сколько лет пугали им детей и сколько бак было посвящено мохнатому соседу. Это был последний гризли в здешних местах, и его уход символизировал начало урбанистической эпохи.

После обеда мы собрались в город, Зоркий Медведь настоял на провожатых, и индейцы проводили нас до лощины. Как выяснилось, вести о событиях последней ночи уже долетели до жителей Хромой Собаки. Каким образом (Дикси доложил?) — это осталось под завесой тайны. Нас встречали натянутыми улыбками, сухо благодарили, но в целом смотрели вслед очень подозрительно. Правильно, мы для них все равно странные чужаки...

Зато уж Милашка Сьюзи при виде Алекса разулыбалась, но я вручила ей письмо от преподобного, и девушке сразу стало неудобно... Как можно одаривать вниманием другого мужчину, если твой друг в изгнании и шлет слезоточивые письма? Разумеется, я все прочла по дороге, хоть кот и пытался мне помешать.

К чести салуна признаю: танцевали девушки потрясающе — такое искусство и в такой глухомани! Была там еще одна блондинистая певичка — как объявили, первая звезда штата — очень мило пела кантри про любовь среди прерий.

Мурзик приналег на селедочный рассол, флегматично следя за тем, что происходило на сцене. Он успокоил мою бдительность, и я как-то упустила тот опасный момент, когда кот начал свистеть, стучать лапками по столу и выкрикивать: «Браво, милашки! На бис! На бис, крошки!», швыряя горстями золотой песок под ноги танцовщицам. Я попыталась было отобрать у кота мешочек, чтобы сохранить хоть что-то от нашего гонорара, но он завопил,

что я посягаю на его независимость и вообще все сердце ему выгрызла!

— Выше ножки! Больше страсти, киски мои!

Хоть сквозь землю провались... Мне ничего не оставалось, кроме как оскорбиться, а этот болван пусть делает что хочет. Сам же будет завтра лбом о стенку биться, скорбя о растраниженном состоянии. Как назло, командор куда-то вышел, а то бы он кота приструнил! Но, увы, к возвращению Алекса мешочек был пуст, и пьяный в дым агент 013 валялся под стулом в полубессознательном состоянии, с трудом мурлыча какую-то песенку. Обратно в индейский поселок выбрались далеко затемно...

Переночевав в ставшем почти родным вигваме, утром мы позавтракали у вождя, а потом не сговариваясь начали собираться. Ну и пусть еще один день отпуска пропадает — ничуть не жалко, хоть нам здесь было и очень хорошо, но по Базе успели соскучиться дико.

Проводы нам устроили грандиозные — с барабанами, воплями и ритуальными танцами. Храбрый Москит подарил мне мокасины, специально для меня расшитые его мамой, а одна девочка, с которой мы пару раз играли, — пояс из бисера. Я страшно расчувствовалась, отдала Москиту бинокль командора, а девочке — свою косметичку — малышка тут же сделала себе боевую раскраску!

Мои напарники тоже без подарков не остались, правда, агент 013 после вчерашнего кутежа находился в большом ступоре, думаю, теперь не меньше недели будет заниматься самобичеванием. И даже инкрустированная курительная трубочка не сильно подняла его настроение. Зоркий Медведь произнес торжественную речь, вручил Алексу охотничий нож с рукоятью, отделанной золотом, а взамен отобрал давно ожидаемый винчестер. А от себя лично поблагодарил нас за возвращенного идола и с чувством сказал, что нас тут всегда рады видеть, мол, приезжайте в любое время, вспоминайте почаще и не скучайте в разлуке.

Хорошо, когда тебе рады и тебя ждут. Ирокезы были искренни, так что каникулы у нас во всех отношениях выдались на славу. Но мы-то знали, что еще пять-шесть лет — и им придется отправляться в резервацию, многие погибнут... Но здесь уж мы ничего не в силах изменить...

Глава 3

...На Базе нас встретили не так душевно. На первый взгляд никто и не заметил нашего отсутствия, а я почему-то ожидала, что они тут буквально извелись от тоски! Народ занимался своими делами, кто-то прибывал, кто-то отправлялся на задание, все было как всегда, и даже с колпаком больше никто не носился. Хотя ничего удивительного, я оставила его у шефа, а шеф не был бы шефом, если бы его было так легко одурачить. Наверняка колпак давно уничтожен или (если его тайна еще не раскрыта) хранится в надежном месте.

Мы сдали костюмы, приняли душ и тихо устроились за шахматами в комнате командора, когда заговорила селекторная связь. Нас ждали в кабинете начальства, взбучка неизбежна...

— Агент Сафина, вы использовали магический артефакт, чтобы обмануть своего шефа и получить вождеденный отпуск! Не буду говорить о том, как это нехорошо и чем карается. Хотя за последние полвека, надо сказать, вы первая, кому удалось так ловко обвести меня вокруг пальца. — Заложив руки за спину, босс ходил взад-вперед перед нашей разновеликой командой.

Мы, как и положено, молчали, скромно потупив глазки, никто не чувствовал себя виноватым...

— Поэтому ваш отпуск можно считать самовольным и незаконным! Но так как во время этого бесчестного бегства с Базы вы провели крайне удачную операцию, то вам полагается заслуженная премия.

У кота дернулись усы и зажглись глаза. Зря надеется, Алекс говорил, что дух Шерифа Гвурдстома даже не числился в реестре особо опасных призраков. Ничего не дадут...

— Вернее, полагалась бы! Но ее придется отменить, так как плановая ревизия вскрыла

серьезные недочеты в вашей прежней работе. Одно из дел вашей группы, которое мы закрыли еще в прошлом году, оказалось неоконченным.

— Не может быть! Какое дело?! — удивленно воскликнул агент 013.

Я тоже округлила глаза, такие претензии к нашей работе — это впервые.

— «Дело Крысы-вегетарианца», то бишь жеводанского оборотня!

Вэк... Ну, тут удивляться нечему, чего-то подобного я уже давно ожидала. Это непростое дело действительно осталось в подвешенном состоянии. После проведенной нами операции два волка-оборотня прекратили свою преступную деятельность, хотя нам давали задание на одного. В результате — волчий труп и одна исправившаяся душа, шагнувшая на путь мирного сосуществования. На Базе тогда не знали всей правды. Наша оплошность, надо было доложить о целой популяции оборотней...

— Придется снова вам отправляться в Жеводан и закончить это дело, — вынес свое решение справедливый шеф. — Но на этот раз окончательно, я лично проверю!

С неумолимым видом он уселся в свое кресло, сохраняя на лице непроницаемо-суровое выражение.

— Насчет колпака можете быть спокойны — преступный головной убор спрятан в очень надежном месте. И причина того странного беспорядка, царившего на Базе на протяжении нескольких последних дней, наконец-то выявлена и устранена. А вы после положенного трехдневного отдыха спокойно приступайте к заданию, — смягчившимся голосом добавил гном, ковыряя пальцем землю в горшочке с кактусом. — Подсохла, пора бы полить. Все свободны, можете идти. Кстати, я слышал, сегодня на обед баранина, тушенная в пиве. Надо не забыть попросить секретаршу принести порцию прямо сюда. И... если не затруднит, агент Сафина, вы не могли бы заглянуть ко мне с докладом о вашем пребывании в плену Бешеного Крота? Мне говорили, вы так интересно это описываете...

Я сдержанно кивнула, а куда денешься — шеф любит потрепаться по-стариковски. Хороший он, своих в обиду не дает, но и работать спустя рукава не позволит. Зайду, поболтаем...

До обеда оставалось еще часа полтора, мы прошвырнулись по Базе: заглянули в спортзал, прошлись по киоскам со всякой всячиной. Сюда почти ежедневно завозят разные диковинки всех времен и измерений, так что посмотреть есть на что. Кот, к моему величайшему изумлению, купил себе краску для волос... ядовито-малинового оттенка! И еще советовался со мной, будет ли он тогда выглядеть по-молодежному? Подумав, купил еще гель «мокрый эффект», пояснив, что это более прогрессивный способ укладки шерсти для котов, чем классический селедочный рассол. Дескать, пахнет приятней и шерсть потом не такая сальная.

— Насчет «по-молодежному» — не знаю, но могу уверить, ты будешь выглядеть, как дикобраз-мутант в малиннике! Да ты никак познакомился с несовершеннолетней кошечкой и хочешь предстать перед ней в столь эффектном виде. Пусик, ты совсем не стар, к чему такие жертвы?!

— Никакой кошки нет, бесчувственная! — возмущенно завопил Профессор. — А я молод! Молод, красив и полон сил!

— Как скажешь. — Я рассеянно пожала плечами, принохиваясь к духам, которые, кажется, мне покупал Алекс. — Но прими мой женский совет от души: если ты действительно хочешь этой киске понравиться, немедленно садись на строжайшую голодовку (диета уже не поможет!). Как правило, женщинам не нравятся мужчины, столь катастрофически жирные, что их можно перекачивать.

— Что?! Это я... я жирный? Алекс, скажи ей! — Кот начал задыхаться, не в силах перенести такое оскорбление. По своему обыкновению временно онемев, потом он стал пытаться испепелить меня яростным взглядом, но мы это давно проходили — дохлый номер...

— Пожалуй, я возьму «Леди Босс». Хотелось что-то новенькое, но другого аромата, который бы мне подошел, у вас нет. А этот идеально подходит для девушки активного типа,

то есть для меня. — Я мило улыбнулась продавщице, демонстративно не замечая кипящего у моих ног агента 013. Он с трудом сдерживался, чтобы не вцепиться мне в икру всеми когтями и зубами сразу! Я взяла любимого под ручку и, уже уходя, краем глаза заметила, что кот возвращает продавщице коробочку с краской, но баночку с гелем все же решил оставить...

Наверное, в жизни Пусика действительно появилось что-то серьезное. И тут он прав: не всю же жизнь ему меня дожидаться? Я сострадательно вздохнула. Такая преданность (и то редко) бывает лишь в женских романах и латиноамериканских сериалах. Да мне-то что — я люблю Орлова, он состоит из одних достоинств, несмотря на то что порой поступает как самовлюбленный эгоист, но все мужчины таковы... Поэтому к недостаткам это не отнесешь. К тому же он любит меня, заботится, защищает. Глядя на него, я порой понимаю, что лучшего мужчины и не придумаешь. А самое главное — он человек, в отличие от агента 013. Так почему тогда я испытываю зависть к какой-то бессловесной глупой кошке, явившейся профессорской избранницей?

— Милая, что тебя так тревожит? — обеспокоенно спросил Алекс, пристально глядя на меня. Его губы дрогнули в улыбке, конечно, на моем лице все написано, и как можно не улыбаться, видя, что я всерьез ревную кота! Согласна, но если бы это был обычный кот, а не такой исключительный, как наш Профессор! Алекс, очевидно, тоже это сообразил, понял, что его мужское самолюбие в такой ситуации должно страдать, и помрачнел. Теперь уже я веселилась — куда лучше, когда тебя ревнуют, чем ты.

— Что смешного? — холодно поинтересовался командор, высвобождая свою руку из моей и пряча ее в карман.

— Я — как Маргарита Павловна. Ха-хэ-гх-э! Ну, Маргарита Павловна Хоботова из «Покровских ворот», — хихикая, объяснила я, но Алекс смотрел на меня непонимающе и хмуро. — Ну, это в нашем времени фильм такой потрясающий есть. Тебе обязательно надо посмотреть, многие вопросы снимутся сами...

Я, как и она, цепляюсь за двоих мужчин, не желая терять ни одного. Вот так, как и у героини «Покровских ворот», выражается моя потребность в мировой гармонии. Конечно, этого я Алексу не сказала, хотя он и надеялся на более вразумительные объяснения.

— Покатаешь меня на спине? Ты обещал! — напомнила я, сделав капризно-просительную мину.

— Ты же знаешь, нам на Базе нельзя нарушать субординацию, — с тем же суровым видом возразил Алекс, хотя в конце фразы голос его дрогнул, и уже другим тоном он добавил: — Ладно, только не в коридоре, в нашей комнате, чтобы никто не увидел. А то мы и так тут под ручку разгуливаем...

Однако в его апартаментах уже сидел на своей койке Васисуалий, надутый, как злопамятный слон. Увидев меня, он соорудил еще более разобиженную физию и отвернулся к стене.

— Надо было сразу пойти ко мне, — громко сказала я Алексу, — тут нам больше не рады. А все потому, что кое-кто не любит смотреть правде в глаза из-за неумеренного аппетита...

Теперь с появлением в жизни кота другой женщины мы могли больше не таиться от нашего пушистого товарища. Его большое самолюбие переключилось на иной объект, и это плюс. Но командор почему-то так не считал, покосился на убитого горем друга и смущенно пробормотал, что, кажется, уже пора на обед и мы зашли только переодеться. Форма у нас оставалась обязательной для докладов, хотя начальство и требовало, чтобы на Базе мы ходили в ней постоянно.

Кот поднял на него полные упрека глаза:

— Я не знал, что теперь она ТУТ переодевается! Если надо, могу выйти. И вообще, пусть переселится, раз я тут лишний! — с трагическим пафосом выкрикнул он и дунул в дверь.

— Ты ошибаешься! Агент 013, я не то имел в виду-у! — крикнул ему вслед Алекс с

болью в голосе, а я, сложив руки на груди, отвернулась.

— Пусть идет, хорек несчастный...

Как можно в моем присутствии говорить обо мне в третьем лице? Я старательно раздувала в себе обиду... Значит, мне теперь еще и в их комнату заходить нельзя, я же во всем и виновата?!

За обедом мы встретились. Алекс уговорил Профессора не пересаживаться, хотя тот и рванулся, едва увидев меня. К этому времени меня уже захлестнула волна горького раскаяния, и я смотрела на бедного агента 013 глазами, полными слез. Я изо всех сил старалась, чтобы он увидел мои немые страдания. Откровенно всхлипывать гордость не позволяла, но кот и не думал поднимать горящего взора от тарелки с тушеной бараниной.

Он жадно поглощал мясо, нарочито громко урча от удовольствия. Я поняла, что вызывать к его чувствам бесполезно. А когда принесли селедку, не входившую в привычное меню, он и к ней развернулся с той же космической скоростью, даже не поинтересовавшись, откуда взялась. А между прочим, это я купила полукопченую иваси, специально слетав с «переходником» в ближайший магазинчик на нашей улице. И попросила Безголового, работающего на кухне, подать ее коту с маринованным луком, зеленым горошком, нежными ломтиками картошки и приправленной сверху самой чуточкой оливкового масла. И не забыть черного хлеба и сливочного масла.

— Агент 013, подожди, я сама тебе намажу. Я же знаю, как именно ты любишь есть селедку. Ну-ка скажи: «А-а-а-м!» — нежно попросила я, просовывая в распахнутый от удивления ротик Мурзика маленький бутерброд. Кот покорно откусил и завороченно следил, как я аккуратно несущему ему кусочек селедки, вовремя открывая рот ей навстречу. И так далее, каждый кусочек селедки он заедал хлебом с маслом, при этом не сводя с меня круглых зеленых глаз, в глубине которых затаилась боль. Но я знала, что это боль не от недавней обиды, а боль от неразделенной любви и невозможности быть вместе...

К сожалению, селедка скоро закончилась, так же как и терпение Алекса, который эту нашу идиллию вынужден был лицезреть, напрочь позабыв о своем обеде. Он встал, бросив смятую салфетку на стол.

— Как приятно на вас смотреть, просто бакланы в брачный период, те тоже друг друга рыбой кормят, — высказался он зло. — Может, вам все-таки стоит пожениться?

Командор резко повернулся и широким шагом направился к выходу. Увы, но в тот момент я не могла вскочить с места и броситься за ним. Мы снова встретились взглядами с котом. У него был виноватый вид, надо полагать, у меня тем более.

— Я все понимаю. Но не могу питать надежды. Прости меня, Алиночка! — с жаром воскликнул котик и, спрыгнув со стула, бегом бросился за другом.

Только потом я поняла, что под этими словами он подразумевал нечто конкретное.

Я кое-как допила компот и поплелась к ним в комнату. Который из них там окажется, с тем и буду говорить начистоту, просить прощения и клясться в вечной любви. Выбирать самой у меня больше нет сил. А если окажутся оба, упаду на колени, покаюсь и признаюсь, что ни без одного из них я прожить теперь не в состоянии.

Хотя что тут мучиться — пока мы в одной команде, я буду видеть их обоих возле себя каждый день. Вполне можем снять комнату на троих, так что даже если не захочу их видеть, все равно придется. А вот если наш тройственный союз по каким-то причинам распадется, тогда поздно будет хвататься за голову.

Как же все легко разрешилось! Конечно, я понимаю, что все разрешилось для меня, но не для кота — он меня любил той же любовью, что и я Алекса, Алекс меня, а такая любовь не терпит соперников. Но у меня на душе все равно стало чуть легче. Так, я все поняла. Теперь мне надо найти именно Алекса и попытаться как-то загладить свою вину, если она есть конечно. В чем я понемногу уже начинаю сомневаться...

Комната была открыта, но никого из ребят в ней не оказалось. Что ж, подожду немного и пойду к хоббитами, сегодня у одного моего друга день рождения, он меня настойчиво приглашал. Подарок я приготовила заранее — фирменные кроссовки сорок четвертого

размера. Не удивляйтесь, размер лап у них — ого-го какой! Пусть к цивилизованной жизни привыкает, сколько можно босиком ходить, ведь от этого только простыни и полы в доме раз в десять быстрее пачкаются.

Прохаживаясь по комнате, я вдруг заметила высунувшийся из-под профессорской подушки уголок какой-то книжки. Без малейших угрызений совести я взяла ее в руки, но оказалось, что это ежедневник карманного формата в черном кожаном переплете. Я рассеянно открыла его посередине...

Как не упала сразу — не знаю... Ибо то, что я там прочла, помогло мне мгновенно разобраться в себе и понять, что в действительности к этому толстому хвостатому мерзавцу я ничего, кроме яростного гнева, не испытываю!

Каллиграфический, профессорский почерк замысловато вел дневниковые записи, где главная роль, вне сомнения, принадлежала мне:

«Я ласкал своим упругим хвостом, словно пером страуса, ее горячую, вздымающуюся грудь! Она нежно стонала, и звуки ее голоса заводили меня сильнее и сильнее... Я развернул ее на живот, пробегаю шершавым языком вдоль поясницы и выше. Потом стал легонько покусывать ее шейку в так называемом „кошачьем месте“, она выгнулась и замурлыкала от истомы... „Да! Еще, еще! О мой сладкий Пушистик!“ — то и дело вскрикивала она, впиваясь ноготками в подушку. Я был просто зверь!»

Судорожно вцепившись в корешок, я нервно пролистала еще несколько страниц, то и дело натываясь на не менее хлесткие порнобредовые откровения.

— Где-е о-он?! Где этот грязный хвостатый извращенец?! Я убью-ю его-о!!! — дико взвывая, я пнул кровать Профессора так, что она перевернулась. Минут за десять, с ревом и проклятиями, я разгромила всю комнату! Проходивший мимо рогатый кентавр заглянул: не надо ли помочь? — и бежал, лишь встретившись со мной взглядом. В тот момент мне было катастрофически необходимо хоть кого-нибудь убить, чтобы не взорваться на месте... Я испустила леденящий душу вой друзей-ирокезов, отломала ножку от стула, рванула в коридор и... столкнулась в дверях с флегматичным Алексом, который как раз собирался войти.

— Где-е о-он?! — Я вцепилась в его рубашку и в припадке ярости трясла его, как грушу.

— Что случилось? — ровно поинтересовался командор, пронизывая меня ледяным взглядом. Увидев в моих руках «Дневник кота», кое-как выкрутил его из моих судорожно сжатых пальцев. — Это же личный дневник агента 013, как ты посмела его даже открыть? Не ожидал, что ты способна и на такое! — Он загораживал двери, даже не думая освободить проход.

— Ах так?! Да вы еще просто не знаете, на что я способна! С дороги, дубина! Мне надо убить это гадкое животное! О, как я жалею, что не кастрировала его тогда, такой случай упустила!

У командора, похоже, где-то в глубине души проснулось любопытство, видимо, такой он меня еще не видел. Пока я активно пыталась протиснуться между ним и косяком или проползти у него между ногами, он раскрыл кошачьи записки и углубился в чтение. Через пару секунд лицо его стало багровым...

Временно прекратив борьбу, я в очередной раз воззвала к его разуму:

— Прочел, представил, оценил? Теперь ты меня понимаешь?!

— Где этот паршивый кот?! Я сам его убью! — взревел всегда внешне спокойный командор, а я откровенно испугалась за его рассудок... Он отобрал у меня ножку стула, прикинул вес, пару раз примериваясь, взмахнул ею в воздухе и бросился вперед по коридору.

Я кинулась вслед с воплями:

— Нет! Не надо! Не трогай его!

Вся моя злость на агента 013 мгновенно испарилась, остался только страх за грошовую кошачью жизнь. Алекса очень трудно разозлить, но успокоить потом еще сложнее — он сам выключится, когда все разнесет. А разнести под горячую руку он может все что угодно. А

ведь Алексу котик потом не простит, если тот поднимет его за шкурку или, не дай бог, дернет за хвост! Мне он простит многое, но не напарнику — ох уж эти мужские взаимоотношения...

Поймав любимого за свитер, я какое-то время просто ехала, широко расставив ноги и откинув тело назад, но на повороте он вырвался. За нами уже бежали, радостно подпрыгивая и улюлюкая, какие-то мерзкие зеленые карлики, вездесущие хоббиты, из соседних комнат выглядывали привлеченные суматохой сослуживцы...

Когда мы со всей толпой настигли бредущего в оранжерею Профессора, Алекс испустил рык вышедшего на охоту льва! Кот, обернувшись, разом понял, что дело табак, кинулся наутек, но было поздно. Мы мигом загнали его в угол, настал неумолимый час расплаты...

— Ах ты мелкий прелюбодей! Я же тебя своими руками...

— Пощади-и котика-а! — Обхватив ноги Алекса, я упала перед ним на колени, картинно закатывая глаза и голая в лучших традициях российских вдов, а главное, загромождавая от него прижавшегося к стенке Мурзика.

Зеленые глаза кота выражали полнейшее недоумение, пока его затравленный взгляд не остановился на своем личном дневнике, нервно подрагивающем в пальцах командора. Все вопросы стали излишни, теперь Пусика могло спасти лишь красноречие...

— Я не виноват. Это всего лишь сны! — возопил он, в ужасе закрывая голову лапками. — Просто сны! Я их записывал с целью систематизации и самоконтроля над процессами внутренней секреции...

Все, кроме нас с Алексом, наостригли уши. Им было интересно, нам уже нет...

— Алина, прекрати, — устало попросил мой герой, пытаюсь меня поднять, но я поджала ноги под себя и вцепилась в него еще крепче.

— Пощади! Я лучше сама его убью... попозже...

— За что?! Я же ученый, я изучаю подсознательное, — держась за сердце, разволновался кот. — Смилуйтесь! Я больше не буду...

— Алина, не надо, а? Ладно, прости меня, — наконец сдался Алекс. — Я дурак и хам, я виноват, очень. Прости меня, пожалуйста... а кота мы усыновим, если хочешь...

К тому времени собравшаяся толпа насчитывала уже нехилое количество празднующихся, и выражение лиц у всех было выжидательное...

— Этого-то я от тебя и ждала, — снисходительно-довольным тоном заметила я, позволяя себя поднять, поцеловать и поставить на ноги. Наверное, впервые Алекса не смутило скопление посторонних наблюдателей — пока он меня целовал, народ дружно захлопал в ладоши! Только воздушных шариков и конфетти не хватало, а так — просто праздник какой-то...

Агент 013 был прощен, хотя сам долго в это не мог поверить и все ждал возмездия, которое могло нагрянуть в любую минуту, но не нагрянуло... Уже через день Профессор снова разгуливал с характерным для него самоуверенным и самодовольным видом.

На третий день отдыха с утра мы должны были приступить к подготовке материалов по новому (или, вернее, старому) делу. Меня угнетало чувство вины, ведь тогда во Франции я скрыла от ребят некоторые обстоятельства судьбы жеводанского оборотня, или Волчика, как я его про себя называла, с противоречивыми чувствами вспоминая серого разбойника. Мне хотелось, чтобы обо мне все и всегда думали только хорошее, а как ни верти, недоговоренность — та же ложь...

Так что выбора не было. И поэтому, когда мы все собрались в библиотеке, а кот, нацепив очки на нос, уже открыл толстую папку с материалами дела, я со смиренным видом попросила слова. И все им рассказала, одним махом...

Про то, что наш Волк благополучно скрылся, решив начать новую жизнь с белого листа там, где его не знают. Про то, что их было не два (считая Зверя, убитого командором), а неизвестное количество, условно обозначенное Волчиком в письме таинственным словом

«несколько». А в заключение призналась, что я плохой агент и сентиментальная дуручка, заслуживающая самого сурового взыскания, но полна готовности искупить, так сказать, и...

Алекс, против моего ожидания, отнесся к заявлению спокойно, только ехидно кивал с улыбкой на губах и с ревностью в глазах. Меня это, честно говоря, сильно нервировало, хотелось пнуть его хорошенько, лишь бы прекратить эти противные кивания. Однако чувство вины было сильнее, и я сдержалась...

А вот наш кот, мой добрый Пушистик, никак не выбился из свойственной ему манеры поведения в таких ситуациях. Он начал орать, стучать лапами по столу, выкрикивая обвинения в предательстве, безответственности, неуважительном отношении к товарищам и тому подобный бред... Мне пришлось внимать ему с ярко выраженным раскаянием на лице. Вступать в конфронтацию бессмысленно, хотелось покончить с этим небольшим грузом на совести раз и навсегда.

При иных обстоятельствах я бы, конечно, заметила, что, дескать, надо и вам быть умнее, мальчики... Доселе неуловимый Волк слишком легко был повержен. Надо было копнуть глубже, но все-то вам лень, вы понадеялись на удачный случай... Да-а, русский менталитет...

За всеми этими мыслями я продолжала усердно изображать глубокое раскаяние.

Постепенно и сам кот понял, что виновата не я одна, и, неожиданно угомонившись, признал:

— Ладно, Алиночка, твое чистосердечное покаяние зачтется. Теперь, наконец, займемся делом, ведь после обеда нам уже отправляться на задание, а мы еще не разработали первичную стратегию.

Я хотела удивленно вкнуть, что никаких стратегий у нас никогда и не было, но командор, отложив какую-то старую газету, которую углубленно читал, пока кот изощрялся в попреках, знаком попросил меня не накалять обстановку, если я не хочу, чтобы все пошло по второму кругу. Знак этот выражался в тоскливо-жалостливом взгляде, верчении пальцем у виска и был принят мной безоговорочно...

— Перво-наперво нам надо будет найти этого Волка, — изрек Профессор, многозначительно посмотрев на меня.

— Само собой, за волком нас и отправляют, — робко согласилась я, испугавшись за душевное состояние серо-белого агента.

— Я имел в виду ТВОЕГО Волка, деточка, которого ты отпустила на все четыре стороны.

— Я-то откуда знаю, где его искать?! Он не звонил, открыток на Рождество не слал...

— Конечно-конечно, — снисходительно закивал пушистый нахал, — но ты должна знать, куда он отправился, ведь он звал тебя с собой.

На самом деле этот факт в рассказе я не упоминала, как и страстные признания волчишки в любви. Просто сказала, что Зверь проникся доверием ко мне, видимо чувствуя, что вскоре и я должна была стать таким же монстром...

— Ладно, признаюсь, звал. Но точного адреса не указывал, потому как писем не писал...

По-прежнему недоверчивый взгляд Пушка заставил меня беспокойно ерзать на стуле, а тут еще и Алекс выступил:

— Как это звал с собой? — неуверенно спросил он, боясь возревновать без особого повода. Но по его лицу было видно, что он очень хочет знать, какие на самом деле отношения нас с Волком связывали. В смысле глубины чувств и степени привязанности.

— А! Минуточку, минуточку... вспомнила! — изо всех сил пытаюсь изобразить ликование, воскликнула я (ну надо же уйти от его вопроса). — Он бежал на Французские Ривьеры, по крайней мере, примерно так было написано в письме.

— А письмо у тебя сохранилось? — с нарочитым равнодушием поинтересовался командор.

— Это личное, — с грустной важностью произнесла я, поставив точку на данной теме.

На самом деле письмо Волчика уже давно где-то затерялось, но оправдываться и объясняться перед этими гестаповцами уже надоело.

В общем, мы решили сначала отыскать Волка, вставшего на путь праведный — в чем я ничуть не сомневалась! Потом расспросить его как ценного свидетеля о других жеводанских оборотнях, а еще лучше уговорить лично поучаствовать в нашей операции.

Конечно, вряд ли этот серый эгоист так легко снова захочет подставлять себя под охотничьи пули, но придется. Мы были готовы пойти на прямой шантаж, угрожая в случае отказа честно «сдать» его представителям власти. Алекс раздобыл датчик, определяющий в радиусе двадцати километров присутствие нечисти. Ривьеры занимают не столь большую территорию, чтобы мы за один день не смогли найти Волка. С нашей техникой такое невозможно в принципе...

— Имена и легенды оставим те же, — решил Алекс, — судя по схеме, нападения Зверя (или Зверей) активизировались по другую сторону гор. Больше других страдают жители деревни Мартэн, это примерно в пятнадцати километрах от нашей прошлой дислокации в Жеводане.

Кот мечтательно усмехался себе в усы, наверняка предвкушая встречу со своими французскими подружками. Любовь ко мне ему в этом разрезе ничуть не мешает, я ведь все помню... Специалисты в костюмерной развеяли мои надежды, сказав, что со времени нашей прошлой поездки мода там особо не изменилась. Так не хотелось снова облачаться в эти простоватые деревенские юбки, но ничего не попишешь, хорошо хоть цвет разрешили поменять с белой на голубую.

Алекс на этот раз облачился в белую рубашку с высоким воротом и серый кафтан, поверх синий камзол с серебряными пуговицами, ну и короткие штаны и чулки с башмаками. Синяя треуголка довершала привлекательный образ молодого француза второй половины восемнадцатого столетия из, скажем так, полувывшего света. Профессор, как понимаете, не получил даже бантик на шею, но был хорошо обработан противоблошиным шампунем.

На следующее утро цивильно одетый королевский егермейстер Густав Курбе с большой дорожной сумкой и ружьем через плечо, его сестра Жаннет и их кот Пушок в мгновение ока перенеслись на французское побережье Ривьер. «Дело „Крысы-вегетарианца“» — 2 началось...

* * *

Мы оказались на залитом солнцем безлюдном каменистом берегу. Выше на склонах ютились покрашенные в яркие цвета маленькие домики. Командор неспешно достал прибор, сверяя настройку. Профессор грустил. Его клюнул какой-то баклан, воспользовавшись тем, что Профессор отошел довольно далеко, увлеченный изучением какого-то редкого ракообразного. Видимо, рак был законной добычей того самого баклана, который решил, что пушистый зверь с мягкими лапами нагло охотится на его территории.

— Ну, что там показывает датчик? — поинтересовалась я, глядя на экранчик прибора и краем глаза злорадно фиксируя, как кот со всех лап мчится к нам, спасаясь от преследующей его птицы.

— Пришлось взять устаревшую модель, новые все на руках. Этот тоже очень надежный, но медленно обрабатывает. О, вот-вот... ну наконец-то! Видишь, появилась красная светящаяся точка в оси координат. Здесь он и находится.

— Прости, Алекс, по-моему, это божья коровка, — робко произнесла я. — Мне очень не хочется тебя разочаровывать, но...

— Вот черт! И точно, какая досада! — смутился командор, стряхивая насекомое с прибора. Коровка долго упиралась, цепляясь лапками до последнего, но под напором сдалась и с недовольным и обиженным видом расправила крылья и улетела. Красная точка больше не заставила себя ждать (куда уж дольше!) и явила наконец себя миру.

— Жеводанский оборотень находится в десяти с половиной километрах отсюда к северо-западу, — сообщил мне Алекс. — Он дома... вместе с семьей... пьет чай... с сухариками и малиновым джемом!

— Пстой, пстой! Это что, все вот на этом маленьком экранчике зафиксировано?! — малость обалдела я.

— Конечно нет, милочка, просто у агента Орлова такие своеобразные шутки, — нетерпеливо объяснил Пушок, потирая шишку на голове. — Ну что, мы идем или пусть эта пернатая зараза и дальше надо мной издевается, а?!

Домик у бывшего оборотня оказался неплохой, небольшой двухэтажный под пологой крышей. Нижняя часть каменная, а верхняя деревянная, выкрашенная белой краской, к тому же он стоял над самым морем, утопая в зелени и цветах. Конечно, если у Волка есть средства, то почему бы ему не приобрести такой дом и не жить в комфорте, вместо того чтобы держать свою волчицу с волчатами где-нибудь в неблагоустроенной яме, в сыром лесу, под открытым небом.

Из окон доносились детские голоса, и у меня екнуло сердце. Конечно, я понимала, что такой привлекательный Волк в одиночестве не останется, а чахнуть от любви он больше часа не сможет, это никак не соотнобразуется с его донжуанистым нравом.

Поднявшись по ступенькам, я замерла в раздумье. Мне почему-то было страшно неудобно постучать в дверь. Кот с Алексом тоже нервничали внизу, но по другой причине — хоть Зверь и исправился, но бывшие хищнические инстинкты вряд ли потерял. А наш визит без предупреждения он может неправильно понять и среагировать намного быстрее, чем мы успеем извиниться.

Вот по этим-то причинам на крыльце сейчас стояла я одна, а мои «отважные» агенты ждали за углом домика, откуда их не было видно. Вдохнув, я взялась за дверной молоток, но дверь распахнулась, и передо мной предстала прекрасная черная волчица в белом фартучке и с крупными алыми бусами на серой шее. Она доброжелательно улыбнулась, чуть вскидывая брови:

— О, вы случайно не из налоговой службы, а то мы с мужем уже заполнили декларацию за прошлый год.

Ага, с мужем, значит... Я отрицательно помотала головой.

— Дорогая, кто это там? — донесся знакомый густой баритон из глубины дома. У меня подкосились ноги. Ой, ну не мне его винить, ведь я тоже не одна. И первая не поняла бы серого ловеласа, если бы он постригся в монахи... Но хоть чувств с моей стороны тогда не было, а все равно неприятно было слышать, как он кого-то называет «дорогая». Вот я эгоистка — ни себе, ни волчицам... все, все, имею совесть!

— Э-э, я... мы... нам хотелось бы видеть Волка. Мы его старые друзья и давно не виделись.

— Кто «мы»? — удивилась женственная волчица, осматриваясь по сторонам.

Я обернулась, но никого, естественно, рядом не увидела. Опять мне одной все придется улаживать.

— Милая, ну что же ты так долго? — Из дома вышел Волк и, увидев меня, так и застыл с раскрытой пастью. Нет, он совсем не изменился — та же бурая шерсть на груди, выразительные красные глаза и широкий оскал, обнажающий впечатляющие, ни разу не пломбированные клыки. Я улыбнулась и присела в реверансе:

—Guests принимаете?

...За столом мы сидели уже в полном составе: то есть я, Алекс, кот, хозяйка дома с редким именем Милолика (сразу вспомнилась Съюзи!) и наш радушный хозяин. А вокруг стола с рычанием и визгом носились, гоняясь друг за другом, двое маленьких лохматых волчат.

— Я хоть и обосновался в этом райском уголке, но в курсе всех событий... Память о Жеводанских горах, где я довольно долго прожигал жизнь, всегда в моем сердце. —

Оборотень настороженно поглядывал на Алекса, похоже еще не полностью доверяя. Но на меня поглядывал более нежно, чем это могла позволить законная жена. Милолика одарила супруга ТАКИМ предупреждающим взглядом, не снимая теплой улыбки, что тот больше ни разу не осмелился даже глянуть в мою сторону. Да-а, практическое одомашнивание налицо... И куда только делся наглый, дерзкий, свободолюбивый жеводанский Зверь?!

Алекс отставил чашку с чаем и напомнил, что проблема действительно серьезная.

— Да, пожалуй... — согласился Волк. — Тут ко мне иногда заглядывают бегущие из жеводанских лесов мои серые товарищи. Они и сообщают последние новости, страшные новости... В общем, там сейчас идет такая резня! Только за одну облаву расстреляли десятки моих братьев. Такого безумия еще не творилось, говорят, что это — апокалипсис!

— Ну, может, только для волков, — успокоил кот, накладывая себе утки с картошкой из огромного подноса, стоящего посреди стола. Мы с командором давно насытились, вежливо похвалив кулинарные способности волчицы. Они тут очень неплохо жили, и, несмотря на искреннее сочувствие землякам, горе Волка явно было не так велико, как он хотел показать.

— Но ваши братья убивали людей!

— Людей, да что ты... то есть что вы! — ласково отвечал мне Волк, старательно глядя себе в тарелку, а не на меня. — Да они и мухи не обидят! Ну разве что зайцев, куропаток, мышей-полевок, овец иногда... Но это в особо торжественных случаях, если день рождения у кого, стол накрыть для друзей, свадьба там или похороны. Оставалось, правда, трое молодцев, тоже оборотни, я хорошо знал их когда-то, но во время облав они все погибли... Это мне достоверно известно.

— Однако нападения продолжаются!

— Да, и такая загадка не по зубам даже мне... Я твердо знаю, что это не волк! По крайней мере, никто из живших в лесу волков его не видел. Значит, он там не живет, но это существо пользуется нашей волчьей репутацией, а она за последние два года — хуже некуда. Чему я и сам активно поспособствовал по молодости лет и детской наивности, не ведая, что творю (вот лицемер зубастый!)... А теперь это чудовище прикрывается нашей серой шкурой, подводя под серебряные пули и охотничьи ножи.

— Интересно, что народ будет делать, когда перестреляют всех волков в округе? Им придется разрабатывать другую версию, — чавкая, заметил кот. — Нам бы желательно к тому времени все-таки найти Зверя.

— К счастью, мы быстро плодимся, не как кролики, но... — самодовольно отвечал серый гигант, с гордостью указывая на отпрысков. Один малыш старательно жевал папин хвост, а другой пытался запрыгнуть в егерскую сумку Алекса. Волк нежно снял с хвоста волчонка вместе с клочком шерсти, который дитя зажало в зубах, и, подпихнув второго, выпроводил обоих гулять во двор.

— Все это, конечно, прискорбно, но отправиться с вами в Жеводан я, увы, не могу. Это слишком опасно...

— Мы готовы компенсировать, — напомнила я.

— Ни одно вознаграждение не вернет моей семье меня, если что...

— Жаль, твоя помощь была бы неоценимой, — серьезно сказал Алекс, на прощание пожимая Зверю лапу.

— Поймите меня правильно, — смущенно оправдывался Волк. — Теперь мне есть чем дорожить. Опять же, я устроился в здешней тюрьме палачом, зарплата хорошая. Правда, приходится съедать приговоренных, и редко когда попадаются вкусные преступники, в основном желчь одна... Но чего не сделает добропорядочный гражданин для блага своей страны!

Он скромно улыбнулся, демонстрируя клыки, и все-таки ухитрился подмигнуть мне незаметно от жены. Мы сердечно распрощались и несолоно хлебавши вышли вон. Шантажировать такого благополучного отца семейства было бы просто безнравственно...

— Отсутствие результата тоже результат, — здраво вывел агент 013, спускаясь по

каменным ступенькам, вдоль цветущих кустарников.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что это лютуют не те волки, которые по моему легкомыслию, как ты выразился, тогда остались в живых, — с нажимом заметила я, победно глядя на кота.

— Ладно, ладно, все равно из этой затеи с вербовкой ничего не вышло. Как, собственно говоря, я и предупреждал...

Этот хвостатый зазнайка никогда не признает добровольно, что был неправ! И никогда не поверит раскаянию преступника, пусть реабилитированного. Пусть даже и неофициально.

— Ну и куда мы теперь, в ту деревню, о которой ты говорил? — обратилась я к Алексу. Утвердительно кивнув, он уже нажимал на последнюю кнопку «переходника». А я как раз хотела поклянчить остаться здесь хоть на денек... Когда еще удастся выбраться на такой знаменитый курорт? Тем более что наш отпуск был прерван работой, а шеф того и гляди зачтет его за годовой, и в следующий раз мы выберемся куда-нибудь отдохнуть аж через одиннадцать календарных месяцев!

— Эх, прощай Лазурный Берег! Я даже не успела осмотреться там как следует, к тому же мы явно попали в межсезонье — тишь да благодать, никаких туристов... Ты разбил мое сердце, так и знай, — с упреком протянула я, любяще прижимаясь к груди Алекса.

— Да-а, прости, угораздило... Наверное, отсюда в свое время благородные девицы, узнав о смерти жениха-рыцаря, кидались вниз головой навстречу лютой смерти, — словно не слыша, задумчиво проговорил командор, прижимая меня покрепче. Почувяв неладное, я оглянулась и замерла, вытаращив глаза: мы в обнимку стояли на какой-то высоченной башне! Поначалу я подумала, что «переходник» забросил нас на пожарную вышку, но, увидев вокруг серый камень, а внизу башенки и крыши поменьше, дико взвизгнула от восторга — это был старинный средневековый замок!

Профессор, с любопытством поглядывавший вниз, нервно вздрогнул, подскочил на месте и упал на спину посреди площадки. Благодарю судьбу, котик, за стальные нервы! Более эмоциональный зверь от моих криков запросто сиганул бы за парапет. Похоже, агент 013 это осознавал лучше, чем я, к тому же от пережитого испуга потерял дар речи. Хотя на всякий случай я поспешила спрятаться за спину Алекса подальше от кошачьего гнева.

— Все, все, мир! Кто бы мог подумать, что ты у нас такой впечатлительный?!

— Ммр... мырр... ра... ты, слов у меня нет!

— И где же эта деревушка Мартэн, куда мы направлялись? — Непонимающе хлопая глазами, я ушла от разборок, повернувшись к Алексу. — Или кто-то изменил место дислокации нашего отряда, не согласовавшись с напарниками?

— Немного сбился «переходник», деревушка вон там, внизу. А мы попали в...

— Замок здешнего маркиза д'Абажура, ведь Жеводан — маркизат, деточка, и мы будем размещены в покоях первого лица, — разом включился кот. Он любит объяснять мне детские вещи, с вечным акцентом на то, что я — ясельная группа. Прекрасно знает, что такое обращение меня бесит, поэтому и измывается. То, что я сейчас чуть не довела его до инфаркта, мстительный хвостатик еще не скоро простит.

— Тут холодновато, и ветер промозглый, — поежилась я. — Хотя вид неплохой, отличное место для установки современных оптических приборов. Минимум энергии — а слежка выйдет роскошная. Потом из хорошей снайперской винтовки с лазерным прицелом как звездануть ему промеж глаз и...

— Слишком просто, — обрезал командор, закрывая тему.

Вот и предлагай им хоть что-то прогрессивное... Нет, пора набирать свой собственный отряд и уж тогда командовать вовсю!

Однако должна признать, вкус у этого жеводанского оборотня есть — места вокруг и впрямь исключительно живописные: невысокие крутые горы, каменистые склоны, заросшие лесом, поэтичные овраги, полянки с цветами и ярко-зеленой травкой. Пастораль! Начало лета, самое подходящее время избавить мир от очередного страшного Зла. С таким расчетом нас обычно и посылают на операцию.

Если помните, избавление от жеводанского Зверя в истории происходило дважды — в первом случае фиктивное, во втором — окончательное. Вот для исполнения этого последнего приговора мы здесь. И похоже, что Волк-II окажется не столь обаятельным и приятным в общении, как первый. Не знаю, почему я так решила, женская интуиция, наверное...

— Общая атмосфера действительно тревожная, — продолжил мои мысли Алекс, пропуская меня вперед. Мы спускались по винтовой лестнице башни, и гулкий шум наших шагов почему-то долго никого не интересовал. Наверное, тут столько народу по замку шляется, что никому нет дела до тех, кто время от времени забредает на дальнюю угловую башню.

— У меня уже голова кружится по этой лестнице спускаться, может быть, все-таки у них предусмотрен хоть какой-то лифт?

— Скоростной спуск с башни с зонтиком, — тихо поязвил котик, забегая вперед. В принципе, я могла бы наступить ему на хвост, но не захотела. Добрею на глазах...

Наконец за тяжелой, покрытой пылью дверью, ведущей в коридор непонятно какого этажа, мы столкнулись с напуганным мальчиком в мятом пажеском камзоле.

— Это вы сейчас так кричали, мадемуазель?

— Ну, предположим, — со скромным самодовольством не стала отпираться я, слегка краснея от столь явного признания моих талантов.

— А господин говорил, что призрак...

— В смысле привидение? Они кричат несколько иначе, особенно если прищепишь им хвост дверью, — со знанием дела хмыкнула я, оглядывая коридор, отделанный в модном для Франции этого времени стиле рококо.

Парнишка махнул рукой.

— Призраков у нас никто не боится! Теперь у всех одно на уме — человек-волк! А вы, прошу прощения, кто такие? — неожиданно опомнился он, подозрительно оглядывая нашу компанию.

— Хватит пялиться, — посоветовал ему Алекс. — Иди-ка лучше доложи своему господину маркизу д'Абазуру, что к нему пожаловали в гости... по делу главный лесничий Франции Густав Курбе! С ним пребудет его сестра Жаннет и охотничий камышовый кот.

— Да, господин. — Напуганный тем, что посмел так развязно говорить в присутствии столь важной особы, мальчишка исчез в конце коридора.

— Эй, а ты не боишься, что хозяин лично знаком с настоящим главным лесничим? — Я удивилась несвойственной Алексу бесшабашности. — И что еще за охотничий кот?

— Деточка моя, неужели ты думаешь, что мы свои легенды берем с потолка? У нас принято к заданию подходить с жестким профессионализмом, каждая деталь имеет значение, мелочей в нашей работе нет! Но, кажется, ты это еще не скоро усвоишь. Что бы ты без нас делала?!

— Летала бы на звездолетах со Стивом! — парировала я. — А тебе, хвостатый задавака, я еще припомню бессовестное растраниживание общественного золотого песка на вульгарных танцовщиц канкана!

— Это был не я! Меня толкнули!

Пока у нас шла очередная шутивая перепалка, Алекс только улыбался. Иногда я просто млею от его улыбки, это страшное оружие, хорошо, что он не так часто им пользуется...

Вскоре к нам подошел солидный мужчина средних лет — то ли церемониймейстер, то ли камер-лакей в парадной ливрее — и попросил следовать за ним. Причем вид у него был настолько важный и надутый, что хотелось сразу присесть в реверансе и не поднимать глаз. А то еще рассмеюсь не ко времени.

Мы поспешили следом, но по пути я часто останавливалась, откровенно любуясь картинами в золоченых рамах, развешанными по обитым шелком стенам. Многие выглядели очень знакомыми, парочку художников я даже точно узнала. Если прихватить их с собой

после завершения операции в качестве вознаграждения, то денег, вырученных на аукционе Сотби, хватило бы на пропитание даже прапрапраправнукам моих кошек. У родителей живут две престарелые кошки, и как бы я ни ругалась с нашим Мурзиком, однако позаботиться о кошечках мой долг. Папе и маме часть моего жалованья перечислялась крайне аккуратно — шеф контролировал.

Маркиз оказался молодым человеком с капризным лицом и испорченной излишествами фигурой. Если у слуги полнота была возрастной, то маркиз явно с детства не привык себе ни в чем отказывать.

— Господин королевский егермейстер, очень, очень рад видеть! — Хозяин замка распахнул объятия, обеими руками пожимая ладонь командора. Алекс холодно кивнул, я тоже. Не предлагая нам сесть, маркиз нервно бросился в кресло. Он покусывал губу, а его бледные аристократические пальчики нервно барабанили по подлокотникам.

— Мне, разумеется, не доложили вовремя о вашем прибытии. Нынешние слуги так неуклюжи и так много о себе мнят... Я тут пытался, по примеру дедушки, достойно наказать двоих на конюшне, так остальные чуть революцию не устроили! И ведь устроят как-нибудь потом, с них станется, чернь неуправляема... — Он кое-как справился со сверкнувшей во взгляде ненавистью и, подперев подбородок рукой, задумался о чем-то невеселом.

— Мы к вам по очень важному делу, — терпеливо повел речь Алекс. Но маркиза, похоже, абсолютно не интересовало, что нас сюда привело. По изложенной нами версии о том, что король всерьез обеспокоен продолжающимися в этом округе фактами людоедства, разобраться в ситуации был послан именно Густав Курбе (профессионально организованные им облавы на волков позволили ему в свое время занять высокую должность главного королевского лесничего). А от маркиза требуется (желательно) полное содействие и помощь.

Д'Абазур сразу сделал скучающее лицо:

— Не знаю, право, что вам на это ответить... Неужели какой-то десяток пропавших крестьян — это проблема?!

— Его величеству лучше знать!

— Конечно, конечно, разумеется, я не буду вам препятствовать... Делайте, что сочтете нужным, — ищите, отслеживайте, охотьтесь, устраивайте облавы. Только прошу, не убивайте никого, кроме волков. Все-таки это мои леса, а я люблю охотиться, когда дичи много.

— И часто стреляете зайчишек? — не удержавшись, влезла я.

— Увы, мадемуазель, теперь все реже. Давно не выбирался на охоту, отчасти из-за Зверя, но в основном дела, заботы, арендаторы, учет годовых приходов-расходов... Самому разбираться со всем и со всеми — как это тяжело! В замке полно слуг, а я один. Бессонница мучает... Боюсь, верите ли, что вот придут ночью и спящего зарежут! А скажут потом, что любовница из ревности убила...

— Неужели все так серьезно? — с нехарактерным сочувствием произнес Алекс.

— Прецеденты были, но... может быть, это просто нервы. Я человек чрезвычайно чувствительный, все так близко принимаю к сердцу. Голубая кровь, знаете ли, это, прежде всего, тонкость чувств...

Маркиз приложил к глазам отделанный кружевом батистовый платочек и, манерно откинувшись в кресле, перешел наконец к делу:

— Волк, волк, волк... Что же вы хотите о нем знать? Общеизвестно, что он может скрываться только в лесу, — медленно проговорил он, пристально глядя на меня, но обращаясь, однако, исключительно к Алексу. Всему виной этот мой непрезентабельный наряд, больше крестьянский, чем парижского полусвета, в котором мы с братом вроде как должны были вращаться. И хотя этот неприятный тип не интересовал меня как мужчина, тем не менее женская гордость была задета! Видимо, я успела привыкнуть к постоянным комплиментам со стороны представителей мужского племени, а у маркиза взгляд был холодный и даже несколько отстраненный. — Этого, разумеется, слишком мало, но, увы...

— Интересно, а кормить нас сегодня будут?! — громко перебила я маркиза, глядя ему в

глаза самым убийственным взглядом, приберегаемым для мерзавцев, зануд, снобов, жадин и т. п. Кот встрепенулся и, услышав знакомую тему, согласно закивал. Алекс ухмыльнулся в усы, важно заметив, что и вправду мы тут уже полчаса, а нам не подали еще даже холодных закусок. Но мы уверены, что маркиз распорядился об обеде, едва только ему доложили о гостях, а вот нерасторопные и безответственные слуги... Куда только катится мир?

— Да-да, конечно, — поскрипел зубами радушный хозяин и, наорав на ближайшего лакея, ускакал его на кухню. У Мурзика радостно засверкали глаза, в них восторженно проносились телячьи отбивные, жареные куропатки в соусе эстрагон, свинина по-французски с трюфелями и разные другие не менее аппетитные кушанья.

Однако в реальности кота ждал жестокий удар — он был откровенно разочарован скудностью поданной нам трапезы. Вся роскошь окружавшего нас рококо — резные золоченые узоры сплошь по стенам, дорогая мебель а-ля Людовик XV, то есть самый современный писк моды (в стиле живого еще короля), — показалась дешевой бутафорией, когда перед нами поставили графин с водой, а к нему подали черный хлеб, что-то похожее на нарезанное мясо египетской мумии и пару ломтиков заплесневелого сыра на десерт.

Вы думаете, мы отказались? О, вы не знаете путешественников во времени!.. Наша команда накинулась на поднос с такой жадностью, что маркиз не выдержал, присоединившись к нам с не меньшим аппетитом. Я едва успела ухватить всего два кусочка зеленого сыра прямо из-под его алчных пальцев. Зато за столом аристократично прислуживали сразу трое слуг, они разливали воду по бокалам. Профессор, урча, ел на коленях у командора (так проще дотянуться!), маркиз только вздрагивал, видя, что кот уплетает за троих и несет ему явное разорение.

Управились быстро, хотя что уж там особенно было есть... Хозяин дома еще более скучающим тоном (явно намекая, что нам уже пора) продолжил рассказ, который, в сущности, еще и не начинал:

— Чернь навдумывала всякого: я слышал сплетни про вервольфа, про гибрид волка с гиеной из Африки и даже про самого дьявола!

— Насчет вервольфа хотелось бы уточнить: подозревают ли кого-нибудь конкретно? — спросил Алекс, чуть подаваясь вперед, чтобы лучше слышать. Выглядел он сейчас как заправский следователь из какого-нибудь советского кинодетектива. Если бы не костюм конечно...

— Само собой, подозревают! Друг друга — по отдельности, а все вместе меня. — Д'Абазур с любопытством уставился на свои руки, как будто видел впервые. — Но, как видите, волосы у меня на ладонях пока не выросли, брови не срослись, пальцы разной длины. Все как у всех. Вот если бы средний и указательный были одинаковыми... Кажется, по этим признакам определяется вервольф — человек, превращающийся в полнолуние в волка?

Нет, его невозможно слушать. Этот самодовольный тип всегда сворачивает на себя, а о себе, похоже, может говорить часами. Пожалуй, не даром слуги требуют повышения зарплаты...

— Но вроде бы есть один тип в Мартэне, это мне Батист, мой егерь, рассказывал, сам он родом из той же деревни. Так вот, там какой-то местный страдает ликантропией, воет, на четвереньках бегают, время от времени загрызает одну-две козы.

— Господи, да как же он еще жив до сих пор? И крестьяне его не трогают?!

— А зачем? Все его хорошо знают, к тому же на чужой скот он не бросается. Своих коз пасет, у него их целое стадо, а со своими можно поступать как заблагорассудится. И вообще, приступы накатывают на него, когда в очередной раз мой сборщик арендной платы приходит. Злодей падает на четвереньки, жутко подвывает, скалит клыки и с рычанием кусает его за икры. Разумеется, сборщик спасается бегством...

— Система Станиславского, — с пониманием кивнула я. — Верю!

— Спасибо. Но больше ему такое с рук не сойдет, потому что я посажу его в тюрьму за долги.

— А когда последний срок?

— Завтра.

— Круто, а он сам об этом знает?

— Нет, но мне все равно, — капризно скривил губы хозяин. — Пусть пеняет на себя, самонадеянный хитрец.

Не маркиз, а сплошной негатив! А я-то нашего кота принимала за величайшего зануду в мире... Оказывается, в сравнении с маркизом Пусик милейшее, добрейшее и учтивейшее существо в мире! Ни за что не останусь жить в замке, даже если этот напыщенный ипохондрик предложит. А ведь он предложит — хотя бы из вежливости... Да куда денется!

— Ну, я вам не предлагаю останавливаться в моем замке... Охотно бы это сделал, если бы не знал наверняка, что вы гораздо лучше устроитесь на постоялом дворе в деревне. Ближе к лесу, к народу, к решению вашей задачи... Что ж, удачи! Был бы рад посодействовать... но вот как раз сейчас собираюсь ехать в Париж, так что в ближайшие две недели меня здесь не будет. Это на случай, если вы зачем-нибудь станете меня искать... Вынужден откланяться, вас проводят. Прощайте, месье Курбе и мадам... э-э...

— Мадемуазель, — с улыбкой поправила я, демонстративно выливая ему за шиворот графин с холодной водой. Вопль... словами не передать! Какое я испытала облегчение от столь наглой выходки — тоже ни с чем не сравнимо! Пока все стояли на ушах, вполне можно было незаметно смыться, но мы как-то замешкались, поэтому за ворота были выставлены десятком перепуганных слуг.

— Будем считать, что официальное знакомство состоялось, — философски резюмировала я, глядя на моих агентов.

— Практически да, — кивнул Алекс, поправляя одежду. С нами обошлись аккуратно, стараясь сильно не помять — как-никак посланы самим Людовиком XV, который хоть уже и старый маразматик, но пока все еще король. А с королевскими представителями в любых кругах приходится церемониться, даже таким маленьким королькам, как маркиз д'Абазур (провинциальным правителям свойственно временами впадать в заблуждение касательно собственной значимости. Хотя заблуждение вполне объяснимо, ведь от Жеводана до Парижа ох как далеко, и здесь он действительно единовластный правитель).

В общем, кому другому такая вольность обошлась бы заточением в пыточном подвале, а нас отпустили. И все равно, по-моему, маркиз на редкость неприятный тип! Очень хотелось бы, чтобы он и оказался тем самым волком-оборотнем, которого мы ищем... Ну был же барон-оборотень, правда, с положительным характером и поведением. Я где-то читала, ему еще жена попала на редкость стервозная: узнав, что ее муженек по ночам где-то бегаёт волчарой, решила от него избавиться, и, короче, лишь случай спас доверчивого мужа. Потом в дело вмешался король, но это уже не суть важно... Главное, похожий случай был! Я тут же поделилась своей робкой, но приятно греющей душу надеждой с товарищами.

— Конечно, в идеале это избавило бы свет не только от оборотня-убийцы, но и от ярко выраженного эксплуататора. Но идеал, как известно, редко имеет место в жизни, хотя пофантазировать, конечно, можно, — согласился Алекс, слегка приобнимая меня за плечи. Мы шли по каменистой, ухабистой дороге по направлению к деревне, где и намеревались расквартироваться. На горизонте синели сплошь покрытые лесом горы, и запах хвои приятно щекотал ноздри. Наверное, труднодоступных участков там завалилось, неудивительно, что оборотню так долго удастся быть неуловимым...

Кот с силой и упорством протиснулся между нашими ногами, хотя мы далеко не сразу почувствовали его усилия, даря друг друга самыми нежными взглядами.

— Скорей бы уж добраться до трактира и поесть чего-нибудь, а то у меня после «завтрака аристократа», если это так можно назвать, колики в животе! Ты была совершенно права, Алиночка, д'Абазур — поразительно неприятный и неинтеллигентный тип!

Вот бесцеремонный котяра... хотя и мы с Алексом виноваты, ведь при агенте 013 обычно стараемся вести себя пристойно.

— Ты не так уж мало и съел, пора начинать следить за весом, — буркнула я, сердясь и

на себя, и на кота.

— Не переживайте, друзья, я уже решил принимать таблетки для похудения. Мне доктор прописал специальные, соответствующие особенностям кошачьего организма, — неожиданно спокойно отреагировал кот и, совершенно не обращая внимания на недовольно хмурающегося Алекса, мягко отодвинул его от меня. — Кстати, Алиночка, скажи, если не затруднит, а лично тебе какой вес в котах больше всего нравится?

— Ну-у, наверное, тебе надо будет похудеть наполовину, а для тебя это — трагедия! — растерянно попыталась пошутить я.

Вот тут Пушок облегчил мне сердце, привычно обидевшись и отвернувшись, бурча себе под нос что-то о грубиянках и любительницах дистрофиков. А я-то уже начала переживать, что с Профессором творится что-то необычное... Командор тоже понимающе улыбнулся одними глазами и тайком пожал мне руку.

Так мы и дотопали до деревни. Дома здесь почти все одноэтажные, а есть и каменные, есть деревянные каркасом наружу — эдакий геометрический узор, темные доски на фоне светлой побелки. Жители настороженно вежливые, тихие, совсем не похожие на беззаботных французских крестьян. Видимо, Зверь и вправду лютует...

Трактир выкрашен в серый цвет, а над входом резная вывеска: «У Серого друга». Конечно, не «Волк и бабушка», но тоже вполне сносно для подобного заведения. Конкурентов нет, поэтому называй трактир как угодно, давая простор самой большой фантазии, — все равно клиентов не убудет.

Местные жители на постой пускали весьма неохотно по природной подозрительности и недоверчивости к чужакам. Так что трактир с гостиницей на втором этаже был всегда переполнен, а хозяин наверняка подумывал открыть филиал и на другом конце деревни. Мы даже догадывались где — на месте овина бабушки Мариет. Старушка занималась знахарством, акушерством и гаданием на картах — вполне прибыльный бизнес для пенсионерки. Правда, про жеводанского оборотня карты либо упорно молчали, либо выводили нечто оригинальное. Ну, например, что оборотень — это местный кюре, маленький приткий мужчина средних лет с добрым и вечно блаженным лицом фанатика-альтруиста, невзирая на то что избалованный прихожанами священник очень любил обедать за чужой счет.

Все это и многое другое стало известно, как только мы, притомившиеся и голодные, уселись за столиком в трактире. Здесь собралось много охотников на Зверя, даже больше, чем во время нашего прошлого похода в Жеводан. Все пили, орали и шумно обменивались информацией на околоохотничьи темы. На мгновение они заткнулись, почуяв в Алексе конкурента. Но, узнав, что он королевский егермейстер, быстренько подсели к нам, безропотно принимая его главенство и втихаря надеясь примазаться к королевской награде.

Предприимчивый трактирщик, расположенный всей душой к таким обжорливым клиентам, радостно поведал, что завтра на площади устраиваются петушиные бои, а вчера вот на пригорке перед лесом нашли кружевной чепчик — все, что осталось от очередной бедной женщины. Правда, гораздо чаще остаются изуродованные трупы: Волк убивает не только ради пропитания.

— Какой ужас! — Я впервые осознала всю трагичность происходящего и почувствовала тихую ненависть к убийце. — У нее, наверное, были дети, муж, семья?

— Нет, мадемуазель, она была бродяжкой и со странностями. Наша местная блаженная, все пророчествовала, будто Волк — это злой дух, который забирает души погубленных им людей. А нас всех ждет гибель: деревня уйдет под землю, и вместо нее из глубин ада выйдут слуги того, этого... самого... рогатого, который и есть Волк. Зверю, видно, такие пророчества не понравились, он, может, до поры все в тайне держал, чтоб дело не провалилось. Вот и съел пророчицу, бедняжку нашу, тихую, глупую...

— Все равно, есть душевнобольных никакие законы не позволяют!

— Так-то оно так, да что с него возьмешь? Зверь злобный, собака страшная, зверь он и есть зверь! Еще и воет по ночам, спать не дает, скорей бы от него уж избавиться, господин

егермейстер, а то никакого покою нет...

Похоже, оборотень тут у местных жителей в кишках сидит, ведь даже приток туристов и охотников (несомненно развивающий гостиничный и общепитовский бизнес) уже не компенсирует ущерб, причиняемый Зверем.

После ужина, пожелав всем доброй ночи, мы наконец-то смогли завалиться в номер — вполне сносный, с камином и черным потолком. Да и вообще гостиница на ползвездочки точно тянула, поэтому напарники остались удовлетворены.

В моей комнатке меня ждала чистая постель, свежие полотенца и даже тарелка с яблоками. Горничная принесла теплую воду в кувшине, так что я умылась, переоделась в ночнушку, по-быстрому расчесала волосы и бухнулась на кровать.

Кот столько съел за ужином, что удивляюсь, как еще на своих ногах смог подняться на второй этаж и доползти до койки. Любимый послал мне воздушный поцелуй на прощание, но на большее не решился, со вздохом прикрывая дверь.

Утро разбудило меня первыми лучами солнца. Открыв ставни, я оглядела явившуюся моему взору красоту. Вчера вечером, после маркизова «гостеприимства», особенного восхищения деревня у нас не вызвала, но сейчас все было иначе. Уютные (по крайней мере, с виду) домики с живой изгородью, вишни, яблони и груши, ухоженные огородики с аккуратными грядками. Гуляющие по улицам коровы с колокольчиками на шее, свиньи в окружении розовых поросят, симпатичные овечки — все это поднимало в душе самые теплые чувства.

Дополняла идиллию каменная церковь с маленькой колоколенкой, расположенная в центре Мартэна, деревни довольно крупной по меркам гористого Жеводана.

Быстренько приведя себя в порядок, я в самом приподнятом настроении побежала к моим товарищам. Как можно спать, когда такое утро, а мы опять во Франции, опять в восемнадцатом веке и таком чудесном месте?! Пусть зло притаилось за углом и не дремлет, в такое утро все отступает на второй план...

— Эй, вы, открывайте, сони дремотные! Подъем, лежебоки! Мы идем гулять! — орала я, барабана в дверь.

— Куда идем?! Рань несусветная... Иди спи, деточка! — хрипло откликнулся кот, а Алекс даже проснуться не соизволил.

Вот нахалы! Неужели действительно спят?! Я приникла к замочной скважине...

— Ви там цто-то интересное видеть, мадемуазель? — раздался спокойный, чуть насмешливый голос за моей спиной.

Я резко выпрямилась, едва не подпрыгнув от неожиданности. На лестнице стоял лохматый малый в простецком костюме и, светясь веснушками, улыбался изо всех сил.

— А ви есть кто и что вам есть за дело? — передразнила я, быстро взяв себя в руки. Вообще-то, когда тебя так окликают без предупреждения, недолго и заикой остаться...

— Я есть Жеркур! Но моя родина и дом не есть здесь, но в Эльзасе. А ви, извиняйт, есть кто? И позволяйт мне целовать ваш прелестный ручка! — Парень резво шагнул вперед, раскатав губки.

— Ишь ты, приткий какой! — недовольно заметила я, невольно отступая.

— Месье, вам что-то нужно от моей сестры? — В распахнутых дверях встал хоть и заспанный, но очень грозный Алекс.

Эльзасец, будучи на голову ниже моего «братца», а в плечах вдвое уже, мудро не стал накалять обстановку. Он радостно кинулся знакомиться:

— Я слышать о вас — ви есть клавный охотник на Вольф! Мой патер отправил меня жить здесь, в гостиница, номер тринадцать. Заходить, прошу вас, таже ночью, кокта хотеть! У нас есть в Эльзас завод пива. О, то есть наш национальный напиток! Я прошу всех в наш комната выпить по кружке настоящий эльзасский пиво!

От пива командору всегда трудно отказаться, он его обожает, тем более настоящее эльзасское. Говорят, в Эльзасе немецкий язык идет наравне с французским, там живут офранцузившиеся немцы и наоборот.

На вересковой пустоши в Ирландии нам уже предлагали попить пивка с самыми злокозненными намерениями, и лично я к подобным предложениям теперь отношусь настороженно. Но парень явно не лепрехун, поэтому мы ответили положительно. Даже позвали Мурзика, но он не пожелал отказываться от сна. К пиву кот относился спокойно, официально предпочитая всем напиткам вишневый компот, приготовленный Синелицым. На деле, как вы помните, куда охотнее упивался селедочным рассолом...

Эльзасец оказался приятным собеседником, и за пивом мы успели поболтать о многом. Этот всклокоченный малый почему-то сразу расположил нас к себе своей искренностью и доброжелательностью, и хотя я подозревала его до последнего, он оказался чист. Здесь, в Жеводане, Жеркур находился по семейным делам, вернее, по делам семейного бизнеса, наверняка готовя место под пивоварню. Конкретнее я не расспрашивала, а он не рассказывал...

Когда вернулись, агент 013 уже проснулся и, поджидая нас, сидел на подоконнике, наблюдая что-то интересное на улице. Я подкралась к нему на цыпочках сзади и заглянула через кошащее плечо. На сельской площади скапливался народ. Люди тащили плетеные клетки с курами и сбивались в группки.

— Петушиные бои! Помните, трактирщик вчера говорил? Пойдем посмотрим! — радостно вскрикнула я.

— Мм-р-р, не ори в ухо... — поморщился котик. — Хорошо, так и быть, можем сходить, но ненадолго, все-таки здесь мы на задании. Надо понаблюдать за местными жителями. Вервольф тщательно скрывает себя, но и он в какой-то момент может потерять бдительность, тогда по определенным признакам поведения мы его и вычислим. Всегда есть ряд мелких и неброских привычек, которые с головой выдают самого законспирированного шпиона...

Я сделала серьезное лицо и приготовилась записывать на ладони.

— Если кто-то из толпы будет проявлять агрессию, впадет в беспричинную ярость, проявит стремление к насилию, начнет беспокоиться и покажет чрезмерную импульсивность — именно он, скорее всего, и есть оборотень!

— Вэк... Где-то я уже это слышала, великий знаток дедукции!

— Ты не доверяешь моим логическим умозаключениям?!

— Пусик, это же петушиные бои! Люди туда болеть идут, переживать за свои денежки, поставленные на какого-нибудь оципанного голодранца. И все эти признаки однозначно будут проявляться у всех без исключения! Ну уж через одного точно!

Кот был заметно растерян, внезапно осознав, как сглупил. Алекс похлопал его по спине и спас ситуацию.

— Будем разбираться на месте, а сейчас пошли завтракать, кружка пива всегда вызывает зверский аппетит.

Полчаса спустя мы отправились туда, куда стекалась вся деревня. Чтобы лучше видеть происходящее на ринге, я залезла на старую бочку, спихнув с нее какого-то косоглазого мужичка. Тот попытался возмутиться, но внушительное присутствие Алекса за моей спиной снимало все вопросы.

На ринг выбежали коричневый петух и белый. Белый был крупнее, более опытный и наверняка проводший жизнь на таких вот ристалищах. У него не хватало множества перьев, одной шпоры и значительной части гребешка, тогда как у его более молодого собрата шикарный красный гребешок элегантно спускался на левый глаз. Высокомерно-презрительный взгляд его говорил о том, что он даже не сомневается в своей победе над ветераном. Демонстративно распушив перья на загривке, оба петуха долгое время угрожающе ходили по кругу, демонстрируя боевой пыл. Похоже, они были рады прогуливаться так до вечера, но зрители уже начинали проявлять недовольство.

Неожиданно коричневый петух подло подставил белому подножку, но тот, совершив умопомрачительный кувырок, бросил соперника на землю, резко приложив по шее реберной стороной крыла. Народ восторженно взвыл!

Туда-сюда сновали вездесущие гавроши, согбенная старушка старательно пыталась спереть репку у зазевавшегося торговца, две молоденькие девицы шумно обсуждали чью-то недавнюю свадьбу. Но все это было не так интересно, как появление рядом со мной неопрятно одетого типа с костылем, худого, темноволосого, с покрасневшими глазами и длинными ногтями, настолько ороговевшими, что больше походили на звериные когти. Эту деталь я хорошо запомнила, потому что он, не обращая на меня никакого внимания, с изуверским выражением на лице принялся скрести своими «когтями» по моей бочке — верно, обтачивая их. Алекс что-то выяснял у болельщиков, кота вообще видно не было, и я несколько запаниковала. Субъект же продолжал делать свое дело, то есть точить «когти». А у меня созрело два варианта: или спрыгнуть с бочки поскорее к Алексу, или...

— Эй, простите, вы случайно не тот самый страшный вервольф, которого здесь все ищут?

Я уже почти готова была раскаться за свое глупое любопытство под взглядом красноватых немигающих глаз. Они действительно внушали ужас и прямо-таки приковывали к себе. Нет, это точно вервольф! Неужели кроме меня никто не видит очевидного?!

— Зачем вы обижаете беззащитного инвалида, мадемуазель? — с неподдельной обидой в голосе проскрипел старик, неприятно дергая носом, как будто принюхиваясь. — Вас не оставило равнодушной мое уродство? Да, мой вид у всех вызывает подозрение... Чуть кого-то ограбят — так сразу: а не был ли это мерзкий Шастель?! Чуть кого-то изобьют в темном переулке, опять кто же, как не Шастель?! Но никому нет дела, что несчастный калека и мухи не обидит... А ведь уродство исходит от самого дьявола! Значит, все, кто ему служат, уродливы, не так ли? На мне словно лежит печать зла — раз жил в Африке, в сердце тьмы, значит, продал душу! Этим все сказано, люди не хотят знать, что меня всего лишь покусали африканские гиены и душу я никому не продавал...

— О, простите, я не хотела вас обидеть, — совершенно искренне повинилась я, но он только презрительно сплюнул и, волоча одну ногу, затерялся в толпе народа.

— Странная личность, — пробормотала я, проводив его взглядом. — По всем признакам очень похож, и тем не менее...

— Еще бы, провести два года в плену у африканских людоедов — это вам не в дворцовых покоях прохлаждаться.

Обернувшись, я увидела нашего трактирщика, папашу Жерара, могучего и добродушного мужчину лет шестидесяти. Открытый и по-отечески мягкий прищур глаз располагал к доверию. Хотя на задании всегда надо быть начеку...

— А вы хорошо его знаете, раз так застываетесь?

— С босоногого детства, Антуан рос в семье лесника на соседней улице. Сложная судьба у парня, с отцом не ладил, где-то плавал, где-то служил, одно время совсем пропал, каким-то чертом занесло его в Африку, там он был пленен, оскотен...

— Людоедами?! Я думала, они иначе с пленниками поступают, причем не держат в плену по два года. Разве только на откорм, хотя это, наверное, себе дороже выйдет...

— Кто сказал «людоедами»?

— Вы же и сказали!

— Оговорился! Конечно же я имел в виду мусульман! Алжирцев, бедуинов или марокканцев каких-нибудь. Это они хотели сделать из него евнуха для продажи в гарем, но бедняге удалось сбежать и после долгих скитаний добраться до дома. С тех пор Антуан такой обиженный и нелюбимый. Все от него шарахаются, но если бы вас оскотили, то, наверное...

— Меня? — Я невольно вздрогнула, попытавшись представить себе эту картину.

— Ох, простите старика, мадемуазель! Уж вам ЭТО точно не грозит, но беднягу все равно жалко...

— Да, история печальственная...

— Вот и я говорю, — грустно улыбнулся он. — Вы уж не смотрите так пристально на калеку Антуана, он все еще страдает из-за своего уродства. А ведь его вины вроде бы и нет...

О, похоже, ваш брат машет вам рукой?!

Действительно, из толпы болельщиков выбрался чуть взлохмаченный командор.

— Доброе утро, папаша Жерар! Моя сестричка не слишком утомила вас своим щебетанием?!

Схватив «братца» за рукав, я попрощалась с добрым трактирщиком и с силой потащила Алекса в сторону.

— Слушай, я сейчас такого типа видела-а-а!

— Антуана Шастеля, что ли? Да, экзотический тип, я о нем сегодня тоже наслушался от охотников. Только не заикливайся на нем одном.

— Ну почему же на одном... Вообще-то у меня уже трое подозреваемых, а если включить в список маркиза, то четверо!

— Это прогресс, — рассеянно похвалил любимый. — Когда насобираешь полный десяток, дай знать нам с напарником...

— А кстати, где агент 013?

— Встретил каких-то знакомых, — бодрым голосом отозвался Алекс, не глядя на меня.

— Это каких таких знакомых? — заинтересовалась я, пытливо сузив глаза в ожидании ответа. Алекс еще больше смутился и, пытаясь отмазать друга, убедительным тоном понес такую чушь, что у меня исчезли последние сомнения. Поэтому я ничуть не удивилась (только рассвирепела), приметив, как в чьем-то палисаднике мелькнули два кошачьих хвоста. Один, без сомнения, принадлежал Пусику — его пушистый хвост я и ночью без фонарика ни с чьим другим хвостом не перепутаю.

— Так, может быть, сходим навестим нашего ликантропа, пока его в тюрьму не посадили, — предложил командор.

Ах ликантроп, ловкий арендатор-неплательщик... Как там его зовут? Почему-то он мне уже вчера заочно очень приглянулся по рассказам д'Абазура. Действительно, почему бы и нет? Сходим посмотрим, нас-то он не укусит...

— Интересно, а он и вправду страдает ликантропией или просто бессовестно притворяется? Я не думаю, что Зверь — это он, но, может, его закидоны выведут на след настоящего Волка. Ведь и сумасшедшему надо с кого-то брать пример...

Алекс удовлетворенно кивнул, довольный, что смог меня чем-то увлечь и увести с места грехопадения кота. Конечно, мужская солидарность, взаимовыручка, но сейчас это меня ничуть не раздражало. Мы целенаправленно двинулись с площади.

Оказалось, что Алекс загодя выяснил все о человеке, страдающем волчьей болезнью. Это действительно был крестьянин-арендатор по имени Мерло, причем не из самых бедных, на фоне многих даже преуспевающий. Несмотря на ликантропствование, дело его не страдало — коз ощутимо не убавлялось, коровы продолжали давать молоко, а жена давно наладила производство сыра на дому.

Полчаса неспешной прогулки, и мы постучали в дубовую дверь домика на отшибе. Оттуда незамедлительно донеслись леденящие душу подвывания — видно, нас приняли за людей маркиза.

— Папаша Мерло, откройте, пожалуйста, мы к вам с мирными намерениями. Можете даже не накидывать волчью шкуру, на улице не холодно.

Дверь со скрипом открылась, и на нас подозрительно уставилась небритая физиономия среднестатистического французского крестьянина умеренной зажиточности. Он был в коричневом жилете, надетом поверх мятой рубашки с закатанными рукавами, и в коротких узких штанах из той же ткани, что и жилет. Когда мы представились, крестьянин, слегка смутившись и помявшись, пригласил нас в дом.

— Ох, чуял я, что господин маркиз меня в покое не оставит. Ну ничего, выкрутимся как-нибудь, не впервой... Пшеница-то опять не уродилась, с чего платить-то? А как ей тут расти-то, кругом камни одни! И кому только взбрело в стародавние времена садить здесь пшеницу, с тех пор-то по привычке... Вот все больше на коз да на коровушек-то переходят, мясомолочное хозяйство, как говорят по-ученому. А касательно вервольфа-то вашего так я

достоверно знаю, кто у нас тут зверствует...

— Кто, кто, кто?! — Мы с Алексом одновременно вскочили из-за стола, едва не ударившись лбами. Жена хозяина, опрятная крутобедрая женщина, покачав головой, поставила перед нами козье молоко.

Мерло, поглядев по сторонам, наклонился поближе. Я наивно предполагала, что он будет катить бочку на маркиза д'Абажура, но ликантроп имел в виду совсем другого человека.

— Бретонец это, Жульен, напротив церкви у него лавка гробовая. Все знают, что ему больше всех выгодна эта с волком-то история. Гробов-то больше покупают! Торговля его расцвела, конкурентов-то нет.

— Слабенькое доказательство... Почему вы решили, что это именно он? — разочарованно протянула я, а командор, казалось, и вовсе не слушал, неторопливо прихлебывая молоко.

— Как же нет-то, сударыня?! Есть! Судите сами — брови-то у него срастаются, грудь волосатая, пальцы толстые и уши оттопыренные. А самое главное, я же сам его видел в волчьем-то образе!

— Вэк?!

— Вот оно и то-то! То есть волка видал ночью, гигантский такой волчара-то прямо перед его лавкой стоит и в окошко глядит. Наверно, что-то ему надо было в лавке-то своей взять или дневную-то работу доделать пришел, заказ срочный — время-то поджимает...

— А вы уверены, что это был волк? Может, какая собака деревенская?

— Я деревенских-то собак всех в лицо знаю! — с гордостью отвечал папаша Мерло. Я еще подумала про себя: а не возвращался ли он по ночному времени из трактира в изрядном подпитии, когда «неожиданно встретил» Волка? Но арендатор все понял по моим глазам и честно возмутился: — Нет-нет, я-то был трезв как стеклышко! Ведь почитай уже годков-то тридцать не пью, с тех пор как женился на моей толстушке Жустине.

— А что вы можете сказать об Антуане Шастеле? — неожиданно вступил в разговор Алекс, пододвигая ко мне хлеб и повидло, любезно поставленные хозяйкой. Мерло неожиданно испугался или сделал вид (актерским мастерством он отнюдь не обделен — волка в лицах показать не всякий сможет. Я, например, не смогу... хотя надо попробовать... на Пусике).

— Ничего не могу... а зачем он вам-то?

— Ну, вообще-то некоторые шепчутся, что это он в волка оборачивается и никто другой, вид у него крайне подозрительный.

— А по мне так не по виду судить надо, а по делам! Зачем ему людей-то есть? И так при его должности-то небось не пропадешь... Может, люди-то на него и думают, да только больше на Зверя-то наш монсеньор похож! Но вы ему об этом не говорите, и так житья-то от него нет, — сердито заключил папаша Мерло. — А касательно семейства Шастелей, уж раз спросили, так они-то давненько тут живут. Старик Жан раньше лесником в нашем лесу был, да его молодой-то господин на пенсию спровадил. Говорил-де, постарел он, браконьеров-то не ловит, а своих, местных, за плату в лес охотиться-то пускает. А что не пускать-то — маркиз в Париже, на одно жалованье не проживешь. Просто он с егерем маркизовым договориться не смог, тот-то все хотел деньги пополам делить, а Жан Шастель пожадничал. Вот старика-то и сняли...

— И кто теперь лесничий?

— Антуан Шастель, сын его младший.

— Погодите-ка, а я думала, что он при такой внешности только у церкви побираться может?!

— С чего это? Хромой он да страшный, но не такой-то уж калека. Как из-за моря вернулся, сразу маркизу в доверие и попал, уж больно-то они характерами схожи. Людей оба не любят, себя обиженными считают. Вот и стали с того времени-то вместе на охоту выезжать, но, как Волк-то появился, ездят все реже. Но Антуан с работой справляется

неплохо. Отец-то его многому научил, да и сейчас помогает зайцев-то стрелять.

— Значит, их двое, отец и сын?

— Трое! Там еще старший брат-то есть, Клод, самый незаметный в семье-то. Все травами какими-то занимается, лечит кого когда, а так все один в лесу пропадает, травы ищет целебные. Дом-то у них каменный у самого леса, на поляне стоит, но Жан с Клодом и здесь в деревне у родных-то частенько живут.

Может быть, эти сведения нам и пригодятся, а может — нет... Папаша-ликантроп, проникнувшись к нам доверием, попросил совета, как бы так устроить, чтобы и за аренду долг не платить, и в тюрьму не сесть. Правда, пока еще стражники за ним не приходили, возможно, пронесет и на этот раз, уж больно жалко деньги отдавать. Я с утешительным вздохом признала, что закон всегда на стороне богатых, так что лучше заплатить и еще годков этак тридцать потерпеть до революции. Тогда, может, что и изменится, правда, исторически ничего особо утешительного для крестьянства в тот период я не припоминала. Папаша Мерло расчувствовался такому вниманию со стороны красивой девушки из высшего сословия и, от всей души желая хоть чем-то отблагодарить, предложил показать човековолка.

— Я-то всерьез душевной болезнью не страдаю, но для вас охотно изображу. — Хозяин довольно ощерил зубы. — Не пугайтесь, мне-то не трудно, а даже приятно.

Он достал из шкафа облезлую волчью шкуру, накинул ее себе на плечи и... рыча бросился трепать сапог Алекса! Командор на мгновение замер, а потом с воплем кинулся спасать ногу — клыки у старого ликантропа оказались о-го-го! Я ринулась на помощь любимому, вдвоем мы с трудом отняли пожеванный сапог у вошедшего в роль арендатора и с грохотом ломанулись к выходу. Перевели дух, только когда дом «папаши-волка» остался далеко позади, а нас уже было не догнать.

— О-ох! Ну, куда теперь? — задыхаясь, спросила я, приседая на корточки и держась за бок — под ложечкой сильно кололо, надо чаще ходить в спортзал. Алекс, на которого я смотрела снизу вверх, всерьез задумался.

— Нужно проверить все зацепки, какими бы неубедительными они ни казались, — наконец определился он. — Даже этого бретонца Жюльена-гробовщика. Конечно, волкодлак в образе человека может притвориться добродушнейшим и милейшим существом, но все это ненадолго. Рано или поздно он успокоится и потеряет бдительность, тогда-то его и можно брать голыми руками.

— А у нас есть столько времени?

— Увы, времени, как всегда, согласно штатному расписанию, на конкретный объект — строго определенное количество часов.

— Вот и я о том же... Значит, придется разделить: я — к подозрительному гробовщику, а ты — к Антуану Шастелю и всей их семейке. Хочешь, кота в качестве охраны прихвати? Если наш ловелас, конечно, к этому времени освободится...

— Ты так уверена, что именно Антуан и есть вервольф?

Ответить я не успела, нам навстречу с криками бежали люди:

— Зверь!

Нас окружила шумная толпа, я старалась дотянуться до Алекса, но в дикой толкучке это было непросто. На бегу народ обменивался свежими впечатлениями:

— Опять видели Зверя, кажется, снова было нападение.

— Он напал на какую-то беременную женщину!

— Она жива?

— Да разве после укуса оборотня кто-нибудь уцелеет...

— Жива она, я сам видел! Дура какая-то из соседней деревни. Трещит без умолку, словно ее и не пытался загрызть сам Зверь!

— Я бы лежала в обмороке...

— А со мной была бы истерика! Нет, даже две истерики...

— А мне бы потребовался галлон вина, чтобы прийти в себя, а потом столько же пива.

- Да в тебя бы не вместились!
- А ты проверь! Я и больше могу выпить, было бы кому ставить.
- Хочешь, сегодня на спор попробуем, ставлю пятьдесят сантимов...
- Такую мелочь?!
- ...и выпивку, но на «Барон д'Арманьяк» не рассчитывай!
- Тогда годится! Мы не такие разборчивые на этот счет, не беспокойся.
- Только сперва посмотрим на новую жертву Волка!

Пришлось скорректировать планы на ходу и бежать вместе со всеми: интересно было посмотреть на такую редкую счастливицу, «встретившую Зверя и оставшуюся в живых». По статистике, подобных случаев еще не было. Пожалуй, с ней стоит поговорить...

Поспешая следом за Алексом, который умудрился-таки поймать меня за руку, я вспомнила, что уже пару часов не видела Пушистика. Колокола в церкви отзвонили час дня. По идее, уже пора обедать, есть хочется до умопомрачения — у папаши Мерло только молока и успели попить. А кот к обеденному времени никогда не опаздывает, по нему часы сверять можно. Конечно, он сейчас появится, если не нашел себе другую компанию для обеда. Я так разозлилась, что вскоре уже сама тянула за собой ошарашенного командора, стремясь вырваться в первые ряды. А невдалеке на поляне, среди благодарной толпы слушателей, раздавался крикливый и чем-то очень знакомый голос:

— Ну а потом... потом он жутко и протяжно завыл, пытаясь выбить меня из душевного равновесия, да не тут-то было! Я и раньше слышала, как волки воют на луну, потому удивляться не стала, ведь он как раз на это и рассчитывал!

Боже, нет! Этого просто не может быть! Только не эта несносная болтуня...

— Так что воспользоваться моей растерянностью он не смог, как ни старался, а я смотрела на него решительно и непреклонно, вот так! Ваш Зверь самый настоящий трус и, не видя страха в глазах жертвы, не может приступить к обеду, ха-ха! Не то что наш Волк! Да будет ему земля пухом...

Нет, это неумолкаемое щебетание я бы не спутала ни с чем на свете. Просто вероятность повторной встречи спустя столько лет... Хотя ведь кто-то говорил, что эта женщина из другой деревни. Ну-ка, ну-ка, пропустите, пожалуйста...

— Да, меня не так легко напугать двумя рядами громадных клыков да выпученными красными глазами, пусть хоть десять раз горящими огнем! Что я, у мужиков выпученных глаз не видела?! А больше у него в арсенале ничего не имелось, вот он и убежал, поджав хвост! Я-то только-только начала его расспрашивать обо всем, засыпав кучей вопросов, на которые он, однако же, высокомерно не отвечал, но я не обиделась, отнеся его невоспитанность на счет вынужденного одиночества или застенчивости, и, чтобы расположить его к общению, сама стала рассказывать ему все известные мне новости за последние пять лет...

Точно она, больше никому! Таких длинных и пространных предложений не составлял никто на моей памяти, а уж выслушивать их... Командор, не разминиваясь на извинения, пытался протиснуться вперед, я шла за ним, как на буксире. Беременная женщина, говорите? Значит, уже замужем и больше не будет строить глазки моему Алексу...

— Но почему-то минут через десять нашей содержательной беседы Зверь зажал лапами уши (наверно, он их застудил, бедненький, по лесам шататься в любую погоду — никакого здоровья не хватит) и, завыв, словно от неразделенной любви, убежал в лес! А я, как понимаете...

— Жослин! Какая встреча! Рада снова тебя видеть, к тому же в такой счастливый для тебя (или для Зверя?) день. Теперь тебе точно будет о чем рассказывать всю ближайшую неделю.

Жослин — а это действительно была она — сильно располнела за то время, что мы не виделись. Впрочем, меня узнала сразу и, явно обрадовавшись, бросилась обниматься:

— Ах! Жаннет, душечка, как ты здесь очутилась?! Как я по тебе скучала! Вы ведь с братом так неожиданно уехали. Я буквально плакала, честное слово, я...

— Мы вернулись. Все из-за Волка, чтоб его, опять ищем Серого.

— Значит, и твой братец здесь, мгм... А я вот, видишь, на седьмом месяце... Если бы он тогда так быстро не уехал, мы могли бы стать сестричками! Болтали бы...

— Куда удрал Зверь? — разом помрачнела я, а мой любимый предусмотрительно решил не высовываться.

— О, если бы вы подошли на полчаса раньше, вы бы его поймали! Он побежал в лес, причем с такой скоростью, что сейчас, наверное, уже где-нибудь вблизи швейцарской границы! — с гордостью воскликнула она, пристально оглядывая толпу, нашла-таки покрасневшего Алекса и одарила заблестевшим взглядом.

Интересно, а что это он краснеет? Неужели даже я не все знаю о прошлом визите, когда мы в первый раз ловили Зверя? Пора уже с этим завязывать! Слишком много тайн!

В самое ближайшее время, как только выдастся свободный момент, я прижму его к стенке (в буквальном смысле) и хорошенько допрошу и о маме с папой, и о национальности, и о родине, и о том, как попал на Базу. Пусть мне все подробно распишет, надоели эти вечные увиливания. Правда, как-то он мне наплел некую теорию о дедушке, ветеране русско-японской войны, и о бабушке, которая еще при Наполеоне на фабрике шерстяных изделий работала по шестнадцать часов в сутки, и о папе, который был плотником и строил корабли для Петра I, а мама якобы оказалась русской шпионкой, засланной в Республику Чад в семидесятые годы двадцатого века с целью обнаружения ракетных установок в болотах, охраняемых огромными аллигаторами. Те саркастически ухмылялись каждый раз, как к установкам пытался приблизиться очередной диверсант-неудачник. «Удачников» не было вообще, вот так, дескать, он и потерял свою мать... Лжец, лжец, лжец!

Все это, конечно, было крайне душещипательно, но я вывела из этой белиберды одно — Алекс не знал даже азов мировой истории, путаясь в самых элементарных вещах. Остается только удивляться, как ему удавалось столь длительное время довольно успешно проводить операции во всех временных отрезках и параллельных эпохах. Вот, наверное, почему рядом всегда верный советчик — Профессор...

Жослин прервала мои размышления, а я как-то пропустила тот момент, когда она охотно давала пресс-конференцию, подробно отвечая на все вопросы, задаваемые любопытствующими сельчанами.

— Знаешь наши последние новости? Бедный Меризо Замочная Скважина сломал ногу! Он как раз следил за Жаком Коротышкой, когда тот общался со старостой соседнего села, в котором когда-то жила та самая Красная Шапочка, что бандитствовала с Волком. Ну, с тем, которого подстрелил твой брат, хотя многие пытались приписать этот подвиг себе. Тогда все думали, что делу конец, и разъехались по домам — и туристы, и охотники, и королевские драгуны вместе с милым капитаном Леоном — Жаном Пьером. Я все равно до сих пор считаю, что он поторопился жениться... Так вот, чтобы узнать, не обсуждают ли старосты политику короля в чересчур вольной манере, наш соглядатай попытался залезть на чердак старинного дома, чтобы лучше слышать, а ступенька у трухлявой лестницы возьми да и переломись, и бедняжка Меризо свалился прямо на скотный двор, да так неудачно, что сломал ногу. Хотя это и странно, ведь навозная куча была довольно мягкой! Ну вот, а теперь, когда оказалось, что Зверь жив-здоров, мы очень обрадовались, потому как успели уже привыкнуть к его мрачному присутствию. А сегодня мне так повезло, так повезло... Я сама его встретила и наконец-то увидела во всей красе! И теперь...

Жослин шла навестить свою бабушку, живущую в Мартэне, так что встреча по дороге с Волком вышла просто литературно классической. У Зверя, по ее описанию, не было особых примет, даже знаменитой черной полосы на хребте, делавшей внешность жеводанского оборотня номер один, то есть Волчика, особенно неотразимой. Обычный, серого цвета волк, только гигантский, ростом с корову. Ходит на четырех длинных лапах, обращает на себя внимание сильной худобой, видно, человечина не всем идет на пользу. Наверное, этот момент можно с натяжкой отнести к особым приметам. Но мне на ум сразу же пришел Антуан Шастель с его необычайно худощавой фигурой...

Устав слушать Жослин, Алекс впервые решил оправдать то, что его зовут Густав Курбе, и при всех попробовал нарисовать в блокноте фоторобот Зверя.

— Вэк... и где тут Волк? — удивленно витаращи́лась я, глядя на деревья-скелеты и столь же схематичную девушку в треугольном платице с ручками-палочками, ножками-колбасками и милой, но жутковатой улыбкой, разделявшей лицо на две части. Рядом стояло существо, похожее на гибрид тираннозавра с кроликом в иголках. От тираннозавра был мощный хвост в крапинку да прямоугольная голова со здоровенной челюстью и частоколом зубов. От кролика — хилые рахитичные лапки, длинные ушки и какой-то щемяще беззащитный взгляд.

— В тебе умер анималист-передвижник. Очень импозантный зверек получился, Кандинскому и Малевичу — хоть застрелись от зависти! — поспешила похвалить я, видя, что Алекс уже готов обидеться всерьез. Задеть его труднее, чем кота, но у мужчин свои заскоки, он тяжело переживает любые поражения.

Убедившись в обилии желающих проводить счастливую Жослин к бабушке, мы отправились в трактир обедать. Кот, оказывается, давно ждал нас там, приятно проводя время за чтением меню. На вопрос «Где шляется?» ответил, что котам со столь благородным мехом и манерами довольно опасно в одиночку гулять по людным улицам. К тому же ему встретились страшно невоспитанные собаки, дважды грубо прерывавшие его интеллектуальные беседы со «старыми знакомыми». И рожа у мерзавца была настолько масляная, что готова держать пари — «старые знакомые» были весьма молоденькими кисками...

Мы отобедали вкуснейшим мясным рагу с шампиньонами, выпили по бокалу какого-то легкого вина, приятного на вкус. Правда, коту я пить не дала — в памяти еще свежо было его непотребное поведение в пьяном виде в «Хижине дяди Тома». Эх, что сейчас поделявают наши многочисленные знакомые из деревни ирокезов и Хромой Собаки? А Храбрый Москит, а Зоркий Медведь?

Простите, отвлеклась. После недолгого отдыха мы вновь отправились на разведку. Теперь уже агент 013 чинно шел с нами, замудренно составляя план на послеобеденную половину сегодняшнего дня. Оказывается, он успел составить список подозреваемых — разумеется, в уме, дабы не смущать людей видом грамотного кота, умеющего правильно держать перо. Адреса и явки тоже имелись, кот времени даром не терял. Так что, суммируя общие данные, мы должны разделить и всю ночь дежурить под окнами трех самых подозрительных.

Мурзик был полон решимости изобличить и нейтрализовать (читай: убить и сделать чучело!) вервольфа сегодня же. Чем короче срок операции, тем выше премия на Базе. Однако ее дают за счет сэкономленных командировочных, которые у нас в бухгалтерии отбираются, а потом выдаются обратно, уже называясь премией!

Чтобы отвлечь кота от этой идеи фикс (на деле нет никаких предпосылок к тому, чтобы операцию закончить сегодняшней ночью), мы с подробностями рассказали ему о ликантропе-арендаторе и о знаменательной встрече Жослин с Волком. Профессора больше заинтересовал папаша Мерло, и он уже собрался было в целях повышения образовательного уровня поведать мне всю историю ликантропии во Франции, особенно об эпидемии волчьей болезни в Средние века. Я вздрогнула, начав громко и фальшиво голосить песенку из репертуара «Високосного года» про то, как «он называл ее по имени». Алекс ускорил шаг в надежде оторваться и выйти из зоны слышимости, Пусик же, напротив, внимал с благодушием — может быть, слух у котов устроен несколько иначе, хотя, по идее, должен быть более тонким, чем у людей.

Ближайшим домом из нашего списка оказался дом все того же гробовщика Жульена. Открыла высокая худощавая женщина с опухшими глазами, в мятom платье, грязном переднике и с россыпью опилок в волосах, видимо, супруга.

— Вы хотите сделать заказ? Можете зайти, посмотреть образцы, выбрать себе гроб. Милости просим!

А так как на переднем плане стояла я (все мое глупое любопытство!), она схватила меня за руку и сильным рывком затащила внутрь.

— Вам какого размера, мадемуазель? Для себя, для мужа, для друга семьи? На будущее как сувенир на память? А, понимаю, понимаю, вы хотите сделать большой заказ по индивидуальному образцу. Жульен, поди-ка сюда! — громко крикнула она в сторону дальней двери.

— Именно его-то нам и нужно, а с этими вашими... столярными изделиями, — поспешно вставила я, — мы немного погодим...

Напарники молча вошли следом за мной. Удивительно, но люди интуитивно понимали, что это не тот кот, которого можно веником выгнать на улицу, и если он «почтил» своим посещением их дом, значит, так оно и надо.

На крик появился пузатый лысый тип в рабочей одежде и круглых очках. Вроде на худого Волка даже отдаленно не похож, из такого мог выйти только очень толстый волк.

— Пошли, ребята, это не он, — авторитетно резюмировала я, разворачиваясь к выходу. Жульен с женой уставились на меня, дожидаясь разъяснений.

Мои агенты даже не думали трогаться с места, хотя разве когда-нибудь было иначе?! Алекс с интересом изучал гробы всех фасонов и видов, словно на выставке «В чем бы нам отправиться в наш последний путь?», а Мурзик уперся в меня предупреждающим взглядом.

— Ну каких вам еще доказательств?! Вы что, сами не видите? — Я раздраженно махнула рукой в сторону уже начинавшего паниковать гробовщика, едва не сбив с его носа очки. — Разве у Зверя может быть такой придурковатый вид? Разве с такой простодушной физиономией мог бы он столько времени скрываться, хитря и изворачиваясь?!

Ох и тяжело в мужском коллективе бедной маленькой женщине, пытающейся доказать свою состоятельность... Да ну их, пусть остаются со своими глупыми амбициями... Снобы!

— Пойду подышу свежим воздухом, здесь совершенно невозможная атмосфера. — Я рванула на улицу, опрокинув один гроб на кота, накрывший его с головой. Только прищемленный хвост остался торчать, от шока распушившийся а-ля песец... Я зажала уши, чтобы не слышать душераздирающего вопля по этому поводу. Похоже, хвост для него становится главным источником мучений и жить спокойно агент 013 будет только после его ампутации. Надо коту при случае подать эту идею, иногда мне хочется о нем заботиться, хоть он и маленький зазнайка...

Я быстрым шагом шла по улице, пару раз обернувшись, но, как и следовало ожидать, напарников видно не было. Мимо меня то и дело проходили деревенские жители, обсуждавшие основные события дня. На первом месте были петушинные бои, а вторым, не менее значимым — «чудесное спасение от Зверя беременной болтушки из соседней деревни».

К дому ее бабушки стекался народ, где счастливая девушка охотно утоляла всеобщее любопытство касательно ее встречи с Волком. Наверняка этот рассказ обрастал все новыми подробностями и к первоначальному имел такое же отношение, как петух к беременному страусу.

Я направилась к гостинице. Лучше отдохнуть после обеда, книжку какую-нибудь почитать — мне действительно стоит успокоиться. Чтобы работать с такими «товарищами», нужно иметь недюжинные нервы и несколько способов психологической релаксации, иначе просто не выживешь.

Но тут мне на глаза попался идущий навстречу человек, с виду ничем не примечательный, но в усталом его лице сквозила какая-то жесткость, а светлые глаза из-под кустистых бровей горели холодным пламенем. Это был седоватый, довольно пожилой мужчина, который меня несколько напряг — он шел ко мне с целенаправленной уверенностью. Молча, сурово, ни на минуту не отводя пронзительного взгляда.

— Вот увязался, — встревоженно пробормотала я себе под нос, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов и думая: ускорить шаг или, наоборот, остановиться и дождаться седого преследователя лицом к лицу. Тогда перед смертью (если он окажется маньяком-убийцей)

хоть узнаю, что ему от меня было нужно. Но надеюсь, что так далеко дело не пойдет. Я оглянулась, раздумывая, и тут уже задыхающийся преследователь замахал мне рукой. Он держался за сердце и пытался что-то выговорить, но никак не мог из-за слишком быстрого темпа, который я ему поневоле задала.

— По-по-стойте... мадемуазель, п-прошу меня по-по-дождать. Прошу ва-вас!

Его загнанный вид уже не внушал того страха, что прежде, а голос был умоляющим. Однако же я понимала, что это может быть и уловкой.

— Ну, чего вам?! Только побыстрее, а то времени в обрез, — поспешно сказала я. — А скорее всего, вы приняли меня за кого-то другого. Спешу вам сообщить — это не я! Я тогда вообще была в другой деревне, с другими людьми, в другой стране, в другом веке, но даже там все равно была не я, а кто-то другой. Короче, меня подставили...

— Ничего не понимаю, — опешил старик. — Прошу вас, помолчите хоть чуточку, мадемуазель, и выслушайте меня. Вы ведь сестра Густава Курбе, королевского егермейстера, и помогаете ему искать жеводанского оборотня, так? Хочу вам сказать, это не Антуан! Клянусь Пресвятой Девой Марией и младенцем Христом, что Антуан здесь ни при чем.

— Э-э... а-а... мгм, — глубокомысленно решила я. — А вы, собственно, кто?

— Я Шастель! Жан Шастель, бывший смотритель охотничьих угодий, принадлежащих монсеньору д'Абажуру.

— Ну?..

— Так вот я и говорю вам — мой сын Антуан здесь ни при чем. — Он вскинул подбородок и многозначительно подергал бровями. Явно чего-то недоговаривает, пытаюсь прозрачно намекнуть. — НЕ Антуан это, говорю вам!

Он замысловато посверкал глазами, подозрительно озираясь по сторонам. Мимо проходила какая-то драная кошка, старик проводил ее угрюмым взглядом и продолжил, только когда та скрылась за поворотом.

— Умоляю вас, сударыня, НЕ искать также и моего второго сына, Клода. Он бедный парень и тоже абсолютно ни при чем! Формирование преступных умов отнюдь не коренится в их детстве. И я никогда не отбирал у них игрушек, что бы они там ни рассказывали, потому они и НЕ могли стать такими, какими НЕ стали.

«Теперь уже я ничего не понимаю...» — подумала я, потихоньку отодвигаясь от взбудораженного старика. С активными сумасшедшими мне встречаться еще не приходилось, а Жан Шастель вполне отвечал параметрам. Лукашка в сравнении с ним — безобиднейшее создание!

— Надеюсь, вы все поняли...

— Черта с два, — хмуро буркнула я.

— ...а то мне надо спешить. Не дай бог, мои чистые и НЕвинные сыночки узнают, что я тут с вами говорил.

— Пойдите, пойдите, а вы случайно НЕ знаете, когда в следующий раз они... НЕ превратятся в волков и мы НЕ получим новую жертву? — поинтересовалась я. Абсолютно просто так, без всякой надежды — нам ведь надо все проверять. Хотя, если честно, после слов старшего Шастеля трудно поверить в виновность Антуана: это же неслыханно — в открытую клепать на собственного сына!

— А бог его знает, когда им там НЕ приспичит, вот тогда и НЕ обернутся, вместе или порознь, — поспешно ответил старик, срываясь в бег.

— А кто же из них НЕ Зверь? Неужели оба?! — крикнула я ему вслед. Вспомнились слова Волчика о некоем инкогнито, забравшем власть над лесными зверями. Кажется, таких называют — Пастух Волков...

Старик испуганно прикрыл уши и ускорил бег, откуда только прыть взялась у старого лесника? Очень быстро он скрылся за поворотом и пропал из виду.

Честно сказать, я не знала, что и думать — верить или нет. Может быть, лучше сейчас же вернуться к Алексу с котом, все им рассказать и принять коллегиальное решение? Но сами они что-то не рвутся меня искать, почему же я первой должна бежать рассказывать им

последние новости?!

Привычно ругая этих шовинистов, я все же развернулась назад и как раз у самых дверей лавки Жульена-гробовщика нос к носу столкнулась с выбежавшим из-за поворота парнем. Что за день сегодня — никто спокойно ходить не может, все бегают?!

— О майн гот! Мадемуазель Жаннет, я есть нижайше просить прощения! Позвольте отметить, что ви есть сегодня бесподобно прекрасны. Жеркур есть страшно каяться за столь глупый неловкость!

Мой утренний знакомец галантно раскланялся и вновь потянулся целовать мне руки, но я поспешно спрятала их за спину.

— Вы тоже хотите мне что-то сказать по секрету? — догадалась я.

— Секрет? А, секрет! О да, да — это есть страшный секрет, ужасный тайна. — На мгновение мне показалось, что эльзасец очень волнуется и волнение это отнюдь не от восхищения моей красотой, по-моему, он просто чем-то страшно напуган. — Я есть встретить здесь один случайный друг...

— И вы хотите сказать, что он имеет отношение к жеводанскому оборотню?

— К оборотню? — вытаращился он. — О нет, мадемуазель, я говорил не про оборотень, не про Вольф, совсем не о нем! Это другой страшный вещь, будьте начеку.

— Какая страшная вещь? О чем вы? — Если он сейчас же все не расскажет, я лопну от любопытства. Для надежности я крепко взяла его за грудки, чтобы он не убежал, но парнишка оценил ситуацию иначе:

— О! Ви меня держать! Неужели ви ко мне не есть быть совсем равнодушны? Я есть очень счастлив. Теперь хотеть с вами вечером встретиться для прогуляться под луной. — Он радостно тряхнул лохматыми кудрями.

Неужели сегодня утром он действительно хотел познакомиться именно со мной, а не с моим знатным «братцем»? Обычно все стремятся примазаться к его дутой славе королевского егермейстера...

За этими размышлениями я как-то не успела осознать, что руки Жеркура ласково опустились на мои плечи. Минуточку, минуточку, это не то развитие сюжета...

— Вечером... э-э... не знаю... вряд ли!

— Ну, тогда я не сказать вам про страшный тайна, — живо надулся обидчивый эльзасец. — Я не помогать ваш брат ловить Зверь, но подозревать, кто есть этот Вольф. О да, я подозревать!

— Но вы же сами говорили, что имели в виду что-то другое.

— Я быть нерешителен, вот так! Я испугаться, что ви есть о нем уже все знать, но ви есть просто очень догадливый, умный и прелестный парижанка. А правду знать один Жеркур, и оттого ему грозит большой опасность! Тот, злой человек, может убивать влюбленный эльзасец, так и не успевший испить нектара от этой только распутившийся прекрасный роза, — заключил он, уставившись мутным взором в мое декольте.

Этот наглый шантажист оказался не таким милым и невинным, каким нарисовался утречком. Значит, надеялся произвести впечатление не только на меня, но и на Алекса, чтобы усыпить его бдительность.

— Я сообщу своему брату о ваших наглых намеках! — жестко припечатала я. — Что же касаето меня как розы — приму к сведению... Правда, нектар не обещаю, а вот колючками по заднице — всегда пожалуйста!

Я гордо развернулась и двинулась прочь, но эльзасец, бормоча что-то льстивое, не отставал. Горячая кровь моих татарских предков искристо заиграла в жилах! У дверей лавки я выбрала чурбак поувесистей, обеими руками с трудом подняла его над головой и...

Жеркур округлил глаза, испуганно пискнул и бросился наутек, высоко вскидывая ноги.

— Трус! — Я плюхнула чурбак в пыль и только тут увидела наблюдающего за нами Антуана Шастеля. Хм... а не от него ли эльзасец и дал деру? Встретившись со мной взглядом, инвалид нехорошо усмехнулся и, опираясь на костыль, поспешно заковылял по улице.

Нет, да что же у них тут творится? Приличной девушке на улице шагу ступить нельзя — сразу начинают приставать разные подозрительные типы! Я плюнула на гордость и усиленно заколотила в запертую дверь.

Ти-ши-на... Точно, ушли — иначе кот, более сердобольный, чем Алекс, выскочил бы на мои вопли. (Он всегда первым кидается меня спасать, мой маленький, верный воин! Правда, в последнее время и Алекс стал порасторопнее — конкуренция...)

Дверь открыли только после того, как я громко пригрозила в замочную скважину, что разобью им витрину, украшенную парой гробов из красного дерева с бронзовой инкрустацией. В щель выглянул нос и мужским голосом (значит, это Жульен, а не его жена) оповестил меня, что господин егермейстер вместе с котом ушли полчаса назад. Значит, сразу после меня... На вопрос, а не знает ли он, куда они направились, хозяин попросил оставить их в покое и захлопнул дверь. Минуты три я размышляла, не разбить ли все-таки витрину? Но еще раз тягать тяжелый чурбак было лень, пришлось отложить месть на послезавтра. Вот возьмем Зверя, вернусь и разобью!

В гостиницу я пошла в обход и уже через пять минут наткнулась на моих агентов, они что-то шумно обсуждали, пользуясь временной безлюдностью улицы.

— Где же вы ходите, а? Мне столько надо вам рассказать! — восторженно закричала я, позабыв все обиды — так была рада их видеть! А потом в одно мгновение выложила все насчет намеков папаши Шастеля и об эльзасце Жеркуре, который что-то знает о личности вервольфа (по крайней мере, сам он в этом уверен), но не говорит. Про его гнусные предложения пришлось умолчать... Это пока к делу не относится, тем более что ребята сию же минуту кинутся мстить за мою честь, а у нас и так непойманный волк на шее висит.

Мой рассказ их здорово встряхнул. У командора даже лицо просветлело, про кота того же сказать не могу — по его мордахе только степень раздражения определять хорошо.

— Неужели и второй брат к этому причастен? — искренне удивился Алекс. — Вообще-то у нас главным подозреваемым был Антуан.

— И у меня, и у меня! — встряла я — кто его знает, может, он только себя с котом подразумевает. Агент 013 сначала вертелся рядом, потом сел и принялся задумчиво поглаживать усы, о чем-то зрело размышляя. Может быть, переосмыслив новую информацию, строил свою теорию происхождения. Мы с Алексом невольно замолчали, дабы случайно не нарушить стройный ход профессорских мыслей. Сейчас он наверняка изречет нечто... глубоко продуманное...

— Какие вчера в трактире вкусные телячьи отбивные были... Под соусом эстрагон, с корицей и лимоном! Надеюсь, сегодняшней ужин будет не хуже. Так, может, поспешим, друзья? — Агент 013 умоляюще уставился на нас.

Да-а, и у таких умных котов, именующих себя мозговым центром команды, бывают свои маленькие слабости. Потворствуя кошачьему чревоугодию, мы поспешили за радостно бегущим впереди Профессором.

— Что мы теперь будем делать? По правде говоря, донос на сыновей со стороны Жана Шастеля не вызывает у меня особого доверия. Разве отец станет выдавать сына?! Да еще обоих сразу. По-моему, здесь дело нечисто, — на ходу делилась я своими сомнениями с командором.

— А если они его просто допекли или сделали что-то такое, чего он им никак простить не может? Родственные связи порой бывают очень зыбкими... Кстати, никто достоверно не знает, при каких обстоятельствах умерла его жена, что для деревни — нонсенс.

— Ты считаешь, это важно? А я вот думаю, что, если старикан Шастель не соврал, тогда вервольфов двое. Хотя разве такое бывает? Обычно в легендах фигурирует один вервольф или целая стая, но никак не двое. А ведь они еще и братья...

— Вполне вероятно, что один укусил другого, и пошло-поехало, — пожал плечами Алекс и улыбнулся так, что я сразу забыла о всех оборотнях на свете. Кроме нас, конечно!

После ужина было еще светло, и можно было пару часов погулять. Я здорово подозревала, что нам придется разделить и провести бессонную ночь, дежуря у двух домов

одновременно. И угораздило же семейство Шастелей жить в деревне и далеко у леса! Что-то меня не греет курсировать там одной... Плохо, что нас в команде не четверо, хотя обычно и на троих проблем вполне хватает.

— Эй, но вы, как я понимаю, отправляетесь на дело вместе?

Командор промолчал, хотя именно он был инициатором ночной слежки, а котик, потупив взор, вымолвил:

— Мы с агентом Алексом должны выдвинуться к самому опасному в здешних краях дому Антуана-лесника.

— А почему это самому опасному? Ты ж там не был?! — Безосновательное самовозведение Мурзика в ранг героев я спокойно снести не могла.

— Потому что это он был в Африке в плену! Это его искусила гиена! Это он озлоблен на весь мир. — Оказывается, кот знал о Шастеле не меньше меня. — И потом, ты только вспомни его, примени законы физиогномики, и тебе сразу станет ясно, кто главный злодей в этой истории!

Я вспомнила слова бедняги о том, как тяжело жить с такой внешностью — чуть что случится, все валят на него, — и покачала головой. Профессор мгновенно сменил тактику:

— Одна моя... то есть один мой знакомый рассказал много интересного о семействе Шастелей, а некоторые сведения были и в досье по делу жеводанского оборотня. Об Антуане, например, там сказано, что в детстве он поджигал кошкам хвосты, кидался камнями в собак, отрывал мухам лапки и кусал пауков.

— Какой леденящий ужас! — не выдержала я, представив бедных пауков, протягивающих к Шастелю длинные мохнатые лапки в тщетной мольбе о пощаде.

— Вот видишь, как полезно иногда читать материалы дела? Так что ты подежуришь у дома старшего брата Клода Шастеля, там же проживает и глава семейства. Место непьющее и максимально безопасное.

— Ладно, для разнообразия, уговорили... Но я толком не знаю, где этот дом и как он выглядит!

— Не беспокойся, мы тебя проводим, но постарайся не показываться им на глаза. Существует определенный процент вероятности, что оборотень сам старик или его сын Клод, — на всякий случай напомнил агент 013, покровительственно похлопав меня по ноге.

— Ой-ой-ой, спасибо за заботу! А то я не знаю!

— Вот и отлично, — наконец вставил слово Алекс. — Ты же понимаешь, что у нас не будет возможности прийти к тебе на помощь.

— Так что уж кричи не кричи, но...

— Все понятно, выкручусь, — невинно улыбнулась я, попытавшись исподтишка наступить зануде на хвост, но Пушок мгновенно обернул свое пушистое достоинство вокруг пуза и удовлетворенно хмыкнул:

— Прощай, милочка! До встречи завтра утром у большого валуна на перекрестке дорог близ старой мельницы.

— Где-где-где? Какие там перекрестки, какая еще старая мельница?

— Вон там, за деревней, — неопределенно махнул лапой все еще довольный своей ловкостью кот. Так бы и пнула его под зад, но почему-то не посмела — видно, барьер какой-то психологический. Я посмотрела на Алекса — неужели он полностью солидарен с котом?

— Нет, не полностью, но разница в трактовке деталей несущественная, — добил мой возлюбленный, отвлеченно ковыряя в зубах зубочисткой. Я поджала губы, чтобы не разразиться упреками и руганью...

Откуда-то из-за угла вышли солдаты с ружьями на плече. В голове на мгновение родилась идея, а не пожаловаться ли им, что меня тут притесняют как женщину? Но солдаты, к сожалению, до нас не дошли, развернувшись к домику на отшибе. Вскоре туда заспешили любопытствующие.

— Кажется, они в гости к папаше Мерло, — флегматично заметил командор.

— Я не буду дежурить одна, мне скучно! — непреклонным тоном заявила я, для

пущего эффекта топнув ногой. Увы, они на меня и не посмотрели: их внимание было поглощено местным «ликантропом», которого, судя по всему, вели в участок.

— Ой, мамочки! Это же все из-за маркиза! А может, еще можно что-то сделать? Давайте окружим солдат и освободим бедного арендатора?!

— Вряд ли он поблагодарит нас, если мы его облагодетельствуем, перебив конвой и вынудив бросить землю и сорваться в бега, — логично возразил командор.

Брыкающегося и выкрикивающего ругательства «неплательщика» запихнули в строгую черную карету, поджидавшую невдалеке. Толпа быстро рассосалась, оставив посреди улицы тетушку Жустину — безутешную жену арестованного.

Я посчитала своим женским долгом утешить бедняжку, расписывая ей прелести безмужней жизни. Но она на меня так дико посмотрела, что я сразу почувствовала себя полной дурой.

К ночи здорово похолодало. Решив переодеться в гостинице, я поманила за собой Алекса, сказав, что мне надо с ним поговорить наедине. Тот обрадовался, видно рассчитывая на что-то совсем другое. Посмурневший кот хотел нагло увязаться за нами, но Алекс попросил его по дружбе заняться чем-нибудь другим. Например, проследить за Антуаном Шастелем, который опять прохромал мимо, окатив нас все тем же ненавидящим взглядом.

Не понимаю, как он несет службу лесника? Ведь в лесу полно непроходимых мест, где нужны крепкие здоровые ноги, способные подолгу не устать. Но, похоже, несмотря на то что одну ногу волочит и ходит с костылем, он мужик довольно выносливый. Обратите внимание — ведь он целый день шастает по деревне, только я уже третий раз его вижу сегодня.

В номере я окончательно прижала любимого к стенке. Во всех смыслах...

— Слушай, если вы серьезно хотите оставить меня одну на всю ночь у дверей вервольфа, я имею право поставить одно условие.

— Какое? — мимоходом поинтересовался Алекс.

— Перед смертью я хотела бы узнать, что за негодяя я любила?!

— Значит, у тебя еще кто-то был?! — мигом расстроился Алекс, с поистине мужским простодушием не допускающий и мысли о том, что «негодяй» это он сам.

— Хватит ерничать. — Я надеялась, что он все-таки ерничает, а не думает обо мне так плохо, и не такой дурак. — Я имею в виду, кто ты, откуда, каково твое происхождение? Хочу знать все здесь и сейчас!

— Ладно, будем дежурить вдвоем — сегодня у одного дома, завтра у другого. Кто знает, вдруг один из братьев отправится с ночевкой к другому? А такое почти наверняка случится, если у одного этой ночью сгорит дом... — неуверенно начал Алекс, полностью игнорируя мой вопрос.

Я слегка остолбенела... Ну и ну, сам командор, честнейший и порядочнейший мужчина, может решиться спать чужой дом, лишь бы не говорить... Нет, я не выйду отсюда, пока его ТАЙНА не будет раскрыта! Шагнув к двери, я нервно заперла ее на ключ.

— Милый, сколько у нас времени? — воркующим тоном поинтересовалась я, мягко кладя ему руки на плечи.

— Э-э... О-оу... сколько угодно! — обрадовался Алекс, обнимая меня за талию и привлекая к себе.

— А как же ночная вылазка?

— Ну-у, надеюсь, они проспят эту ночь в своих постелях, без всяких попыток обратиться в волка! Просто я думал о главаре, то бишь Пастухе Волков... в стаю принято... уходить... по ночам, потому что... обычные волки хищники ночные, — туманно говорил Алекс, перемежая слова поцелуями.

— Прекрасно, значит, ты успеешь мне рассказать все и со всеми подробностями! — твердо заключила я.

Алекс отстранился с расстроенным видом. Нет, милый, меня не подкупишь душевными муками! Давай выкладывай все начистоту, настал для тебя момент истины. В последней

надежде заглянув мне в глаза и встретившись с нежным, но непреклонным взглядом, он сдался:

— Ладно, ты хочешь знать, где моя родина?

— И не только...

— Она на одной далекой планете, даже не из нашей Галактики, названия ни той, ни другой тебе ничего не скажут. Там живут люди, мало чем отличающиеся от землян.

Мы сидели на кровати, повернувшись друг к другу. Я видела его глаза и понимала, как мучительно ему дается каждое слово, в какой-то момент мне стало ужасно стыдно за себя. Неужели ради пустого любопытства и упрямства я вынуждаю любимого человека переживать что-то крайне неприятное или даже страшное. Я хотела остановить его, но у Алекса было такое отстраненное лицо, что стало ясно — он меня не услышит, к тому же любопытство все равно никуда не делось...

И тут в дверь с силой заскребли крепкие, знакомые коготки.

— Эй, открывайте скорее, выходите, новое нападение!

Я мгновенно открыла, впуская взбудораженного кота, правда, взбудораженность его, как оказалось, была несколько преувеличенной.

— На меня напали собаки! — задыхаясь, словно от долгого бега, сообщил агент 013. — Воды! У меня сейчас будет обезвоживание!

Я протянула ему кувшин для умывания. Жадно напившись, кот оближал усы и пояснил:

— Пошел я за Шастелем, и тут дорогу мне загораживает целая банда деревенских псов — грязные, нечесанные, с клыков слюна капает, вот мерзость!

Я почувствовала нехорошее желание слегка придушить хвостатого притвору. Такую откровенную беседу обломал...

— Вы же знаете, для меня все собаки на одно лицо, но эти... Держу пари, это сам Шастель натравил их на меня! Он знает обо мне, он все знает о нас! Я имею в виду то, что мы агенты Базы, борющиеся с такими, как он, — патетично взвыл Профессор, пытаясь обнять лапами мою руку и побиться лбом об пол.

— Спокойствие, агент 013, без паники! Возможно, ты прав и этот Шастель действительно что-то задумал. Главное, в каком месте ты его в последний раз оставил и в какую сторону он направлялся? — глядя Пушка по заливку, уточнила я.

По лицу Алекса было видно, что он отнюдь не расположен сию же минуту срываться в погоню. В его серых глазах все еще отсвечивали разбуженные мной воспоминания о прошлом, остающиеся тайной для окружающих и пока еще для меня...

— Он не Пастух Волков, он Пастух Собак! Собачий главарь, вожак, он может управлять ими, ведь у собак еще осталось генетическое стремление объединяться в стаи. Колдуну-вервольфу управлять стаей собак почти так же легко, как и стаей волков, а может быть, даже проще. Диких волков успешно отстреливают, а жизнь в обществе диктует свои правила.

— Но какой практический смысл управлять собаками? — очнулся командор. Честно, я хотела задать коту тот же вопрос, но побоялась в очередной раз показаться глупой. — Если нет никаких фактов нападения собак на людей.

— А вы задумывались, почему собаки не предупреждают хозяев о приближении оборотня? Говорю вам, он управляет ими!

— Все равно не понимаю, — сдалась я. — Превращается в волка, повелевает собаками, а в Африке этого Шастеля еще и гиены покусали. Не повезло дяденьке с «меньшими братьями»...

— Да он вполне мог подхватить вирус Лик-V, относящийся к классу ретровирусов и влияющий на изменение ДНК. Эта дрянь заражает человека частью ДНК животного, причем необратимо! Инфекция, которую заносит обычный крупный хищник, не излечивается. Причем если это была гиена, то и превращаться он должен в гиену, а не в волка. А здесь орудует именно волк!

— Пусик, ты окончательно меня запутал... Значит, гиена здесь ни при чем?

— Шастель мог и солгать, — пояснил Алекс. — Если всем рассказывать, что тебя покусал волк, после чего стали расти когти и покраснели глаза, любой дурак поймет, что вервольфа больше искать не нужно.

К этому моменту я уже набросила теплую вязаную шаль, и мы все трое быстрым шагом вышли на улицу, прямо в мягкие летние сумерки. Кот вел нас туда, где затерялись следы младшего Шастеля, у Алекса было с собой ружье на случай, если собаки еще не ушли. Собачки нам и впрямь попались, две или три гавкающие дворняги. Причем все достаточно сообразительные — увидев ружье, тут же сделали вид, что просто гуляют.

— Интересно, про какую тайну говорил Жеркур? — бормотала я себе под нос. — Мне действительно показалось, что ему угрожает реальная опасность. Это я не к тому, чтобы взять его под охрану, но... Может быть, то, что он знает, и вправду важно?

Мои агенты подумали и, признав мою правоту, пообещали Жеркура взять на заметку. В деревне было не так много улиц, поэтому мы быстро нашли лесничего. Он продавал трактирщику дичь, стоя у черного входа. Фазаны, куропатки, кролики — все это вытаскивалось из большого мешка, который держал стоящий рядом светловолосый мужчина, чуть пониже Антуана ростом. Он стоял спиной, поэтому лучше рассмотреть его не удалось.

Нас не заметили, мы успели вовремя отступить за угол.

— С вас четыре ливра, милейший. Покорнейше благодарим, следующая поставка будет послезавтра. Вы уж простите, я помню, что вам надо бы свежую дичь завтра с утра пораньше, но увы... Нам предстоит беспокойная ночь, и вряд ли мы управимся до рассвета со своими делами, чтобы заняться вашими, хе-хе-хе...

— Господи помилуй! — вздрогнул трактирщик. — Месье Шастель, вы уж так не пугайте... Ну и шутки у вас!

— Если все меня считают оборотнем-волком, как я могу к этому относиться? Даже вы думаете, что это я, иначе бы не испугались невинной фразы. Леснику и ночью в лесу работа найдется...

— Да, да, месье Шастель, прошу прощения! Ну, удачи вам, да хранит вас... э-э...

— Дьявол! Милейший месье Жерар, только дьявол хранит калеку Антуана Шастеля. Кстати, эту дичь добыл Клод, мой братец Клод. Господин маркиз отпустил меня на три дня подлечиться — я как инвалид постоянно нуждаюсь в уходе, нога снова ноет как проклятая...

— Поправляйтесь скорей, месье Шастель! Спасибо за дичь, если бы не вы с братом, я бы прогорел, ей-богу. Посетители теперь избалованы, требуют куропаток да фазанов... Никому нет дела до того, что это господский лес и вся дичь там собственность маркиза, а продавать ее нам он не желает. Хорошо, хоть вы понимаете наши нужды...

Мы вовремя юркнули в главный вход, а Антуан с братом быстро скрылись в темноте.

— Он просто нелегально отстреливает дичь в лесу, принадлежащем маркизу, и продает папаше Жерару. И что, ради этого «секретного предприятия» он натравил на меня собак? — Профессор был дико возмущен и разочарован. Его теория о том, что «нас раскрыли», таяла как прошлогодний снег...

— Вообще, агент 013, только не обижайся, но собаки гораздо чаще нападают на кошек по собственной инициативе, чем по наущению колдуна, — не удержавшись, позлорадствовала я, садясь за столик. — Боюсь, что версия насчет «вожака собак» несколько... э-э... жидковата и вовсе не подкреплена фактами.

Мурзик посмотрел на меня как на последнюю предательницу:

— Я не мог ошибиться! Вы же сами видели, вы видели, какие осмысленные глаза были у этих шавок. Если бы не ружье...

— Ничего мы не видели. — Я прикрыла Алексу рот, потому что он собирался что-то сказать — скорее всего, как всегда, поддержать кота. — Хватит пустых фантазий и болтовни, у меня тоже есть нервы!

— Зачем ты так с ним? — тихо укорил меня Алекс, когда я убрала руку.

— Не знаю... самой стыдно. Просто ходим, ходим и никак ни до чего не дойдем! Где он, ваш вервольф?! — с тоской выкрикнула я, так что на нас обернулось несколько человек. Пришлось радостно улыбнуться, дабы сочли смешливой душой. Самое обидное, что все так и подумали...

Двое охотников слева обсуждали сегодняшнюю облаву в лесу — было убито шесть волков, при детальном рассмотрении оказалось, что это не оборотни.

— Мы ведь в лесу еще не были, а там можно найти какие-нибудь следы, — примиряюще заметил Алекс. — Завтра с утра и пойдем. А на сегодня встреч больше нет, только слежка. У гробовщика Жульена в мастерской мы уже были, с «ликантропом» знакомы, Антуана Шастеля видели, с «жертвой» оборотня поговорили — день был продуктивным...

— Вообще-то есть еще старуха-колдунья или просто профессиональная гадалка, — встрепнулся кот, — о которой вчера говорил папаша Жерар.

— Бабушка Мариет?! Ну, разве что у нее имеется сын или внук призывного возраста, не ее же саму ты имеешь в виду.

— Ты угадала, деточка, — гордо выпрямился агент 013. — Наш объект вполне может быть и волчицей, ибо живых свидетелей, видевших его (или ее), нет.

— А как же Жослин?

— Ах да, эта милейшая девушка... Что ж, она говорит о нем как о Волке, но где доказательства, что она отличит волка от волчицы?

Кот был поистине кладезем идей, такому живому уму, а главное, фантазии, любой писатель бы позавидовал. На мой взгляд, выросшая в сельских условиях Жослин точно знает, ЧЕМ именно волк отличается от волчицы. Но целомудренному Пушкин это в голову не приходило...

— Так вот, если старуха действительно колдунья, — с энтузиазмом продолжал он, — то вполне может с помощью колдовства обращаться в Волчицу и управлять волками. В дневное время она легко притворяется бедной бабушкой без пенсионного содержания, зарабатывающей на хлеб ворожбой и гаданием. История знает случаи, когда волком-оборотнем была именно женщина. Я ведь пытался тебе рассказать о французских вервольфах, но ты решила поупражнять свои вокальные данные. А между тем был реальный случай, когда...

— Ладно-ладно, решено, мы пойдем к мадам Мариет, — поспешил вмешаться Алекс, тоже не особенно расположенный к заумным рассказам.

— Только завтра, поздно уже, — заметила я. За окном стояла настоящая ночь, но кот уперся рогом, и пришлось выяснять у трактирщика, не поздно ли нанести визит одинокой пенсионерке. Оказалось, самое время! К ней никто и не ходит до наступления темноты...

Колдунья жила на окраине, недалеко от дома папаша Мерло. Надо признать, приняла она нас вполне гостеприимно, даже чаю предложила, — с сушеными травами непонятного назначения. Мы не рискнули... В центре единственной комнаты стояли большой стол и три табурета, в одном углу старый буфет, в другом — комод, на нем мутное зеркало с разводами, и всюду темень и духота.

— Шадитесь, мои птенчики, шадитесь, мои дорогуши, — прошамкала гадалка. — Што же привело ваш, детки мои, к доброй тетушке Мариет? Беда иль нишшаштье, а может, большое любовное горе?

— Скорее последнее, — кивнула я. Мы осторожно присели, а кот тихо шмыгнул под стол.

— Мэ-эм, так я и думала, — удовлетворенно пробормотала старуха, поправляя на плечах полуистлевший капот.

Что-то вдруг слабо угукнуло в углу. Приглядевшись, я заметила клетку под потолком, в ней сидел унылый коричневый филин. Сразу захотелось спросить его о белой сове, нашей белокрылой помощнице в деле с ангьяком, может, они знакомы? Но не решилась, хозяйка еще придурочной сочтет из-за того, что я с птицей разговариваю.

Старуха смерила нас троих пытливым взглядом, дольше всех задержавшись на Алексе. Бедняга поневоле покраснел. Потом вдруг, смущенно откашлявшись, понес какую-то ахиною о том, что ко мне сватается явный прощелыга, а я по своей девичьей доверчивости этого не замечаю и, несмотря на мудрые предостережения старшего брата, твердо решила выйти замуж именно за этого сомнительного типа. Который, кстати, является опасным маньяком, беспощадно ошипывающим птиц заживо, дабы сшить себе костюм из их перьев...

Филин в клетке встревоженно завозился, но не поверил и вновь принял уныло-сосредоточенный вид.

— И куда он себе вставлял эти перья? — скептически поинтересовалась я. Глупый рассказ командора в очередной раз выставлял меня перед чужими людьми круглой идиоткой.

— Он наклеивал их на специально сшитое трико с капюшоном! Ты этого не видела, родная...

Кот по-шпионски исследовал комнату, беззастенчиво лазая во все углы и нагло открывая когтями дверцы чужого буфета. Один раз он даже решительно отодвинул старуху, которая ему что-то загоразивала...

— Не ищет ли ваш котик мешта шправить швою нужду? — неприязненно прошипела она, перебив болтовню командора.

— О нет! У вас, видно, грызуны водятся в изрядном количестве, а наш охотник их чувствует, — смело заступилась я, выгораживая Профессора.

— И правда, дошенька, ошень много мышей, даже крыши есть! Кота бы надо, мошет, оштавите швого? Шую, маштер в этом деле. У меня-то был один, да только крыши его шестоко отравили...

— Как это?

— Подшунули ему мышь, которую подло напишкали мышьяком, украв яд иш моих шапашов! Мышьяк-то как раш в той банке лешит, что ваш котик обнюхивает...

Агент 013 поспешно отпрянул в сторону, шарахнувшись от полки с множеством баночек с черепами на наклейках. Алекс же завершил свой сивый бред на том, что привел меня к почтенной и уважаемой бабушке Мариет выпить какое-нибудь отворотное зелье из безвредных для организма трав.

— Мое отворотное зелье не иш трав готовитша и бешвредным не бывает, — поделилась старуха, многообещающе подмигивая. — Но шутки в шторону, вы ведь шовшем за другим ко мне пришли, гошподин королевшкий егермейштер?!

Ага, классическая фраза практикующей шарлатанки. Бабка знает свое дело, хотя ложь Алекса не могла бы обмануть и ребенка.

Что-то со звоном упало, это кот опрокинул на пол какую-то миску, шуруя на комод. Мы с Алексом попытались вежливо возмутиться, надо же было как-то отреагировать на ее слова.

— Вы хотите шнать, кто есть волк-оборотень, угнетающий нашу деревню, — убийственно точно заключила колдунья, спокойно подошла к двери, выглянула, нет ли кого на улице, и, повернувшись, добавила: — Я могу вам открыть этот шекрет. Скашу инаше — только вам я могу выдать это штрашное шнание!

При этом лицо старухи приняло очень торжественный и даже потусторонний вид, а глаза загорелись мистическим светом. Мы втроем, включая и кота, заинтригованно замерли в ожидании «божественного откровения».

— Но я не могу это делать бешплатно, инаше духи вам не помогут. Злодей вырветша, вшех покушает и убешит, — с эмоциональным придыханием выдала мадам, пафосно размахивая руками.

— Да, да! Разумеется, мы заплатим, — поспешно согласился Алекс, роясь в карманах. Напрасно, все деньги были у кота в кошельке, а его он спрятал в гостинице в матрасе, специально проковыряв для этого дыру и высыпав ржаную солому.

Старуха похабно улыбнулась, обнажив по одному длинному желтому зубу в разных углах рта.

— Это нешkoľко иная плата, молодой шеловек. Хе-хе-хе... Деньги у меня ешь, а вы ошень крашивый мушчина, вот бы провешти ш таким хотя бы одну ношку. Шоглашиться, это не так много, ша штоль вашны для ваш шведения, а?

— Вэк! В смысле что-о?! Да ты спятила, корова безрогая!

Я вскочила из-за стола, крепко схватила за руку шокированного командора и без разговоров выволокла его на улицу. Профессор пытался нас остановить, но я его просто не поняла, решив, что он возмущен не меньше.

— Извращенка старая, я еще вернусь! Про вервольфа мы и сами узнаем, а вот три позы из камасутры под стулом ты у меня за вечер выучишь! — пообещала я из-за забора.

Старуха оставалась на удивление спокойной:

— Надумаете — приходите, буду ваш шдать. Пошему-то уверена, што вы шоглашиться на мое маленькое ушловие...

Уже на улице, присев на чьи-то бревна, мы попытались унять сердцебиение. Алекс еще находился в прострации, меня трясло от нервов, а кот безостановочно укорял нас в эгоизме и чистоплюйстве. Стараясь, впрочем, держаться подальше от моих рук...

— Агенты должны отложить на второй план личные эмоции и думать только о деле! «Все ради операции!» — вот наш лозунг. А вы презрели его, малодушно предали наши идеалы, позорно бежав от трудностей. Друзья, мы обязаны вернуться! Долг агента Алекса психологически перебороть себя и выполнить просьбу колдуньи. Да, это трудно, да — тяжело, но... Максимум через пару часов (или немного больше, это зависит от потребностей мадам Мариет)...

Командор зажмурился и тяжело застонал, но его напарник неумолимо продолжил:

— ...мы узнаем имя жеводанского оборотня! А значит, тут же ликвидируем его на месте и сразу вернемся на Базу героями! Кстати, получим законную премию... Мрм, ибо операция будет закончена в кратчайший срок!

— Ты... ты... Ты просто толстый, хвостатый иуда! И если еще услышу от тебя хоть одно слово на эту тему — пеняй на себя, — рявкнула я, обеими руками обнимая бедного Алекса. — Раз ты ради премии на все готов, вот и иди к этой проклятой бабке мышей ловить! Кот ей нужен не меньше, так что, может, она согласится на твои услуги. Но нет, ты своей шкуркой рисковать не станешь, побоишься, что и тебя крысы мышьяком отравят! Эгоист несчастный...

Профессор потербил лапкой нос и обиженно фыркнул, наши взгляды невольно сошлись все на том же Алексе.

— Погодите, мы же ничего не знаем о Клоде... Ну, кроме того, что он собирает травы и помогает брату в нелегальном отстреле фазанов. Согласитесь, это подозрительно! Даже трактирщик Жерар говорил о том, что о Клоде Шастеле никому ничего не известно. И это в деревне, где каждый с детства на виду! — заговорил командор, пытаясь быть убедительным и с надеждой глядя в непреклонную физиономию кота. — То есть, я хочу сказать, преступник практически на поверхности, и идти на поводу у беззубой колдуньи просто глупо...

Но агент 013 логично возразил, что, наоборот, глупо не воспользоваться столь удачно сложившейся ситуацией, и так далее, и тому подобное, в общем, все по второму кругу. Дотянуться до него я не могла, хитрец, вняв моим предупреждениям, держался на расстоянии.

Было уже поздно, часов двенадцать ночи. Как-то незаметно, сами собой ноги привели нас к трактиру, и все планы по «слежке на два дома» растворились в небытии... Не знаю, как остальные, но я за весь этот день страшно устала, и мне наплевать и на ребят, и на задание, и на оборотня, пока как следует не выплусь...

Утром ко мне в дверь заскребся кот. Я сонно повернулась на другой бок и сунула голову под подушку. Возмущенный Мурзик гнусаво возопил, что прекрасно знает, что я не сплю, что они меня больше ждать не станут и придется мне завтракать одной.

Это было бы замечательным подарком, но надежды мои не оправдались — кот упрямо соскребал краску с двери. С приятной мыслью, что это увидит горничная и отшлепает паршивца веником, я снова погрузилась в сон.

— Алина! Я еду к бабке, агент 013 меня за ночь убедил. — Сдержанный голос Алекса мгновенно выбросил меня из кровати.

— Нет! Ни за что! Я не позволю! — Махом распахнув дверь, я, как груша, повисла на шее у любимого. Агент 013, отворачиваясь, скусил нарочито постную физиономию, похоже, он был уверен в своем влиянии на друга и коллегу...

— Никаких бабок! Я сейчас же пойду к Клоду Шастелю и под пытками заставлю его сознаться во всех преступлениях, совершенных в Жеводане за последние десять лет! Он у меня двадцать раз признается в занятиях оборотничеством, спекуляцией, браконьерством и в том, что он и есть то самое чудище по кличке Зверь из Жеводана.

— Не надо, нет никаких доказательств, что это он, — твердо возразил командор с видом Иисуса, готового идти на Голгофу. — Я должен исполнить свой долг!

Завтракали в самом унылом расположении духа. Алекс совсем ничего не съел, размышляя о своей горькой судьбе, у меня же от волнения, наоборот, страшно разыгрался аппетит, а у кота он всегда отменный. Оказывается, ночью спала только я, а мои товарищи честно бдили за домами обоих братьев. Поджигать, слава богу, ничего не пришлось, но и ничего подозрительного выявлено не было. Судя по всему, Шастели мирно проспали до утра, ни в кого не оборачиваясь...

Потом я невольно заметила, что в тихой и миролюбивой атмосфере трактира папаши Жерара произошли существенные изменения. Деревенские жители, почему-то хмурые и сосредоточенные, разбились на кучки, шепотом переговаривались, озираясь по сторонам. Алекс тихо пояснил, что народ собирается бунтовать — с вилами и дубинками идти к замку маркиза и требовать освобождения ликантропа Мерло. Их лозунг: «Лучше освободи нас от настоящего оборотня, а безобидных стариков оставь в покое!» Снаружи слышался всевозрастающий недовольный гул...

Выглянув на улицу, мы увидели целую толпу мятежников, какой-то доброхот ораторствовал с телеги, при ближайшем рассмотрении оказавшийся поваром из трактира. Наверное, многие постояльцы гостиницы останутся сегодня без обеда, если повар сочтет своим долгом возглавить шествие... Но вскоре его сменила жена арестованного, горячо призывавшая народ идти до конца и при любом повороте событий освободить ее мужа из заточения, а замок маркиза сжечь, чтоб неповадно было впредь так измываться над простым человеком и думать, что если ты монсеньор, то тебе все позволено!

— У господ должны быть не только права, но и обязанности! Чья обязанность огородить нас от волка-оборотня?! Конечно же нашего маркиза д'Абажура!

— Точно, а то ведь нам и ружья запрещено иметь! — взобрался на телегу следующий горлопан. — У нас нет замка, в котором мы могли бы укрыться от Волка. Наши женщины и дети гибнут от лап Зверя. А он в это время арестовывает безвинного человека, нашего односельчанина, можно сказать брата, доброго месье Мерло, который, видите ли, не заплатил за аренду. Вперед, друзья мои, и выскажем все это самому маркизу!

— А что, если д'Абажур вызовет войска из центра? — обеспокоенно повернулась я к напарникам. — Ведь король наверняка отслеживает все вспышки недовольства и жестоко карает мятежников.

Но командор махнул рукой:

— Это далеко не первый бунт в этих краях, а людям давно без разницы, от чего умирать — от штыков королевских солдат или зубов Волка. К тому же внакладе они не остаются, опустошая замок господина от старого флага на самой высокой башне и до винных погребов в глубоком подвале. Тоже правильно, когда еще придут эти усмирительные войска...

— Так оно и будет, молодой человек, кхе-кхе-кхе, — проскрипел, довольно усмехаясь, какой-то дряхлый старик, стоящий рядом. — Мы покажем злодею, как нас притеснять. А

графские-то сапоги мне придутся как раз впору! Последние, что я у него отобрал, уже успел износить. Надо-олго хватило, кожа-то не сыромятная, лучшего качества...

— Но тут вроде маркиз, — поправила я старика.

— Какой маркиз? Граф д'Армагедон! Я-то еще не такой старый, чтобы не помнить, как мы его замок в сорок седьмом по камешку растащили. Хороший тогда хлев для скота у моего отца получился...

— Да не слушайте вы полоумного старика, у него давно в памяти все перемешалось, — посоветовал нам все тот же повар. — Никогда мы здешний замок не рушили, сжигали пару раз, было дело, но чтоб по камням растаскивать! В такой расход вводить нашего господина, чтоб все заново нам же и отстраивать пришлось... Не такие мы болваны!

И народ, прихватив вилы, серпы и косы, пошел к маркизу с суровой решимостью в лицах — я даже всерьез заопасалась за судьбу д'Абазура. Пусть он гадкий мизантроп, но все равно очень несчастный человек, с такими-то соседями...

Мы решили посмотреть, что из всего этого выйдет, старуха-колдунья в любом случае никуда не денется, если только не помрет в ожидании. А час-полтора отсрочки для бедного Алекса явился если уж не глотком свежего воздуха, то хотя бы сквознячком, проветрившим затуманенный от страха мозг. Профессор первый настоял на просмотре исторического события и припустил вперед.

Замок сохранял весьма неприступный вид, никак не реагируя на прибытие толпы, принявшей громко зачитывать список требований.

— Им надо было рупор взять или транспаранты с лозунгами типа: «Свободу от господского произвола!», «Верните нашего брата ликантропа!», «Требуем уменьшения арендной платы за землю на пятьдесят процентов!», «Не душите нас поборами!», «Ваш долг — защитить нас от Зверя!», «Доколе терпеть?!»...

— Хватит-хватит! Ты просто фонтан лозунгов, деточка, не привлекай к себе излишнего внимания. У нас в Мартэне свое задание, а если маркиз увидит тебя в окошко с твоими выкриками, то может подумать, что это ты явилась идейным вдохновителем бунта, и нас выселят отсюда в двадцать четыре часа! Хотя... с другой стороны, к этому времени мы уже должны закончить нашу операцию. Даже наверняка закончим, раз агент Алекс соглашается на... ну ты понимаешь...

— Конечно! Поэтому можно я кину этот камень вон в то окошко? Кажется, это спальня маркиза...

— Это форменное хулиганство! Мне надо тебя еще долго воспитывать, Алиночка. — Слова кота не соответствовали мятному голосу. Он умильно смотрел на меня, облизывая губки.

— Но все же кидают! Почему мне нельзя?! — поддалась я всеобщему ажиотажу. Надо сказать, что жители Мартэна ждали не менее полминуты, после того как высказали все протесты и требования. За эти полминуты они внимательно послушали тишину, которая была им ответом, и приступили ко второй стадии убеждения, забрасывая стены замка сотнями булыжников. Благо что орудий протеста вокруг валялось предостаточно!

Но уже через четверть часа гневный пыл угас, и народ, постояв и покричав для профилактики, с достоинством удалился, дав маркизу три дня на размышление. Дескать, потом они вернутся и точно все разгромят. Люди разбрелись по своим делам — кто в поле (надо было косить сено), кто на пасеку (некоторые держали пчел), а кого ждала работа по дому. Цивилизованный мини-бунт в культурной Европе...

В толпе мы разглядели папашу Шастеля с белобрысым парнем. Наконец-то братец Клод явился нам с лица. Что-то, когда мы шли к замку, я их не заметила, видно, не очень активно бунтовали...

Увидев нас, Жан Шастель рванулся вперед, уводя сына подальше. Клод, похоже, не возражал, только, перед тем как уйти, прошелся внимательным взглядом по нашей команде, сощутив глаза. Я почему-то испугалась, но, по обыкновению, спряталась за спину командора, и страх сразу отпустил...

На обратном пути нам встретила старая ведьма Мариет, с мерзкой улыбкой перегородившая дорогу. Бабка неожиданно выскочила из-за толстого вяза, где держала наблюдательный пост.

— Ты ко мне, милоч?! — Она кокетливо повела бедром, взмахивая юбками, отчего с бледным Алексом едва не случился обморок. Хорошо, что кот, соблюдая конспирацию, не смог закричать: «К вам, к вам!» — хотя его буквально распирало. Командор медленно покачал головой, как заржавелый робот, и попытался на негнущихся ногах спастись бегством.

— Ну ладно, я еще подожду... временем, шлава богу, не обделены! — оптимистично отреагировала старуха. Крутанулась на каблуках и исчезла, так что мы даже не успели понять куда...

Мимо прошептал Антуан Шастель. Шляется, зараза, как у себя дома! Значит, в лесничестве не ночевал, а интересно, чем же они с братцем занимались ночью? Ладно, раз никаких сообщений о новых жертвах не поступало, то и улики нет.

— И что это он все время вокруг нас крутится? Или специально заманивает?! — недоуменно пробормотал командор.

Это все старуха виновата — все мысли сбивает, надо было больше внимания уделить двух братьям-рецидивистам. Даже если они не оборотни, все равно что-то здесь темное, нечистое, хотя бы в отношении закона. Продажа куропаток трактирщику не в счет, так себе, мелочь. Тут что-то покрупнее...

— Отличный повод пойти и обыскать его дом, — сказал Алекс, будто забывший о существовании колдуньи.

— Никуда мы не пойдем, а вот ты, напарник, сию же минуту отправишься к... — прорвало, наконец, кота, но я с головой накрыла его шалью. Помолчи, зануда...

— А вдруг там огромный бультерьер дежурит у входа? — продолжила я разговор. — Но ты прав, у него дома мы можем найти что-нибудь типа пирожков с мясом, в которых попадаются человеческие ногти. А если хорошо покопаться, то отыщется и потайной подвальчик, где лежат золотые медальоны с портретами всех убитых девушек и с локоном волос в каждом. Так заведено у всех маньяков-убийц, только в нашем времени они коллекционируют фотографии жертв, а здесь, во Франции восемнадцатого века довольствуются портретами в миниатюре.

— Алиночка, ты слишком много говоришь... Прислушайся к совету Профессора — взвешивай каждое слово, и твои слова обретут ценность золота, — поучительно заметил агент 013, высунув нос из-под шали и безапелляционно вмешавшись в разговор. Или он смирился, или я разбудила его любопытство — не важно! Главное, что «сдача Алекса в аренду» откладывалась...

Мы спустились под гору, на опушке стоял довольно большой лесничий дом, или скорее служебный, поскольку он числится за тем, кто состоит у маркиза на должности лесника. Отсюда открывался обширный вид и на лес, и на деревню — идеальное место как для хороших, так и для дурных занятий...

Собаки во дворе не было — ну естественно, если Шастель все-таки вервольф, какая собака уживется с волком? Сам двор довольно запущенный, чувствуется отсутствие женской руки. Одно из окон дома было открыто, вот и замечательно...

«Ловушка?» — подумала я, спокойно влезая внутрь. Алекс полез вторым, и я поджентльменски подала ему руку. Любопытного котика мы послали обходить дозором слишком легко взятую крепость. Мурзик, поверчав, удалился.

Внутри было довольно просторно, закопченный потолок и большой черный камин, на стенах головы убитых животных: олени, лоси, кабаны, лисы и, разумеется, волки. Круглый стол в центре с какими-то мелкими фигурками на крышке. О-о-о... нет! Этого не может быть, неужели?!

— Похоже, это действительно Брейгель! «Семь смертных грехов», выполненные его собственной рукой. Надо же, а используется как простая столешница... Кстати, у маркиза в

прихожей висит «Вавилонская башня» того же Брейгеля, небольшая такая, можно и не заметить. Тем более что в тот момент нас выкидывали из замка...

— Сам Брейгель! Боже, у меня дыхание перехватывает... Кажется, «Вавилонских башен» было три — одна утеряна, две в музеях. Это была одна из последних лекций, которую я успела прослушать в институте, — вздохнула я. — А потом меня укусила Лощеная Спина и...

— Забудь о грустном. В конце концов мы можем утащить этот стол на Базу. — Алекс поднял его, прикидывая вес. — Хотя нет, стол не потянем, слишком тяжел, могут произойти временные сбои при переносе. Но столешницу в самый раз, поставишь на табуретку у себя в комнате, будешь приглашать меня на чашечку кофе или перекинуться в дурачка. Надо только отодрать ее, крепко сидит.

— Что вы творите, вандалы?! — донесся протестующий кошачий вопль с подоконника.

Агент 013 попытался взять себя в лапы и приглушить голос.

— Как искусствовед, я не позволю вам выламывать из столов достояние культуры, принадлежащее всем людям на земле, это же шестнадцатый век! — возмущенным шепотом провозгласил он, раскинув лапки, распластываясь на столешнице, в которую мы с Алексом вцепились обеими руками.

— А сколько де-е-е-нежек можно за него получи-и-ить! — ласково пропела я в ушко Профессору, зная его слабое место. Конечно, стол я никому не продам, но надо же как-то доставить его на Базу, и лучше бы без попреков со стороны кота. Потом-то он отойдет, и, может, ему даже понравится вечерами играть на нем в шахматы. Но хвостатый спец остался непреклонен, требуя, чтобы мы занялись обыском, иначе он не вернется на свой пост.

Пришлось уступить, времени на препирательства не было. Мы продолжили осмотр. В доме оказалась еще одна гостиная, три (!) спальни, кабинет и кухня. На столе возвышалась целая гора пирожков, но мы помнили, с чем они могут быть, и проявили силу воли.

— А я неразборчив в еде, — грустно заметил командор, с сожалением отводя взгляд от печева. У меня защемило сердце...

Как он сказал? «Неразборчив в еде»... Бедный Алекс! Я смахнула слезинку — вот до чего довело мое неумение готовить. Нет, теперь я обязательно научусь! Вернусь на Базу, буду брать уроки у Синелицега, перепорчу все продукты на кухне, но до получения положительного результата я не отступлю. И чего только не сделаешь ради любви!

— Какой красивый кабанчик был, кого-то он мне напоминает. — Я залюбовалась на клыкастую морду диснеевского Пятачка на стене, пока командор шарил среди бумаг в комод. Неужели маркиз заставляет Шастеля писать столько отчетов?

— Это вепрь, — запоздало ответил Алекс, он всерьез углубился в чтение.

Со скуки я засунула руку в раскрытую пасть вепря в надежде найти ключик от потайной комнаты, шкафа или шкатулки, но там ничего не оказалось, кроме дохлых мух. Разочаровавшись, я подергала кабана за щетину на морде, но под укоризненным взглядом стеклянных глаз поспешно прекратила измываться над чучелом.

— Посмотри, тут записи документального характера, повествующие о местном Звере. «Он вцепился зубами в подол жертвы, некой девицы по имени София Данон, проживающей по адресу: деревня Мартэн, улица Феодальная, дом № 2. Девица истошно завопила и, будучи вооружена палкой о двух концах, принялась молотить ею Волка по голове. Оборотень разжал челюсти и выпустил подол ее платья, дав Софии возможность бежать. Глубоко каялся Зверь в своей оплошности, однако же вскоре ему снова повезло. Две девицы шли с речки с корзинами чистого белья. Довольно облизываясь, кинулся он к ближайшему валуну и принялся терпеливо ждать в засаде. Короткая дорога была одна, и будущие жертвы неминуемо должны были пройти мимо. Время тянулось медленно — вервольф уже изрядно притомился. Он клял медлительность молодых крестьянок, держась лапами за худое чрево свое. Уже три дня он не ел ничего и теперь томился от голода, проклиная прохожего, укравшего его одежду, без чего он не мог принять человеческий облик. Но этих девушек ему съесть не удалось, они как дурочки пошли дальней дорогой...»

— Слушай, здорово! У лесничего настоящий литературный талант! А там есть имя Зверя? — Я тоже кинулась вместе с Алексом лихорадочно ворошить записи.

— Антуан Шастель, судя по тексту, давно знает злодея. Ради чего он документально фиксирует жизнь вервольфа — неизвестно: может, для науки, может, из тщеславия, а может, и вправду решил опубликоваться в Париже?

Записи были подробные, однако нигде не упоминалось имени жеводанского оборотня. Ни адреса, ни гражданской профессии, ни-че-го... Одно ясно: он из Мартэна и туда же всякий раз возвращается. Зато часто писалось о том, как много времени он проводит в лесу, промывая волкам мозги. Типа скоро люди будут нас страшно бояться и станут жалкими рабами волчьего племени. Мы захватим весь край, объявим Жеводанские горы суверенной территорией и устроим в Мартэне первую столицу Зверя!

— Непохоже, чтобы волки так уж активно следовали его советам, — заметила я.

— Ты права, у них сейчас другая забота — как спасти шкуру от охотничьих пуль и поскорее бежать в соседнюю Швейцарию. Когда они сообразят, кто виноват во всех их бедах...

— Им же нельзя послушаться Пастыря Волков. Наоборот, всецело верят каждому его слову, считая его посланным свыше.

— Волки не такие дурни. Хотя, конечно, Пастух, или Пастырь, для них больше чем вожак.

Агент 013 заглянул в окно:

— Все тихо, не кажется ли вам, друзья мои, что мы зря теряем время? Гораздо проще выполнить условие старой Мариет...

Алекс заскрежетал зубами наподобие тени отца Гамлета, а я показала коту кулак. В этот момент он обернулся и засек фигуру, поднимавшуюся по тропинке. Это был Клод, тихий собиратель трав. Минутой позже мы покинули дом лесничего через выломанную заднюю дверь, разумеется прихватив бумаги.

Мурзик скептически отнесся к нашей находке, сказав, что если в записках действительно нет имен и фотографий, то они годятся только на кулечки для семечек.

— Как ты не понимаешь! — праведно возмутилась я. — Теперь, следя за Шастелем, мы обязательно выследим оборотня! И не надо будет потворствовать прихоти этой старой мегеры!

— Да, если оборотень не ляжет на дно до следующего полнолуния, — саркастично отозвался кот, боясь, что Алекс передумает идти к старухе. Но слово командора нерушимо... обычно.

— Там было написано, что можно украсть его одежду, тогда он будет вынужден остаться волком, пока не отыщет свое рванье. А как он превращается в волка, опять же упущено. Может, Шастель спрятал эти записи отдельно?

Нам пришлось прервать жаркие дебаты, поскольку навстречу шли охотники из деревни, снаряженные по полной программе — ружья, пояса-патронташи, охотничьи сумки через плечо с «лисичкиным хлебом».

— Мы идем стрелять волков, господин егермейстер, — вежливо доложили они. Алекс рассеянно кивнул, сейчас его интересовало совершенно другое — как отделаться от обещания, выбитого из него изматывающе-бессонной ночью котом-гестаповцем.

Вообще охотники относились к Алексу как к непосредственному начальству. Иногда это было удобно, а иногда мы и шагу не могли ступить без сопровождения.

— А какой в этом смысл? Неужели жеводанский оборотень даст себя подстрелить, как обычного волка? — не удержавшись, влезла я.

— У нас нет выбора, мадемуазель... Устраивать крупную облаву — нет денег. Маркиз помогать не хочет, а его лесничий вообще вставляет палки в колеса. С утра нас из лесу выгоняет...

Ага, значит, Клод пошел к дому, а Антуан на работу, в лес.

— Что ж, тогда мы прогуляемся с вами, — встрепенулась я. Лес — лучшее место для

проведения дознания. Мерзкого укрывателя можно завести в укромные кусты и применить те меры допроса, которые у нас вообще-то применять запрещается. А что поделаешь, не очень-то верится, что в нем неожиданно проснется совесть...

Охотники были рады новой компании, а я жаждала скорой встречи с волчьим документалистом. Командор воспрянул духом, думая только об очередной отсрочке, хотя лучше бы о задании думал, а то так мы его никогда не закончим...

Только Пушок был недоволен и следовал за нами с самым разобиженным выражением на физиономии.

— Это ваш кот? — на ходу бросил кто-то. — Зря вы его с собой взяли, волки совсем взбесились, им теперь терять нечего. Отойдет на пару шагов, и съест его какой-нибудь оголтелый волчара! Не от голода, а так, в знак протеста...

Агент 013 опал с морды, мигом вскарабкавшись на плечо командору и испуганно озираясь по сторонам.

— Умный кот! Даром что такой жирный, а мозги еще работают, — подивились охотники. Профессор с трудом проглотил такие слова, но сдержался. А ведь отыграется при случае именно на мне...

Мы забрели в непроходимую чащобу, разговоры и смех стихли сами собой. Тишина какая-то подозрительная, птиц не слышно, и даже древесные жучки повывелись. Счастливые экстремалы рванулись вперед, высоко вскидывая ноги и размахивая ружьями. Да, женщинам на охоте делать нечего...

— Ой! А тут нет случайно диких барсуков? — на всякий случай поинтересовалась я у Алекса, жалея, что не спросила у охотников.

— Думаю, что нет, — успокоил он, — а знаешь, один раз мы как-то с напарником на лес Озабоченных Кроликов нарвались. Вот это было дело...

— Агент Алекс туда первым зашел, а вышел красный такой, словно ему в порнофильме сняться предложили... — поддел Мурзик.

Командор промолчал, но скинул с шеи обнаглевшего кота, а пока тот «делал свои дела» за деревом, дорассказал всю историю. Любопытный котик тогда сразу же побежал в лес, подсмотреть за кроликами. Правда, вернулся быстро, скорее выполз, окосевший до немоты, глаза круглые, видно, дорого ему обошлось его любопытство. Но что с ним сделали кролики, Профессор не сказал, до сих пор не говорит и обычно этой темы избегает. «Наверное, побили», — пожал плечами Алекс.

Впереди раздались выстрелы и крики людей. Нам пришлось продираться сквозь кусты, путь был нелегкий, уже четыре раза попадались трупы убитых волков. На одного я чуть не наступила...

— Прямо как по Мандельштаму: «В кустах придушенные волки глазами мертвыми глядят...» — дрожащим голосом попыталась пошутить я, но тревожная атмосфера не развеялась.

— А почему не «подстреленные»? Их же подстрелили, — не понял Алекс.

— «Придушенные» лучше звучит, небанально, и сразу образы фантастичные встают. Кто реально станет душить волков — это же смешно!

— Не смешно, а глупо, деточка, — фыркнул агент 013. — А вон, кстати, и Шастель, недолго мы его искали. Как раз успеем всех поймать и вернуться в деревню к обеду!

— Ты об одном только и думаешь, — упрекнула я кота, хотела еще обозвать его хвостатым чревоугодником, но не решилась, настолько обиженная у него была физиономия.

На открывшейся полянке действительно стоял Антуан Шастель — без всякого костыля — и шумно лаялся с двумя охотниками, тыча им в носдохлого зайца. Те невозмутимо отпирались, дескать, заяц не их работа — они нашли его уже мертвого. Лесничий кипятился и орал, что сию же минуту потащит их на суд к маркизу, а ловля оборотня — это пустые отговорки.

Алекс подошел к нему сзади и вежливо похлопал по плечу:

— Месье Шастель, можно вас на минутку?

Хромой резко обернулся, мы трое встретили его лучезарными улыбками. Пока лесничий собирался с достойным ответом, командор одним движением вырвал у него ружье и практически волоком потащил упирающегося Шастеля с поляны.

— Как вы смеете?! Это безобразие! — возмущался он.

Охотники, благодарно поклонившись, дали деру, не забыв, впрочем, прихватить злосчастного зайца...

— А теперь докладывай, штрейкбрехер, где оборотень?! — орала я Шастелю в ухо, пока мои напарники привязывали его к дереву его же ремнем.

— Какой оборотень?! Ха-ха-ха... Это ведь шутка, да? Неужели вы тоже поверили, что вервольф это я? Бедному инвалиду ни в чем нет снисхождения... — попытался отшутиться он, но не смог скрыть ненависти в глазах.

— Хватит обиженного из себя строить, мы все про тебя знаем! Инвалид, а по лесу без костыля шастаешь?!

Кот пытался меня вразумить, цепляясь за платье. Поздно, милый, лучше не лезь под горячую руку. Вот Алекс — молодец, даже не пытается вмешиваться...

— Да меня бы тут же уволили, если бы я показался на работе с костылем! Мне никто не платит за инвалидность, вот и приходится приспособливаться. Хорошо хоть за деревья можно держаться, а вот в орешнике туго, веточки тонкие...

— Ты из нас слезу не вышибешь! — продолжала наседать я. — Мы суровые и бесстрастные суперагенты! У нас нет нервов и эмоций, станешь запираяться — будем тебя безжалостно пытаться. А ну, выкладывай все как на духу!

Увидев в моих руках свою писанину, Шастель изменился в лице.

— И не забывайте, что я уполномочен самим королем, с правом карать и миловать без суда и следствия! — весело поддержал командор, демонстративно поглаживая ружье.

Но сомневавшийся лесник, кажется, принял решение:

— Ничего я вам не скажу!

— Что ж, нам стоит показать эти записи в деревне, и сегодня же вечером вас повесят. Выбирайте: будете выгораживать оборотня или исполните гражданский долг, чем и спасете свою жизнь, — резюмировал Алекс. Мне понравилось — лаконично и верно, к тому же все убедительные доводы приведены.

— Будь по-вашему... Но зачем нужно было меня связывать, могли бы и по-хорошему попросить. Просто я не хотел, чтобы кто-то здесь знал о моей будущей книге до тех пор, пока я не закончу ее и не найду издателя, — невинным голосом пояснил Антуан, пряча усмешку. Самое парадоксальное, что мои агенты ему верили!

Я почувствовала некоторое головокружение...

— События, происходившие здесь, натолкнули меня на мысль написать поучительный роман для потомков. Я, конечно, не месье Руссо и даже не Дидро, но, возможно, когда-нибудь люди заговорят и о писателе-беллетристе Антуане Шастеле, — рассказывал лесничий.

Суперагенты, переглянувшись, начали развязывать «подозреваемого». Еще не до конца веря в такой провал, я пыталась протестовать, но...

— Может быть, это будет модный роман в письмах? Переписка Волка с пожилым священником, наставляющим его на путь истинный, или, напротив, с молоденькой девушкой-пансионеркой, с которой его обручили в детстве. У них любовь, но она не знает его страшной тайны, а он вынужден молчать... Пожалуйста, не рассказывайте до поры о моей книге, сами понимаете, народ тут суеверный. А я забуду о том, как вы беспочвенно меня обвиняли, применяя насилие, незаконно проникли в мой дом, похитили бесценные рукописи, а также то, что из-за вас я упустил двух нахальных браконьеров.

— Примите наши извинения, — мрачно буркнул Алекс, возвращая негодяю бумаги. Я в отчаянии грызла ногти, но не могла помешать «исторической несправедливости». У нас было слишком мало доказательств, чтобы прижать его к стенке...

— Я же предупреждал, что ничего хорошего из этого не выйдет, — всю дорогу

попрекал нас Профессор. Пока мы спускались к деревне, он умудрился окончательно испортить и без того паршивое настроение. Кот снова и снова давил на друга, толкая его в объятия старухи. Наступлением на хвост этой проблемы уже не решишь, к тому же Пушок наострился увертываться.

— А может, не надо?! Ну не стоит этот волчара таких жертв! — жалобно воззвала я к безмолвным небесам.

— Ты эгоистка, деточка, мы агенты!

— Да, мы агенты, и дело превыше всего, — как зомби подтвердил мой любимый.

— Неужели ты бы и мне позволил совершить подобное ради общего дела?!

Алекс призадумался, но, к несчастью, к этому времени мы уже стояли у калитки колдуньи. Котик подло замяукал, призывая хозяйку. Мгновение — и она уже торчала на крыльце, призывно подмигивая и скаля оба зуба. Алекс чуть не плакал, пожимая лапы напарнику и обнимая меня на прощание.

— Я... буду ждать... тебя, — нетвердо выдавила я, без сил опускаясь на придорожный камушек.

— Пошалуйшта, шидите, школько хотите, — злорадно ухмыльнулась старуха, пропихивая командора в дверь. На кота я не смотрела, хотя он и пытался подмазаться, с притворным сочувствием поглаживая лапкой мою руку. Моего терпения и чувства долга хватило минуты на две, потом я с рыком вскочила, засучила рукава и...

— Добрый день, мадемуазель! А где ваш брат, мсье Курбе, я ищу его с утра, — раздался тихий мужской голос за моей спиной.

Я оглянулась и увидела прилично одетую даму в розовом чепчике. Она была выше меня ростом, у нее были знакомые черты лица и... прикрываемые веером усы!

— Он... он сейчас несколько... занят, а вы, собственно, кто?

Профессор корчил рожи, отчаянно жестикулируя, но я его демонстративно не замечала.

— А... ваш брат у этой мегеры, я правильно понял? Что вам на сей раз наплела эта озабоченная старая ведьма?! — покачала головой дама, распахивая калитку и шагнув на крыльцо.

— Э-э... ну, про Волка... в смысле, кто...

— Обещала сказать, кто оборотень, старая обманщица?! Лжет и не краснеет! Она же известная всей округе шарлатанка! По молодости вела весьма разгульную жизнь, даже мой папаша ею не брезговал, старый хрыч.

— Маркиз д'Абазур! — сипло прозрела я. Вот уж «вэк» так «вэк»!

— К вашим услугам, мадемуазель Жаннет! Значит, сладострастная ведьма опять взялась за старое... Любви ей захотелось! Скольких до инфаркта этим простеньким враньем про тайну Зверя довела... Именем короля, открывай, чертова шельма, а не то я сожгу твою берлогу к чертям, как некоторые сегодня грозились сжечь мой замок! — закричал французский аристократ, задирая подол и яростно пиная дверь.

Хмелея от счастья, я запустила булыжник в окно, с удовлетворением послушав вой осаждаемой бабульки. Кот прыгнул следом, делая вид, что рвется на помощь другу, которого сам толкнул на этот шаг. Мы еще сочтемся, хвостатый фарисей...

Алекс выскочил как ошпаренный, вышибив дверь и едва не затоптав маркиза. Похоже, он принял это решение еще до того, как узнал самое страшное — что не принесенная им жертва была выбита обманом и попросту бессмысленна. Я повисла у него на шее, бурно рыдая и никого не стыдясь...

Мадам Мариет, разумеется, не вышла, только орала из дома, что ее обманули, надули и воспользовались девичьей доверчивостью! Командор от души благодарил маркиза, а я с горьким интересом пыталась предположить, до какой стадии у них там со старухой дошло дело...

— Знаете, господин егермейстер, я много думал насчет вашего дела. И не смотрите на меня так, женское платье — мера вынужденная, я рискую жизнью, появляясь в этой мерзкой деревне. Вы ведь видели, что они сегодня устроили у стен моего замка?

— Не берите в голову. — Все еще хлюпая носом, я сочла своим долгом успокоить человека. — Крестьяне вовсе не собираются вас убивать, только хотят, чтобы вы отпустили бедного папашу Мерло и избавили их от жеводанского оборотня. Всего делов-то!

— Да, проще простого! — с готовностью согласился маркиз, уводя нас подальше от «гостеприимного» домика. — Давайте вы убьете оборотня, а я предъявлю его тушу народу? Можете еще добавить пару слов о послушании и грехе неповиновения! Пусть знают, что я еще силен, что не настали те времена, когда бунтовать можно будет безнаказанно. И не дай бог моим словам о революции стать пророческими...

— Зачем же вы лично отправились в деревню, могли послать кого-нибудь, — удивился Алекс, все еще бледный после пережитого.

— Увы, меня все бросили. Поверите ли, слуги давно грозились уйти к другому господину. Дескать, служить за такое мизерное жалованье им совесть не позволяет. Но что я могу? Поместья не приносят прежних прибылей, я и так практически разорен...

Кружным путем, лесными тропинками, мы шли к замку, надо же было проводить нашего спасителя, пусть даже мы не сходимся с ним в политических взглядах.

— Как только утрясем этот инцидент с крестьянами, я тут же выпишу слуг из Парижа и больше не буду брать с улицы разную шушеру. А деревенским сунем в пасть мертвого оборотня — и довольно с них.

— А как же бедный ликантроп? Его непременно надо освободить!

— Ни в коем случае! Он будет сидеть в тюрьме, пока его жена не соберет нужную сумму. На уступки идти нельзя, это и дураку ясно. Стоит один раз уступить черни, и никто не будет платить за аренду, а вот требования начнут расти как снежный ком! Но. Не будем о политике... Я готов выделить деньги на крупную облаву, но вы должны поручиться за результат. Отдельное вознаграждение в разумных пределах, разумеется, будет выплачено.

— Обычно мы не так скромны в запросах, но... Короче, только ради вас десять тысяч ливров и картину «Вавилонская башня», что висит у вас в прихожей, — мечтательно облизнулась я. Маркиз несколько изменился в лице, кот тоже, но от алчности.

— Вы называете нереальные суммы! Десять тысяч ливров выплачивал сам король за первого оборотня. Не принято говорить, но это было наглое жульничество, раз Волк продолжает лютовать. Однако король не может ошибаться, поэтому... Как ни верти, а от расплаты не уйдешь, — развел руками д'Абажур. — Двести ливров и картину — это мое последнее слово!

Я переглянулась с Мурзиком, он чуть заметно кивнул, уважительно глядя на меня как на способную ученицу — двести ливров серебром и уникальная картина упали на нас буквально с неба! Как правило, База такое не одобряет, но иногда предпочитает закрывать глаза.

Мы ударили по рукам, маркиз тут же вручил мне аванс в виде увесистого кошелька, сообразив, что я тут главный казначей (после кота).

— И последнее: а правда ли, что вы держите Антуана Шастеля на особом счету? — не удержалась я, но ведь надо же было раскрыть эту тайну. — Если вы с ним близко знакомы, то, может, что-то знаете и о его брате. Честно говоря, эти две личности нас очень интересуют, в общем контексте дела.

— Э-э... это семейное... — на секунду замявшись, решил маркиз. — Но, наверное, вам уже рассказали. Он мой сводный брат. Отец не чурался простолюдинок, и... Жан Шастель простил жену, признав Антуана сыном, за некоторую сумму и должность лесничего. Когда мальчик подрос, его отправили на флот, он смог получить более-менее сносное образование. Если вы заметили, он несколько отличается от деревенских. Кровь древнего рода д'Абажуров, хоть и разбавленная, течет в его жилах. Вот почему он пользуется некоторыми привилегиями...

Теперь понятно, откуда у Антуана такая ненависть в глазах — он считает себя обделенным во всех отношениях, ведь мог быть владельцем замка, а вместо этого прислуживает своему сводному брату, который платит ему жалованье.

— К сожалению, о его старшем брате я ничего сказать не могу. Мои отношения с семейством Шастелей всегда были достаточно противоречивыми.

Маркиз поспешно распрощался и, подобрав подол платья, скачками устремился к родному крову, вполне благополучно добравшись до ворот. Наша команда отправилась назад в деревню. Кот велел Алексу пересчитать деньги, а потом всю дорогу пытался прикинуть, сколько понадобится на облаву, на чем можно сэкономить, хотя весьма слабо представлял себе все сопутствующие расходы.

— Охотников надо собрать как можно больше, бросим клич по окрестным деревням — нам нужны профессионалы. Крестьянам платить не будем, они сами рады помочь, главное — поднять в них энтузиазм. Какие могут быть еще расходы? Ах да, коровья туша для приманки и большое количество крепких толстых веревок, из которых надо будет сплести сеть, дабы окружить ею весь лес. Ни один волк не должен уйти от расплаты!

— Как ты жесток, агент 013! — возмутилась я, нисколько не задумавшись и не вникая в смысл кошачьего плана. А ведь чего стоил его «прогрессивный» метод ловли бобров...

— Не будем мы никаких волков убивать, — возразил Алекс. — Вспомните первого жеводанского оборотня, того самого Волка, у которого мы были в гостях. Неужели ваши сердца не тронул рассказ о его невинных собратях, погибших здесь? Я не позволю добить немногих оставшихся.

Я одобрительно погладила командора по спине. Молодец! А ведь он все реже показывает себя бесчувственным эгоистом и все чаще — борцом за гуманность и человечность. Вот что делает ЛЮБОВЬ! Все согласны, что он таким стал исключительно благодаря мне? Спасибо!

— Подожди, а как же мы тогда отчитаемся перед маркизом за эти деньги? И зачем мы их вообще взяли? — вдруг сообразила я.

— Не знаю, это же ты взяла, — удивленно обернулся Алекс. — Я думал, у тебя есть какой-то план.

— Все правильно, план есть! Деньги возвращать грех — мы их честно заработаем, поймав оборотня, — прижав к пузу кошелек, зачастил кот. — Какая кому разница, как именно будет убит Зверь? Цель оправдывает средства! Вот мы их и оправдаем...

— А что скажет шеф? — вдруг спохватилась я. Обычно подарки от благодарного населения начальством не возбранялись. Но, вспомнив, как я торговалась с маркизом и выбила себе в собственность Брейгеля, я как-то поежилась... Впрочем, никогда не слышала, чтобы за это кого-нибудь увольняли. А, чего думать, все равно Профессор денег не отдаст.

Обсуждение так называемого плана происходило в трактире, за обеденным столом. Поначалу главенствовал кот, мы ели молча.

— Друзья, нам надо срочно выявить оборотня, время поджимает, — в сотый раз напомнил он. — К облаве надо готовиться заранее, одни специальные сети чего стоят. И потом, следует срочно оповестить всех, это заставит оборотня нервничать. А когда он потеряет голову...

— Ой, а зачем он нам без головы? — старательно съязвила я.

Агент 013 столь же старательно обиделся и мстительно съел немного меньше, чем обычно. Наверное, хотел умереть от истощения, но ничего не вышло: у него жировой запас — лет на пять хватит.

Вопреки желанию кота, мнящего себя тонким стратегом, мы с Алексом посоветовались и решили пока не объявлять повальный призыв к облаве.

Грудастая служанка, подававшая нам десерт, неожиданно хлопнула себя ладонью по лбу:

— О, прошу прощения, месье! Вас с сестрой искал один постоялец, не помню имени, вроде немец...

— Интересно, тут есть какие-то немцы, кроме нашего эльзасца? — пожал плечами Алекс.

— Никого, он тут один такой прилипала, — буркнула я. — Жеркур по кличке «банный

лист»!

— Точно-точно, эльзасец, месье Жеркур! — радостно подтвердила девица. — У него еще акцент смешной, а сам все скачет, как кузнецик! Очень хотел вас видеть, напуганный чем-то был...

— Теперь это его обычное состояние, такого притвору еще свет не видел, — презрительно отозвалась я, принимаясь за безе «ля бэль».

— Жеркур сейчас у себя наверху? — остановил меня командор. — Алина, ты что-то о нем знаешь, чего не знаем мы?

Слава богу, отвечать не пришлось, к нашему столику тяжело подсел сам трактирщик. Жестом отпустив служанку, он дал нам исчерпывающую информацию:

— Нет, этот эльзасец убежал часа два назад. Расплатился со мной и все шептал, что ему здесь нельзя оставаться — опасно! Вроде тут, на постоялом дворе, его в первую очередь искать будут.

— Кто будет искать?

— Вот и я о том же спросил! Молчит... Видать, слегка помешался. Да тут из-за Зверя и не такое случиться может. Может, увидел чего или услышал, а вообще-то все немцы немного того... понимаете?

Папаша Жерар покрутил пальцем у виска и неизвестно, до чего бы в конце концов договорился, но мы сказали, что спешим. Дела, дела, ни минуты покоя — этот оборотень просто неуловим, уже не знаем, на кого и думать...

— Вот, к примеру, лично вы, уважаемый, кого подозреваете? — на ходу поинтересовалась я, не особенно надеясь на стопроцентное попадание. Откуда ему знать оборотня в лицо, но мы были в тупике, и маленькое чудо никак не помешало бы. Вдруг Зверь совершал превращения прямо под окнами трактира? По рассказам Профессора, это не так уж сложно:

а) втыкаешь в пенек ржавый топорик или десертный нож, потом прыгаешь через них до посинения, пена изо рта гарантирована в течение часа...

б) кувыркаешься в воздухе через голову назад (для этого нужно ежедневно, целенаправленно тренироваться!), а если вдруг кто-то застанет вас в такой пикантный момент, скажите, что укрепляете вестибулярный аппарат и мышцы спины, которая в последнее время что-то побаливает...

в) в полнолуние начнете испытывать некое томление, ломку, особенно в суставах, плюс непонятный зов в голове — все произойдет само собой и кончится тем, что вы побежите по лесу на четырех лапах, огорченно думая: «А что я здесь делаю?! И откуда на мне эта драная серая шуба?»

Разумеется, есть и другие способы превращения, но они не столь популярны среди вервольфов, как вышеперечисленные.

— Пора, пожелайте нам удачи! — на прощание обернулся командор, и трактирщик Жерар поднял озабоченное размышлениями лицо.

— Сумасшедший месье Жеркур все время бормотал себе под нос... ну, может, это и не важно и не имеет никакого значения...

— И что он там бормотал? — устало поинтересовался Алекс, торопясь выйти на свежий воздух.

— Вот я и думаю, может, это что-то значит, хоть с сумасшедшего спрос небольшой.

— Вот заладил со своим сумасшедшим, — раздраженно пробормотала я, а кот тайком доедал забытое рагу, расплываясь прямо на глазах.

— Он был чем-то напуган, и тут я услышал, как он бормочет: «Костыль, костыль в лесу...» А потом вдруг сказал отчетливо так: «Я есть думать всегда, что это быть лишь детский кошмар, но значит, мою мутер убил вервольф!» И снова про лес и костыли... Я уж, грешным делом, подумал про Антуана, калеку нашего, но он ведь не был в Эльзасе. Разве что обратной... двое?!

— Отец и сын Шастели! — в один голос воскликнули мы с Алексом, кот зажал пасть

обеими лапками, едва не сорвав конспирацию.

Я от души расцеловала застывшего папашу Жерара, еще не до конца осознавшего, как он нам помог, и мы, не расплатившись, дернули на улицу. Конечно же речь могла идти только о Шастелях. Оборотень один из них, не важно который. Они все трое крайне подозрительны, будем брать всю семью!

Командор на бегу зарядил ружье серебряной пулей, видимо, он собирался штурмовать дом Шастелей в деревне (не путайте с домиком лесника Антуана на опушке!).

— Интересно, кто из них: отец и сын или оба сына? У нас получаются три композиции, — бегло рассуждала я.

Кот, проанализировав доводы «за» и «против», раскинул лапы, перегораживая нам путь:

— Ни в одной мы не можем быть до конца уверены! Все факты косвенные. Вы что, собираетесь ворваться к ним в дом и расстрелять?!

— Антуан виновен! Впервые увидев эти записи, я был уверен, что они документальные. Как только ему удалось заговорить нам зубы?! Роман в письмах, фантазии и вымысел, да еще эта озабоченная старуха... чтоб ее! — скрипнул зубами мой герой, перешагивая через напарника. — Я намерен предъявить счет!

Мы дружно ускорили шаг, шутки кончились, когда Алекс в таком состоянии, ему лучше не противоречить...

Со стороны жилище Шастелей излучало тихое умиротворение. Я выпросила себе командорский охотничий нож, тяжелый и длинный. Не спрашивайте зачем, сама боялась порезаться...

— Но главное — не вспугнуть их раньше времени, — вновь решил покомандовать Пушок.

Было решено попытаться зайти через заднюю дверь, но, видимо, нас заметили... Оконное стекло разлетелось в брызги, что-то большое и серое кубарем выкатилось наружу, прыгнуло через забор и скрылось в кустах! Алекс пальнул навскидку, но, видимо, не попал... За кустами было гумно, а дальше заросший сорняками большой огород. Невдалеке шумел лес, вот почему монстры-оборотни предпочитают жить в деревне.

— Это был Волк, коллеги! — осипшим от волнения голосом воскликнул Профессор. — Как я заблуждался... И тем не менее прошу принять к сведению, что именно я...

— Не упустите второго! — Командор ногой вышиб дверь, врываясь в дом. Кот, отчаянная голова, проскользнул у него между ног, первым бросаясь в бой. Я поспевала следом, пару раз чуть не ткнув кончиком ножа в спину своего же героя. Алексу пришлось развернуть меня и оставить сторожить дверь, почетно защищая тыл.

— Выходи и сдавайся! Тебе нет спасения, адово создание! — кричала я с места, показывая свою активность и пытаясь составлять фразы в соответствии с духом времени.

— Я не виновен! Это не я! Не я оборотень! — раздался пронзительный вопль из глубины дома — видно, кому-то уже приставили дуло к виску. Тогда какого лешего мне загорать на крыльце?

Я бросилась туда, где интереснее, — в разгромленном помещении мои агенты прижали к стенке Клода Шастеля, тихого, незаметного травника.

— Оборотень — это мой отец! Как же я мог донести на собственного родителя? — Парень действительно был очень напуган. Понимаю — не каждый раз против тебя выходит королевский егермейстер с боевым котом...

— Если хочешь спасти свою жизнь, можешь начать рассказывать, и не вра-а-ать!!! — грозно посоветовал агент 013, сжимая пушистые кулачки. Клод вылупился на кота, боясь шевельнуться. Мы были суровы и непреклонны, не веря больше никому...

Пауза затянулась. Не отводя ружья, командор попробовал сменить тон:

— Он убежал в лес?

Клод Шастель попытался взять себя в руки, ему это удалось не сразу, он кое-как овладел языком, и тут его словно прорвало:

— Да, в лес! Он с первого взгляда почуял в вас опасность. Надо, говорит, сынок, временно схорониться. Но я...

— Но ты?

— Да, я! Мне давно надоела такая жизнь, поживите-ка вместе с оборотнем хотя бы недельку... никого терпения не хватит! Но все-таки он мой отец, наверно, поэтому я так долго с этим мирился. Если я расскажу вам все, меня не накажут за укрывательство вервольфа-убийцы, правда?! У меня не было выбора...

— Это зависит от твоих показаний.

— Конечно, конечно, я все понимаю. Сам только что собирался найти вас и сделать чистосердечные признания. Все из-за этого бедного парня, что сидит в нашем подвале. Отец притащил его сегодня утром и посадил на цепь, сказав, что это очень неудобный свидетель. Кажется, он из Эльзаса, сам постоянно об этом твердил, пока папаша не заткнул ему рот кляпом. Тогда я и решил: все, не могу, хватит...

— Он еще в подвале?

— Да, его легко освободить. А насчет папаши не волнуйтесь, вон его одежда в камине догорает! Я давно мечтал это сделать. Теперь он навсегда останется волком. Правда, волком-людоедом...

— Хороший подарочек для односельчан, — возмущенно сощурился Алекс.

Я бросилась к камину, но поздно, там догорали последние лоскутки.

— А что такое? В волчьем образе охотникам будет легче его взять. А то только и знал, что указывать да распоряжаться: «Клод, лоботряс, вытри кровь с пола, наточи ножи, и поживее, свари обед, закопай кости, подмети в доме!» Зато теперь здесь все мое, я здесь хозяин...

Я подумала, что папаша-волк может запросто явиться. — Дескать, что же ты, сынок, со мной сделал?! А ведь лапа-то у него тяжелая, ты это учел, умник, прежде чем предавать папаню?

В подвале с низким потолком была крошечная темнота, и только по призывным мычащим звукам был обнаружен обезумевший от страха Жеркур. Поначалу я предлагала оставить его на съедение паукам — сам виноват, вместо того чтобы указать оборотня, склонял меня к свиданию... Увы, напарники все равно развязали и вытащили шантажиста. Клод им в этом активно помогал.

— О! Я фас глубоко благодарить! Вы есть спасти мне жизнь, больше чем жизнь! Если бы он меня покусать и оставить в живых, я бы тоже стать поганый вервольф! Когда я быть совсем молод, он появиться в нашем доме, проклятый Жан Шастель. Он притворяться мирный лесничий, — торопливо рассказывал Жеркур, пока хозяйский сынок старательно стряхивал с него пыль.

— Вы правы, милый друг, — сострадательно кивал Клод, — мой отец всегда умел вкрасься в доверие. И когда я был еще подростком, он порой надолго пропадал. Искал себе жертвы в других местах и так путешествовал почти по всей Франции. И только теперь, состарившись, больше никуда не ездит, говорит, что ноги болят. Но мне-то от этого не легче...

Клод с искренним сочувствием и симпатией улыбался всем нам, подмигивая и заглядывая в глаза.

— О да! Одной ночью он как-то проникать в наш дом и растерзать моя мама, моя собака и мой любимый морской свинка, который сидеть в клетка, — продолжал Жеркур, настороженно отодвигаясь от Клода. — Я никогда не простить ему мой мутер! А почему его сын на свободе?!

— Сын за отца не ответчик.

— Все равно, его отец есть проклятый оборотень! Яблоко от яблони недалеко падает, разве вы не есть арестовать его за пособничество?

— Нет, как видите, он активно содействует следствию, — холодно отвечал командор, выводя всех из подвала.

Кот старался держаться поближе ко мне, втихомолку выясняя, что я имею против бедняжки эльзасца. Я отвечала уклончиво, Пушок порой ведет себя куда ревнивее Алекса...

Теперь наконец стало понятно, почему Жан Шастель «выдал» своих сыновей — чтобы отвести подозрения от себя! Конечно, это он перестраховался, тогда у нас и в мыслях не было его подозревать. Да, хлебнули мы с этой семейкой, и еще неизвестно, сколько придется хлебнуть... Искать его по лесу, выкрикивая по имени, бесполезно — не отзовется!

Тогда мы решили прихватить Клода и Жеркура как свидетелей, созвать на площади народ и призвать всех к самой крупной облаве в истории Жеводана. Только вот как отличить оборотня от обычного волка?

Конечно, он намного крупнее остальных и почему-то очень худой (вот и думали на Антуана-доходягу!), хотя сам бывший лесничий — старик приземистый и толстый. Но ведь со стороны и не определишь — очень крупный волк глазеет на тебя из-за кустов или все-таки обычный.

Неужели и вправду придется стрелять всех?! Мы громко обсуждали с любимым эту тему по пути к деревенской площади. Шастель попытался нас успокоить, но нарвался на ледяное презрение. Нет, меня уже просто бесило его навязчивое желание помочь! Нормальный человек должен вести себя совершенно иначе: бить кулаками в грудь, каяться, что предал отца, кидаться на нас, пытаясь всячески помешать, и потом утихать, мучась от стыда и горя. Вот и сейчас:

— У него есть особая примета! Правда, раньше не было, он сам говорил мне, что с таким образом жизни, как у него, иметь приметы нельзя ни в коем случае. Но теперь вам не придется убивать всех волков...

— Ладно, какая еще особая примета? — не выдержала я.

— Ухо!

— Ухо?!

— Да, именно ухо! Позавчера, когда он шастал по лесу в волчьем обличье, один из охотников отстрелил ему ухо практически под корень! Оно начало нарывать, папа как раз его прижигал, когда вы заявили. Говорю вам, это резко бросается в глаза!

Оборотню не повезло: отстрелили ему охотники палец или кончик хвоста, нам бы это мало помогло... А так шансы действительно есть.

Жители деревни приняли нашу весть на ура! Известие о том, что охоту финансирует сам маркиз, тоже было воспринято адекватно. А вот признания слегка оробевшего Клода Шастеля поначалу вызвали недоверие.

— Прохиндей! Ты бы лучше о себе рассказал!

— Люди, он тоже виноват, раз молчал!

— Серебряную пулю ему под хвост!

— Чего мы ждем, хватай его, пока не убежал! Месье Курбе человек великодушный, чем коварный оборотень и пользуется. Он убежит, помяните мое слово, да еще всех нас покусает.

— Да не он оборотень! Это его отец Жан и есть Зверь, даром что старик...

Алекс призвал народ к терпению и состраданию. Потом жители Мартэна выслушали эльзасца Жеркура. Узнав о несчастной судьбе его матери, многие женщины, расчувствовавшись, прикладывали платочки к глазам. Там же я случайно увидела вездесущую Жослин, как всегда собирающую сплетни и слухи. Видимо, ей трудно было пережить, что она «герой вчерашнего дня».

Сразу нашлась толпа желающих участвовать в облаве, среди местных было немало охотников (с нелегальным оружием). Люди буквально горели энтузиазмом, теперь мы могли легко блокировать оборотня. Хотя одна этическая проблема так и осталась нерешенной.

— Неужели без облавы не обойтись? — в который раз упрашивала я моих агентов. Командор переложил свои непосредственные обязанности на одного из тех охотников, с кем мы встретились утром. Сам же он только благодушно принимал благодарности сельчан, не

устающих кланяться и возносить хвалы маркизу за то, что тот привел к ним избавителя. Глядя на самодовольное лицо Алекса, я подумала, что Волк-то еще жив, а мой любимый эгоист уже возомнил себя спасителем человечества!

А тут и Антуан Шастель прихрамал, с мрачноватым видом выискивая нас на площади. Мы не успели скрыться — ковылял он в любом случае быстрее, чем я бежала.

Однако лицо его озаряла самая приятнейшая улыбка, какая может быть у человека с такими злыми и высокомерными глазами...

— О, мои добрые друзья, наконец-то я вас нашел! Дорогой месье Курбе, надеюсь, вы оценили мое великодушие и никому не рассказали о моем невинном увлечении? Едва я расстался с вами, как тут же поспешил домой — у меня родилась идея сделать вас героями этого произведения! Поверите ли, я творил, пока до моих окон не долетели крики о том, что оборотня разоблачили. Оказалось, это мой приемный отец! Право, какая неожиданность... С удовольствием пришлю вам пару экземпляров книги, оставьте только адресок.

— Весьма благодарны, — буркнула я, нарочито глядя по сторонам, чтобы создать вид, что мы и без лесника слишком заняты.

— Мой бедный приемный папа... Жалкое, несчастное существо. Он всегда был со странностями, но... мне будет его не хватать, — скорбно протянул внебрачный дворянский отпрыск. — Кстати, у вас есть разрешение на облаву? Ах, о чем это я, все делается по распоряжению маркиза д'Абажура. Что ж, прощайте, приятно было увидеться...

Я проводила его угрюмым взглядом, Алекс так вообще не проронил ни звука, как будто обращались не к нему.

— Надо бы за ним тоже проследить, тот еще типчик! Кстати, со спины он очень напоминает Волка.

— О да! Особенно со спины. При беглом взгляде, в полной темноте и с большого перепугу точно напоминает, — съехидничал Профессор.

— Можно подумать, ты ни разу не ошибался, — фыркнула я. — А кто не сумел разглядеть в колдунье озабоченную аферистку?

Кот обиделся, требуя впредь не подвергать критике любое его заявление, ибо он к перепалке со мной не привык. Дескать, когда он преподавал в университете, так любое его слово воспринималось благодарными студентами как небесное откровение!

— Да тебя просто избаловали! — притворно возмущенно воскликнула я. — И мой дружеский долг избавить тебя от всяческих иллюзий насчет твоей исключительности... Ведь, в сущности, хоть ты и дважды образованный, все равно ты — всего лишь пушистый котик, который даже не умеет ловить мышей!

Профессор, как обычно (это у нас уже такая традиция), оскорбился до глубины души, доставив мне удовольствие весь вечер вымаливать у него прощение.

К ночи все было готово к облаве на лютого жеводанского зверя. Охота обещала быть грандиозной, в ней участвовало почти все население Мартэна. Вперед рвались даже малые дети, а одна старуха все требовала дать ей ружье и показать, в какую сторону палить.

И трактирщик Жерар, и гробовщик Жульен, и эльзасец Жеркур, и даже беременная Жослин стояли в первых рядах. О любви французов к букве «ж» следовало бы написать отдельную книгу, но это как-нибудь потом...

Алекс с видом опытного профессионала кивал на предложения, наперебой поступающие от охваченных предохотничьей лихорадкой парней. Мнение королевского егермейстера было для них жутко авторитетным. Поэтому все остались вполне удовлетворены его глубокомысленными кивками, особенно те, кому он кивал с наиболее значимым видом.

Меня предательски оставили рядом с Жеркуром, который окончательно достал своими комплиментами и уверениями в «неизменных чувствах»! Дело дошло до того, что он предложил разделить с ним владение пивным заводом, приносящим немалый доход, в придачу к руке и сердцу. Кое-как мне удалось вырваться и спрятаться за деревом, но перевести дух все равно не дали.

— Жаннет, душечка! Как хорошо, я наконец тебя нашла. — Это была Жослин.

От этой девушки скрыться куда сложнее, чем от навязчивого эльзасца. Более того, практически невозможно!

— Милая подружка, у меня к тебе важное дело, — зашебетала она, заискивающе заглядывая мне в глаза. — Ты ведь не откажешь в помощи своей верной сестричке, правда?

— Мм... возможно, — насторожилась я.

— Скажи честно, а твой брат действительно не женат?

Я хотела ей сказать: «Уже почти!» — но в разговоре с ней трудно вставить слово.

— Значит да! Как же мне повезло! Ты знаешь, еще тогда, в ваш прошлый приезд, мне показалось, что он на меня смотрит совсем не так, как на остальных девушек. Я-то этому ничуть не удивилась, потому что у нас в деревне уже не осталось по-настоящему порядочных девиц, кроме меня. А такие умные парни, как Густав, конечно же сразу определяют, кто чего стоит. Умом, внешностью, характером и чувствами меня природа не обделила, это и слепой заметит! Хотя деревенские сплетницы и болтают, что теперь я стала, как Кривая Магдалена... Это они от зависти, никогда я не стану такой толстухой, как эта дуреха!

— Правильно. Мне пора.

— Пстой же, я еще только начала. Так вот, тебе не кажется, что я очень достойно смотрелась бы в роли мадам Курбе?

Похоже, она и вправду забыла, как я отношусь даже к легким намекам на эту тему, а чтобы так нагнать в открытую... Это просто возмутительно!

— Слушай, Жослин, а не пошла бы ты... к бабушке?! Не боишься ее оставлять одну, а то ведь Волк еще на свободе? — миролюбиво скрипнула зубами я.

Увы, ее бабушка и оказалась той самой воинствующей старушкой, что требовала дать ей ружье, чтобы лично пристрелить кровавого оборотня.

— Прости, я хотела избежать этого, но... — Кое-как овладев собой, я пошла с козырей. — Извини, если пострадают твои чувства, но мой Густав не так чист и невинен, как кажется. У него пятеро детей по разным городам и трое за пределами Франции! Их матери его постоянно преследуют, донимая письмами и судебными исками. Это настоящие мегеры, ты таких злодеек еще не видела. Они отомстят тебе жестокой мстью, если ты осмелишься близко подойти к нему, не говоря уж о том, чтобы выйти за него замуж! Хотя я, как сестра, лучшей невесты, чем ты, ему бы не пожелала! Уверена, мсть тех мегер (трое из них много лет практикуют черную магию!) тебе нипочем. Ради любви можно на все пойти, даже на верную смерть! Ты готова?!

— О-о-о... э-э... нет! А я ведь не знала, и потом... — быстренько засуетилась Жослин, — у нас в деревне есть кузнец, хороший парень, хоть и не совсем быстро соображает... На днях он посватался за меня, и я, наверное... то есть уже! Уже ответила согласием!

Я с «неподдельной горечью» приняла ее решение, честно признав, что лучших мужей, чем кузнецы, в природе вообще не существует. Отсутствие личного опыта в плане «мужа-кузнеца» нисколько не помешало. Жослин благодарно чмокнула меня в щеку и сбежала, а я наконец смогла отыскать Алекса. Заботливый командор успел сбежать в гостиницу и прихватить мою шаль, чтобы я не замерзла ночью. Нет, какой он у меня милый все-таки...

— Пора отправляться, половина деревни уже в лесу. Может, лучше останешься в гостинице? Хоть выпишься, а мы с агентом 013 и сами управимся, к тому же там народу набралось... сотни полторы, не меньше. Папаша Жерар сказал, что оставил тебе самый вкусный десерт на кухне, — с нежностью и мягкой тревогой (за меня беспокоится!) сообщил Алекс. Приятно-о-о... Но если всякий раз, в самый ответственный момент оставаться в стороне, какой тогда смысл становиться агентом?! А я хочу быть полноценным членом команды, чтобы даже у кота не нашлось, чем меня попрекнуть.

— Увы, сегодня я на задании, поэтому оставим мою любовь к десертам на завтра, — улыбнулась я и, посерьезнев, добавила, обнимая его: — Надеюсь, завтра все закончится, и

мы наконец сможем побыть вместе. Где-нибудь в маленьком, уютном кафе, с приятной музыкой и тихой публикой... без кота!

— Договорились, — кивнул он, прижимая меня к груди. Уже стемнело, и можно было не таиться, особенно за деревом на заднем дворе гробовщика, куда я, оказывается, сбежала.

— Я люблю тебя, — продолжал Алекс, его голос почему-то обиженно дрогнул. — Только мне непонятно, как ты могла... отпустить меня к этой старухе?!

— Я боролась! Я ругалась с вами обоими! Знаешь, как я страдала?!

— Но ты ведь все-таки потом согласилась! В смысле — смирилась с фактом, что так надо. Да неужели я, окажись ты в подобных обстоятельствах, позволил бы тебе пойти на такое?..

— А я-то зачем бы колдунье понадобилась? — не поняла я.

— Я говорю вообще, ты прекрасно понимаешь, о чем речь!

— Ладно, не кричи... Я виновата, прости меня, бедненький! Сколько же тебе пришлось пережить за те три минуты, пока ты был там с этой каргой... Она ведь, наверное, уже раздевалась? — уточнила я, не обращая внимания на то, что мой возлюбленный вздрагивал от одних воспоминаний. — Ну, прости меня! Прости! Эй, так будешь ты прощать или нет? А то некогда тут, того и гляди облава начнется без нас, а если Волка кто-то убьет первым, тогда нам зарплаты не видать.

— Это премии нам не видать, но зарплата будет, — грустным голосом встрял непонятно откуда возникший агент 013 — он умеет бесшумно появляться в самый неподходящий момент. Но физиономия у него была печальная, видно, все-таки слышал наши нежности и любовные упрёки.

Мы помолчали, а потом все трое торопливо направились к лесу, куда стекался народ. Судя по тому, как Алекс нашел мою руку и осторожно погладил пальцы, я поняла, что прощена. Вот и замечательно, а то только я его прощаю...

Крестьяне вооружились большими железными фонарями с крупными дырочками. Изобретение пастухов, как нас уверяли. Дескать, волк думает, что дырочки — это глаза барана, и идет прямо в ловушку, где его ждет охотник с ружьем. Видимо, волки-идиоты в этих местах не редкость...

Прихватили и тушу коровы, положив ее в дальний овраг, развесив там же здоровенную сеть. Маркиз дал своих собак, но, после того как они покусали нескольких крестьян, в темноте постоянно наступавших им на лапы, от услуг гончих пришлось отказаться. Антуан Шастель шнырял то тут, то там, постоянно пугая меня скрипом своего костыля.

Общая неразбериха в лесу царила около получаса. Потом все как-то утряслось, все встали по своим местам. И настроились на серьезный лад. Алекс командовал, как опытный полководец. Даже короткое общение с охотниками здорово повысило его квалификацию.

Я заняла позицию за деревом на опушке. По-моему, это было самое безопасное место, по крайней мере, я на это надеялась. Любимый взял с меня обещание в лес не соваться, а ждать окончания мероприятия здесь. Все ушли, включая и кота.

Девиц в лесу, кроме меня, почему-то больше не оказалось, хотя, как помнится, рвались все. От скуки я немножко попаниковала — вдруг Зверь забредет именно сюда или укусит Пусика за лапку?! Конечно, это была минутная или трехминутная слабость, со мной такие приступы всегда кратковременны. К тому же я вовсе не собиралась всю ночь просидеть на опушке, нож командора все еще был у меня, и следовало поразмяться...

Где-то далеко время от времени раздавались выстрелы, возгласы охотников, чаще всего нецензурные, различавшиеся только интонацией, по которой можно было судить, кто попал в цель, а кто в соседа по улице... Страху не было ни грамма, наоборот, я бы лопнула от любопытства, сидя в гостинице!

Вокруг полная темень, луны не видно, фонари крестьяне унесли с собой, а идти, ориентируясь на голоса и выстрелы, рискованно. Ведь подстрелят за милую душу, решив, что это волк в кустах шуршит...

— Вот дурацкое положение, и что же мне теперь делать? — бормотала я себе под

нос. — Надо, наверное, хоть поджечь чего-нибудь, будет факел!

Спички мне Алекс оставил, они у него в карман не помещались из-за серебряных пуль. Еще он мне на всякий случай оставил опознавательную ракету, пальнуть в случае чего. Тут я споткнулась обо что-то железное — оказалось, фонарь-ловушка, из тех самых, с дырочками.

— Знают ведь, что их реквизит никуда не годится, вот и разбрасывают направо-налево... Где это видано, чтобы у баранов глаза горели по ночам?! Это все-таки бараны, а не собаки Баскервильей. Ну-с, куда тут спичку совать?

Но едва я успела зажечь фонарь, как нечеловеческая сила махом выбила его из моей руки! В зыбком свете передо мной встала колоссальная фигура Зверя...

— Вэк?! То есть мамочка дорогая-я-я... — еле выдохнула я. Красноглазая волчья морда с белыми клыками и капающей слюной замерла перед самым моим лицом. От страха я не могла даже закричать. Прощай, Алекс, моя нереализованная любовь! Прости, котик, я все-таки не такая стерва, как иногда...

Зверь ударил без предупреждения, прижав меня к земле огромной лапой. На мгновение я поняла, что прямо сейчас помру от расплющивания, но... Огромный волк, не меньше самого оборотня, налетев сбоку, сбил его с ног и, громко рыча, прикрыл меня спиной!

Я из последних сил на четвереньках побежала в сторону и прижалась спиной к ближайшему дереву. Сохранись в голове хоть капля мозгов — влезла бы на самую верхушку не хуже любой перепуганной кошки. А так пришлось безвольно стоять, наблюдая за поединком двух матерых волчиц, что кубарем катались буквально в двух-трех шагах...

Рев, рычание и летящие клочья шерсти неожиданно возбудили во мне хриплую ярость боя! Подобно моим татарским предкам, я выхватила нож Алекса и с визгом полоснула по хвосту одного из волков. К сожалению, опыта не хватило, нож срубил лишь несколько шерстинок, а голос хищника показался безумно знакомым:

— Спокойно, крошка, не надо меня убивать! Я же на твоей стороне, и потом, что скажет Милолика?

— Не может быть?! Ты все-таки пришел! — ахнула я. Этот насмешливый голос мог принадлежать только Волчику, который, по идее, должен сейчас сидеть у себя дома на каменистом побережье Ривьер. Дрожащими руками я достала опознавательную ракету, лихорадочно нащупывая фитиль.

Оборотень глухо рычал, вздыбив шерсть, горящими глазами прожигая неожиданного заступника. Похоже, у них была минутная передышка, я тоже постаралась унять дрожь в коленях. И тут нас окружили волки! Много. Штук двадцать или даже двадцать два. Оборотень не смог скрыть торжествующей ухмылки...

Волчик, или мой жеводанский кавалер, грустно вздохнул:

— Ну что ж, значит, времена честных поединков прошли... Простите, что не поприветствовал вас сразу, друзья мои. — Он повернулся к волкам и галантно поклонился.

Серые хищники недоверчиво молчали, зеленый огонь их глаз не предвещал ничего хорошего. По крайней мере мне... Спички никак не хотели зажигаться, я нервничала, чиркала одну за другой — и наконец-то фитиль вспыхнул!

— Вы зря слушаетесь этого наглого типа, он приведет всех под охотничьи ружья, — со спокойной уверенностью предрек Волчик, пятясь ко мне. Оборотень торжествующе зарычал. Сейчас только я обратила внимание, что он действительно необычайно длинный и худой. Надо же, и отдаленно не похож на старого коротконового Жана Шастеля...

Тут моя ракета с шипением взлетела вверх, в небо, озарив вспышкой окрестности. На миг отпрянув, волки обалдели, а потом, словно по знаку, бросились на нас. Последней в голове мелькнула мысль: «Но у этого оборотня целые уши! Значит, это не Жан Шастель, но тогда кто же?!»

— Держись, крошка! — крикнул Волк, развернувшись, схватил меня зубами за пояс и одним движением закинул себе на спину. Я вцепилась в его шерсть обеими руками и всем телом прижалась к спине. Давненько я мечтала так покататься... Жаль, мечта моя сбылась при столь неудобных обстоятельствах, мешающих в должной мере насладиться моментом.

Когда мы, петляя, мчались по лесу, со всех сторон мне на выручку бежали люди.

Значит, увидели ракету... Олухи, из-за вашей безответственности тут юная дама чуть не погибла, то есть я! И где, спрашивается, Алекс Орлов, мой вечный спаситель-избавитель?! Если бы не Волчишка, от меня бы уже и ниточки не осталось. Не забыть бы спросить потом, как он тут оказался.

— Спа-а-асибо те-те-тебе, Во-о-олчик! — едва не прикусив язык от тряски, на скаку прокричала я. Удивляюсь, что вообще еще держусь, мой жеводанский Зверь знал в лесу каждый овражек, одна бы я давно уже куда-нибудь провалились. — А ка-а-ак ты-ы-ы ту-у-у-ут...

— Как я тут оказался? — сквозь зубы просипел он, переводя дыхание. — Неужели думаешь, я такой бездушный эгоист и в столь тяжелое для моих серых братьев время могу спокойно пить чай дома?! Но в первую очередь я думал о тебе...

В ночи загромыхали выстрелы! Надо прибавить ходу, люди близко.

Огромный длинноногий волк-оборотень с безумным взглядом не отставал ни на шаг. Остальные хищники предусмотрительно свернули погоню. Меж деревьев замелькали огни, мы неслись прямо на охотничьи ружья, не хватало еще, чтобы пальнули хором! Один залп — и наши не пляшут, а истинный оборотень может уйти безнаказанным...

— Не стрелять! — взревел Алекс, бросаясь вперед и вскидывая ружье.

Мой «скакун» резко остановился, аккуратно ссадил меня на землю и, встав на задние лапы, поднял передние вверх в знак того, что он не сумасшедший и на такую ораву вооруженных людей бросаться не собирается. Я раскинула руки, смело прикрывая его собой.

Командор кивнул и, тщательно прицелившись, спустил курок. Почти одновременно раздалась два выстрела! Преследовавший нас Зверь подпрыгнул, упал, дернулся пару раз и затих...

Из леса вышел толстый приземистый старик, опуская допотопный мушкет. Он присел перед убитым оборотнем, туша которого даже сейчас вызывала страх, и заглянул в стекленеющие глаза. Народ с брезгливой опаской, не опуская оружия, шел смотреть на страшный труп. Из нашей команды первым подбежал кот. Освидетельствовать, так сказать...

Старик, вышедший из леса, был не кем иным, как старым Жаном Шастелем. Кто из них убил Зверя — он или Алекс, было непонятно. Ситуация походила на ту, что была с Лощеной Спиной, мне даже на мгновение показалось, что время повернуло назад и это уже не Жеводанский лес, а вечерняя улочка в провинциальном российском городке.

— Да, вот оно все и закончилось, крошка, — насмешливым тоном произнес Волчик. — Надеюсь, на этот раз окончательно...

Он хотел еще что-то добавить, но, увидев приближавшегося Алекса, промолчал.

— Алина, с тобой все в порядке?! Прости, что оставил тебя одну. — Командор порывисто обнял меня, затем повернулся к Волку и с чувством пожал ему лапу.

— Да ладно, чего уж там... Я рад, что успел вовремя, просто у меня на такие дела нюх! Я почуял, что ты, Жаннет, — позволь, я буду называть тебя этим именем, — в большой опасности. Вот и...

— Врешь ведь... — расцвела я.

— Вру, — почесав загривок, признался он. — Зачем строить из себя героя? Я давно шел по следу оборотня, хотел вызвать его на бой и положить всему этому конец.

Внезапно сзади раздалась возгласы удивления и ужаса:

— Господи! Что же это? С ним что-то происходит!

— Он превращается!

— Ну и дьявольщина! Огороди нас, Боже, от происков Сатаны!

Мы бросились к трупу вервольфа. Вне всякого сомнения, мертвый превращался обратно в человека. Волчика никто не трогал, но и близко старались не подходить, а он всего этого словно не замечал, время от времени громко отпуская шуточки и язвительные замечания.

— Трансцендентная трансформация, — глубокомысленно изрек кот себе под нос,

забыв о людях. — Ну и дела, неужели и со мной такое будет?! Какое горе, моя замечательная шкура, мой великолепный мех просто исчезнут, а ведь более практичного...

— Это Антуан Шастель! — удивленно воскликнул кто-то, и мы с ребятами обменялись недоумевающими взглядами. Неужели нас опять обманули?

Смерть почти не изменила хромого лесничего, остекленевший взгляд все еще хранил отблеск плохо скрываемой злобы. На обнаженной груди, в области сердца, чернели две дырочки от пуль...

— Да, это мой сын. Вернее, сын моей жены, я должен был выстрелить в него сам, пришло время, — загадочно изрек старик Шастель, сверкнув глазами.

— А где же ты сам тогда пропадал? — настороженно поинтересовался у него Жульен-гробовщик, прочие охотники сомкнули круг с молчаливой враждебностью.

Я тоже никак не могла понять, как получилось, что он стоит сейчас перед нами. Ведь предполагалось, что папаша Шастель «теперь никогда не сбросит волчьей шкуры»! Жаль, что тут нет лживого Клода или, по крайней мере, Жеркура, который с болезненной уверенностью десять раз твердил о своей несчастной маме, погибшей от рук (лап) именно этого человека (вервольфа)! Странно, что именно сейчас здесь их нет — очной ставки не получится. Но... у старика действительно было рваное ухо! Я как раз хотела указать на это Алексу и... не успела.

— Где я был? — хрипло прорычал отец Зверя. — Здесь, в лесу, где же еще?! Я бы и не вернулся, просто надо было проследить, что все пройдет правильно. Знаю, что Клод вам все рассказал... Да, я тоже оборотень, но поймать меня вам не по силам! Ненавижу вас... Всех! А особенно ненавидел Антуана, этого господского пашенка, который довел меня своим высокомерием. Я чуть не загрыз его, но он выжил и тоже стал таким, как я... Сказки про Африку он сам придумал, хотел показать свою исключительность. А Клод просто глупец, если решил, что какая-то сожженная одежда может меня остановить. Он горько пожалеет об этом... Антуан должен был умереть, потому что он забрал власть над стаей. Над моей стаей! Жеводанские горы мои, и вам ни за что меня не поймать, жалкие люди, я — самый сильный оборотень из тех, что когда-либо существовали здесь! И я вернусь...

В один миг завидным кульбитом он перекинулся через голову и, превратившись в старого матерого волка, рванул в лес. Двое охотников, пытавшихся его остановить, разлетелись в стороны, как соломенные куклы. Остальные, после секундного замешательства, ринулись в погоню.

— Ну вы и простофили! — с досадой выдохнул наш Волчишка. — Надо было стрелять сразу, как только он открыл рот! Теперь ищи-свищи его в ночной чащобе...

— Неужели ты не бросишься за ним?! Ты же хотел, чтобы волков больше не трогали! — взывала я к совести Волчика, который и не думал преследовать собрата.

— Хочешь, чтобы я снова подставился под пули? Одного раза мне на сегодня вполне достаточно, иначе жена не поймет... В той стороне — засада! По-твоему, они прекратят пальбу, если увидят еще одного волка? Да людям только дай повод избавиться от всех оборотней разом, я же для них — сомнительная личность.

— К тому же там его ждет моя научно обоснованная ловушка! Он непременно должен в нее попасть, — удовлетворенно подтвердил подошедший агент 013.

Из-за деревьев раздались радостные крики, люди с удовлетворенными физиономиями возвращались назад. Погоня длилась всего несколько минут, неужели они его действительно подстрелили?

Оказалось, что сразу за поворотом тропинки на двух соснах висела туша несчастной коровы. Старый Шастель с разбегу влетел в нее лбом и намертво запутался в раскинутой сети. Пока он почесывал шишки и рвал путы, выскочившие из кустов охотники дали дружный залп! Самоуверенный оборотень был буквально напизгован серебряными пулями, как сервелат шпиком.

Ликование народа не знало границ! Выше всех подпрыгивал счастливый Жеркур, вопивший, что именно он первый застрелил Зверя, тем самым отомстив за «мутер» и

морскую свинку. Этот сомнительный подвиг никто особо не оспаривал, хотя втихомолку каждый считал героем себя. Так что никто ни с кем не спорил, все были усталые, но удовлетворенные от сознания выполненного долга. Тут появился и Клод, похоже искренне страдавший, все-таки человек потерял в один день и отца и сводного брата. Теперь все его утешали, и уже никто не думал обвинять в укрывательстве оборотня или, еще хуже, в том, что он сам вервольф.

— И сколько же времени Антуан Шастель водил нас за нос?! — возмущенно произнес кот, дергая меня за юбку. — Но я всегда подозревал этого скользкого типа! Если бы вы с Алексом чаще прислушивались к моим советам, то премия уже была бы у нас в кармане!

— Чья бы корова мычала! А кто, интересно, отговаривал нас делать обыск у него в доме, кто толкал друга в постель к старухе, кто вечно упрекал нас в бездействии, кто бегал за кисками, кто?.. — с полуоборота завелась я, не позволяя Пусику выйти сухим из воды.

Агент 013 мгновенно прекратил наглое вранье, засуетился и поспешно сбежал. А мы с командором сердечно прощались с Волчиком. Тот, конечно, предпочел бы, чтобы расставание происходило со мной наедине, но старательно не показывал виду. И лишь когда он встречался со мной взглядом, его глаза принимали нежно-грустный оттенок. Алекс так и не смог его уговорить принять заслуженное вознаграждение или хотя бы какой-нибудь подарок для жены и волчат.

— Ну что ж, друзья мои! С легким сердцем я покидаю эти края, теперь жизнь моих собратьев вне опасности. Если они не станут слишком часто таскать овец, здесь будет просто благословенное место для любого волка. Может, мне и самому стоит вернуться, перевезти семью, а? Но, увы, скорее всего, нет... В собственном доме жить гораздо комфортнее, чем в норе под корягой. Заходите в гости!

— Обязательно, когда-нибудь мы еще увидимся, — искренне желая этого, прошептала я, когда он быстро уходил в лес, улыбаясь на прощание. В моих глазах стояли слезы. Алекс обнял меня за плечи и погладил по голове, по-моему, на этот раз он не ревновал... Пользуясь случаем, надо бы сказать ему, что его великолепный охотничий нож я где-то безвозвратно потеряла...

Уход Волчика охотники даже не заметили, а кто заметил, воспринял с искренним облегчением. Авторитет нашей команды после столь удачной облавы возрос невероятно, и люди приняли на веру, что этот Волк не причинит никому вреда.

Не помню, как мы дотопали до гостиницы, как не раздеваясь упали в постели, только давно я не спала таким глубоким сладким сном. А наутро принесли посылку от графа. Развернув плоский прямоугольный сверток, я удовлетворенно крикнула. Это была «Вавилонская башня» Питера Брейгеля. Кот, неодобрительно косясь на меня (все равно картина эта будет утеряна с концами, и то, что она досталась нам, исторически справедливо), крикнул при виде увесистого мешочка с деньгами, тут же принявшись пересчитывать монеты. Там же было приложено елейное письмецо от маркиза — д'Абазур не хотел, чтобы при дворе узнали о его родстве с убитым вервольфом. В надежде, что мы сохраним эту небольшую тайну, он удваивает награду и даже готов освободить ликантропа папашу Мерло. Правда, потом оказалось, что жена арестанта все же выплатила всю задолженность и арендатора так и так выпускали. Маркиз решил воспользоваться удачным совпадением, сделав вид, что это следствие его великодушия и искреннего к нам расположения. Вот лис!

Но что бы там ни было, Франция оставила яркие впечатления, хотя и нервотрепки тоже хватало... В основном из-за идеи фикса Профессора насчет старухи-гадальщицы, и, конечно, само задание оказалось на редкость муторным (так что Шастелей-вервольфов мне совсем не было жалко).

Командор сам сходил за бумагами оборотня, они действительно представляют научную ценность. Трупы оборотней были сожжены на деревенской площади, и народ, похоже, собирался гулять всю неделю. Мы с Алексом тоже были не прочь присоединиться, нам нравились местные празднования в честь избавления от монстра, но агент 013 поторапливал нас, нудно бубня о премии, ожидающей на Базе.

Вы можете удивиться, зачем коту столько денег? Все просто, маркиз дал на облаву приличную сумму плюс еще вознаграждение за молчание и убитых оборотней. Подумав, решили распределить все это между пострадавшими от Зверя семьями. Поставили вопрос на голосование, котик остался в меньшинстве, был готов утопиться, но кое-как удержался от суицида...

Кстати, деньги раздавал именно он, как того требует справедливость, Пушок все-таки добрый и великодушный, несмотря на внешнее зазнайство. Но теперь он настаивал на скорейшем возвращении и сдаче рапорта... или мы хотим отнять у него даже законное вознаграждение за все труды и тяготы, что ему пришлось перенести во время этой операции?!

Кажется, он даже со своей французской подружкой позабыл проститься — так спешил домой. А я радушно простилась с Жослин, которая теперь смотрела на Алекса холодно и обиженно. Она сказала, что ей надо спешить домой, не дай бог, кто-то первым оповестит ее односельчан о гибели жеводанского монстра! Когда командор спросил, не знаю ли я, какая муха укусила Жослин, я ответила, что она дуется оттого, что ее недостаточно красиво изобразили на рисунке с Волком. Алекс счел это нападками на свой талант художника и в свою очередь надулся как индюк. Я испытала глубочайшее удовлетворение: все-таки стерженность не последнее качество для порядочной девушки...

Мы еще успели проститься с трактирщиком Жераром, просто хорошим человеком, и папашей Мерло, который мне очень импонировал из-за своей принципиальности. То, что за него заплатила жена, не в счет, он-то остался непоколебим!

* * *

На Базе нас уже ждали. Едва мы очутились в родном фойе, к нам подскочил какой-то новенький гном с курьерской папочкой и строго пропищал, что шеф срочно требует нас к себе. Пришлось идти, только картину я быстренько закинула к себе в номер — у нас такие вознаграждения не поощряются.

Оказалось, что из-за нее и вызывали. Устроив нам форменный разнос за «хищение в масштабах Времени», шеф сказал, что поскольку деньги мы раздали крестьянам, то Брейгеля по справедливости можно оставить себе. Причем висеть он будет в его кабинете! Мы можем заходить любоваться практически в любое время, когда шеф не занят. Хм, будем считать, что легко отделались...

Оставив ребят писать рапорт, я пошла звонить родителям и на этот раз решила вообще не врать. В последнее время мне никак не удавалось подвести папу с мамой к основной правде. То есть кое-какую «правду» они знали, но, разумеется, не всю...

Я залпом выдала, что работаю в спецотряде из Будущего по борьбе с монстрами, здоровье в порядке, жалованье не задерживают, за последний месяц мы с другом и говорящим котом побывали в Ирландии, в Америке и во Франции. Впервые была столь честна с родителями, но каково же было мое разочарование и возмущение, когда мама сказала, что она никогда не подозревала, что я умею так бесстыдно врать, и, главное, зачем?! Постучав лбом в стену, мне пришлось, скрепя сердце, признать «свою глупую шутку»... Мама сразу все простила.

Я вернулась в номер слегка на взводе, а там меня ждал агент 013, таинственный и возбужденный. Он загадочно сообщил, что меня ждет какой-то сюрприз после ужина. Не особо церемонясь, я попросила его не залезать с лапами на мою кровать, мало ли где он там бегал...

И только тут заметила, что в его внешности что-то не так! Нет, дело вовсе не в блаженно-туповатом выражении на морде, а... в его прическе, если можно так сказать. Собакам прически делают, это я знала, но вот котам... Шерсть агента 013 буквально лоснилась каким-то сальным блеском, а на голове вообще стояла ежиком! Боже, не упал ли он в большой бидон с маслом на кухне?! Котик, видя, что я заметила и оценила, не смог

скрыть самодовольной улыбки:

— Я слегка намадился гелем, так, для поддержания имиджа. Правда, пришлось чуть увлажнить водой шерсть, процедура не очень приятная для породистого кота, но чтобы достойно выглядеть рядом с тобой, можно и стерпеть подобные мелкие неудобства. Тем более что вскоре, быть может, я буду и вовсе от них избавлен! Но не будем опережать события, мрм-м...

— Вэк?! — с угрозой в голосе поинтересовалась я, уперев руки в бока. Что значит со мной? Какой еще фортель выкинет агент 013, заикленный на своей любви? Ведь все знает о нас с Алексом, все прекрасно понимает, но не уймется ни в какую...

Однако мое суровое лицо ничуть не омрачило его солнечного настроения, кот ничего не ответил, только загадочно улыбнулся и, покачивая в такт хвостом, вразвалочку удалился. Уже от дверей сообщил, что о сюрпризе предупредил заранее лишь для того, чтобы я после ужина не убежала куда-нибудь к хоббитам. Вроде время самого сюрприза ограничено, а он бы не хотел его терять.

Вот этим он меня сильно заинтриговал! Вплоть до самого ужина я уже не могла ничем заняться. Алекс где-то пропал, Стив был на задании, пойти к хоббитам было просто невозможно.

Ну, полчаса почитала Пратчетта (гоблины достали новую книгу), еще раз восхитилась его мастерством и искрометным юмором. Потом немножко погрустила, поскольку после чтения Пратчетта приходит ясное осознание, что всякие попытки что-либо толковое написать, когда уже есть такой АВТОР и такие КНИГИ, попросту большая глупость или чрезмерная самонадеянность! Правда, это проходит довольно быстро, надо только переждать минуты две...

За ужином кот делал многозначительные гримасы, намекая, что сюрприз только для меня и Алексу о нем знать совсем не обязательно. Ладно, потом-то я все равно ему расскажу, тем более что наверняка ожидается что-то забавное. Агент 013 сбежал из столовой раньше нас — неслыханное событие!

— Что это с ним, даже не доел свое пюре, — удивился командор. Я тут же хотела ему сказать, что кот затевает что-то таинственное. Конечно, это было бы предательством по отношению к бедному Мурзику, но себя не переделаешь... И только-только я раскрыла рот, как мой возлюбленный извинился, вытер губы салфеткой и, сказав, что ему надо кое-что уладить, убежал. Черт, и у этого секреты!

Сзади тихо подошел Синелиций и поставил передо мной стакан клубничного сока. Это было мое новое пристрастие (сок, разумеется, а не Синелиций!). Он улыбнулся, традиционно вывалив язык, и качнул подбородком вслед моим «деловым» агентам.

— Странно они себя ведут... Что же такое случилось за время вашего последнего задания? — с нескрываемым любопытством поинтересовался он. Увы, на этот раз кто бы мне самой объяснил, что происходит? Удавленник не поверил, махнул языком и ушел с разобиженным видом отгонять хоббитов от раздачи.

А я глубокомысленно допила сок и пошла к себе, заинтригованная сверх меры, даже не подозревая, что меня там ожидает.

В моей комнате стоял какой-то тип...

— Э-э-э... прошу прощения, а что это вы тут делаете?! — немножко струхнула я. Обычно гости без приглашения не заходят, а уж тем более посторонние мужчины! Он ловко прикрыл дверь и, не обращая внимания на мой возмущенный писк, нагло развалился на моей же кровати!

— Мур-м, не волнуйся, Алиночка, это я, — произнес нахал голосом агента 013. У меня помутилось в голове... Он выглядел совершенно незнакомым, но что-то угадывалось в разрезе зеленых глаз и пышных соломенных усах.

— Что-о? О небо, как это возможно?! — Я прислонилась к косяку, чтобы не упасть.

— Алиночка, разве ты не рада? Я же знаю, что ты меня любишь, и пошел на это ради нашего счастья! Признаюсь, мне было довольно сложно добиться подобного эффекта, но...

Помнишь, я говорил тебе, что не отступлюсь от своей любви и сделаю все, чтобы мы были вместе?!

— А... как же все эти кошки в Ирландии, во Франции... — вяло пробормотала я, с тихим ужасом разглядывая это существо. — Нет, это не важно, скажи лучше, как получилось, что ты...

— Как я превратился в человека? Это не особо интересно, расскажу потом. Главное, как я много усилий приложил к тому, чтобы получить именно такое тело, которое нравится тебе! Я подбирал, искал, хотел угодить твоему придирчивому вкусу... Но давай не будем терять времени, у нас всего два часа, то есть уже полтора, бегом на крышу! Мур-р-рка моя! — Самоуверенно улыбаясь, он протянул ко мне дрожащие от страсти руки.

— Отстань, скотина! Помогите кто-нибудь-у-удь!

Но кот... — человек?... человекокот?... — твердо решил идти до конца, бросившись к моим ногам с поцелуями. Еле вырвавшись и оставив в его пальцах одну тапочку, я, словно Золушка, вылетела в коридор и дала деру!

Маньяк преследовал меня с пылом одержимого. Я визжала как заводная, сбивая по пути обитателей Базы. Никто особенно не удивлялся, тут ведь частенько устраивались погони с моим участием, а преображенный Профессор кричал вслед:

— Постой! Не убегай! Зачем тебе Алекс, все люди изменчивы. А я буду тебе предан до конца жизни! Ты не понимаешь, от чего отказываешься! Я прижмусь к твоей нежной спинке-е...

Спасибо, знаем, посмотрелась я вашей кошачьей преданности! Он едва не поймал меня на повороте, но тут меня осенило...

Я резко остановилась и, развернувшись к этому типу, медленно начала:

— Так вот почему ты подначивал Алекса идти к старой карге? Предал друга из-за мелочной, любовной расчетливости! А мы-то думали, что ты печешься исключительно о деле... Хотел разлучить нас?! Надеялся, что я не смогу ему простить «измены», в наши отношения закрадется холодок и мы постепенно расстанемся? Ну ты и субчик, оказывается...

— Нет, нет, я просто хотел испытать его! Ведь ты исключительная девушка, и рядом с тобой должен быть только самый лучший, самый достойный мужчина на свете. Агент Алекс... слишком легко согласился изменить тебе, он недостоин твоего сердца! — с чувством выдохнул бывший кот. Его большие зеленые глаза были увлажнены слезами, но меня так легко не подкупишь.

— Это была бы не измена, — твердо сказала я и спросила, даже не сомневаясь в ответе: — Неужели этот самый достойный ты?!

— Конечно, — не моргнув глазом ответил самоуверенный прохиндей. — Сейчас я не могу надолго оставаться человеком, но мои опыты обещают положительный результат. Так что мы даже сможем завести котят, то есть детей, я хотел сказать...

— Ты просто наглый кот — смотри, у тебя уже хвост пробивается, — указала я.

— Где? — испугался он.

Должна признать, что и мужчина из него получился толстоватый и рыхлый. С чего он решил, что с таким брюхом будет соответствовать моему вкусу? Что вообще он знает о моих вкусах, если я меняю их по десять раз на дню?!

Жертва собственных иллюзий призывно раскатал губки — я сплунула и вновь кинулась бежать по коридору. Только бы дыхания хватило до хоббиточьего квартала, там он меня точно не найдет. На бегу я вспомнила, как однажды агент 013 действительно спрашивал у меня, а правда ли, что женщины в первую очередь обращают внимание на мужские ягодицы? И как-то странно при этом покосился на свой пушистый зад...

— Постой, Алиночка! Постой, у меня шнурки развязались! Сплошное неудобство эта ваша обувь, не понимаю, как люди добровольно носят сии пыточные колодки?!

Он задержался минуты на полторы, но мне и этого оказалось достаточно. Я с разбегу нырнула в норку одного моего знакомого хоббита, который как раз пил чай и очень

«обрадовался» неожиданной компании. То есть быстро спрятал все пряники и конфеты со стола — шучу, шучу, хоббиты вовсе не такие жадные, как это явствует из анекдотов, — пару конфет он мне все-таки оставил... За дверями раздавались тоскливые любовные призывы обездоленного кота. Песни на крыше, переплетенные хвосты, обоюдное вылизывание шерстки и как кульминация — торжественное соитие под голубыми звездами!

Выждав на всякий случай не меньше двух часов, чтобы мой преследователь уж точно превратился обратно в кота, я высунула нос и под охраной трех парней из «братства Кольца» отправилась к себе. За незапертую комнату я не беспокоилась, там не было ничего ценного, кроме позолоченных щипчиков для бровей. Думала, что повешу над кроватью подлинного Брейгеля, но теперь — шиш! Картину прикарманил шеф, вот приведу ему завтра толпу хоббитов на экскурсию, пусть натопчут как следует...

Я включила свет. Щипчики были на месте, а у ножки кровати с мокрой шерстью, прижатыми ушами и с самым покаянным видом сидел агент 013. Я устало опустила руки, значит, сразу завалиться спать не удастся. Ну что ж, кайся, грешник...

— Прости меня, Алиночка, — скорбно начал он. — Я не понимал, что делаю. Я кот, и моя судьба оставаться котом! Побывав в человеческой шкуре, моя душа лишь первые полчаса испытывала эйфорию от сознания того, что главный шаг сделан. Знаешь, лучше быть единственным, исключительным, говорящем котом-профессором, чем затеряться в многочисленном сообществе людей! Хотя нет, конечно, я понимаю, что с моим интеллектом я очень выделялся бы, даже будучи человеком. Но ужас не в этом... Страшно сказать, но, ослепленный чувством, я позабыл о суровой мужской дружбе... Я предал агента Алекса!

— Женщина на корабле, — грустно усмехнулась я, прекрасно понимая, что, если бы не мое появление, ничто не омрачило бы их дружбы.

— Но теперь все стало на свои места, хотя мои многодневные поиски чудо-эликсира не были потрачены впустую. Я понял истину! Я все тебе расскажу...

Только теперь мне вспомнились частые отлучки Пушки, происходившие во время двух наших последних заданий. А если вспомнить о каникулах, проведенных у индейцев, где агент 013 пропадал неизвестно где по несколько раз на день, пользуясь тем, что мы с Алексом большую часть времени проводили вдвоем...

— Идею мне подал рассказ Лисьего Хвоста об эльфах с Нокграфтонского холма, что избавили его от горба. Вот тогда я решил разузнать, до каких пределов распространяются способности эльфов изменять внешность живого существа?

Потом кот обращался к Паку, консультировался у индейских шаманов, вычитывал рукописи и манускрипты, пока наконец не нашел зелья, сделавшего его человеком на два часа. Понимание надругательства над законами природы пришло позднее...

Теперь Профессор слезно просил прощения, и раскаяние его было искренним, он рвался доказать мне твердость духа и самоотверженность. Я собственноручно вынесла его за дверь, предварительно сообщив, что он прощен, но котик не верил. Такое самобичевание обычно ему несвойственно, но я уже просто устала. Надо лечь и выспаться, слишком много событий... И главное, Алекса нет как нет!

Я переоделась в ночную рубашку и буквально упала носом в подушку. Мой сон был преступно краток...

— Алиночка, я понял, как искупить свою вину и доказать, что впредь я больше не стану претендовать на твою любовь! Включи свет. Вот мое доказательство!

Я резко села на постели и щелкнула кнопкой ночника. Передо мной стоял взъерошенный и страшно напуганный тип аристократического вида, во французском платье, словно только что из Версаля. Рядом сидел кот, угодливо тыча в мужчину лапой.

— Я подумал о твоих тайных желаниях, вспомнил слова, когда-то произнесенные тобой в спешке. Вот мой шанс воплотить твою мечту — в общем, это Вальмон!

Я еще раз глянула на общипанного французика и возмущенно зарычала:

— Убью обоих! А ну убери его отсюда немедленно!!!

Мурзик вздрогнул, засуетился, в его лапах мелькнул «переходник». Через секунду их

уже не было.

— Все вокруг сошли с ума! Дадут мне сегодня поспать или нет? — недовольно буркнула я, выключая свет, и... разразилась таким хохотом, что потревоженные соседи начали стучать в стену! Я ржала, как спятившая лошадь, катаясь по кровати и едва не задыхаясь от распирающего меня смеха...

А наутро меня ждал сюрприз! То есть приятный сюрприз, в отличие от вчерашних профессорских. Проснувшись, я обнаружила, что у меня появился стол. И не просто, а та самая круглая столешница с росписью Питера Брейгеля «Семь смертных грехов»! Не знаю, кто так расстарался, но сильно подозреваю... А кроме того, комната вся заставлена розами! Такого огромного количества цветов, всех сортов и красок, мне еще никогда не дарили. Правда, не все были в красивых соломенных корзиночках, большинство просто завернуты в газету и поставлены в неровно обрезанные пустые пластиковые бутылки.

— Бедняжки, они же высохнут без воды! Неужели лень было дойти до крана?! — едва дыша от восхищения, все же повозмущалась я.

За дверью происходило какое-то шебурушение. Через секунду она распахнулась, и в комнату ввалилась целая толпа хоббитов, возглавляемая инфантильным хоббитом Федором. На его вытянутой руке сверкнуло что-то круглое... Остальные кто с благоговением, кто с жадностью уставились на этот предмет, двигаясь как сомнамбулы. Я вытянула шею, сидя на кровати, и, подтянув одеяло, ждала, что же будет дальше.

— Это тебе, — нервно прошептал хоббит, протягивая мне дрожащую ладонь. На ней лежало золотое колечко.

— Возьми скорей, — посоветовал стоящий в дверях Алекс, — а то он передумает. Сколько мне пришлось с ними репетировать, и все равно тому, кто играл тебя, ни разу не удавалось получить кольцо в собственное владение!

Я так и сделала, но хоббит мгновенно сжал пальцы и попытался бежать, но от меня не сбежишь. Я цапнула его за куртку, обхватила за туловище, повалила на кровать и вывернула руку. Разжать пальцы было труднее: маленький хоббит, надо отдать ему должное, боролся до конца... Но раз это мне, то уж мне! В конце концов я завладела колечком и быстро надела его на палец. Алекс аккуратно прошел меж корзинами роз и торжественно опустил на одно колено:

— Я хотел обставить все поромантичней, но уж как получилось... Алина, родная, выходи за меня замуж!

Я искренне хотела «вэкнуть», но передумала. Полюбовалась на золотое колечко, сделала вид, что задумалась, потом с улыбкой искоса посмотрела на смущенного командора.

— А разве агентам можно?

— Если даже нельзя, мы будем первыми.

— Столешницу ты приволок?

— Я. Шеф дал официальное разрешение, все равно лесничий дом Шастелей наутро должна была сжечь нетрезвая толпа. Мне казалось, что стол неплохой свадебный подарок.

— Ладно, тогда уговорил...

Алекс радостно вскочил на ноги, попытавшись меня расцеловать, но я уперла руки ему в грудь и временно отстранилась:

— Минуточку! Сначала ты расскажешь мне свою тайну. Это ничего не изменит, тем не менее... Я дала согласие и уже не передумаю, что бы ты мне там ни поведал, и не надейся!

Алекс облегченно улыбнулся, потом тактично выставил за дверь и не думавших уходить хоббитов. Они так алчно, не моргая, смотрели на мой палец с кольцом, что я испугалась — ведь запросто отгрызут мне его ночью! Двери запираются чисто символически, преступности на Базе нет, но на ночь кольцо лучше снимать и прятать.

Потом мой любимый рассказал мне о себе все — все то, что скрывал до этого времени. Оказалось, что у него никогда не было родителей, потому что он появился на свет на одной далекой планете в результате эксперимента по созданию людей с определенными заложенными в них знаниями и умениями. В основном там готовились люди с профессиями

будущего, на которые нужно учиться десятилетиями. Так что вроде бы вполне полезный, долгосрочный проект. У этих несчастных не было чувств, эмоций, страстей — это лишнее для работы в отрасли, на которую они определялись.

Алекс оказался браком, ошибкой, без которой не обходился любой научный эксперимент. Он должен был стать механиком космического корабля, но оказалось, что к технике у него устойчивая неприязнь. Ученые, проводившие опыт, поняли, что этот человек наделен всей гаммой чувств и они у него даже более обострены, чем у нормального человека. К тому же в его сердце проснулась тяга к приключениям и повышенное чувство справедливости. Космический рейнджер из него не вышел, а вот на Базе именно такие агенты и были нужны.

Его создатели за спиной называли его ошибкой. Это глубоко запало в душу Алекса, отсюда и боль, едва речь заходила о его родине. Он не знал, что это за планета, и не хотел знать! Родителей у него не было, детства — тоже, ученые сразу делали взрослых людей, готовых к выполнению заложенных в них функций. Как можно вообще выжить с таким количеством комплексов, я не понимала...

— Ну, вот и все... больше мне нечего от тебя скрывать. Знаешь, мне стало намного легче. Ты действительно не передумала выходить за меня замуж? — недоверчиво поинтересовался он.

— Даже и не мечтай!

Я взъерошила его волосы, развернула к себе и нежно поцеловала в губы.

Эпилог

— Опять этот колпак, долго мы еще будем с ним возиться? — недовольно ворчал агент 013, осторожно держа на вытянутой лапе шутовской колпак с бубенчиками.

— Надо сдать его обратно в магазин! Они вам подсунули черт-те что, бракованный товар или вообще социально опасную вещь. Просто так это оставлять нельзя, — обрезала я.

— Ну если только взять назад деньги, — хмуро пробормотал Профессор. — Но ведь это можно сделать и завтра, после обеда, а лучше...

— Сейчас!

— Это было в Дрездене в восемнадцатом веке, — поддержал меня Алекс, нажимая нужные кнопки на «переходнике». — Хорошо, из памяти не стерли, мы ведь тогда сразу на этот магазинчик вышли. Очень удобное местечко для покупок...

— Ага, магазин карнавальных костюмов, — зевнул котик. Наверное, я действительно рано их подняла, сейчас на Базе всего шесть утра. Но с этим колпаком пора кончать, и чем скорее, тем лучше. Хотя в плане каникул он нам действительно очень помог.

...В Дрездене шел дождь. Люди косились на странно одетую пару и их кота, идущего на задних лапах. На самом деле ничего удивительного: Пушок часто ходил в дождь на задних лапах, чтобы потом не мыть с мылом еще и передние.

Мы быстро перешли улицу и под звон висевшего над дверью колокольчика втиснулись в темный маленький магазинчик.

— Это ваше? — елейным голоском поинтересовалась я у невысокого продавца в костюме вампира с широким плащом и красными отворотами.

— Ну-у, вообще-то да, а что вы хотели? Имейте в виду, товар назад не прини... — Он не успел произнести фразу до конца, как я, перегнувшись через прилавок, плотно нахлобучила колпак ему на голову.

— Носи долго! — благодушно пожелала я. Продавец идиотски улыбнулся и потряс бубенчиками...

А мы вдвоем с легким сердцем отправились домой, на Базу.